

А.Е. Коняев

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ НОТАРИАТА
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Москва
2013

УДК 347.9

ББК 63.3 (2Рос-4Ива)-36

К-64

Серия «Золотые страницы российского нотариата»

Издание книги осуществлено при активном содействии

Комиссии по исследованию исторического наследия российского нотариата
Федеральной нотариальной палаты

Редакционная коллегия:

к.ю.н. В.Н. Анёв, к.ю.н. В.Д. Мишин, к.и.н. А.А. Ерёменко, к.ю.н. С.В. Родина, к.ю.н. Е.Ю. Казанова, Е.С. Полётова, Е.В. Кайгородова, О.Р. Махлова, Н.В. Балуева, Н.С. Захарова

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор, академик Международной академии психологических наук

В.И. Пефтиев;

кандидат юридических наук, советник юстиции

А.А. Максуров;

кандидат исторических наук, доцент

В.С. Околотин.

К-64 А.Е. Коняев

Исторические хроники нотариата Ивановской области: Монография. – Иваново: Изд-во ГК «Бизнес-Групп», 2013. – 392 стр.: ил. Библиография в сносках. – («Золотые страницы российского нотариата».)

ISBN (978-5-9905052-1-6)

В монографии кандидата исторических наук, специалиста по истории силовых и правоохранительных институтов Российской Империи пореформенного периода А.Е. Коняева предпринята первая попытка комплексно исследовать и описать особенности зарождения, становления и развития института нотариата на территории Ивановского края. Написанная доступным языком, книга адресована не только специалистам-историкам, профессиональным юристам и нотариусам, но и всем интересующимся прошлым нашей страны и Ивановской области в частности.

В качестве иллюстраций использованы изображения экспонатов Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурылина, Музея ивановского ситца, фотокопии документов Государственного архива Ивановской области и материалы частных коллекций.

© Коняев А.Е., 2013

© Федеральная нотариальная палата, 2013

© (ООО ГК «Бизнес-Групп»), оформление ООО ГК «Бизнес-Групп», 2013.

БЛАГОДАРНОСТЬ

За огромную помощь, без которой эта книга никогда не увидела бы свет, автор благодарит:

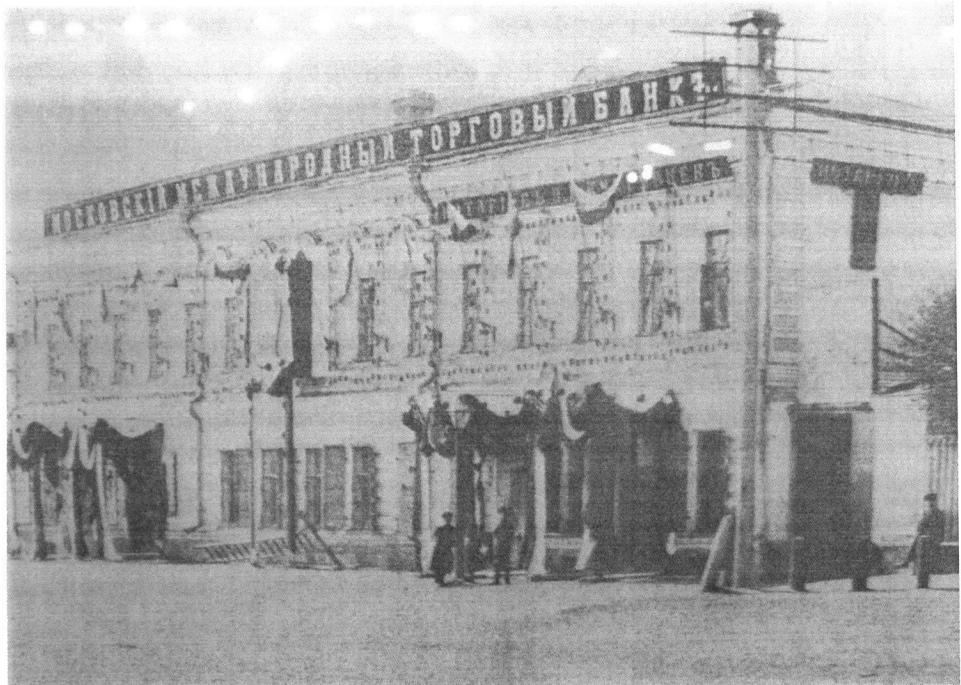
- Федеральную нотариальную палату Российской Федерации и лично Председателя комиссии ФНП по историческому наследию, кандидата юридических наук В.Н. Анёва и члена Исторической комиссии ФНП, кандидата исторических наук А.А. Ерёменко;*
- Ивановскую областную нотариальную палату и лично Президента ИОНП Е.С. Полётову и Управляющую делами О.Р. Махлову;*
- Государственный архив Ивановской области;*
- Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина и Музей ивановского ситца;*
- Доктора экономических наук, профессора, академика Международной академии психологических наук В.И. Пефтиева;*
- Кандидата исторических наук, доцента кафедры менеджмента Ивановской государственной текстильной академии В.С. Околотина;*
- Кандидата юридических наук, советника юстиции, прокурора Ярославского района (2006-2007 гг.) А.А. Максурова;*
- Коллекционера ивановских древностей, историка-краеведа С.В. Анисимова.*

ВВЕДЕНИЕ. РУКА ОБ РУКУ С НОТАРИАТОМ

Ивановская область, образованная в 1918 году, — пожалуй, самый молодой из регионов Европейской России. Восемь из пятнадцати поселений края, имеющих статус города, стали городами уже после Октябрьского переворота 1917 года. Вместе с тем, интенсивности развития Ивановской области могут позавидовать многие соседние регионы, чьи города в основном насчитывают многовековую историю. «Статистико-экономическое описание Российской Империи» 1903 года очень точно высказалось о краевом центре, тогда именовавшемся Иваново-Вознесенском: с одной стороны, по своему статусу это был «безуездный город» (более низкого положения в иерархии городов не существовало), с другой — «самый значительный промышленный пункт губернии».¹ Вторым по экономическому потенциалу в губернии в те годы был уездный город Шuya, в 1929 году ставший центром Шуйского района Ивановской области.² И только третьим был губернский центр — старинный город Владимир, несколько веков бывший столицей Русского государства.

История стремительного промышленного и экономического роста Ивановского края совпадает с не менее бурным и стремительным развитием в последней трети XIX века российского нотариата. Хотя это совпадение не случайность, а закономерность: нотариат всегда шёл рука об руку с предпринимательством, фиксируя на уровне закона успехи деловых людей и придавая им уверенность в правильности выбранного пути.

Какую дату считать началом истории «правового института, носители которого – нотариусы – уполномочены государством совершать и свидетельствовать юридические акты, придавая тем значение актов публичных»³ в России – историки и юристы спорят по сей день. Но есть один бесспорный момент: первый отечественный кодекс, где были сведены воедино все «узаконения» о работе нотариусов – «Положение о Нотариальной части» – вступил в действие 14 апреля 1866 года.⁴ Именно в этот день российский нотариат получил своё юридическое оформление в качестве самостоятельного правоохранительного института. А через пять лет, в 1871 году, юридически оформился и получил статус города Иваново-Вознесенск – бывшие село Иваново и Вознесенский посад, стоявшие друг напротив друга на берегах реки Уводи.⁵

Контора нотариуса Н.Н. Кудрявцева на втором этаже Иваново-Вознесенского филиала Московского международного торгового банка. 1890-е гг.
Экспозиция Музея ивановского ситца.

Ещё одно примечательное совпадение: «золотым десятилетием» для «Шуйско-Ивановского фабричного района» стали 1812-1822 годы, когда здесь начала бурно развиваться полотняная и набивная промышленность; «в одном Иванове набойщиков насчитывалось до 7000 человек». В 1835 году «в описываемом районе появились первые цилиндропечатные машины, которые произвели в сравнительно короткое время существенный переворот в ситценабивном производстве». ⁶ В те же годы в России происходило значительное развитие гражданского права, завершившееся его фиксацией в «Своде законов Российской Империи», тогда как «до 1832 года в России не было специального кодекса гражданского права». Свод, «регулярно пополняясь новыми нормами, оставался главным источником гражданского права вплоть до конца императорского режима». ⁷

Не в последней степени благодаря тому, что достигнутые финансовые и промышленные успехи стало возможно оформлять юридически, а «белые пятна» в законодательстве весьма быстро ликвидировались, происходил неуклонный рост производства тканей и к началу XX века «город Иваново-Вознесенск получил прозвание “Русского Манчестера”», где производилось «хлопчатобумажных товаров на сумму до 40 миллионов рублей». ⁸ По производственному показателю «безуездный город» как минимум шёл вровень с соседним Ярославлем – губернским центром, где «промышленность значительно развита. Главные фабрики: две мануфактуры бумажной и льняной пряжи (производство на 2.160.000 руб.), табачная (на 2.600.000 руб.), заводы химические (на 600.000 руб.), спичечный (на 470.000 руб.), лесопильные, плотничные, мыловаренные, водочные, колокольный, во-йлочные и валеночные... каждый с производством от 100.000 до 280.000 руб. ...всего 57 заводов». ⁹ В

губернском городе Владимире «земство все городские недвижимые имущества оценило в 2.452.951 руб.»¹⁰ – т.е. менее чем в 1/16 часть стоимости продукции, ежегодно производившейся ивановскими ткачами.

«Торговля и промышленность».

Скульптура конца XIX в.
Экспозиция ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина.

Подобных примеров, показывающих, что чем лучше закон защищает имущественные права, тем быстрее богатеет край и его население, история ивановского нотариата знает немало. Бурный промышленный рост конца XIX – начала XX вв. совпадает со стремительным развитием нотариата на Ивановской земле, а голодные 1920-1930-е годы (охарактеризовавшиеся, помимо прочего, ещё и активным рабочим протестом в регионе) – с упадком нотариальных отношений.

В наши дни российский нотариат продолжает возрождаться. В 2013 году исполняется 20 лет со дня восстановления в России небюджетного (латинского) нотариата. Много это или мало? С одной стороны – много: выросло уже по-

коление юристов, чья практика связана только с деятельностью негосударственных нотариальных структур. С другой – явно недостаточно, чтобы отказываться от изучения истории российского нотариата, таящей в себе огромный позитивный опыт, достойный внедрения в современную практику.

История нотариата в Ивановском крае – одна из наиболее содержательных региональных нотариальных историй. И давно пришло время сделать её достоянием широкого круга историков, юристов, да и

всех остальных думающих людей, которым она несомненно поможет найти ответ на вечное «как нам обустроить Россию?».

Примечания

- ¹ Статистико-экономическое описание Российской Империи. Установления местного управления. Б.м., 1901. Стлб. 173.
- ² Шуй // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 79. СПб., 1904. С. 29, 30; Антонов И. На земле Ивановской. Прошлое и настоящее Ивановской области. Иваново, 2005. С. 235.
- ³ Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 41. СПб., 1897. С. 390.
- ⁴ Подробнее см.: Положение о Нотариальной части // В кн.: Судебные уставы императора Александра Второго, изданные по повелению императора Александра Александровича. СПб., 1883.
- ⁵ Иваново-Вознесенск // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 24. СПб., 1894. С. 756.
- ⁶ Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 79. СПб., 1904. С. 1.
- ⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999. С. 38, 39.
- ⁸ Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С. 1.
- ⁹ Ярославль // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 82. СПб., 1904. С. 818.
- ¹⁰ Владимир-на-Клязьме // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 12. СПб., 1892. С. 641.

ГЛАВА I. В ВИЗАНТИЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ (1328 - 1689)

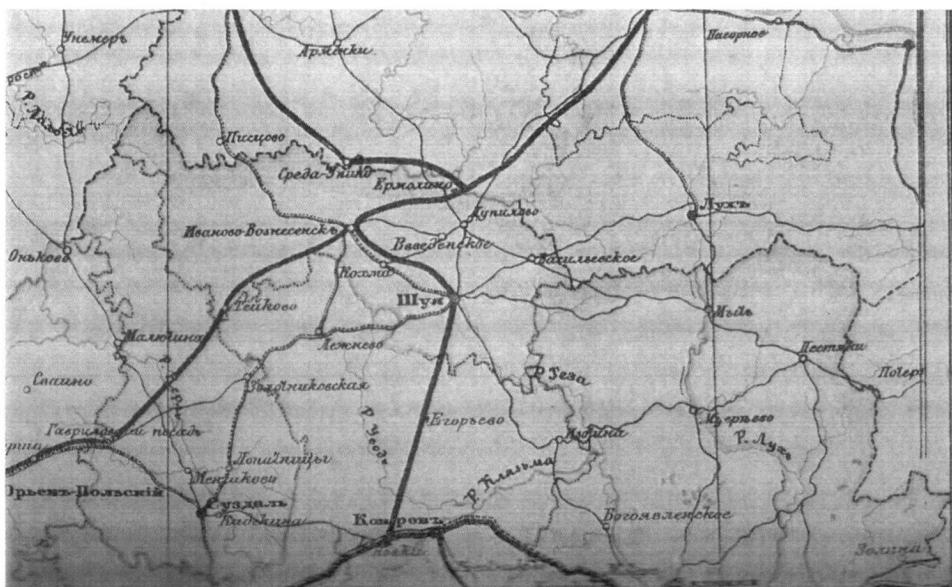
§ 1. «Преданья старины глубокой»

Историки по сей день спорят, когда же возникло село Иваново, положившее начало городу Иваново-Вознесенску и сформированной вокруг него в 1918 году губернии, ныне – Ивановской области Российской Федерации.

По одной из версий, «сельцо Ивань» начинает интенсивно развиваться как торгово-промышленное поселение с конца XV века: «Предполагают, что развитие села тесно связано с предпринятым великим князем Иваном III после падения Великого Новгорода расселением новгородцев по областям тогдашней Руси, причём особенно много вольнолюбивых новгородцев отправлено было в Сузdalский уезд, в который входила тогда и территория современного Иванова. За это предположение говорит и самый характер ивановцев – беспокойный, деятельный, кипучий».¹ Один из крупнейших современных краеведов Ивановского региона К.Е. Балдин отмечает, что «в современных Пестяковском и Верхне-Ландеховском районах сохранились в названиях деревень несколько десятков топонимов явно новгородского происхождения».²

В связи с этим, допуская известные оговорки, мы можем предположить, что некоторые псковские и новгородские традиции регистрации актов проникли на территорию Ивановского края.

Нашествие татар, разгромивших Восточную Русь, заставило надолго забыть вообще о каком-либо праве. Удивительно точную формулировку изменениям, произошедшим тогда в русской элите, дал В.О. Ключевский – «одичание князей».³ На северо-западе Руси такого не было: не подвергшиеся разорению захватчиками Псков и Новгород Великий продолжали идти по пути развития правовых отношений.

Северо-восточная оконечность Владимирской губернии, территории которой в 1918 году вошли в состав Иваново-Вознесенской. Фрагмент карты из энциклопедического словаря «Брокгауз и Ефрон», 1892 г.

Академик В.Л. Янин пишет по этому поводу: «К началу XIV столетия Русь с трудом поднималась из руин, в которые страну превратило монгольское нашествие. Его шквал смёл с лица земли города и селения Центральной и Южной Руси. Основная часть Новгородской земли и Псковская земля не подверглись разграблению». «Среди прочего, – указывает учёный, – особенно следует подчеркнуть роль Новгорода в укреплении русской экономики. Новгород остался единственным регионом, в

котором в обмен на продукты сельского хозяйства, охоты, рыболовства и пчеловодства из Западной Европы поступало серебро. В нём нуждалась вся Русь – как для собственных нужд, так и для постоянной выплаты дани Золотой Орде».⁴

Это не замедлило сказаться на развитии в Великом Новгороде того, что позже назовут гражданским правом, в особенности – торгового права. Уже в середине XIII века здесь начал действовать особый «торговый суд», отчасти выполнивший и функцию «придания частным актам значения актов публичных» – например, регистрировавший сделки купли-продажи. В 1260-х годах одними только экономико-правовыми мерами руководство Новгородской вечевой республики очень ловко урезало власть князей в регионе. В договоре с братом Александра Невского, великим князем Ярославом Ярославичем, «были подтверждены давно завоёванные новгородцами прерогативы: князь не имел права руками своих слуг собирать государственные доходы с территории Новгородской земли (это делали сами новгородцы, контролировавшие тем самым бюджет государства), не мог владеть на территории Новгородского государства какими-либо земельными участками на праве частной собственности».⁵

От Новгорода Великого не отставал и его сосед – Псков.

По мнению ряда правоведов⁶, первым упоминанием о нотариате на Руси следует считать Псковскую судную грамоту (1467 год), одним из ключевых положений которой было: при принятии судебного решения предпочтение должно отдаваться доказательствам, представленным в письменной форме, устные же свидетельства менее значимы. В 14-й статье Грамоты излагались требования к правильному оформлению завещания: этот документ нужно было не только составить письменно, но и отправить на хранение в архив Кремля (княжеского

дворца). Статья 50 указывала, что составлять завещание, а также фиксировать иные имущественные права, составлять договоры купли-продажи имущества и т.п. акты должен был только княжеский писец. Удостоверять дарственные и завещания могли также и священники, но правоустанавливающим документом любой акт становился только после приложения к нему княжеской печати.⁷

«Средневековый Псков сыграл важную роль в развитии русского права. Многие достижения Псковской вечевой республики в этой области позднее были адаптированы к судебной практике Русского централизованного государства. Концентрированным выражением юридического опыта граждан торгового города-государства и его пригородов стала Псковская судная грамота, положения которой оказали заметное влияние на содержание первого общероссийского Судебника 1497 года». В частности, «большое внимание в средневековом Пскове уделялось упорядочению судебного процесса и повышению значения суда, особенно в сфере частных взаимоотношений с иностранцами, так как торговые и хозяйственныe связи псковичей довольно рано приобрели международный характер. Несмотря на сложную пограничную обстановку, псковичи вели активную торговлю в прилегающем к Балтийскому морю регионе».⁸

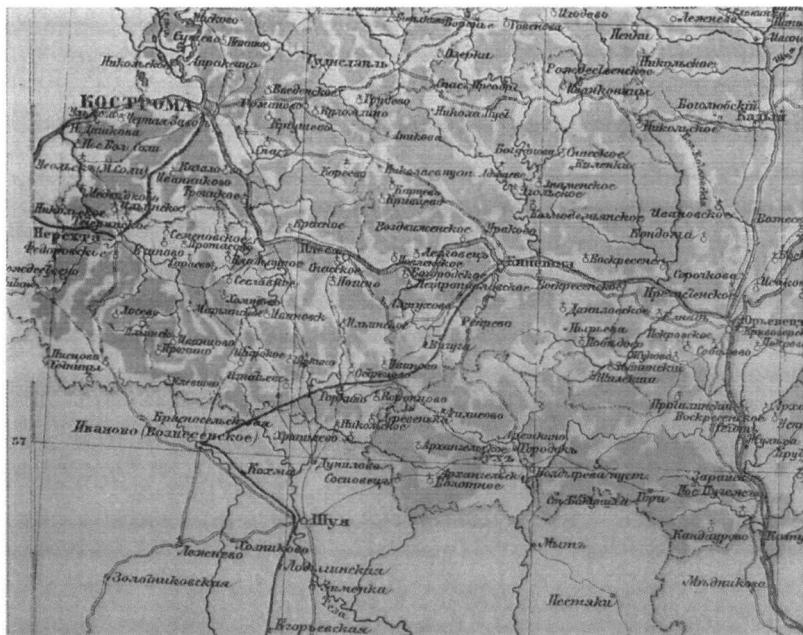
§ 2. Под «рукой Москвы»

Другая версия древнейшей истории Иванова гласит, что «село Иваново упоминается в исторических документах – в 1328 году в духовной грамоте Ивана Калиты как Ивань на Уводи, при Дмитрии Донском (1363-1389) названо сельцом Ивань».⁹

Согласно данной версии, традиция регистра-

ции актов, сложившаяся в Ивановском регионе, должна была копировать московскую.

Внутри Московской Руси XIV-XV вв. стремительно возрождался интерес к праву, заимствованному из Византии после «крещения Руси». Неотъемлемой частью византийского права была и традиция, согласно которой «значение актов публичных» частным актам придавали особые специалисты, т.н. «табеллионы». Не состоя на госслужбе, они находились под контролем государства; важной особенностью деятельности табеллионов было то, что занять это место мог только человек, «не лишенный гражданской чести», т.е. обладающий высоким моральным авторитетом.

Юго-западные территории Костромской губернии, большинство из которых в 1918 году стали частью Иваново-Вознесенской. Фрагмент карты из энциклопедического словаря «Брокгауз и Ефрон», 1894 г.

Столкновение политических интересов Северо-западной Руси (Пскова и Новгорода) с Московской Русью также нашло своё немедленное отражение в праве. Когда в конце 1460-х годов на

протекторат над Новгородской республикой начал претендовать Великий князь Литовский Казимир IV, в Новгороде сложилась большая группа его сторонников. На вече они так объясняли свою позицию: «Не хотим за великого князя московского, ни зваться вотчиною его; вольные люди Великий Новгород, а московский князь многие обиды и неправду над нами чинит!».¹⁰ Апелляции к древнему праву не помогли – московские князья вскоре завоевали новгородские и псковские земли.

Окончательному утверждению на Руси новой, московской, редакции древнего русско-византийского права способствовала знаменитая Флорентийская уния константинопольского патриархата с Римско-католической церковью. В 1439 году произошло «слияние исповеданий православного и католического, причём с одной стороны было признано главенство Папы». Римско-католическая церковь в ответ сделала ряд частных уступок, которые скорее были призваны подкупить руководство Православной церкви в Константинополе.¹¹

Одним из самых крупных русских литературных памятников, посвящённых унии, стала «Повесть како Римский папа Евгений составлял осьмый собор» Симеона Сузdalца. Она примечательна тем, что автор описал не только собственно процесс подчинения Константинопольского патриархата Риму, но и отразил изменения образа Запада в сознании подданных великого князя Московского. Если сначала русские участники «осьмого собора» «были настроены сугубо миролюбиво и искренне желали обратить католиков как заблуждающихся к истине вероучения», то по его итогам произошла переоценка унии «в негативном плане». «После того, как обнаружились катастрофические последствия унии (падение Константинополя в 1453 году) для русских умов стало явным особое положение Московского государства и Русской церкви в хри-

стианском мире. Русичи начали трактовать события в Италии резко отрицательно, нелицеприятно клеймя ничтожество латинян».¹²

Западный опыт был отвергнут практически целиком, в том числе и сложившийся к тому времени в Италии «прототип общеевропейского нотариата, который получил право на жизнь в XIV столетии... именно в это время и сам итальянский нотариальный институт, и римское право начали завоёывать ведущие позиции в Германии, а затем во Франции и других европейских государствах».¹³

Одним из прямых последствий Флорентийской унии стал разгром Новгорода, который приобрёл и явственное идеологическое значение. Московским государям нужно было не только присоединить определённые территории, но и истребить «дух вольности» новгородцев. Ярким проявлением этого духа было и новгородское право, попавшее под сильное влияние Запада вследствие развитой торговли.

Впрочем, не следует оценивать вклад московских правителей в историю российского нотариата исключительно негативно. Отказавшись от ряда достижений Запада в этом направлении, правители Восточной Руси («Московии») создали весьма чёткий и отлаженный русский протонотариат – «систему органов и уполномоченных лиц, осуществлявших нотариальные функции до полномасштабного введения (учреждения) в стране института нотариата (как, например, в России до 1866 года)».¹⁴ Её главным достоинством стала унификация делопроизводства во всём Русском государстве и приведение его к единым стандартам и нормам. Один из виднейших современных исследователей истории России XVI-XVII веков Р.Г. Скрынников отмечает, что «возникновение централизованной приказной системы управления резко усилило власть монарха», а «приказы обеспечивали необходимый для

единого государства минимум политической централизации». Не менее важным был и экономический фактор: «Разгром новгородского боярства, образование поместного фонда земель, находившихся в распоряжении казны, неслыханно расширили материальные ресурсы центральной власти».¹⁵ Ресурсами было необходимо управлять – а это значит, что и возникновение национальной системы регистрации актов стало неизбежным.

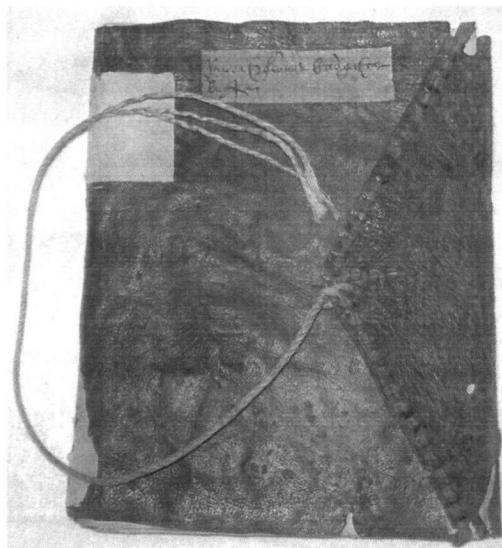
Первый закон, регулирующий нотариальные функции, был создан в Московском государстве в 1497 году – это была т.н. «Белозерская таможенная грамота», в 9-й статье которой оговаривался состав органов, исполнявших юридические обязанности. Так, при покупке лошади обязательно должен был присутствовать чиновник, удостоверявший договор купли-продажи и бравший за это особую денежную плату.¹⁶

В том же году был принят «Судебник» Ивана III, где впервые была установлена обязательность заключения письменного соглашения при совершении сделок, однако этот «первый опыт московского законодательства нельзя назвать удачным: “Судебник” очень краток и беден содержанием даже по сравнению с “Русской Правдой”, не говоря уж о “Псковской судной грамоте”. Его содержание почти исключительно процессуальное: наметить основные начала отправления правосудия и поставить их под контроль центральной власти – вот главнейшая цель законодателя».¹⁷

Протонотариат не был выделен в особую категорию: функции государственной регистрации документов и придания им юридической силы исполняли «приказные люди», т.е. госслужащие.

К писцам предъявлялись строгие профессиональные требования – так, княжеские чиновники должны были даже уметь сличать почерк, чтобы устанавливать истинные и подложные документы.

Такой случай имел место, например, в 1508 году: дальние родственники князя Фёдора Кемского купили у него несколько деревень, но князь вскоре умер, а его вдова отказалась отдать покупателям их собственность под предлогом, что купчая поддельная. Те обратились в суд, который затребовал «деловую грамоту» и «запись», собственноручно написанные покойным князем Фёдором и сличил их с купчей, представленной истцами. В суде документы были предъявлены дьякам великого князя, «и диаки,смотрев,сказали,что та купчая и деловая и запись все трое рука одна» – т.е. подтвердили подлинность документа.¹⁸

Один из сохранившихся оригинальных экземпляров «Судебника» 1550 года.

из них 6 посвящались владению земельной и иной недвижимой собственностью.

На «Стоглавом соборе» фактически был принят и вступил в действие новый «Судебник», составленный царём и его ближайшим окружением в 1550 году «по старине». В новом кодексе было уже 100 статей (против 68 в «Судебнике» 1497 года), однако и «после всех этих дополнений «Судебник»

Когда, к середине XVI века, в России установилась твёрдая власть (на престол взошёл Иван IV, позднее прозванный Грозным), одной из важнейших внутриполитических задач, вставших перед новым государем, стало правовое урегулирование владения крупной недвижимой собственностью. Готовя материалы к «Стоглавому собору» 1551 года, молодой правитель составил список т.н. «первых царских вопросов». Всего их было 12, из

сохранил значение сборника правил судопроизводства со сравнительно бедным содержанием норм материального (имущественного – А.К.) права. Восполнением этого недостатка по-прежнему мог быть живой обычай». Вместе с тем, в новом кодексе появилась и правовая норма, призванная изжить этот недостаток: решения по делам, «которые в сём Судебнике не написаны», должны были принимать царь и боярская дума, после чего надлежало «те дела в Судебнике приписывать». «Это правило породило своеобразную законодательную практику, которая нашла своё выражение в дополнительных к “Судебнику” указах и в указных книгах приказов».¹⁹ В первоначальный же текст нового кодекса вошли только наиболее значимые на тот момент положения, касающиеся оформления договоров: например, строго «на письме» допускалось совершение сделок с недвижимостью всех видов и продажа в холопство или выкуп из него.

Именно в эпоху создания двух «Судебников» и в первый (прославленный целым рядом прогрессивных реформ) период правления Ивана IV начинается успешное экономическое развитие земель, которые позже составят Ивановскую область. Есть известные основания видеть связь между этим процессом и установлением в России единого, обязательного для всех письменного законодательства.

§ 3. Ивановский край: история в нотариальных актах

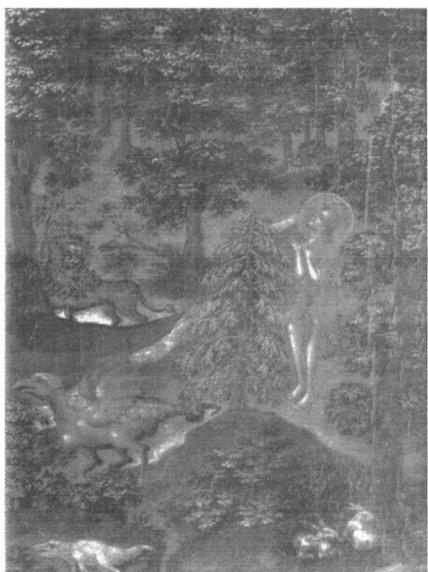
Первое бесспорное документальное свидетельство о селе Иванове относится к 1561 году, когда царь подарил эту землю князьям Черкасским, родственникам его второй жены Марии Темрюковны²⁰, т.е. по сути, впервые Иваново упоминается в юридическом документе, в наши дни известном

как «дарственная». Кроме того, наиболее известный ивановский краевед Я.П. Гарелин вполне справедливо заметил, что «писать историю села Иванова есть, в сущности, писать историю развития той промышленности, которая доставила ему такую славу и поставила его наряду с самыми значительными промышленными местностями».²¹ В этой связи вполне уместно заметить, что даже «повоевденная» история села Иванова XVI-XVII веков крайне тесно связана с историей местного протонотариата – потому что она доходит до нас именно со страниц частноправовых документов, создававшихся писцами и подьячими, тружениками протонотариата той эпохи.

Аналогично воссоздаётся и древнейшая история Шуи – старейшего города современной Ивановской области. Впервые Шуя упомянута в летописных источниках в 1539 году, как один из городов, пострадавших от набега казанского хана Сафы-Гирея. Все же дальнейшие основные документы по истории Шуи XVI века – это, по сути, акты на владение землём: в 1548 году Иван Грозный отдал город «на кормление» боярину И.В. Голохвастову, в 1566 году забрал к себе в «опричнину», а ещё через 10 лет «пожаловал Шуе земли под новые дворы и животине на выпуск из поместных земель около города Шуи и посаду на все четыре стороны по десяти десятин длинных и со всеми угодьями».²²

Современный город Кинешма также упомянут впервые в 1504 году в духовной грамоте (завещании) Ивана III – государь оставлял этот удел князю Ф.И. Бельскому. Одним из первых документов, где упоминается село Рождествено, а в наши дни – город Кохма – была члобитная владельцев села князей Скопиных-Шуйских царю Михаилу Фёдоровичу Рюманову, где те просили помочи в поимке местных крепостных, подавшихся в бега, поданная в 1619 году.²³

К сожалению, в целом по стране сохранилось очень мало документов XVI века, к которым можно применить определение «нотариальный акт». Я.П. Гарелин справедливо отмечает, что в те времена центрами ведения документации, да и вообще центрами всей деловой жизни были монастыри и храмы. Говоря о древнейшей истории села Иванова, краевед пишет: «Первоначальное поселение было невелико, но рядом с Ивановым существовал монастырь. Известно значение монастырей в деле образования наших поселений. Громадное большинство наших старинных сёл образовалось именно благодаря существованию монастырей. Основывается монастырь. Слухи об этом монастыре разносятся быстро – начинается хождение на богоявление, а где собирается много народа в приуроченные дни, там тотчас же являются предпримчивые торгаши – “сперва с поносом, потом с лоточком, а там уж и с лавочкой”».²⁴ Легенда связывает само наименование села Иванова с тем, что первоначально здесь была часовня в честь Иоанна Предтечи.²⁵

В монастырях и церквях того времени очень активно развивался русский протонотариат. К составлению и регистрации разного рода актов привлекались как проживавшие на монастырском подворье государственные служащие – дьяки и подьячие, так и грамотные монахи:

«Источники XVI

Христианский миссионер основывает монастырь в лесной глухи. Фрагмент иконы «Иоанн Предтеча – Ангел пустыни в житии». Конец XVII в.

века дают богатый набор определений лиц, работавших в крепостном (занимавшемся оформлением и регистрацией актов. – А.К.) ведомстве монастыря. Наряду с казёнными дьяками или подьячими это и “парубки”, и “детинки”, и дьячки... можно привести немало случаев пострижения дьяков в монахи или исполнения монахами дьяческой должности, целые списки “дьяческих династий”, служивших в монастыре в течение нескольких поколений».²⁶

А. Янов. Монастырский привратник. Гравюра на дереве. Конец XIX в.

Однако события Смутного времени и иные позднейшие потрясения сохранили для нас очень незначительное количество частноправовых актов XVI-XVII веков, созданных в монастырях. По истории Ивановского края таких документов – единицы. Я.П. Гарелин, отметив дарственную Ивана Грозного 1561 года, указывает, что следующий сохранившийся документ по ранней истории села Иванова датируется только 1631 годом – это «Память княгини Скопиной-Шуйской в село Иваново»: княгиня напоминала «мельникам Левонтию Дми-

триеву да Пятому Иванову» о необходимости выполнить свои обязательства по договору подряда на помол муки.²⁷ (Добавим, что сохранилась ещё челобитная сузdalского воеводы Фёдора Плещеева Яну Сапеге, датируемая 17 февраля 1609 года, где воевода просит Сапегу не отправлять его из Суздalia для дальнейшей ловли «воров», ранее явившихся пограбить край, в том числе и «в село Иваново, в Кохму»²⁸, и ещё несколько документов эпохи Смутного времени, где фигурирует «село Ивановское»).

Рубеж XVI-XVII веков стал переломным моментом русской истории. Т.н. «Смутное время» было событием, не виданным ранее: Р.Г. Скрынников отмечает, что «в начале XVII века в России произошла первая гражданская война, которую современники метко назвали “Смутой”», а «кризис, лежавший в основе “Смуты” поразил как низы, так и верхи русского общества».²⁹

Современные исследователи заслуженно подчёркивают высокую роль населения современного Ивановского региона в событиях тех лет: «Нынешняя территория Ивановской области в 1608-1609 гг. была ареной жестокой борьбы между сторонниками царя Василия Шуйского и приверженцами Лжедмитрия II, опиравшимися на наёмные польско-литовские отряды». «В ходе трагических событий 1608-1609 гг. восставшие крестьяне и посадские люди не только добились освобождения своих родных мест от сторонников Лжедмитрия II, но и внесли серьёзный вклад в общий ход военных действий, которые привели к разгрому войск самозванца и освобождению большей части территории государства».³⁰ Нам же любопытно другое: даже в годы открытого беззакония мы наблюдаем уважение к письменной регистрации прав собственности.

Так, сохранилась челобитная Льва Плещеева Яну Сапеге 1609 года: Плещеев сообщает, что ранее Лжедмитрий II пожаловал его «в Сузальском

уезде именничею Ивановскою вотчиною селом Ивановским», которое занимал до этого «пан Миколай Шумницкий». «И ты, государь пан Ян Пётр Павлович Сапега, дал лист (письменное свидетельство на право владения селом – А.К.), а велел того пана Миколая выслать вон; а он, государь, твоего листу не послушал, из села вон не выехал: и тебе бы, государь Ян Пётр Павлович Сапега, пожаловать, надо мною смиловаться, дати лист да пристава, а велеть того пана Миколая выслати вон».³¹ То есть, Плещеев просил не только помочи в принудительном выдворении Шумницкого, но и некоего повторного свидетельства на право земельной собственности, которое было бы надёжнее выданного ранее.

§ 4. Смутное время: положительные моменты

Сегодня даже церковные исследователи признают: по итогам «Смутного времени» сближение России и Запада стало неизбежностью. События начала XVII века оказали «двойственное влияние на нашу духовную и культурную жизнь». С одной стороны, «Смутное время» «укрепило православное самосознание русского народа, с другой – углубило русло западного влияния». «Расширяющееся западное влияние отразилось на образе жизни русского общества. Стал меняться стиль эпохи».³² Русская знать охотно приобщилась к польской культуре и традициям – в том числе, именно оттуда в Россию пришла мода на светское образование и светское право. Одновременно «наряду с польской культурой не менее, а, может быть, и более глубокое воздействие на допетровскую Русь оказывала протестантская культура Германии, Швеции, Голландии, Англии. Оно было с первого взгляда не так заметно, но затрагивало важную сферу экономики,

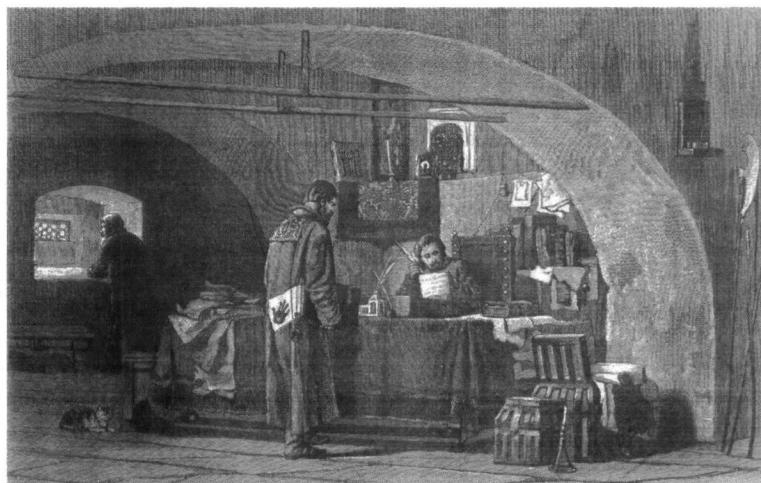
естественных наук, военного дела, а потому, рано или поздно, должно было заявить о себе самым решительным образом».

Всё это не могло не отразиться и на развитии в России частноправовых отношений.

Собственно, уже с изданием «Судебника» 1550 года, предоставившего возможность вводить в жизнь новые законодательные нормы без чрезмерных проволочек, в России начинают активно развиваться протонотариальные отношения.

В Московской Руси обязанностями, аналогичными работе римских табеллионов, занимались представители духовенства и приказные люди (дьяки, подьячие), а если не хватало писцов из этого круга лиц, то набирали из «всеноародства».³³ «В состав подьячих поступали люди различных, даже тяглых классов, причём площадной подьячий из тяглых освобождался от тягла, но они не считались служилыми людьми».³⁴ Фактически, повторялась практика Великого Новгорода: «Аналогично даже место совершения сделок – главная контора площадных подьячих располагалась на Ивановской площади в Кремле, близ колокольни Ивана Великого».³⁵

Площадные подьячие «составляли особый род

А. Янов. Приказ в Москве в XVII веке. Гравюра на дереве. Конец XIX в.

вольных письменных дельцов, действовавших, под надзором правительства, на городских площадях». Первое письменное упоминание о них относится к 1589-1590 гг. Изначально понятие «площадь» обозначало просто «место, где совершались всякие частные акты, писались челобитные, купчие, меновые и т.п.». Однако вскоре оно утратило буквальный смысл и стало обозначать корпорацию подъячих, которые объединялись в артели со взаимной круговой порукой. Как в разговорной речи, так и в официальных документах появляются термины «промышлять площадью» и «кормиться пером» – т.е. работать в корпорации площадных подъячих. Такие корпорации включали в крупных городах (напр., в Ярославле) до 12 членов, а в Москве к концу XVII века их было 24 человека.³⁶

В XVII веке из писцов постарались создать однородную по социальному происхождению прослойку общества, но из-за их нехватки это было возможно не всегда. В то же время площадные подъячие получали свою должность «на откуп» или «на поруку», так что к концу XVII века «кормиться пером» стали почти исключительно дети подъячих, писцов и церковного притча, которым родители передавали профессию по наследству. «Поступавший на службу обязан был представить о себе поручную запись, без которой его не принимали. Внутренняя жизнь каждой “площади” отличалась самостоятельностью. Её члены могли исключить кого-либо за нарушения, предварительно ходатайствуя перед властями. Но причину они устанавливали сами, т.к. внутренние правила были приняты этой организацией. Численность каждой такой организации была определена правительством, но допускались и так называемые лишние».³⁷

С конца 1620-х годов в актах стала указываться принадлежность к «площади», например «Ивановской площади подъячий».³⁸ Подобная форма стала

обычной и вошла в «Соборное Уложение» 1649 года. В период до Уложения всё ещё сохранялась практика написания юридических актов писцами, не принадлежавшими к какой-либо «площади»-корпорации, а акты, создаваемые ими, не отличались от составленных площадными подьячими. После же принятия «Соборного Уложения» положение «площади» приравнивалось к органу, исполняющему нотариальные функции. Это находило подтверждение в том, что если возникал спор с необходимым привлечением подьячего, то «писец и послухи брались из одной артели».³⁹ Такой порядок просуществовал до 1686 года, когда этот институт претерпел изменения: в состав подьячих стали входить стрельцы.

Одновременно существовало разделение труда по «площадям» – подьячим Посольской площади запрещалось составлять те акты, которые совершались на Ивановской площади, а разрешалось готовить только судебные акты. А также до конца XVII века только подьячие Ивановской площади могли совершать акты по всем возможным делам, в то время как на иных площадях существовал строго определённый перечень «нотариальных услуг». «В Москве была, так сказать, главная контора; она помещалась на Ивановской площади в Кремле», – очень точно и образно подметил энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрана по этому поводу.⁴⁰ «Договор, как способ приобретения права собственности, всё больше терял сопутствующие символичные действия (например, свидетельские показания послухов или произнесение определённых формул), заменяя их “рукоприкладством”, а вместо подписи ставились знаки и символы. Само “рукоприкладство” утрачивало сакральный смысл, превращаясь в простое свидетельство о согласии сторон в договоре. Для правового мышления той эпохи утрата сакрального смысла замещалась усиливанием

формализма (отработанная логика обязательства) и обязательного подтверждения договора органами власти».⁴¹

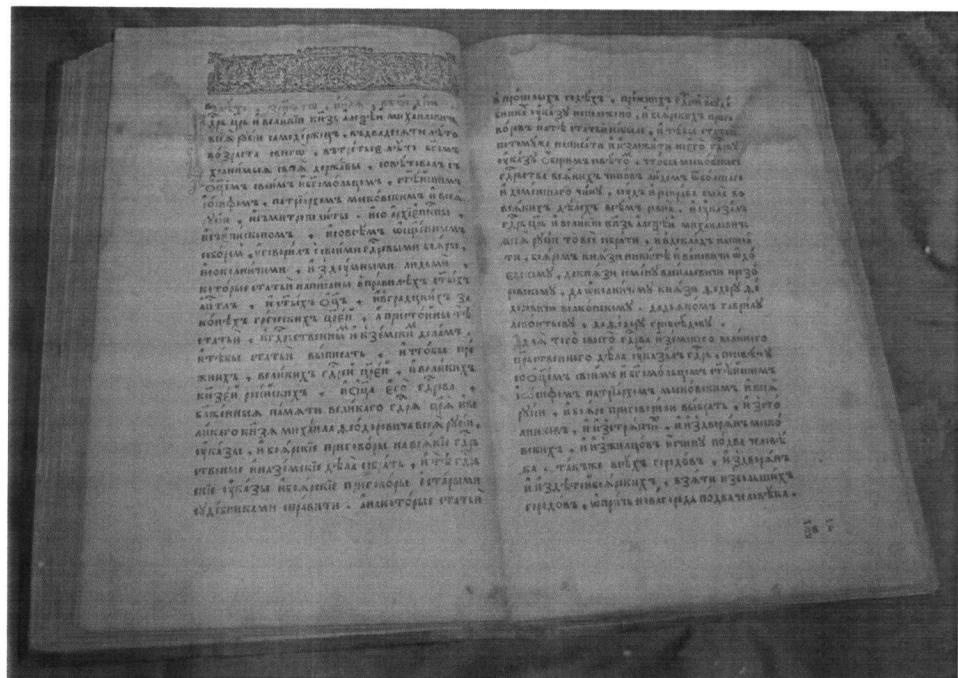
Документы писались от первого лица; в акт записывали также имя писца и присутствовавших при составлении «послушов» (свидетелей сделки). Договорная грамота приобретала законную силу только после её регистрации в официальной инстанции представителем власти, что выражалось в постановке на грамоте печати. Контроль государства значительно усилился после введения писцовых книг. Первым известным законом о государственной регистрации договоров стал царский указ 1558 года, изданный в дополнение к «Судебнику» 1550 года.⁴² Однако уже в то время наметилась практика, когда государство брало на себя в основном только контролирующую функцию, а жизнеобеспечение корпораций площадных подьячих в Москве зависело «от Оружейной палаты, а в городах – от местной дворянской корпорации, так как там большей частью площадным подьячим приходилось писать поземельные служилые акты».⁴³

«Акты, учиняемые на “площадях”, имели больший вес, чем все иные. В то же время хотя власть не вручила им нотариальной функции, она осуществлялась именно ими, как наиболее подготовленными лицами. Площадные подьячие не только занимались совершением актов на площади, но и заканчивали уже начатые акты. В их обязанности входило совершение крепостей, свидетельствование подписи лиц, являвшихся сторонами в сделке».⁴⁴

Гарантией качества работы по удостоверению сделок было наличие аппарата, который осуществлял контрольные функции – «артель писцов с круговой порукой».⁴⁵ А повсеместное применение регистрации сделок засвидетельствовано в закрепившимся в русском языке на века понятии «магарыч» – плата за услуги площадному писцу.

При первых Романовых необходимость постоянно укреплять авторитет власти и усиливать централизацию государства подталкивала правительство к развитию правовых институтов, в т.ч. и института протонотариата. В 1635 году вышел указ Михаила Фёдоровича, согласно которому все договоры «заима, поклажи (отдачи имущества в залог – А.К.) и ссуды должны были совершаться непременно письменно под страхом их полной недействительности».⁴⁶ Чуть позже вышел другой примечательный указ – акты покупки дворов в Москве должны были записываться в Земском приказе: фактически, это был прообраз современных служб, ведущих кадастровый учёт земель и бюро технической инвентаризации, свидетельствующих в наши дни дома и квартиры при совершении с ними нотариальных действий.

Важным шагом на пути развития нотариальных отношений в России стало «Соборное Уложение

Печатный экземпляр «Соборного уложения» 1649 года. Конец XVII в.

ние» царя Алексея Михайловича (1649 года), которое «создало целую эпоху в развитии российского нотариального института. Оно упорядочило и систематизировало действовавшие до его появления отдельные отрывочные указы, создало ту основу, на которой впоследствии вырос твёрдый порядок укрепления прав на имущество».

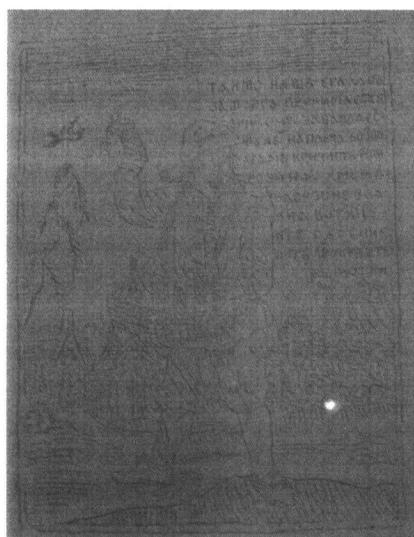
«Уложение» разделило все «крепости» (сделки) по способу их совершения на 2 разряда в зависимости от суммы акта на «дела большие» и «дела малые». «Большими» считались все сделки на сумму от 10 рублей (действительно огромная сумма для XVII века) и выше. Акты о таких сделках разрешалось писать только в Москве и крупных городах, не иначе, как через площадных подьячих и в присутствии «послухов» (свидетелей). Акты на «дела малые» позволялось писать и в деревнях.

Усилились и контролирующие функции государства: отныне в Земском приказе было необходимо регистрировать вообще все сделки с недвижимостью, а в Холопьем приказе – все акты купли-продажи крепостных. Перечень документов, которые разрешалось писать не на «площади», резко сократился – «в деревне» разрешалось писать только духовные (завещания) и «сговорные свадебные записи». При составлении бумаг площадными подьячими «взималась пошлина и предъявлялась в Печатный приказ, где к ним (бумагам – А.К.) прикладывалась государственная печать».⁴⁷ Кроме того, в «Соборном Уложении» оговаривается порядок составления, регистрации и хранения завещаний – они должны были свидетельствовать и храниться в архиве епархиального архиерея.⁴⁸

§ 5. Ивановский край: в начале промышленного роста

Основные населённые пункты, располагавшиеся в те времена на территории современной Ивановской области, в XVII веке бурно развиваются.

Я.П. Гарелин, комментируя вышеуказанную «Память княгини Скопиной-Шуйской» 1631 года, отмечает, что в этом документе «мы сразу встречаемся с промышленными ивановцами, на этот раз с мельниками, которые арендовали мельницы даже вне Иванова». Изучение ивановских частноправовых актов 1644 и 1666 годов привело Гарелина к мысли, что «ивановцы не любили сидеть на одном месте, а ездили по ярмаркам, “с торженцом и товаренцом волочились”».⁴⁹ Как видим, ограничения, наложенные на официальную регистрацию документов «Соборным Уложением», не сильно мешали предпримчивым селянам.

«Наш Ералаи за торг принимается». Карикатура на торговца водкой вразнос. XVIII в.

Экспозиция Музея ивановского ситца.

Ещё лучше дело с оформлением документов обстояло в Шье, уже имевшей статус города. В документе, датируемом 1629 годом, говорится, что здесь «у которых людей мыльные поварни и солодовенные мещаники, с того они государевы всякие пошлины платят». В городе к тому времени уже процветала крупная (в современных терминах – оптовая) торговля: в Шье имелся гостиный двор «да на посаде 45 лавок и шалашей 35». «Из одной квитанции 1654 года видно, что в гостином дворе была лавка английско-архангельской торговой компании, присылавшей свои товары из Архангельска. Имеются также ука-

зания, что в г. Шуе находилась таможня и соляной двор (центр оптовой торговли солью – А.К.)». Город успешно развивался и преодолевал бедствия – бурному экономическому развитию Шуи не помешала, например, даже эпидемия моровой язвы 1654 года, когда «люди вымерли без остатка в 90 дворах из 211».⁵⁰

Кроме того, важно понять, что ограничения, предусматривавшиеся «Соборным Уложением», означали на практике, и были ли они таким уж серьёзным препятствием для создания и государственной регистрации частноправовых актов непосредственно в развивающихся «экономических сёлах» (термин XIX века)? Например, что означали в середине XVII века 10 рублей – предельно допустимая сумма акта, составлявшегося «в деревнях»? Современный ивановский исследователь С.В. Анисимов, опираясь в основном на краеведческий материал, убедительно показал, что эта сумма была в те времена поистине огромной.⁵¹

Например, в 1652 году в Иванове килограмм (произведён пересчёт в современные меры веса) свинины стоил 2 копейки, ржаной муки – 1,23 копейки, овца – от 12 до 18 копеек, курица – 1 копейку, рыба сёмга – 2,45 копейки за килограмм. Тогдашним ивановцам были доступны и восточные пряности и сладости: миндаль можно было купить по 18 копеек за килограмм, изюм – от 7 до 15 копеек, чай стоил 73 копейки за килограмм, перец – 44 копейки. Относительно дорогими были промышленные товары из дефицитного тогда металла: медный подсвечник стоил 30 копеек (столько же стоили сто свечей к нему), железная подкова – 10 копеек. Изделия из дерева шли гораздо дешевле: сани – 15 копеек, пара оглобель – копейка, бочка – 30 копеек, еловое бревно для строительства дома шло примерно по копейке за погонный метр. На два рубля можно было одеться и обуться: сапоги стоили 40

копеек, рубаха – 22-27 копеек, штаны – 11 копеек, шуба на зиму – рубль. В 16 рублей обходилось поставить «с нуля» большую избу (в эту сумму входили и стройматериалы, и работа артели плотников).

Чтобы заработать 10 рублей, плотник, чьи «кормовые» составляли 3-4 копейки в день, должен был проработать без малого год.

Таким образом, мы видим, что и ограничение суммы «деревенского» акта не сильно мешало ивановцам XVII века оформлять своё имущество и заключать сделки оптовой купли-продажи. Любопытно, кстати, что бумага для составления актов стоила чрезвычайно много – 3 копейки за лист. До вполне щадящих расценок на нотариальные услуги, имеющихся в России в наши дни, было ещё очень далеко...

Примечания

¹ Цит. по: Кузьмин М. Щедрый подарок. Мы – потомки новгородцев? // Рабочий край (Иваново). http://www.rk37.ru/index.php?go=one_news&id=2892

² Балдин К.Е., Кохова Л.А. От кустарного села к индустриальному «мегаполису». Иваново, 2004. С. 62; Ивановская область. Административно-территориальное деление. Иваново, 1982. С. 139-151.

³ Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Сочинения в 9 томах. Т. 1. М., 1987. С. 365.

⁴ Янин В.[Л.] Расцвет и падение Русской Венеции. Великий Новгород в XIII-XV веках // Родина. 2003. № 12. С. 9, 10.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ См. напр.: Комаров Н.И. Нотариат в Российской Федерации. М., 2005. С. 8-9.

⁷ Возникновение и история нотариата <http://www.moslaws.ru/articles/detail/26/>

⁸ Егоров А. «Пусть едет ко Пскову, мы ему суд дадим».

- Средневековая юстиция и иностранцы на Северо-западе Руси // Родина. 2003. № 12. С. 80.
- ⁹ Антонов И. Указ. соч. С. 103.
- ¹⁰ Горский А. «Здесь конец нашему рабству». Когда Москва освободилась от власти Орды? // Родина. 2003. № 11. С. 99.
- ¹¹ Уния // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 68. СПб., 1902. С. 818; Флорентийская уния // Там же. П/том 71. СПб., 1902. С. 147.
- ¹² Кириллин В. Латинский искусств. Западный мир в восприятии участника Ферраро-Флорентийского собора // Родина. 2003. № 12. С. 83, 84.
- ¹³ Исторические хроники российского нотариата / Авт.- сост. Б.И. Лившиц. М., 2003. С. 26.
- ¹⁴ Протонотариат <http://vslovare.ru/slovo/protonotariat>
- ¹⁵ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. «Смута». М., 1988. С. 8.
- ¹⁶ Возникновение и история нотариата. <http://www.moslaws.ru/articles/detail/26/>
- ¹⁷ Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. П/том 62. С. 915.
- ¹⁸ Белкин Р. Приметы почерка // Родина. Российский исторический журнал. 1998. № 9. С. 61.
- ¹⁹ Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь.... С. 916.
- ²⁰ Антонов И. На земле Ивановской.... С. 103.
- ²¹ Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или Бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии). Часть I. С XVII столетия до 19 февраля 1861 года. Шуя, 1884. С. 132.
- ²² Шуя // Энциклопедический словарь.... С. 27.
- ²³ Антонов И. На земле Ивановской.... С. 127, 159.
- ²⁴ Гарелин Я.П. Указ. соч. Ч. I. С. 134-135.
- ²⁵ Антонов И. Указ. соч. С. 103.

- ²⁶ Медведев М.Ю., Назаров Д.В. История русской бухгалтерии. М., 2007. С. 15.
- ²⁷ Гарелин Я.П. Указ. соч. С. 132-133.
- ²⁸ Подробнее см.: Сузdalского воеводы Фёдора Плещеева о поражении воров, приходивших под Суздаль, о взятии города Плёса на Волге и что опасно оставить Суздаль и идти в Кострому, 1609 года февраля 17-го // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 49-50.
- ²⁹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. М. 1988. С. 3, 250.
- ³⁰ Кабанов А.Ю. События 1608-1609 гг. на территории современной Ивановской области и их место в истории Смуты // Смутное время начала XVII в. Сборник материалов межрегиональной общественно-научной конференции (Ярославль, 27-28 мая 2009 г.) / Под ред. проф. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2009. С. 133, 145.
- ³¹ Письмо Льва Плещеева гетману Сапеге о высылке пана Шумницкого из пожалованной ему Самозванцем отчины в Суздальском уезде // Сборник князя Хилкова.... С. 151-152.
- ³² Экономцев Иоанн, игумен. Православие. Византия. Россия. Сборник статей. М., 1992. С. 63, 64.
- ³³ Злотников М. Подьячие Ивановской площади // Нотариальный вестник. 1998. № 1. С. 52.
- ³⁴ Подьячие площадные // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. П/том 47. С. 142.
- ³⁵ Ахрамеева О.В., Звонок С.О. Гражданко-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права. http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2214_23.aspx
- ³⁶ Подьячие площадные.... С. 142.
- ³⁷ Ахрамеева О.В., Звонок С.О. Указ. соч.
- ³⁸ Злотников М. Указ. соч. С. 51.
- ³⁹ Ахрамеева О.В., Звонок С.О. Указ. соч.
- ⁴⁰ Подьячие площадные.... С. 142.

- ⁴¹ Ахрамеева О.В., Звонок С.О. Указ. соч.
- ⁴² Развитие русского права в XV – первой половине XVIIвв. / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1986. С. 123-124.
- ⁴³ Подъячие площадные.... С. 142.
- ⁴⁴ Ахрамеева О.В., Звонок С.О. Указ. соч.
- ⁴⁵ Скрипилев Е.А. История российского нотариата // Вестник нотариальной палаты Ставропольского края. 1998. № 4. С. 9-10.
- ⁴⁶ История нотариата <http://www.notariat.ru/section2883457> Нотариат // Энциклопедический словарь / ... П/том 41. С. 391.
- ⁴⁸ Подробнее см.: Уложение Соборное царя Алексея Михайловича 1649 года // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. П/том 68. С. 682-686.
- ⁴⁹ Гарелин Я.П. Указ. соч. Часть I. С. 132, 134.
- ⁵⁰ Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь.... С. 1; Шуя // Энциклопедический словарь.... С. 27.
- ⁵¹ Подробнее см.: Анисимов С.В. Цена рубля. Иваново, 2011. С. 14-17.

ГЛАВА II. НАКАНУНЕ РАСЦВЕТА (1689-1812)

§ 1. В преддверии великих преобразований

В 1689 году начинается единоличное правление в России Петра Великого – монарха, коренным образом изменившего вектор исторического развития нашей страны.

Пётр Великий и европеизированная Россия. Изображение на купюре в 500 рублей образца 1912 года.

К этому времени русское право знало документы «на все случаи жизни». Существовало около двух десятков разновидностей «грамот» и «записей». «С середины XVII века гражданско-правовые отношения выделились в особую сферу и регулировались специальными нормами, которые, хотя и

включались в общие кодексы права, но в качестве специальных разделов».¹

Любопытно отметить: развиваясь под постоянным контролем Русской Православной церкви (вплоть до того, что большинство бумаг вчерне составляли грамотные монахи, а официально заверенные акты чаще всего хранились в особом архиве церкви или монастыря), протонотариат всегда оставался делом исключительно светским. Мы можем назвать не более 5 разновидностей собственно церковных документов: например, существовала «исповедная сказка» – исповедь в грехах, изложенная в письменной форме, или «погребальная память» – согласованный со священником при жизни и записанный текст поминовения, который должен был читаться во время службы «за упокой души» заказчика, когда тот умрёт.

Документов, касающихся «мирских дел», было гораздо больше. Так, по части юридического оформления недвижимости существовали: «вкладная запись», удостоверявшая «вклад» (пожертвование)²; «купчая запись» (документ на право владения недвижимостью, составляемый при её покупке)³; «отказная отпись» (документ, фиксирующий передачу имущества или денег)⁴; «поступная запись» (дарственная)⁵; «променная запись»⁶ (акт об обмене одной недвижимости на другую без денежных расчётов); «раздельная запись» (документ о разделе общей собственности на доли).⁷ Прототипом современного договора займа служила «займная запись»⁸, а прообразом трудового договора и договора подряда – «рядная запись»⁹. Для юридического различия законных и внебрачных детей, а равно и усыновлённых сирот, при появлении на свет незаконнорожденного или усыновлении ребёнка, оставшегося от неизвестных родителей, составлялась особая «почеревная память».¹⁰

Существовала также любопытная прослойка полусветских-полуцерковных документов. Так, «благословенная грамота» (разрешение, выдаваемое церковным архиереем на постройку и освящение храма) одновременно оговаривала и вопросы земельной собственности – указывалось, где стоять храму и где границы земельного участка, отводимого под его строительство, а иногда и более мелкие детали – например, распоряжение, как поступать со стройматериалами и имуществом, оставшимися от разборки старого здания церкви.¹¹

Любопытное замечание делает в своей книге Я.П. Гарелин: «Челобитная крестьянина села Иванова Трифона Григорьева от 1691 года показывает нам, что его ограбили на Холуйской-Тихвинской ярмарке, сняв с него 12 рублей, вырученных им за холщовый промысел. Таким образом, добрались мы до основного, так сказать, промысла, которым началась нынешняя слава Иваново-Вознесенска как центра мануфактурной, ситцевой промышленности».¹² В очередной раз частноправовой документ – в переводе на современный язык официальное заявление о краже – обозначил важную веху в региональной истории Ивановского края.

К сожалению, делопроизводственная практика далеко не всегда соответствовала уровню теоретического развития. Несправедливый суд и неправильный договор были одними из основных сюжетов русского фольклора XVII века, в том числе и ивановского.

Известный собиратель и обработчик народных легенд М.Х. Кочнев в середине XX века записал со слов старых жителей деревень

«Мысли ветреные». Карикатура на неудачливого торговца.
Начало XVIII в. Экспозиция Музея ивановского ситца.

Ивановской области сказ «Берёзовый хозяин» – фантастическую историю о волшебнике, помогающем труженикам. Тем крестьянам, кто как ни старался, а не смог выткать достаточно полотна на продажу, «лесной дед» показывал волшебные берёзы, на которых вместо коры было намотана превосходная белая ткань – только сматывай, вези на базар и продавай. В народном сознании сказка о добром лешем оригинально переплелась с реальными историческими событиями – Смутным временем и первыми годами по его окончании. По сюжету сказа, «берёзовый хозяин» взялся помогать двум крестьянам, Петру и Герасиму, которые по его указке добывали с берёз чудесное полотно. Однако потом на Ивановскую землю пришли захватчики, и мужики повели себя по-разному: Герасим, оставив в родной деревне последний воз ткани, подаренной лешим, пошёл в партизанский отряд бить интервентов, а Пётр остался дома и стал торговать с врагами, продаювая им удивительное полотно.

Затем патриоты «заперли чужеземца в Москве, там ему и упокой спели. Всю землю родную очистили. Герасим домой вернулся. А в народе ропот слышен: кто же с врагом в спайке был, полотна им сбывал, чужеземцев одевал? На Петра показали. Петра на дознанье потянули. Он и говорит судье:

- С чужеземцами я в спайке не был. У меня и полотен таких нет. Пройдите да посмотрите по клетям, кто такой товарец ткёт. Мне думается, у Герасима похожий был. Это, верно, он тайком сбывал миткаль чужеземцам.

Пошли к Герасиму на двор, а у него, сенцом закидан, целый воз такого тканья стоит. Тот самый воз, что в последний раз он привёз.

Так-то Пётр вылез, а Герасима взамен себя в яму сунул.

На язык Герасим был не мастер, ничего путного за себя сказать не может. До поры Герасима под стражу взяли. Судья-то попался не из проворных, да не из догадливых.

Пётр вовсе духом воспрянул: теперь он один и Герасимовым паем в лесу поживится. Ещё суть дела не видна, а он уже к бабе Герасима заявил:

- Продай, баба, пеганка (лошадь – А.К.), он теперь тебе не нужен: твоего мужика на поселение отправят.

Та было не соглашалась сперва, потом уступила, послушала Петра, продала ему лошадёнку, подьячего в заступники (оформители сделки – А.К.) наняла».

Мздоимец в Аду. Фрагмент иконы середины XVII в. «Величит душа моя Господа».

В финале, разумеется, добрый леший расставил всё по местам – помог Герасиму освободиться из-под стражи, а предателя Петра превратил в скрипучую корявую берёзу: «Вечной мукой тебе изнывать... окаменеть тебе намертво не дано, чтоб вечно ты казнился. Много ты творил грехов в своей жизни. Но всем грехам грехи – два последних: не набрал духу на чужеземца грудью встать да ещё в спайку с недругом влез – первый твой грех смертный; невинного человека оболгал – второй твой смертный грех. И нет тебе за них ни милости, ни прощенья!».¹³ Но в целом ивановский народный сказ о «берёзовом хозяине» весьма точно отразил представления о судьях и подьячих, которые в лучшем случае были «не из проворных, да не из добрых», а спасти от их произвола могло только чудо.

В 1650-1670-е гг. один из предводителей раскольников протопоп Аввакум в своих сочинениях создал «архетипический образ Начальника. Начальник – воплощение земного Зла, безжалостного, ненасытного и особенно страшного из-за мистической иррациональности его звериной лютости... ничего хорошего сверху исходить не может, потому что Начальник – это земное воплощение Антихриста».¹⁴

Наконец, А.С. Пушкин – не только великий поэт, но и дотошный искатель фактических подробностей для своих произведений на историческую тематику – готовясь писать «Историю Петра», нбросал тезисами характеристику эпохи, предшествовавшей великим преобразованиям:

«Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.

Бояре беспечные.

Их дьяки алчные.

Народ, облагаемый оброком по прихоти и произволу.

Правосудие отдалённое, в руках дьяков.
Подати многосложные и неопределённые.
Беспорядок в сборе оных.
Пошлины и таможни внутренние:
а) притеснения;
б) воровство.

Законы, более обычай, нежели законы, – неопределённы, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые». ¹⁵

Всё это предстояло исправлять царю-реформатору и его потомкам.

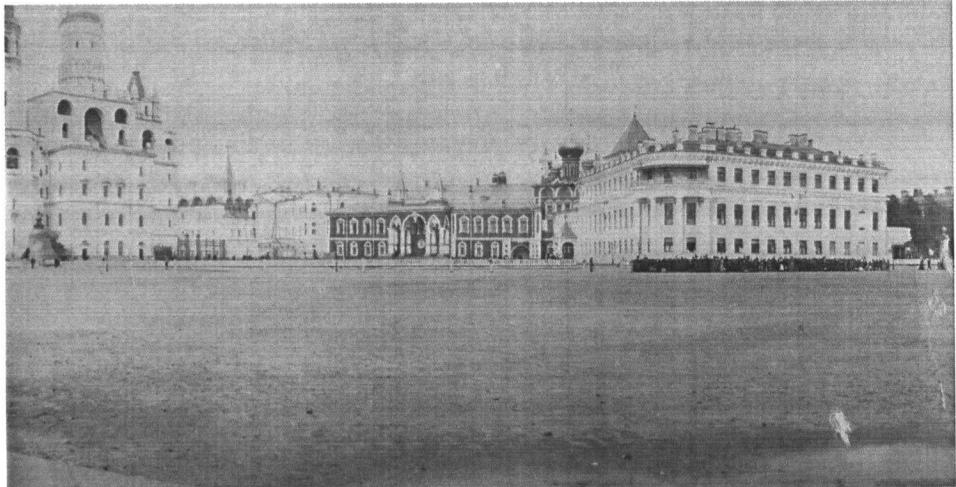
§ 2. Протонотариальные реформы XVIII века

Петровские преобразования в сфере русского протонотариата начались 9 декабря 1699 года, когда царь особым указом предписал совершать «крепости» всякого рода не у площадных подъячих, а в соответствующих приказах (Земском, Холопьем и др. – в зависимости от характера совершаемого акта). Все «крепости», совершаемые в крупных городах, надлежало раз в два месяца отсыпать в столицу для проверки и утверждения в центральных приказах. Это было сделано «в видах уничтожения злоупотреблений при совершении актов площадными подъячими, а также и в фискальных целях». ¹⁶

Первого января 1700 года «совершение всех крепостей между лицами городского сословия в Москве передано во владение московской ратуше, а торговых крепостей – Московской большой таможне.

Полной централизацией официальной регистрации актов Пётр Великий предполагал устраниć беспорядки и злоупотребления, которые часто происходили при совершении правовых актов подъячими на Ивановской площади. Но этот порядок оказался неудобным, поэтому 30 января 1701 года “было повелено писать крепости по прежнему

указу в палатке Ивановской площади”, а надзор за деятельностью площадных подьячих был поручен Оружейной палате. Впоследствии “для ближайшего заведывания крепостным делом учрежден особый приказ крепостных дел, состоявший из нескольких судей”».¹⁷

Ивановская площадь в Московском кремле. Фотография начала XX в.

Но и этот орган управления (как, впрочем, и вся система приказов) не справлялся с возложенными на него функциями. «Мысль о реформе центральных учреждений явилась у Петра под влиянием насущной потребности времени. Старая система “приказов” была расшатана уже в первые годы Северной войны; передача областного управления губернаторам в 1708-1712 гг. повела к окончательному упразднению значительной части приказов; только что созданный Сенат не мог заменить собою целой системы учреждений и был завален работой». Реформа началась в октябре 1717 года, а уже в декабре «окончательно установлен был состав коллегий, составлены списки персонала и произведены первые назначения президентов и вице-президентов».¹⁸

В числе первых была образована и Юстиц-коллегия – центральное государственное учреждение,

контролировавшее местные суды и служившее высшим апелляционным судом по уголовным и гражданским делам. Она была образована путём объединения старых судебных приказов и начала свою работу с 1718 года. В 1719-1740 гг. в состав коллегии входила крепостная контора, оформлявшая акты на владение землей и крепостными; в губерниях были образованы самостоятельные особые конторы крепостных дел, состоявшие из писцов и надсмотрщиков.¹⁹ Надзор за деятельностью главных контор поручен особому секретарю, который назначался Юстиц-коллегией.

Учреждение коллегий само по себе внесло принципиально новый, строгий порядок ведения юридических дел, описываемый в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрана так:

«Для рассмотрения дел коллегии должны были заседать по генеральному регламенту ежедневно, кроме праздничных дней, в течение пяти часов. На одном конце стола садился президент коллегии, справа и слева от него размещались по старшинству советники и асессоры. За особым столом в той же комнате сидели секретарь и нотариус. Секретарь был начальником канцелярии и докладчиком в заседаниях коллегии.

Всякая поступившая бумага записывалась актариусом во входящий журнал; изготовленное в канцелярии дело докладывалось секретарём. Присутствующие большинством голосов постановляли по докладу решение, которое тут же вносилось нотариусом в протокол, подписываемый всеми членами. Нотариус вёл реестр и нерешённым делам, находившимся постоянно на столе присутствия перед президентским местом.

Дела, которые не могли быть решены коллегией, представлялись, с мнением коллегии, в Сенат. С другой стороны, коллегия имела права не исполнять сенатского указа, если находила в нём что-

либо противное государственным интересам или существующим указам; если Сенат подтверждал свой указ, коллегия должна была его исполнить и в то же время донести государю. Для исполнения дело опять поступало в канцелярию.

Краткое содержание всех входящих и исходящих бумаг записывалось регистратором в одну из четырёх книг регистратуры, смотря по тому, была ли бумага входящая или исходящая, относилась ли она к учреждению, стоящему выше коллегии или

Здание Двенадцати коллегий, Санкт-Петербург.

ниже её. За ходом дел в коллегии наблюдал особый прокурор, сама коллегия наблюдала за исполнением своих распоряжений с помощью фискалов.

Исследователи указывали на три черты, особенно выгодно отличавшие новое коллежское устройство от старого приказного: его коллегиальную форму, систематическое распределение дел между центральными ведомствами и стройный бюрократический порядок течения дел в коллегии».²⁰

Употребление термина «нотариус», как нам кажется, в данном случае следует относить, по опре-

делению доктора права Н.С. Таганцева, на «испещрённый германизмами слог петровских указов».²¹ Судя по описанию, в то время это был обычный канцелярист или секретарь в современном значении этого слова (в отличие от секретаря – руководителя канцелярии, как в описании, приводимом словарём), в чьи функции входило только ведение протокола заседания.

Реформа документооборота была продолжена введением 28 февраля 1720 года «Генерального регламента».²²

Согласно этому документу вся делопроизводственная деятельность закреплялась за канцеляриями – самостоятельными подразделениями государственных учреждений. Центральной фигурой канцелярии был секретарь, на котором лежала ответственность за организацию делопроизводства, подготовку дел к рассмотрению, доклад дел руководству учреждения, ведение справочной работы по делам, оформление решений и контроль над их исполнением, хранение печати учреждения.

Оформление бумаг стало гораздо более строгим: «Генеральный регламент» определял, что «должность чина секретарского в том состоит, что ему на всех приходящих письмах и доношениях номеры подписывать, и на них числа, когда поданы, приписывать, и об оных без всякого подлога, или пристрастия, по номерам и числам доносить, разве когда дела такие между прочими случатся, которые остановки иметь не могут, но вскоре отправлены быть имеют: и в таком случае порядок оной отставить, и об тех наперед доносить надлежит, которые нужнее».²³

Кроме секретаря в состав канцелярии входили: нотариус (в значении «секретарь, ведущий протокол»), регистратор, актуариус (архивист), канцеляристы, копиисты, переводчики (для письменного и устного перевода) и вахмистр, он же сторож для

охраны учреждения. Все служащие канцелярии получали жалование за свою деятельность от казны, а разного рода подношения канцелярским служащим (денежные, товарные и пр.) стали рассматриваться как взятки.

Главное значение реформы состояло в том, что появились упорядоченные системы регистрации документов, которыми мы пользуемся и ныне. Например, именно «Генеральным регламентом» была введена регистрация документов в специальных журналах, которые отдельно заводились на входящие и отдельно – на исходящие бумаги.²⁴

Тогда же были заложены основы организации учёта и хранения документов, именно в этот период появилось название «архив».

Существенные изменения претерпевают и сами формы документов. Пётр Великий ввёл вместо столбцовой формы документов тетрадную, которой мы продолжаем пользоваться и сегодня. Самостоятельными элементами формуляра становятся дата документа и его наименование. Появляется ряд реквизитов, отражающих различные стадии процесса документирования или стадии обработки документов: подписи, отметки о согласовании, регистрационные индексы, отметка о контроле, отметка о направлении в дело и другие. Для многих типовых документов разрабатываются «генеральные формуляры» – образцы, по которым следовало составлять бумаги.

Чиновничество на местах нередко пыталось сабotировать царские нововведения. «Воронежский надворный суд донёс Юстиц-коллегии в октябре 1721 года о невозможности осуществить на практике главы “Генерального регламента”, почему “ныне дела в надворном суде исправляются по прежнему российскому обыкновению”, а не по новому регламенту».²⁵

В 1708 году Россия была разделена на 8 губерний, а они, в свою очередь, были поделены на провинции. В частности, в составе Московской губернии была создана Владимирская провинция²⁶, в состав которой входило большинство территорий, позднее составивших Ивановскую область. Во главе провинций стояли воеводы с провинциальными канцеляриями. «Перестройка органов местного управления привела к созданию новых органов местной администрации – надворного суда, магистрата и т.д.». ²⁷

Воевода А.Н. Ордин-Нащокин. Портрет начала XVIII в.

Номинально воеводы подчинялись губернаторам, но фактически, при столь запутанном управлении, в их руках оказывалась вся реальная местная власть. Сказывались и прежние властные традиции: «Воеводы иногда являлись совершенно самостоятельными правителями... ведали почти все отрасли местного управления. Почти бессильные для служения местным интересам, для удовлетворения нуждам местности и частных лиц, воеводы не были удовлетворительны и как исполнительные органы центрального правительства. Воевода всякий раз приводился, так сказать, в движение, указом из Москвы, в противном случае он бездействовал».²⁸

Даже столь великий реформатор, как Пётр, при всём желании зачастую не мог изменить ситуацию. «Злоупотребления воевод находили некоторую опору во взгляде самого правительства на воеводскую должность. Кормление местных правителей было отменено ещё при Иоанне Грозном, но оно продолжало жить в нравах. Правительство не только знало, что воеводы получают приношения, но и считало это в порядке вещей; оно преследовало только вымогательства, когда об этом поступали к нему жалобы. Реформа 1708 года, положившая начало разделению империи на губернии, малокоснулась существа воеводской должности. Во главе губерний встали губернаторы и вице-губернаторы, которые, однако, ограничивались общим надзором преимущественно за военно-финансовой стороной управления; действительное же управление осталось по-прежнему в руках воевод, только переименованы они были в комендантov и обер-комендантov». После смерти Петра Великого, «в 1727 году все новые должности и учреждения местного управления были упразднены; вместо того назначены были воеводы во все те города, где они были в московском периоде (т.е. до петровских реформ – А.К.)».²⁹

Впрочем, некоторые плоды реформы Петра Великого всё же принесла: «Из власти губернаторов и воевод выделены были две самостоятельные ветви управления – финансы и суд».³⁰ Формально теперь эти сферы деятельности были отданы назначаемым царским правительством чиновникам, независимым от местной власти. Однако вновь пришлось преодолевать многие «обычаи», сложившиеся «благодаря» порочной управлеченческой практике предыдущих десятилетий и даже веков.

Так, торговая деятельность по-прежнему во многом оставалась нерегулируемой государством: множество сделок совершилось без надлежащей регистрации.

Однако, несмотря на все негативные тенденции и «традиции» прежней эпохи, петровские реформы управления и делопроизводства дали России мощный импульс для развития финансового и промышленного секторов, с одновременной находкой массы новых способов пополнять госбюджет. Так, именно при Петре Великом в России появляются гербовая бумага и векселя.

«Изготавляемая государством клеймёная бумага, оплачиваемая гораздо выше действительной её стоимости» была введена в России указом 23 января 1699 года. Кстати сказать, это нововведение состоялось «по мысли Курбатова, дворецкого графа Шереметева, бывавшего за границей». Род Шереметевых был известен, в частности, тем, что «четыре поколения рода были связаны с историей Иванова»³¹, являясь крупнейшими местными землевладельцами и крепостниками – впрочем, крепостничество «а-ля Шереметевы» весьма благоприятно сказывалось на благосостоянии ивановских крестьян – основателей множества местных купеческих и промышленных династий.

Гербовые листы изготавливались 3 видов:

1. Ценой в 10 копеек – «под большим ор-

1/15.1.

1. в. Туинов
Бурлын Димитр

Однаконьцъ сего Ревизионщаго
Бурлын Шумской откупъ волнилъ до Губернатора
Санкт-Петербургскаго Николаевскаго Уезду
мешко села Иванова губернаторъ Федоръ
Андреевъ бургомистъ отпустилъ въ земли сего
правленія по ходатайству до него подоставленъ
въ городъ Макаревъ состоящаго Нижегородской губерніи
Городской Чубаринъ. Комиссаръ Губернатора
и да именованій наименъ съданъ изъ
такъ симѣющимъ губернаторъ
Борисъ Ефимовичъ. Судимъ оправданъ отъ кинескихъ
иныхъ членъ именованъ Ильинъ. Бургомистъ сего
сего правленія ему бургомистру села Ивановскаго
Богданчикову Кузасю Капитанъ-лейтенанту волнилъ
по Чувашскому уезду. и отчужденіемъ Соли
и въ исходѣ и даты 19/6 1816 года. Губернаторъ 24/6/16
Макаревъ. Печать Адмиралтейской фабрики

Свидетельство о праве крепостного крестьянина села Иванова Д.А. Бурылина отправиться торговать на ярмарку в г. Макарьев, написанное на листе гербовой бумаги выпуска 1814 года в 50 копеек.
Экспозиция Музея ивановского ситца.

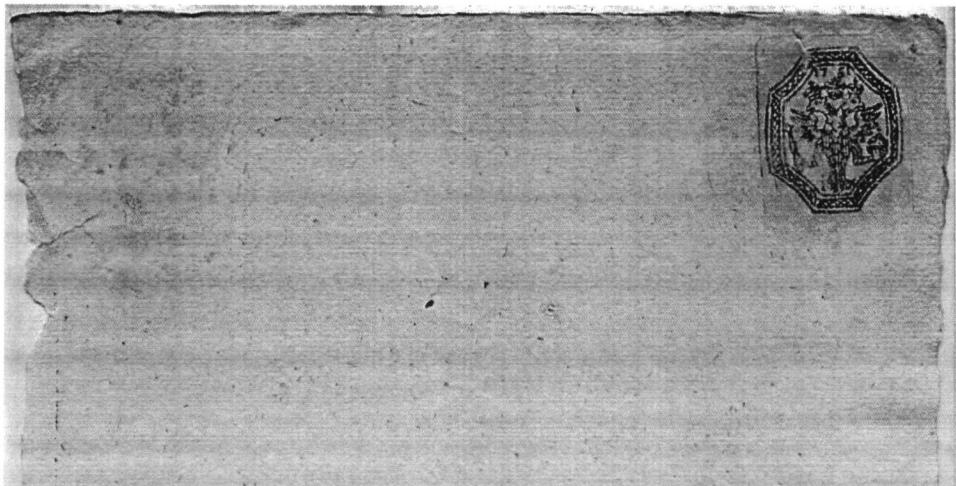
лом» – для «крепостей» ценой от 50 рублей; 2. Ценой в 1 копейку – «под гербом величиною против золотого» (т.е. размером с золотой червонец – А.К.) или «клеймёная» – для «крепостей» на сумму до 50 рублей и для «челобитных мировых» (т.е. подаваемых коллективно – А.К.);

3. Ценой в 1 деньгу (1/2 копейки – А.К.) – «за печатью в половину золотого» или «орлённая» – для индивидуальных челобитных и выписок, даваемых в приказах.

Все акты, совершаемые не на гербовой бумаге, объявлялись недействительными, а при обнаружении такого документа с лица, объявлявшего его, было велено брать «пошлину вдвое».³²

Фактически тогда же в России появились и векселя – финансовые документы особого рода, отличавшиеся от «крепостей» тем, что обязательство, написанное на т.н. «вексельной бумаге» (разновидности гербовой бумаги) не требовало дополнительной регистрации «у крепостных дел». Нововведение, однако, не вызвало протеста и было воспринято как «необременительный для плательщика и выгодный для фиска налог»: пользы от нового порядка расчётов было гораздо больше. Очень быстро распространилась практика выдачи векселей при расчётах между купцами, избавившая их от необходимости возить с собой в самом прямом смысле телеги денег. (Основным средством расчётов была медная монета; в начале петровских преобразований из пуда меди чеканили денег на 10 рублей, а к середине XVIII века сложилась практика чеканки 16 рублей из пуда).

Однако законодательство не поспевало за жизненными реалиями – «Вексельный устав» появился в России только 16 мая 1729 года, уже после смерти Петра Великого.

Верхняя часть чистого листа гербовой бумаги ценой в 1 копейку. 1751 г.

Этот документ замечателен тем, что в нём впервые используется термин «нотариус» в привычном для нас смысле.

Согласно п. 1 «Устава» вексель провозглашался самодостаточным документом, не нуждающимся ни в регистрации в государственных учреждениях, ни в свидетелях при его написании. Однако векселя, написанные не на гербовой бумаге, не по утверждённым образцам и т.п. – объявлялись недействительными, поэтому «Устав» рекомендовал обращаться за их составлением к услугам «маклера» или «публичного нотариуса». Тот специально обучался правильному составлению векселей. В случае, когда вексель давал неграмотный, присутствие маклера или публичного нотариуса было обязательным.

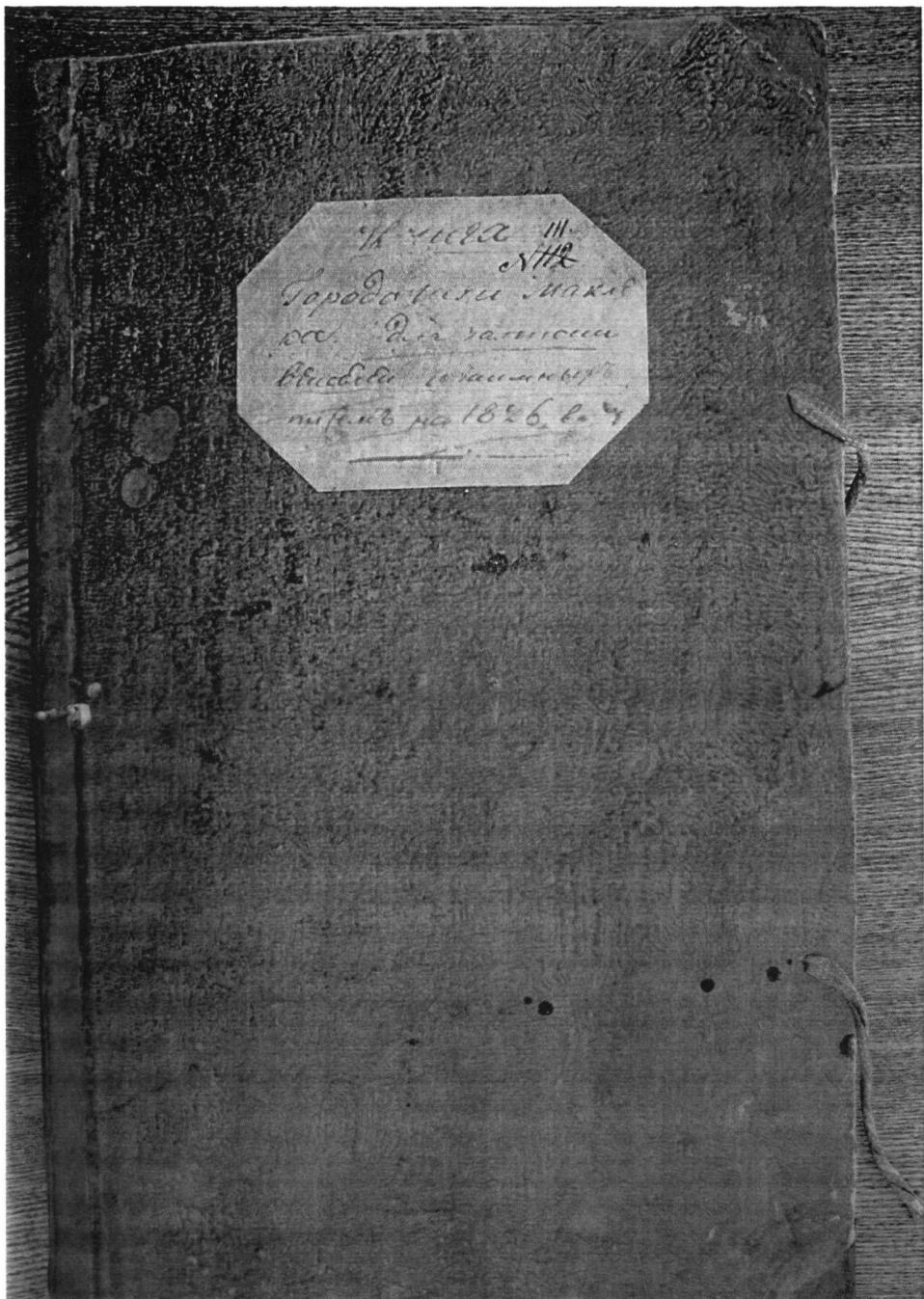
Вексель регистрировался в особой «маклерской книге», выписка из которой являлась неопровергаемым доказательством для суда, если возникла необходимость взыскать долг векселедателя принудительно. Вознаграждение нотариусу устанавливалось в 0,25% от суммы векселя (т.е., например, при составлении документа на сумму в 100 рублей уплачивалось 25 копеек). В случае неуплаты

долга в срок держатель векселя вновь обращался к маклеру или публичному нотариусу, который за отдельную плату писал «протест», после чего дело направлялось в суд.³³

«Вексельный устав» убедительно показывает, что в первой половине XVIII века российский нотариат находился на стадии становления. Так, п. 10 «Устава» («О протестовании векселей») предписывает, в случае неуплаты денег по векселю в срок, призывать для оформления протеста «где есть публичный нотариус, то нотариуса, а где нет – то таможенного или ратушного канцеляриста, а в малых уездных ярмарках, где таможен нет, земского дьячка, при двух, ежели больше не случится, свидетелях».³⁴ Однако почва для создания и развития нового правоохранительного института – нотариата – в известной мере была подготовлена.

Так, «маклеры» (по сути, исполнявшие некоторые функции, в наши дни являющиеся нотариальными) официально появились в России ещё в 1717 году, но известный историк А.Г. Тимофеев замечает, что имеет смысл говорить о «существовании маклеров вообще и до 1717 года».³⁵ «Регламент Главного магистрата» (1721 года) так определяет функции маклера: «Ниакие договоры в торгах без оных не утверждаются», т.е. маклер занимался официальной регистрацией актов купли-продажи.

С другой стороны, «публичный нотариус» в «Вексельном уставе» фигурирует как лицо, работающее в «знатном» городе при порту или бирже. На момент составления «Устава» биржа существовала в России только в Санкт-Петербурге, а биржевое дело развивалось чрезвычайно медленно. Только в конце XVIII века «принимались меры к устройству биржи в Москве», а провинциальные биржи появляются в крупных торговых городах вообще лишь со 2-й трети XIX века. К примеру, всероссийский центр хлебной торговли город Рыбинск Ярославской губернии обзавёлся собственной

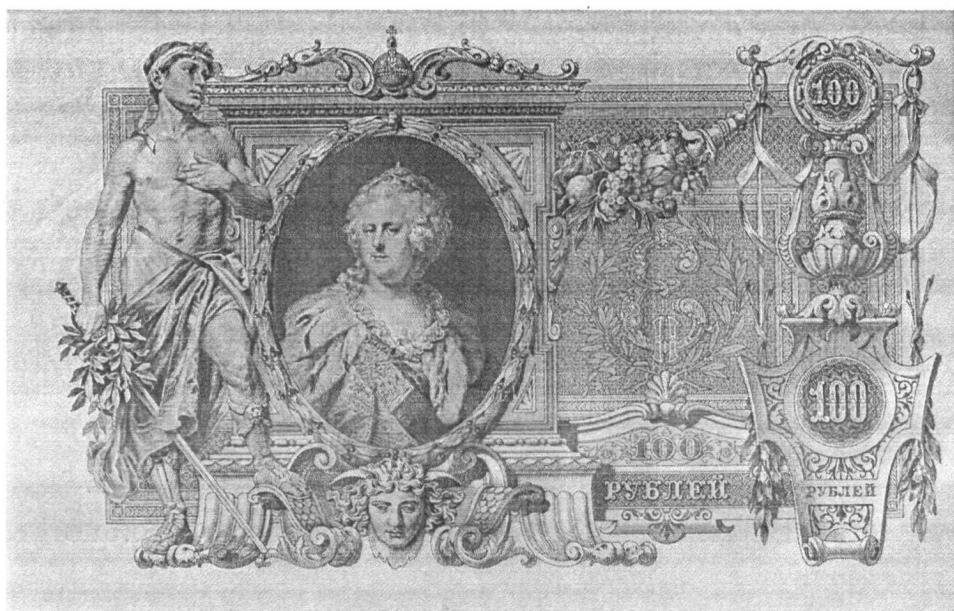

«Книга города Шуи маклера для записки векселей и заёмных писем на 1826 год».
Обложка. Государственный архив Ивановской области.

биржей лишь в 1842 году; его на 8 лет опередил Кременчуг (где биржа открылась в 1834 году), а третьим провинциальным городом с собственной биржей стала Одесса (1848 год). С того же 1848 года на время знаменитой Нижегородской ярмарки начала работать биржа в Нижнем Новгороде. К тому времени за лицами, совершившими торговые операции на бирже, ужеочно закрепились специальные наименования «посредников, маклеров и комиссионеров».³⁶

С целью скорейшего развития института регистрации и надлежащего оформления сделок 15 апреля 1762 года был опубликован «Указ о маклерах», предусматривавший создание «в тех губерниях, провинциях и прописных городах, где знатные торги и вексели есть» маклерских контор и назначение маклеров из купцов.³⁷ Здесь мы снова наблюдаем смешение терминов: «Вексельный устав» 1729 года применительно к операциям, совершаемым с векселями, чаще оперировал определением «публичный нотариус».

Развитие института протонотариата неуклонно продолжалось при Екатерине Второй. «В 1775 году в России нотариальные функции были возложены на суды. Крепостные акты того времени происходили и фиксировались в особых отделениях палат гражданских или уездных судов. Все сделки подразделялись на явочные и крепостные. Крепостной порядок предусматривал совершение сделок, связанных с куплей-продажей недвижимости и крепостных крестьян. Подобные сделки, для придания им значительности и важности, совершались и оформлялись в присутствии суда. Документы проверялись на правильность оформления, регистрировались в крепостной книге и с данного момента приобретали юридическую силу. Что же касалось явочных сделок, то церемониальность тут отсутствовала, факт сделки просто фиксировали в той же крепостной книге».³⁸ Этот порядок – заверение в суде нотариальных актов – сохранился в России и в дальнейшем.

Екатерина Великая – просветительница. Изображение на дензнаке в 100 рублей образца 1910 г.

Расширялся и перечень специализаций маклеров-нотариусов. В «Уставе благочиния или Полицейском» 1782 года уже указаны отдельно «частный маклер» (в компетенцию которого входило оформление всех сделок с недвижимостью, включая сдачу в наём, а также регистрация строительства и сноса домов и иных построек) и «маклер слуг и рабочих людей» (занимавшийся составлением и регистрацией, в современных терминах, трудовых договоров). Все маклеры были обязаны вести «частные книги» для записи заключаемых у них договоров; ревизию книг «во всякое время» имел право осуществлять полицейский: частный пристав или квартальный надзиратель.³⁹ Разрешалось нанимать слуг и рабочих и без регистрации у маклера, но в этом случае участники договора «при споре или ссоре между ними о служении, работе или платеже, не могут ожидать никакого пособия от управы благочиния и ей подчинённых и просьба о том да не приемлется в словесном суде», а «наём-

ного слугу или рабочего человека, не записанного в маклерскую книгу, городничий имеет право выслать из города, равномерно и исправник из уезда».

В целом к концу 1770-х гг. нотариальные функции выполняли 4 категории уполномоченных государством людей:

1. Публичные (городовые) нотариусы;
2. Биржевые маклеры, гоф-маклеры, биржевые нотариусы, корабельные маклеры;
3. Узкоспециализированные маклеры: частные, цеховые, слуг и рабочих людей и т.д.;
4. (При полном отсутствии в местности каких-либо маклеров или нотариусов) таможенные чиновники, становые приставы, словесные суды, ратуши, думы, магистраты, управы благочиния.⁴⁰

В этих условиях и происходило становление и развитие ивановского нотариата.

§ 3. Вопреки тенденциям

Прежде, чем начать описание процесса становления и развития нотариальных отношений в Ивановском крае, обратим внимание на одну важную деталь. Нотариат, как и любое другое явление, развивался здесь не сам по себе, а в привязке к конкретным историческим условиям и традициям, сложившимся в регионе. Не зная их, понять особенности становления нотариальных отношений в крае будет весьма затруднительно.

Иваново встретило петровские преобразования в статусе села. Оно «значилось в Сузdalском уезде в Опольном стану при урочище Копус и ручье Потоке. Акт 1723 года добавляет указание, что Иваново находилось в Опольном стану, словами “за лесом”»; село стояло на отшибе, «окружённое дремучими лесами».⁴¹

Помимо прочего, это обстоятельство намекает на то, что жизненный уклад ивановцев начала XVIII века был патриархальным. Крупнейший исследователь социальной истории России периода Империи Б.Н. Миронов рассказывает об особенностях такого уклада весьма обстоятельно.

Пожилой крестьянин со взрослым сыном.

Фотография начала XX в.

По мнению историка, основным типом русской деревенской семьи была в XVIII веке т.н. составная семья: несколько поколений проживали совместно в одном большом доме, которым руководил старейший мужчина в роду, управляя семьёй так же авторитарно, как монарх – государством. «Помещик и государство поддерживали патриархальную семью, в особенности в форме составной семьи, по политическим и экономическим соображениям. Во-первых, патриархальная семья являлась носителем монархических отношений, основываясь на безоговорочном подчинении членов семьи

патриарху, на поглощении отдельной личности семейным коллективом. Власть над крестьянством помещик и государство осуществляли в союзе с патриархами. В свою очередь, патриархи власть над домочадцами осуществляли при поддержке помещика и государства. Во-вторых, составная семья обеспечивала более высокий уровень благососто-

яния, и, следовательно, платёжеспособности крестьянина, в чём нуждались и община, и помещик, и государство».⁴²

Один из управителей государственными крестьянами А.Т. Болотов так описывал своё знакомство с типичной патриархальной семьёй, состоявшееся в 1792 году: «Я не мог налюбоваться великолести семьи. Было у него (старика – главы семейства. – А.К.) два сына, таких же стариков, как и он сам, более десяти внучков и множество правнучат. Одного мужского пола было душ с лишком 20, женского почти столько же. Он был, как Авраам, почитаем и любим всем своим многочисленным семейством и держал оное в должном подобострастии. Я не мог не похвалить старика за то, что он своих детей не допускает делиться (делить имущество и разъезжаться, создавая самостоятельные семьи – А.К.). При вопросе, не бывает ли в семье его каких несогласий и раздоров, как то многочисленным семействам бывает свойственно, показал он мне свой нарочито толстый посошок и сказал только: “А это что?”, давая тем знать, что он умеет держать их в узде».⁴³

«Дети, по крайней мере, до женитьбы, находились в полной зависимости от родителей и должны были быть абсолютно им послушны под страхом наказания. В XVIII – первой половине XIX века, как и в более раннее время, власть отца над детьми была столь велика, что их отдавали в кабалу и зажив, т.е. в услужение в оплату за долги».⁴⁴

При такой власти отца-«патриарха», юридически оформленные документы на имущество или на работу по найму были ни к чему.

В Ивановском крае ситуация несколько отличалась от общей, описанной Б.Н. Мироновым: с конца XVII века здесь происходило интенсивное развитие различных производств, т.е. шло развитие

капиталистических отношений, подрывавших патриархальный уклад. «В конце XVII века их (мелких производств тканей – А.К.) насчитывалось в Иванове уже несколько сотен, а в начале XVIII века – более тысячи. Набойкой занимались все, кто имел хотя бы малейшее призвание, даже священники в свободное от службы время “колотили” рисунки на холстах».⁴⁵ Я.П. Гарелин делает очень любопытное замечание: «К этому времени (началу XVIII века. – А.К.) Иваново уже успело вырасти значительно – оно сделалось торговым селом, – по крайней мере, от 1705 года имеется указ об открытии торга в селе Иванове и о постройке нужных для продажи питий строений. В 1707 году является уже в Иванове кабак и сбора от этого новозаведённого кабака в первый же год получено 176 рублей 7 алтын и 2 деньги, а на следующий 1708 год того же сбору было 212 рублей 29 алтын и 3 деньги. Торговали, значит, хорошо и было кому пить».⁴⁶

Однако и это не особенно способствовало развитию практики юридического оформления актов – теперь препятствием на пути нотариата стало крепостничество и мелочный характер торговли.

«Постепенно ремесленники от работы на заказ переходили к работе на рынок. Здесь большую роль сыграли скупщики из того же крестьянского сословия. Они мелкими партиями приобретали у односельчан ткани и затем с выгодой сбывали их. Именно на торговле холстами, набитыми разнообразными узорами, сколотили первоначальный капитал основатели будущей мануфактурной, а затем и фабричной промышленности: Гарелины, Ямановские, Грачёвы, Гандурины и другие. Эти наиболее предпримчивые крестьяне, зная существующую конъюнктуру, скупали ткани и с большой выгодой для себя перепродаивали их на ярмарках».⁴⁷

«Щудровская палатка» - каменное здание г. Иванова постройки начала XVIII в., в котором в то время хранили документы и собирали торговые пошлины.

Скупая у мелких набойщиков ткани небольшими партиями, перекупщики обходились без юридического оформления сделок. Однако и на ярмарках, продавая товар оптом, они не спешили обращаться к маклеру для составления письменного договора: зафиксировать на бумаге объёмы продаж значило открыто явить своё богатство. А в условиях крепостной зависимости это было чревато: «Помещик, узнав о богатстве крестьян, под различными предлогами отбирал деньги, поэтому деньги припрятывали, а не вкладывали в дело».⁴⁸

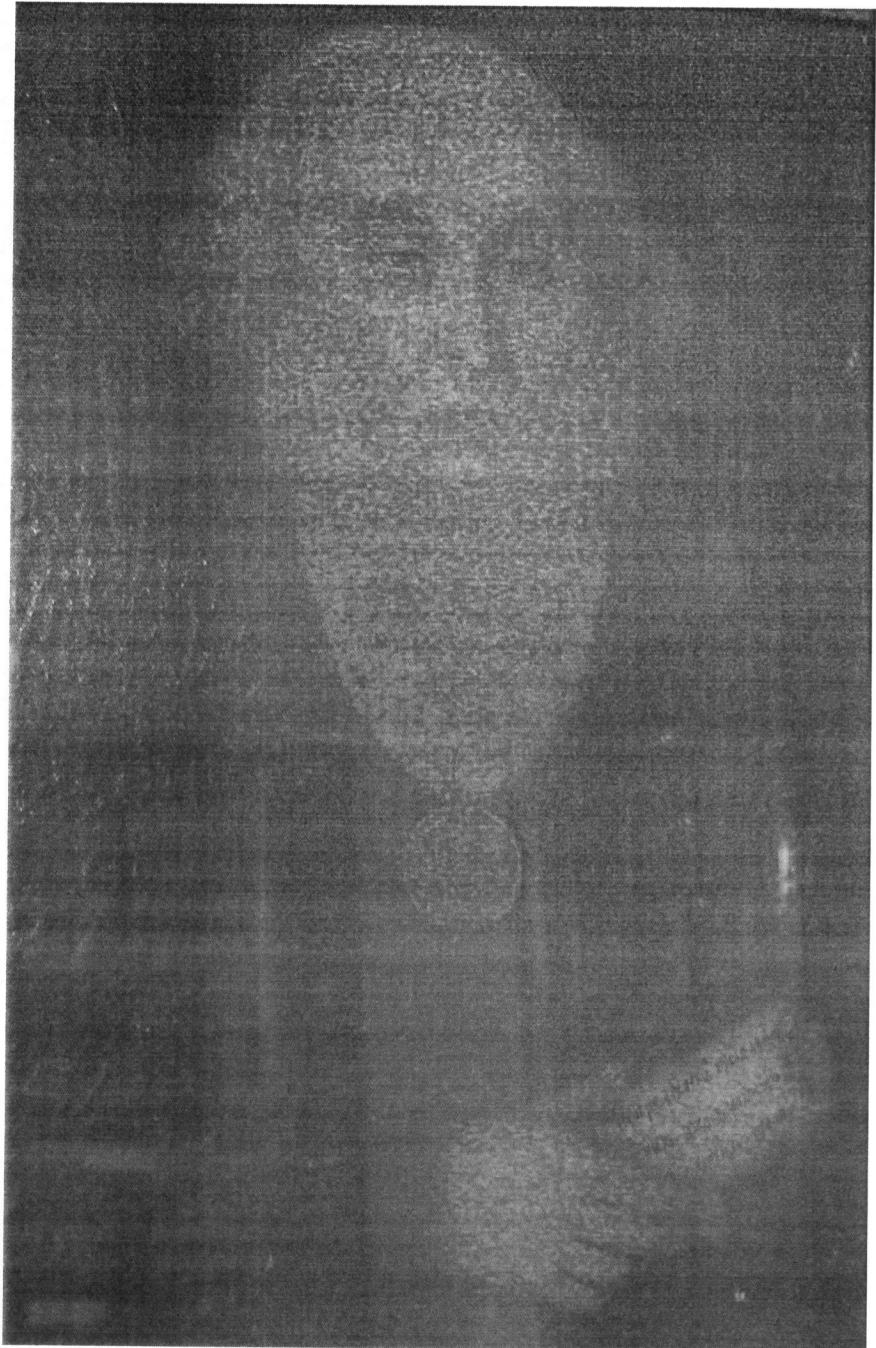
Характерная иллюстрация: в 1741 году в тогда ещё селе Иванове разгорелся скандал – местные крестьяне обвинили крупного скупщика полотен М. Грачёва в утайке прибыли – по их прикидкам, Грачёв методом «воровских выписей» (оформления подложных договоров купли-продажи) присвоил

себе 500 рублей. Наиболее злопамятные односельчане при этом уверяли, что тем же методом купец «себе и пожитки нажил», т.е. сколотил всё своё состояние.⁴⁹ Для того, чтобы понять масштаб хищений, по крайней мере, приписывавшихся Грачёву, обратимся к данным 1725 года – на одной из крупнейших краевых ярмарок, в селе Дунилове, за весь год все продавцы продали холстов на 5216 рублей, а на ярмарке в Гавриловской слободе за весь 1723 год официально было продано полотна на 5611 рублей.⁵⁰

Только «в середине XVIII века местные “капиталистые” крестьяне наконец начали вкладывать нажитые на торговых операциях капиталы в промышленное производство».⁵¹ Их господа-крепостники не замедлили им напомнить, почём обходится честность и открытость в делах: первый выкупившийся у графа Шереметева на волю (в 1795 году) крестьянин-фабрикант Е.И. Грачёв за «вольную» отдал своему бывшему барину 135 тысяч рублей серебром, уступил фабрику и обширные земельные угодья.⁵² До наших дней дошёл очень любопытный портрет Е.И. Грачёва. На нём он, уже московский купец первой гильдии и кавалер золотой медали за заслуги в области промышленности, изображён держащим в руке свёрнутую в трубочку собственную «вольную» – договор с графом Шереметевым о выкупе из крепостного состояния, составленный и заверенный маклером.

Впрочем, «традиция» уводить капиталы «в тень», по-видимому, оставалась крайне живучей: «Крепостные владельцы мануфактур стремились выкупиться на волю и были даже согласны на то, что после выкупа созданные ими мануфактуры оставались помещику – они резонно рассчитывали на свои капиталы, достаточные, чтобы основать новые заведения».⁵³

В таких условиях пришлось начинать свой путь ивановскому нотариату.

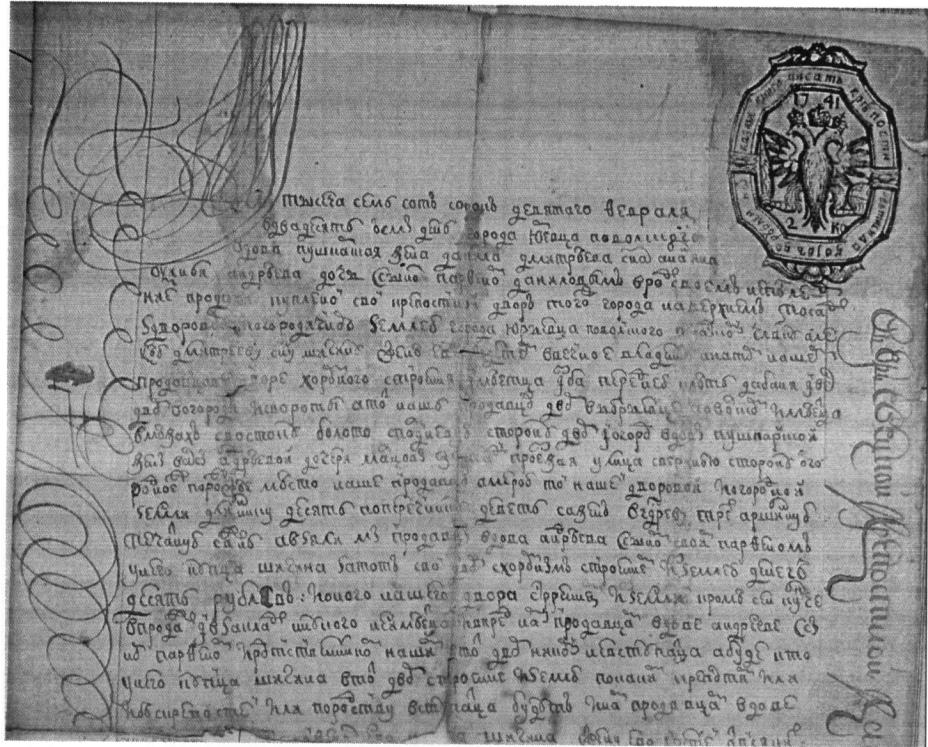

*Портрет ивановского купца Е.И. Грачёва. Неизвестный художник. Начало XIX в.
Экспозиция Музея ивановского ситца.*

§ 4. В начале большого пути

Одним из первых сохранившихся нотариальных актов XVIII века, относящихся к Ивановскому краю, является «копия купчей на землю по городу Юрьевцу» 1749 года, ныне хранящаяся в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО).⁵⁴ Согласно этому документу, «пушкарская вдова» Дмитриева «продала [ранее] купленный свой крестьянской (т.е. оформленный должным порядком в собственность. – А.К.) двор того города на Верхнем Посаде» купцу Шигину за 10 рублей. Участок был невелик размерами и располагался, несмотря на то, что место называлось «Верхний Посад», около болота, т.е. где-то в низине – отсюда, вероятно, и невысокая даже по тем временам цена земли. За оформление сделки была взыскана пошлина 1 рубль, а копия купчей была написана на гербовом листе ценой 2 копейки; на таких листах надлежало «писать крепости и выписки [при сумме акта] до 50 рублей».

Ивановский край в то время представлял собой территорию, где было множество сёл и несколько маленьких городов – эти города, собственно, и были тогдашними, образно выражаясь, «центрами нотариальной активности». Функции нотариусов в них исполняли чиновники городовых магистратов. Городовые магистраты как органы местного управления были учреждены «Петром Великим при вторичном преобразовании центрального и областного управления. В 1718 году государь предписал “магистраты градские установить и добрыми регулы (чётко прописанными правилами работы – А.К.) снабдить”. Во исполнение этого были изданы регламенты Главному магистрату 1721 года и городским магистратам в 1724 году.... По своей компетенции магистрат был судебно-административным учреждением. Суду его были подведомственны

Купчая на продажу «пушкарской вдовой» Дмитриевой дома в г. Юрьевце купцу Шигину. 1749 г. Государственный архив Ивановской области.

все уголовные и гражданские дела между гражданами; первые подлежали окончательному утверждению Главного магистрата, а вторые, в порядке обжалования, могли восходить до Сената, пройдя ряд посредствующих инстанций».⁵⁵ Любопытен и смысл, который вкладывался в те времена в понятие «гражданин»: «Хотя магистрат и назывался “начальством города”, но ведал не всё городское население, а преимущественно торгово-промышленные классы, был “главою всего гражданства”, к которому не причислялись ни шляхетство (мелкое дворянство – А.К.), ни духовенство, ни иностранцы».⁵⁶

Для новых органов местного самоуправления предполагалось «строить ратуши и недалеко от них биржи», т.е. теоретически нотариат (по «Вексельному уставу» представляемый именно «биржевыми

нотариусами») должен был получить значительное развитие. Однако «эти планы в большинстве случаев не сбылись». ⁵⁷ В городах, позднее вошедших в состав Ивановской области, на протяжении всего XVIII века регистрацией различных актов занимались особые канцеляристы городовых магистратов, а копии документов делались особыми мелкими чиновниками – копиистами.

Судебная волокита по спорным гражданским делам была очень долгой: сохранилось, например, дело Кинешемского городового магистрата о земельном споре между отставным майором Иваном Колычевым и вдовой князя Ивана Юсупова-Черкасского.⁵⁸ Оно открывается прошением, поданным Колычевым в сентябре 1747 года, в котором отставной майор излагает суть спора: ему ещё в 1720 году за службу было пожаловано государем «имение в сельце Жукове Костромского уезда», но когда дело дошло до выделения конкретного участка земли, возник спор с соседями – князьями Юсуповыми. Разбирательство шло, мягко говоря, неспешно и дорого обходилось участникам тяжбы. По состоянию на 1727 год Колычев оставил в различных судах «пошлин 38 рублём 92 копейки три четверти да на расход 19 копеек две четверти». Новый виток разбирательства, начатый в 1747 году, обошёлся бывшему майору ещё в «76 рублём 13 копеек 4 деньги («деньга» или «денга» – монета в полкопейки. – А.К.)», взятые за переоформление старых и оформление новых документов. Эту цифру полезно сравнить с ценой участка «пушкарской вдовы Дмитриевой», практически в те же годы проданного в Юрьевце купцу Шигину.

Побывав в Кинешемском городовом магистрате, дело ушло в Кострому, затем дошло до Петербурга, где Сенат в 1752 году издал от имени императрицы Елизаветы вроде бы окон-

чательное определение о разделе спорного имения. Но и оно оказалось не последней «точкой над i» – в деле имеются документы за 1754 год, свидетельствующие о продолжении земельного спора. Он к тому времени длился уже без малого 35 лет и обошёлся спорщикам если не в полную стоимость участка «в сельце Жукове», то в сумму, близкую к ней.

Не в последнюю очередь в том были виноваты и тогдашние традиции оформления купчих на землю, в которых границы участков описывались очень приблизительно. Подобная практика «успешно» просуществовала в маленьких населённых пунктах весь XVIII век и захватила первое десятилетие XIX века. Вот, например, типичная купчая, данная юрьевецким мещанином Степаном Полежаевым купцам Ивану Солодовникову и Ивану Свешникову, совместно купившим у Полежаева участок земли:

«Лета тысяча семьсот восемьдесят третьего октября в двадцать пятый день. Города Юрьевца мещанин Степан Савельев сын Полежаев, в роде своём не последний, – продал я города Костромы купцам Ивану Петрову сыну Солодовникову и Ивану Андрееву сыну Свешникову, жёнам их, и детям, и наследникам состоящую в вышереченном городе Юрьевце в первой части крепостную свою порозную землю – с востоку над берегом реки Волги, с западу подле огородной земли здешнего купца Ивана Иванова сына Автамонова, с полдни от Волги к западу огород Юрьевецкого мещанина Михаила Калинина, с верхнюю сторону подле дворовой и огородной земли мещанки Настасьи Васильевой...».⁵⁹

Понятно, что столь «конкретное» описание границ земельного участка было чревато злоупотреблениями, например, при возведении забора вокруг него и конфликтами с владельцами соседних участков.

Старейший жилой дом города Иванова. Около 1800 года постройки.

Впрочем, даже когда удавалось договориться обо всём – процесс оформления недвижимости в собственность обыкновенно затягивался. Так, например, отставному подпоручику Никите Куломзину потребовалось 2 года (1760-1761), чтобы его «ввели во владение» недвижимостью в г. Кинешме, купленной у коллежского асессора Тарбеева.⁶⁰ Для этого пришлось писать массу прошений – от ходатайства в Кинешемский городовой магистрат до «челобитной» в Сенат (в Петербург), а «дело о вводе во владение имением» велось на гербовой бумаге ценой 2 копейки лист. Окончательно Куломzin вступил в права владения недвижимостью после того, как «1761 года июля 2 дня в журнале Государственной вотчинной коллегии записали: по челобитной подпоручика Никиты Васильева сына Куломзина... приказали: ту челобитную и предъявленные с ней копии (с купчей. – А.К.) за рукою

справа (т.е. заверенные как положено. – А.К.) принять и записать в журнал».

С другой стороны, во второй половине XVIII века в практику регистрации актов прочно входят те особенности, которые ныне считаются «само собой разумеющимися»: речь прежде всего о тщательном и как можно более полном сборе информации об объекте сделки и её участниках перед совершением нотариального действия. Так, например, 26 января 1783 года в Кинешемский уездный суд из городового магистрата Кинешмы ушла служебная записка: «Потребно сведение на недвижимое имение кинешемского мещанина Андрея Иванова сына Осьмухина для написания закладной»⁶¹, т.е. городовой магистрат перед регистрацией отдачи недвижимости в залог хотел удостовериться, что имение Осьмухина реально существует, ранее не закладывалось и никаких иных обременений на нём нет.

В обязанности чиновников городового магистрата входили даже самые мелкие детали, связанные с оформлением сделок и разрешением имущественных споров. Так, в «Журнале заседаний Юрьевецкого городового магистрата» за 1798 год читаем:

«11 июня. Докладывалось по делу, произошедшему в магистрате сём по указу Костромского губернского правления и по сообщению здешней Управы благочиния⁶² о взыскании с мещанина Бориса Масленникова по векселю мещанину Алексею Туринову денег 22 рублей 80 копеек и проценты. Четвёртого сентября и 4-го октября минувшего 1797 года взыскано и отдано означенному Туринову 8 рублей, а ныне с показанного Масленникова и остальные 14 рублей 80 копеек да причитающиеся проценты 2 рубля 84 копейки с половиной взысканы сполна, причём оказалось в употреблении по сему делу простой бумаги вместо гербовой шесть листов и для того ПРИКАЗАЛИ:

Взысканные деньги 17 рублём 64 с половиной копейки записать в приход, а потом в расход, и когда претендатель для получения оных явится, то выдать ему оные с росписью, а за употреблённую по сему делу вместо гербовой бумаги простую – означенное количество листов следует взыскать по указанной цене: деньги за пять по прежней цене рубль да за один по новой 30 копеек, итого рубль 30 копеек... оные при выдаче вычтя, отослать в уездное казначейство».⁶³

Таким образом, магistrat не только контролировал деятельность полиции по взысканию долга (законом именно городовым магистратам предписывалось «содержать в своём смотрении полицию»⁶⁴), но и следил за правильностью оформления документов. Кстати, вновь заметим: за 6 не так оформленных листов дела с А. Турилова взыскали 1 рубль 30 копеек, а «указных процентов» по векселю ему причиталось 2 рубля 84 ½ копейки. Учитывая, что листов в деле о взыскании долга было явно больше, чем 6 – мы можем предполагать, что процедура взыскания задолженности не только «съела» прибыль, которую рассчитывал получить Турилов, давая деньги «в рост», но и обошлась ему в некоторую часть основной одолженной суммы.

Процедура взыскания долга по закону была не только дорогостоящей, но и длительной. В «Журнале Юрьевецкого городового магистрата» за 1780 год читаем предписание: «По указу Её Императорского Величества самодержицы всероссийской из Костромского наместнического правления Юрьевецкому городовому магистрату.

В здешнееправление из Ярославского наместнического правления объявлено, что в Ярославский городовой магистрат заявлено, что ярославский купец Егор Фёдоров сын Овсянников письменно оному магистрату объявил: должен де ему Юрьевца купец Степан Андреев сын Мичуров по вексе-

лю, данному в Ярославле прошлого 1774 года июля 17 дня суммою во сто тринацать рублёв. Платёж ему в два месяца за поручительством юрьевецких купцов Фёдора Васильевича Шепетинникова и Петра Васильева Масленникова по той же сумме. По тому векселю он, Мичуров, обязался заплатить в здешнем городе или в Рыбной слободе (г. Рыбинске – А.К.). Он, Овсянников, того платежа ожидал по оному не только на срок, но и после протесту векселя. Кроме небольшого числа уплаты (незначительного платежа в счёт долга. – А.К.) Мичуров делать платёж ему не является, а жительство де имеет Костромского наместничества в городе Юрьевце по вольному. И просит [Овсянников] чтоб отыскали Мичурова, а в случае несостоительности с подписавшихся поручителей получить остаток и по день уплаты проценты.

...Присыпал оный [Овсянников] туда, куда надлежит, сообщение о заявлении протеста, приложив при том за скрепой (удостоверенные должным образом. – А.К.) копии. Посему оным правлением определено: в здешнееправление сообщить и требовать, дабы тому благоволено было дать своё повеление найти векселедавца и доставить во оноеправление без замедления. Того ради по указу ЕёИмператорского Величества Костромское наместническоеправление приказывает об учинении исполнения в Юрьевецком магистрате послать указ и велеть по исполнении рапортовать».⁶⁵

В переводе с бюрократического на русский, процедура выглядела так: не получив в срок платёж по векселю, данному юрьевецким купцом Мичуровым, ярославский купец Овсянников обратился с ходатайством о взыскании долга в Ярославский городовой магистрат. Тот, исследовав предоставленные по делу материалы (заверенную должным образом копию векселя), отправил дело для рассмотрения в Ярославское губернскоеправление. Там,

X

Капризование се, Капитанство Юрьевецкое уездное
суда - никакая из городового магистратов сиих уездов
печет это хг совершение, назначенный в Симбирь
трео доши с строением изъятую ^{Крепости} Крепости никакой
по городовому магистрату производство относящих
ко пренчтению не составляет. Декабря 29го дня 1841 г.
года.

Сергей Михаил Филиппов

Справка Юрьевецкого городового магистрата о том, что не имеется препятствий к заключению купчей на продажу земельного участка в Юрьевце. 1841 г.

Государственный архив Ивановской области.

проверив ещё раз материалы дела, отослали их в Костромское губернское правление, которое, наконец-то, довело их до Юрьевецкого магистрата – не будь прописана в законах столь громоздкая процедура, купец Овсянников с копией векселя мог бы выйти на этот магистрат напрямую.

Способы сократить число бюрократических инстанций, разумеется, существовали, но это не сильно способствовало ускорению процедуры взыскания долгов в законном порядке.

Так, в 1789 году костромские купцы Г. Угличанинов и В. Стригалёв сумели «достучаться» до губернатора – в результате этого руководивший полицией г. Юрьевца секунд-майор Грузинцев написал в местный городовой магистрат следующее сообщение:

«Сего числа (24 января 1789 года – А.К.) Его Высокопревосходительство господин Костромского наместничества губернатор в присланном ко мне ордере предписал, что, де, костромские купцы и соляные подрядчики Григорий Углечанинов да Василий Стригалёв приносят жалобу, что города Юрьевца купцы Алексей Козин, Семён Сыромятников, мещане Пётр Степанов Норкин и Яким Васильев Масленников за поручительством по ним того же города Юрьевца купца Сергея Сыромятникова и мещан Ивана Артамонова, Никифора Терентьева Кокина, Михаила Васильева Масленникова прошлого 1787 года сентября 2-го числа обязались с ними контрактом из Нижнего Новгорода поставить казённой соли в Кологрив тридцать тысяч пудов, в Макарьев десять тысяч... в феврале месяце прошлого 1788 года, но по тому контракту поставили только в Макарьев, а в Кологрив и поныне той поставки не окончили. Сего для Его Высокопревосходительства препоручили мне изволить тех купцов и их поручителей через городовой магистрат сыскать и понудить в том, чтобы они то действительно исполнили, старание мне приложить и городовому магистрату дать знать, чтобы он употребил со своей стороны надлежащие к тому меры... и какое к выполнению сего обязательства средство примут – о том рапортовать... в незамедлительном времени».⁶⁶

«В незамедлительном времени» оказалось понятием очень растяжимым: «Дело о взыскании денег за непоставленную соль купцами Углечаниновым и Стригалёвым», начатое в январе 1789 года, тянулось до 1793-го.

Впрочем, некоторые меры по исправлению такой ситуации предпринимались: с 1799 года в Костромской губернии действовало правило – городовые магистраты ежемесячно отсылали Костромскому губернскому прокурору особые рапор-

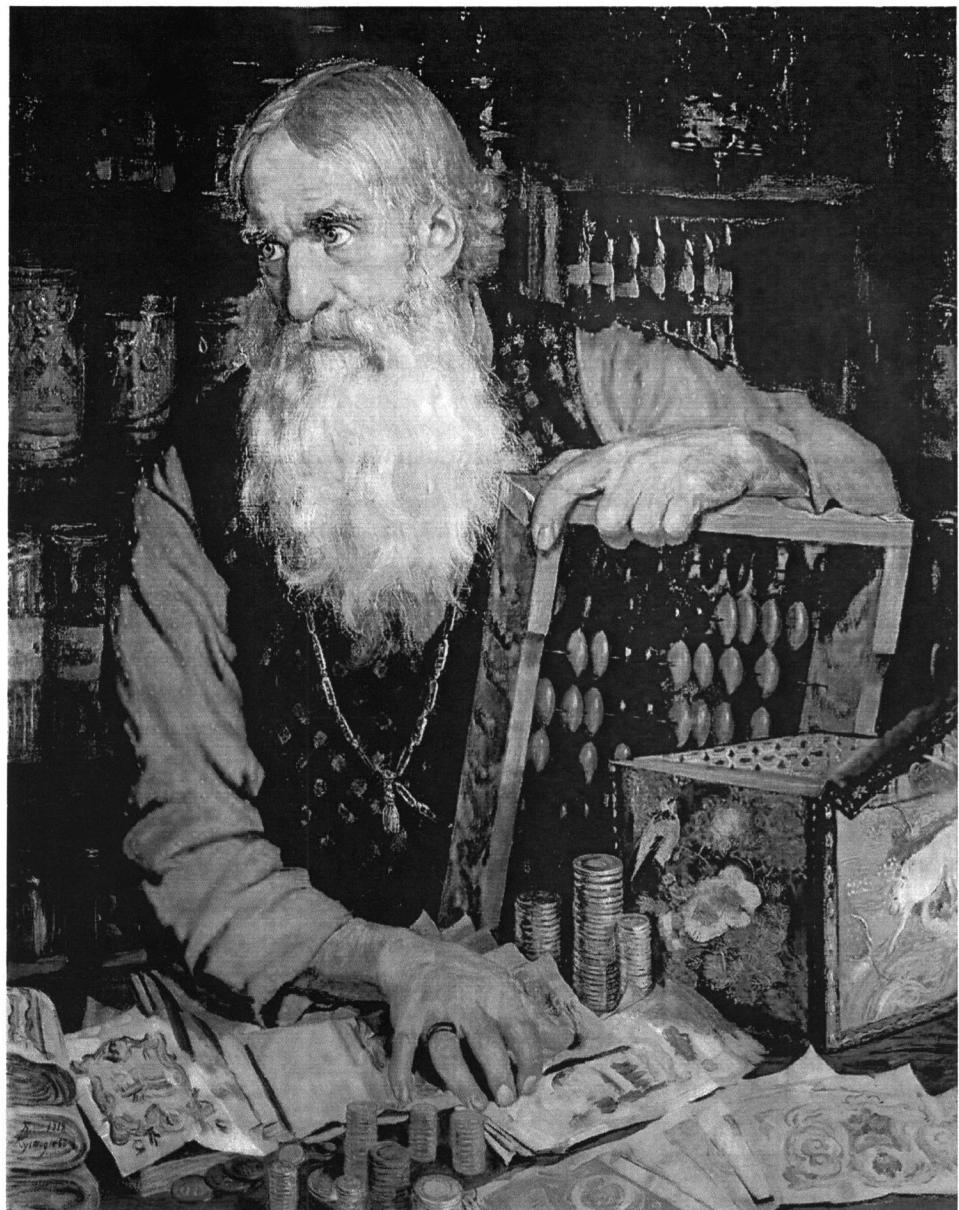
ты «о делах, по жалобам откупщиков начатых». Вот типичный такой документ от 2 июня 1805 года: «Его Высокоблагородию господину Костромской губернии прокурору надворному советнику Павлу Ефремовичу Ефремову из Юрьевецкого городового магистрата

РАПОРТ.

Минувшего июня 8 дня 1799 года присланым Его Императорского Величества из Костромского губернского правления указом велено о всех производимых делах, по жалобам откупщиков начатых, со извлечением, когда они начаты, как именно и по каким обстоятельствам не получили окончания, сочиня ведомости, присылать губернскому прокурору каждомесячно. Во исполнение оного указа предписания в Юрьевецком городовом магистрате по справке оказалось, что в вышеупомянутом по сему магистрату по жалобам откупщиков, как во вступлении, так и в нерешении в минувшем мае месяце 1805 года – не состояло (начатых новых дел и неоконченных ранее заведённых не было. – А.К.), о чём Вашему Высокоблагородию Юрьевецкий городовой магистрат сим и рапортует». ⁶⁷

Отметим ещё один интересный момент: в последней четверти XVIII века меняются заголовки документов, подаваемых в государственные структуры. «Городовые нотариусы» и маклеры тех лет чётко зафиксировали: время «челобитных» безвозвратно уходит – им на смену идут «объявления» (которые позднее станут привычными для нас «заявлениями»). Показателен один такой документ – ходатайство купца Г.И. Поленова в Кинешемский городовой магистрат о начале процедуры взыскания недвижимости по закладной с купца А.И. Осьмухина, поданное в 1779 году:

«В Кинешемский городовой магистрат от кинешемского купца Григория Иванова сына Поленова

Б.М. Кустодиев. «Купец, считающий деньги». 1918 г.
ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Должен мне по закладной, писанной в бывшей воеводской канцелярии у крепостных дел прошлого 1778 года января 12 дня кинешемский мещанин Андрей Иванов сын Осьмухин деньгами восемьдесят рублёв, в которых и заложил мне собствен-

ный свой дом с дворовым и хоромным строением вместо поручительства, состоящий на Нижнем посаде в Широкой улице, в которой он, Осьмухин, и жительство имел, токмо тот дом до сроку, во время случившегося здесь в Кинешме в том же 1778 году в апреле месяце пожара сгорел, а платежу деньгами срок минул сентября 12 дня того же 1778 года. Наречной мещанин Осьмухин по многому моему требованию тех денег не платит.

Того ради Кинешемский городовой магистрат покорно прошу сие моё объявление принять, с данной свыше писанной закладной копию принять и вышеописанного мещанина Осьмухина разыскание учинить и в силу вещного права к моему удовлетворению имение отобрать».⁶⁸

(Справедливости ради, заметим: Поленов оказался терпеливым и «объявление» подал только 21 октября 1779 года – более чем через год после указанного в закладной срока платежа).

Отметим также и указанную купцом «бывшую воеводскую канцелярию», где «у крепостных дел» мещанин Осьмухин писал ему свою закладную. Понятно, что в 1778 году уже давно существовал Кинешемский городовой магистрат, принявший все дела воеводской канцелярии – но с точки зрения восприятия кинешемцев того времени, момент весьма интересный. С одной стороны, магистрат и его структуры воспринимались как продолжатели традиций воеводского делопроизводства (известного, в том числе, многими злоупотреблениями и взяточничеством), с другой – слово «бывшая» говорит и о том, что горожане видели пусть и медленные, но перемены к лучшему.

Последняя четверть XVIII века ознаменовалась многими нововведениями, которые позднее станут нормами нотариального производства, а тогда ещё только-только зарождались и входили в делопроизводственную практику. Сохранилась,

например, «Книга приходная Шуйского городового магистрата печатным пошлинным деньгам» за 1790 год⁶⁹ – первый подобный реестр среди дошедших до нас документов тех лет. В «Книгу» записывались все пошлины, взятые с жителей Шуи «на пропечатание» (опубликование) различных актов, требующих огласки. Например, 25 ¼ копейки были взяты «с посланной в Шуйскую городскую шестигласную думу описи по оценке дома и полотняной фабрики здешнего купца ко вступлению ему в желаемые казённые подряды», т.е. купец, желавший заключить с государством контракт на поставку товаров, публично объявлял об имуществе, которое могло бы послужить залогом его честности при осуществлении этих поставок. С другой стороны, количество записей о взысканных «печатных пошлинных деньгах» (всего за 1790 год их 9) и мизерная сумма, полученная «за пропечатание» (за год в целом – 4 рубля 54 ¼ копейки) говорят нам о том, что практика опубликования сведений об открывшемся наследстве и т.п. ещё только начиналась, а не стала нормой.

Наиболее крепко старые традиции сохранялись при оформлении «духовных» (завещаний) – вплоть до того, что их написание жители Ивановского края по-прежнему доверяли в основном священникам. Так, например, когда в октябре 1783 года кинешемский купец Григорий Поленов решил зафиксировать на бумаге свою последнюю волю, то духовную ему писал «того же города церкви Воскресения Христова диакон Иоанн Кириллов сын Виноградов». Тот же церковный служитель составил Поленову и прошение в городовой магистрат Кинешмы об утверждении завещания.⁷⁰

Сама духовная начинается так: «Се аз раб Божий кинешемский купец Григорий Иванов[ич] сын Большой Поленов, в целостном своём разуме, чувствуя слабость бренного своего тела и ожидая

всякий час смерти, сделал сию мою духовную запись...».⁷¹ Этот документ любопытно сравнить с «духовным завещанием», составленным в том же 1783 году Ярославским и Ростовским епископом Афанасием: «Аз, смиренный епископ Афанасий, ведая краткость жития моего и неизвестен конец, а при том различные здравия моего болезненные чувствуя припадки, заблагорассудил прежде последнего дня жизни моей о себе и о своём убогом имении определить следующее...».⁷²

Как видим, преамбула обеих грамот примерно одинакова и сочетает в себе и религиозные, и светские мотивы. Это же касалось и процедуры официальной регистрации завещания – юридическую силу оно получало, только будучи официально явленным в местном органе светской власти. Так, Г.И. Поленов «Большой» в приложенном к духовной прошении ходатайствовал (формально – перед императрицей):

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, государыня всемилостивейшая!

Сего 1783 году октября (точная дата не указана. – А.К.) дня разделил я детям своим родным Дмитрию, Николаю, Лаврентию да Алексею, да бывшим от моего сына Петра детям, а мне внучатам Фёдору и Михаилу движимое и недвижимое своё имение, состоящее в городе Кинешме. А кому и сколько чего отдано и по смерти моей ко употреблению назначено, о том за рукой моей (собственноручно подписанную – А.К.) при сём объявляю духовную.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие моё члобитье Кинешемским городовым магистратом принять и предъявленную духовную утвердить и отдать мне обратно, а с производства дела за скрепою (заверенную в магистрате должным образом. – А.К.) точную копию».⁷³

Как видим – в прошении нет и намёка на религиозные мотивы, а излагается только дело по существу. Это важно: мы видим, что, благодаря реформам делопроизводства XVIII века, официальная регистрация документов стала делом исключительно светским, а церковь утратила ещё один важный рычаг влияния на ситуацию в стране.

Ещё более показательна история, случившаяся в 1800 году в г. Юрьевце.

В городовой магистрат из Костромского губернского правления пришла копия указа императора Павла I от 29 сентября 1800 года. Обнаружив, что Коммерц-коллегия (казённое учреждение, призванное утверждать в должностях выбранных маклеров и «публичных нотариусов») «определила маклером» некоего «иностраница Кирхнера» «тогда, когда он, по Уставу столичных городов главы V пункта 5-го не был записан в гильдию», импульсивный царь мгновенно отправил в отставку вице-президента коллегии Долинского и предписал проверить правильность выбора маклеров по всей империи.⁷⁴

В Юрьевце в это время маклером трудился мещанин Пётр Хлебников. По этому поводу «сего 1801 года января 29 дня магистрат имел рассуждение» и предписал Юрьевецкой городской думе найти более подходящего кандидата на должность нотариуса: «Определили о выборе в помянутые маклеры, по сходству с предписанным Его Императорского Величества повелением, из здешних купцов».⁷⁵ Однако городская дума неожиданно воспротивилась монаршей воле: «Заключено: как в здешнем городе по малому количеству купцов, к тому же и по состоянию некоторой части из них выбранными на разные должности, а из оставшихся – по несоответствию их, в помянутые маклеры выбрать некого – посему и вверяет купеческое общество означенную должность [повторно] прежде бывшему из мещан маклеру Петру Хлебникову, которого и соблагово-

~~305~~ 305, New Haven. 1st floor. 1800th ready

Копия указа императора Павла I о перевыборах маклеров. 1 ноября 1800 г.

Государственный архив Ивановской области.

ли оный городовой магистрат снабдить на сей 1801 год на записку касающихся до должности его дел книгою».⁷⁶

Как мы видим, Юрьевецкая дума в вопросе о выборе маклера явила образец правильного местного самоуправления: должность регистратора актов сохранил наиболее подходящий для этого горожанин, пусть и не обладающий формально необходимым статусом. В условиях, когда достойного претендента из купечества не имелось, юрьевчане предпочли нарушить императорское предписание,

исходившее из формальных критериев, ради пользы дела.

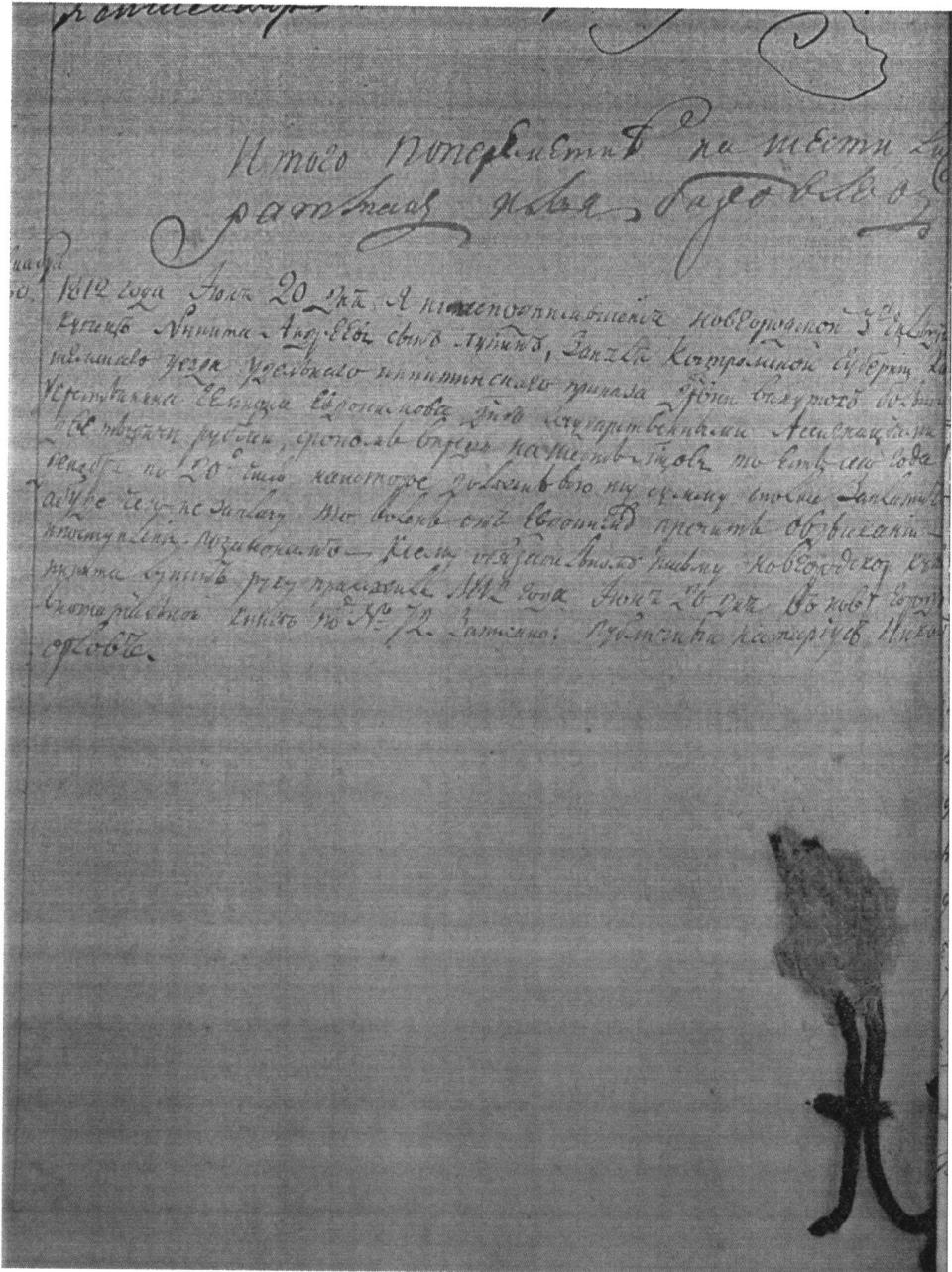
Здесь вообще уместно обратиться к одному немаловажному вопросу. Прежде, чем говорить о количественных показателях развития протонотариата в Ивановском регионе на рубеже XVIII-XIX вв., отвлечёмся на очень важный момент. Для того, чтобы иметь действительно достоверную картину ситуации с нотариальным производством в городах Ивановского края в конце XVIII века – мы должны иметь и представление о числе жителей в этих городах.

Например, сохранилась «Книга записи контрактов и других актов», совершённых в 1808 году в г. Пучеже.⁷⁷ В целом в неё записано 258 документов. Судя по содержанию «Книги», в неё заносились вообще все акты, которые горожане желали зарегистрировать официально: векселя⁷⁸, трудовые договоры⁷⁹ и др. документы.

Много это или мало?

Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон» сообщает, что по состоянию на 1897 год (по итогам Всероссийской переписи населения) в Пучеже проживало 2315 жителей.⁸⁰ То же издание даёт нам общую динамику численности населения России: в 1812 году в стране проживало 41 миллион человек, в 1897 году – 129 миллионов⁸¹, таким образом, за 85 лет население увеличилось примерно в 3,15 раза. Так что есть все основания предполагать, что в 1808 году численность населения Пучежа колебалась в пределах 700-800 человек, т.е. в среднем примерно каждый третий житель тогда ещё «посада Пучежа» в 1808 году воспользовался услугами «частного маклера». Это свидетельствует о значительных успехах развития нотариата в городе.

Менялись и суммы регистрируемых актов. Так, в течение 1791 года в г. Шуе было зарегистрировано в общей сложности 23 «веряющих письма» (доверенности), для записи которых в местном

Удостоверяющая надпись и печать Шуйского городового магистрата на последнем листе маклерской книги. 1811 г.
Государственный архив Ивановской области.

городовом магистрате велась особая книга.⁸² Это относительно небольшое количество зарегистрированных актов компенсируется их качеством. Так, «Книга Шуйского городового магистрата для записки веряющих писем на 1791 год» открывается следующей записью № 1 от 1 января: 2-й гильдии купец Иван Иванович Софонеев доверил купцу 3-й гильдии Аверкию Ивановичу Лядову «собственные мои российские и немецкие товары суммою на пять тысяч рублей в разные российские и сибирские (так в тексте. – А.К.) города продавать».⁸³ Чтобы представить размеры этой суммы, приведём некоторые данные о ценах того времени: килограмм ржаной муки стоил в 1793 году 3 копейки; рабочий на ткацкой мануфактуре в 1789 году зарабатывал 2 руб. 50 коп., а конторщик – 4 руб. в месяц; оптовая закупочная цена холста в 1760-х гг. составляла 15-17 копеек за погонный метр.⁸⁴

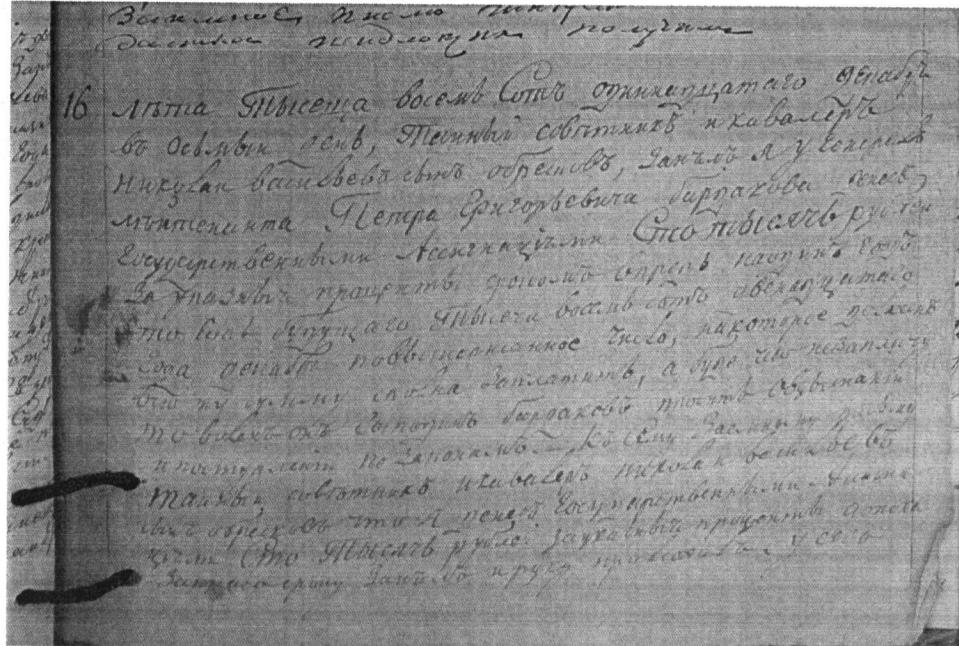
Нотариальная регистрация доверенности в 1791 году происходила в Шье следующим образом: в «Книге городового магистрата» делалась запись в особой графе «Свидетельство». В частности, доверенность купца Софонеева была засвидетельствована так: «1791 года января 22 дня сие кредитное письмо в Шуйском городовом магистрате свидетельствовано и оказалось писано точно с дозволения означенного 2-й гильдии купца Ивана Софонеева и как должно рукою его подписано, которое в книгу под номером 1-м внесено и приложена сего магистрата печать».⁸⁵ То есть, надо полагать, что придание доверенности юридической силы состоялось только после того, как в магистрате был опрошен на этот счёт сам купец Софонеев, заодно представивший и образец своего почерка для сличения с подписью на «кредитном письме». Это свидетельствует о высоком профессионализме нотариусов Ивановского региона, традиция которого была заложена уже в первые десятилетия существования протонотариата на этой территории.

Заметим также, что, по данным шуйской «Книги на 1790 год объявления капиталов купецких»⁸⁶, в указанном году в городе имелось 42 человека, профессионально занимавшихся торговлей. Из них собственно купцами себя объявили 20 жителей Шуи – 2 объявили капиталы, достаточные для попадания в первую гильдию и 18 – в третью. Помимо этих горожан в Шуе в 1790 году проживали 16 мещан, занимавшихся торговлей, и 6 купеческих вдов, продолжавших дело покойных мужей. Все эти лица занимались в основном мелочной торговлей, о чём говорят размеры их капиталов – так, мещанин Ф.Е. Шапошников объявил капитал в 1005 рублей, а «купеческая вдова Афросинья Иванова жена Доксова» – капитал в 1015 рублей.⁸⁷ Таким образом, явленные у маклера в 1791 году 23 «веряющих письма» за весь год также свидетельствуют не об отсутствии у деловых людей Шуи интереса к законному оформлению сделок, а наоборот – о высокой востребованности нотариальных услуг.

Ещё охотнее обращались к услугам маклеров те жители Ивановского края, которые происходили из благородных сословий и не только не страдали от крепостного права, но и сами были крепостниками. Им не было нужды скрывать свои капиталы. Поэтому и появлялись в «маклерских книгах» рубежа XVIII-XIX веков записи, подобные этой:

«Лета тысяча восемьсот одиннадцатого декабря в осьмой день тайный советник и кавалер Николай Васильев сын Обрезков занял я у генерал-лейтенанта Петра Григорьевича Бардакова денег государственными ассигнациями СТО ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ (выделено маклером. – А.К.) за указные проценты сроком впредь на один год...».⁸⁸

Интересно отметить и то, что, в соответствии с правилом о взимании $\frac{1}{4}$ процента от

Лист «Книги» шуйского маклера с записью заёмного письма
на 100.000 рублей. 1811 г.

Государственный архив Ивановской области.

суммы акта за оформление сделки, на одной только этой записи составлявший её маклер заработал 250 рублей – совокупный доход ткача за 100 месяцев (8 с лишним лет) работы. Можно констатировать, что нотариальное производство постепенно становилось не только престижным, но и очень выгодным занятием.

Примечания

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России.... Т. 2. С. 38.

² См., напр., «Вкладную запись от 1693 года в ярославскую Димитриево-Солунскую церковь купца Козьмы Гурьева на лавку в Суровском ряду», по которой Гурьев дарил свои торговые площади храму в обмен на «вечное поминование» нескольких членов семьи Гурьевых // Ярославские епархиальные

ведомости. Ч. неоф. 1894. 24 мая. № 21.

³ См., напр., «Купчую запись от 1653 года, данную безместным ярославским священником Иваном Давыдовым сапожнику Фоме Степанову на принадлежавшие ему, Ивану, дом и двор», согласно которой священник продал свой дом и землю с построенным на ней погребом и баней за 10 рублей серебром // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 10 мая. № 19.

⁴ См., напр., «Отказную отпись от 1690 года Марфы Парфеньевой в Дмитриево-Солунскую церковь на образ Воскресения Христова», по которой женщина фиксировала передачу в собственность храма дорогостоящей иконы в окладе из драгоценных металлов // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 24 мая. № 21.

⁵ См., напр., «Поступную запись от 1691 года вдовы Екатерины Федотовой на дом её на земле ярославской Дмитриево-Солунской церкви», по которой Федотова отказывалась за себя и за своих вероятных наследников от претензий на дом, стоящий на церковной земле, в котором она проживала до составления поступной // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 17 мая. № 20.

⁶ См., напр., «Променную от 1580 года на деревню Гремячее запись», выданную вдовой княгиней Ульяной Алабышевой // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 10 мая. № 19.

⁷ См., напр., «Раздельную запись от 1700 года Малмыфы Титовой со своим пасынком Фёдором Вахрамеевым», по которой женщина брала у своего пасынка 80 рублей деньгами, взамен отказываясь претендовать на недвижимость, доставшуюся Вахрамееву от покойного отца – мужа Титовой // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 7 июня. № 23.

⁸ См., напр., «Заёмную запись от 1659 года ярославского сапожника Фомы Степанова вдове Анне Селивёр-

стовой на дом его и двор», согласно которой Степанов брал в долг у Селивёрстовой 10 рублей серебром под залог недвижимости // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 17 мая. № 20.

⁹ См., напр., «Рядную запись от 1643 года на написание в Ярославской Димитриево-Солунской церкви иконы Спасителя и иконостаса»: эту работу обязались выполнить иконописец Макар Агафонов и его сын Василий, беря плату за работу сдельно – от 30 алтын (90 коп.) до 4,5 руб. за одну икону // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 3 мая. № 18.

¹⁰ См., напр., «Почервную память от 1672 года, выданную уполномоченным Ростовского митropolита иеромонахом священнику ярославской Димитриево-Солунской церкви Иоанникую на молитвование и крещение подкинутого младенца», по которой предписывалось окрестить и записать в семью «посадского человека Сеньки Холмогора» подброшенного тому на двор неизвестного младенца, которого Холмогор согласился усыновить. // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 21 июня. № 25.

¹¹ Там же. Вып. 1. М., 1975. С. 217.

¹² См., напр., «Благословенную грамоту от 1645 года Преосвященного Варлаама, митрополита Ярославского и Ростовского на разборку в Ярославском Димитриевом приходе старой деревянной церкви в честь похвалы Пресвятая Богородицы и великомученика Георгия и постройку в то же наименование новой» с подобным распоряжением: «...старую церковь разобрать и во едино место скласти и огородить, чтоб никакорая нечистота не прикасалась» // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 26 апреля. № 17.

¹³ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 1. С. 134.

¹⁴ Кочнев М.Х. Миткалёвая метель. Сказы. Ярославль, 1985. С. 34, 35.

- ¹⁵Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. М., 2003. С. 251.
- ¹⁶Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты. http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/istoriya-petr_32.htm.
- ¹⁷Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. П/том 41. С. 391.
- ¹⁸История нотариата <http://www.notariat.ru/section28834>.
- ¹⁹Коллегии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.
- Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. П/том 30. С. 692-693.
- ²⁰Юстиц-коллегия // Юридический словарь http://mirslovarei.com/content_yur/JUSTIC-KOLLEGIJA-6738.html.
- ²¹Коллегии // Энциклопедический словарь / ... П/том 30. С. 693.
- ²²Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н.С. Таганцевым. Часть общая. СПб., 1887. Вып. 1. С. 143.
- ²³Подробнее см.: Генеральный регламент // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1892. П/том 15. С. 323.
- ²⁴Документооборот в прошлом. Делопроизводство при Петре I. <http://www.government.nnov.ru/?id=33689>
- ²⁵Там же.
- ²⁶Генеральный регламент.... С. 323.
- ²⁷Владимирская губерния // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 12. СПб., 1892. С. 635.
- ²⁸История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века / Отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль, 2000. С. 92.
- ²⁹Воевода // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1892. П/том 12. С. 828.

- ³⁰ Там же. С. 828, 829.
- ³¹ Там же. С. 829.
- ³² Ивановская область. По «Золотому кольцу России»....С. 7.
- ³³ Гербовый сбор // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1892. П/том 15. С. 457.
- ³⁴ Российское законодательство X-XX вв. В 9 тт. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. д-р ист. н., проф. Е.И. Индова. М., 1987. С. 474-475, 492.
- ³⁵ Там же. С. 428.
- ³⁶ Тимофеев А.Г. История Санкт-Петербургской биржи. СПб., 1903. С. 13.
- ³⁷ Биржа // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1891. П/том 6. С. 880, 881.
- ³⁸ Российское законодательство X-XX вв. В 9 тт. Т. 5. С. 475.
- ³⁹ Возникновение и история нотариата. <http://www.moslaws.ru/articles/detail/26/101>; Российское законодательство X-XX вв. В 9 тт. Т. 5. С. 362.
- ⁴⁰ Смыкалин А.С. Нотариат Челябинской области. XVIII – XXI века. М., 2007. С. 9.
- ⁴¹ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 1. С. 134.
- ⁴² Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 242, 243.
- ⁴³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738-1795. Т. 4. СПб.,1873. Стлб. 963-964.
- ⁴⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 238.
- ⁴⁵ Соловьёв В.Л., Болдырева Н.Д. Ивановские ситцы. М., 1987. С. 39.
- ⁴⁶ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 1. С. 135.
- ⁴⁷ Балдин К.Е., Кохова Л.А. От кустарного села к индустриальному «мегаполису».... С. 46.
- ⁴⁸ Балдин К.Е. Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. М., 1993. С. 8.
- ⁴⁹ Хорькова Е.П. История предпринимательства и

меценатства в России. М., 1998. С. 11.

⁵⁰ Балдин К.Е., Кохова Л.А. Указ. соч. С. 59.

⁵¹ Там же. С. 78.

⁵² Ивановская область. По «Золотому кольцу России».... С. 8.

⁵³ Балдин К.Е., Кохова Л.А. Указ. соч. С. 89.

⁵⁴ Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
Ф. 938. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁵ Городовые магистраты // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1893. П/том 17. С. 314-315.

⁵⁶ Там же. С. 314.

⁵⁷ Там же. С. 315.

⁵⁸ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁹ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁶⁰ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 2.

⁶¹ ГАИО. Ф. 948. Оп. 4. Д. 28. Л. 1.

⁶² Управа благочиния – орган местного управления, которому было «вверено полицейское управление» городом. См.: Благочиние // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1891. П/том 7. С. 59.

⁶³ ГАИО. Ф. 938. Оп. 4. Д. 15. Л. 126 – 126-об.

⁶⁴ Городовые магистраты // Энциклопедический словарь.... С. 315.

⁶⁵ ГАИО. Ф. 938. Оп. 6. Д. 5. Л. 2 – 2-об.

⁶⁶ ГАИО. Ф. 938. Оп. 6. Д. 30. Л. 1 – 1-об.

⁶⁷ ГАИО. Ф. 938. Оп. 4. Д. 97. Л. 3.

⁶⁸ ГАИО. Ф. 948. Оп. 4. Д. 9. Л. 1.

⁶⁹ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 6.

⁷⁰ ГАИО. Ф. 948. Оп. 4. Д. 48. Л. 1 – 1-об.

⁷¹ Там же. Л. 3.

⁷² Духовное завещание Афанасия, епископа Ростовского и Ярославского, от 1783 года // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 12 июля. № 28.

⁷³ ГАИО. Ф. 948. Оп. 4. Д. 48. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Л. 4.

⁷⁶ Там же. Л. 6.

⁷⁷ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 7.

⁷⁸ См., напр., запись от 1 сентября 1808 г. – краткое содержание векселя мещанина Степана Романова на 61 рубль. Там же. Л. 215-об.

⁷⁹ См., напр., запись от 19 апреля 1808 г. – краткое содержание договора найма на работу к пучежскому купцу Афанасию Проскурякову. Там же. Л. 53.

⁸⁰ Пучеж // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 50. СПб., 1898. С. 821-822.

⁸¹ Россия. II. Население. Статистика населения // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 54. СПб., 1899. С. 75.

⁸² ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 8.

⁸³ Там же. Л. 1.

⁸⁴ Анисимов С.В. Цена рубля.... С. 25, 26.

⁸⁵ ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.

⁸⁶ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 5.

⁸⁷ Там же. Л. 33, 64.

⁸⁸ ГАИО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

ГЛАВА III. НА ПУТИ К «РУССКОМУ МАНЧЕСТЕРУ» (1812-1866)

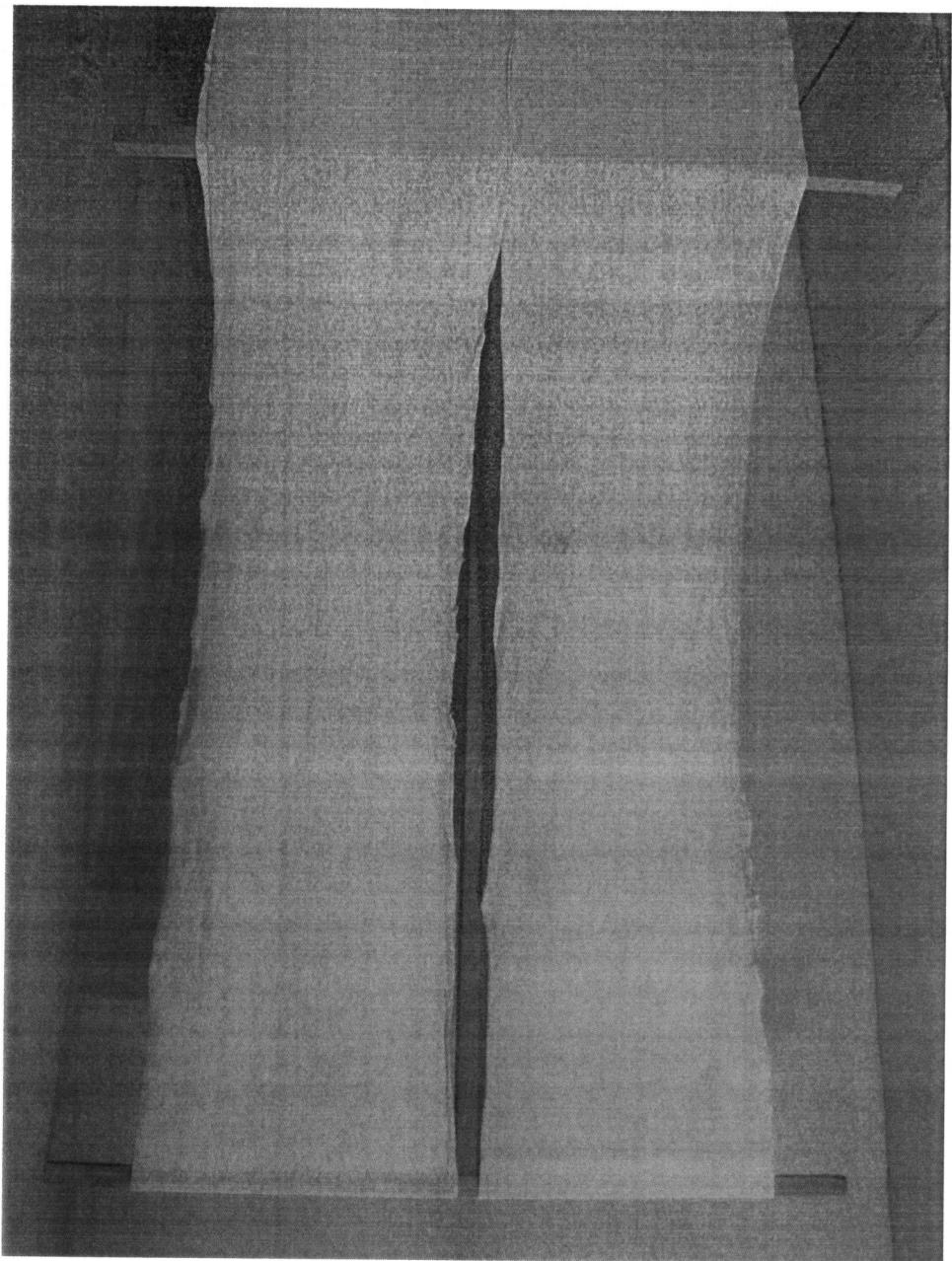
§ 1. «Золотое десятилетие»: нотариальные особенности

«Десятилетие с 1812 по 1822 годы считается для Шуйско-Ивановского района “золотым” временем: тогда здесь набойщики быстро и без труда наживали крупные состояния». «Набивная промышленность начала быстро развиваться с 1812 года, когда, вследствие нашествия французов, московские фабрики были вынуждены временно прекратить свою деятельность».¹

Впрочем, эта причина была не главной. Минимум за 10 лет до французского нашествия и захвата Наполеоном Москвы ивановские ткани уже были, как сказали бы сегодня, «брендом», широко известным по всей России. Сохранился весьма любопытный документ – «Реестр от каких мест и в чём состоят требования» Московского губернского правления 1803 года – перечень лиц и краденого имущества, объявленного в розыск. В этом списке приводятся и вещи, украденные у двух офицеров, подлежащие розыску: «Корнета Синеокова: ...голландского холста рубах 4, ивановского холста рубах 2.... Корнета Горникова: ...панталоны английского сукна, рубах ивановского холста 3,... платок голштинский (Голштиния – область в Германии, в наши дни – часть федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн. – А.К.)...».² Как видим, уже тогда «ивановский холст» был синонимом «русского холста».

Промышленному росту Ивановского края в первой четверти XIX века были присущи особенности, сильно повлиявшие на развитие местного протонотариата.

В первую очередь, речь идёт о том, что реально богатели очень немногие – наиболее предприимчивые – жители региона. Например, именно в начале XIX века выделяется и стремительно богатеет род

Полотно ивановской работы. Экспозиция Музея ивановского ситца.

Ямановских: «По данным Шуйского земского суда, в 1808-1810 годах мануфактура Ямановских была крупным производством и уступала по мощности только предприятию Е.И. Грачёва.... Используя благоприятную для ивановских предприятий обстановку на текстильном рынке 1812-1813 годов, Ямановские стремительно увеличили объёмы производства, предприятие раскинулось на обширной территории правого берега Уводи. Оно состояло из девяти фабричных корпусов, шесть из которых были каменными».³

Большинство же остальных ивановцев продолжали оставаться не только бедными, но и юридически бесправными: например, к 1825 году в России числилось 324 мануфактуры, обрабатывающие шерсть, – из числа их работников крепостные составляли 82 процента.⁴ Хлопчатобумажная промышленность являлась исключением из правила – она была «отраслью, почти не связанной ни с крепостным трудом, ни с государственными привилегиями и поставками, развивавшейся на основе применения вольнонаёмного труда», однако и тут всё было не так просто. «Заработная плата вольнонаёмных рабочих в России была в то время самой низкой в Европе. Вольнонаёмный рабочий начала XIX века зачастую представлял собой крепостного, отпущеного помещиком на оброк».⁵

На развитии протонотариата в Ивановском крае это отразилось так: количество официально регистрируемых сделок было значительно меньшим, чем в соседних регионах, а средняя цена совершающего акта – значительно большей. Например, обязательному нотариальному оформлению подлежал выкуп крепостных на волю: «Разбогатевшие люди стремились выйти из крепостной зависимости, но владелец соглашался ~~на~~ это лишь в исключительных случаях, и ко времени реформы 19 февраля 1861 года в селе Иванове выкупилось всего 50 се-

мей; средняя выкупная цена была очень высокой – до 20.000 руб. на семью».⁶

Похожей была и ситуация с регистрацией других сделок и актов. Сохранилась, к примеру, «Книга города Шуи маклера для записи векселей и заёмных писем на 1826 год».⁷ За январь в неё внесено лишь 15 записей, но зато каковы суммы актов (приводятся так, как они перечислены в «Книге...», т.е. по хронологии):

1. 25.000 рублей ассигнациями;
2. 1000 рублей серебром⁸;
3. 50.000 рублей ассигнациями;
4. 50.000 рублей ассигнациями;
5. 2200 рублей ассигнациями;
6. 29.000 рублей ассигнациями;
7. 20.000 рублей ассигнациями;
8. 15.000 рублей ассигнациями;
9. 15.000 рублей ассигнациями;
10. 10.000 рублей ассигнациями;
11. 10.000 рублей ассигнациями;
12. 2200 рублей серебром;
13. 50.000 рублей ассигнациями;
14. 25.000 рублей ассигнациями;
15. 1000 рублей серебром.

Для сравнения: в 1821 году «крестьянская вдова Пелагея Гарелина» составила завещание на своего деверя М.И. Гарелина. Своё имущество (село Спасское с прилегающими земельными угодьями, проживающих там крепостных «крестьян, что окажутся, женска и мужеска полу всех без остатку», фабрику и каменный 2-этажный дом) она оценила в 8000 рублей.⁹ «Торг» (совокупная стоимость имеющихся в наличии товаров, выручки от их продажи и сумм,пускаемых на покупку новых товаров) ивановских купцов и промышленников Гандуриных, торговавших по всей России, оценивался в те же годы в 250.000 рублей.¹⁰

Из 15 «явленных» в январе 1821 года шуйскому

маклеру векселей 6 принадлежали одному и тому же векселедателю – «шуйскому купцу Василию Максимову Киселёву», два векселя одновременно «явили» купец Ф.И. Корнилов. Таким образом, услугами маклера воспользовались за месяц менее 10 жителей Шуи, но доход регистратору (процент, взимавшийся с суммы акта) они принесли по тем временам более чем значительный.

В большинстве остальных случаев, напрямую не связанных с крупной торговой деятельностью, жители Ивановского края практически не пользовались нотариальными услугами.

Так, в «Книге Шуйского городового магистрата для записи духовных завещаний» за 1832 год¹¹ мы встречаем одну-единственную запись. Мещанин А.А. Сметанин «чувствуя, по преклонности лет своих, и слабости сил своих, и воображая о смерти своей, могущей последовать и нечаянно» решил разделить между родственниками недвижимость, оцененную в 1000 рублей ассигнациями и сбережения – 3060 рублей. Текст этого документа способен хорошо объяснить в, насколько патриархальными оставались семейно-бытовые традиции ивановцев, и почему они не спешили доверять нотариусам вопросы, связанные с разделом имущества. Вероятная смерть и всё, что с ней связано, воспринимались в первую очередь в духовном контексте.

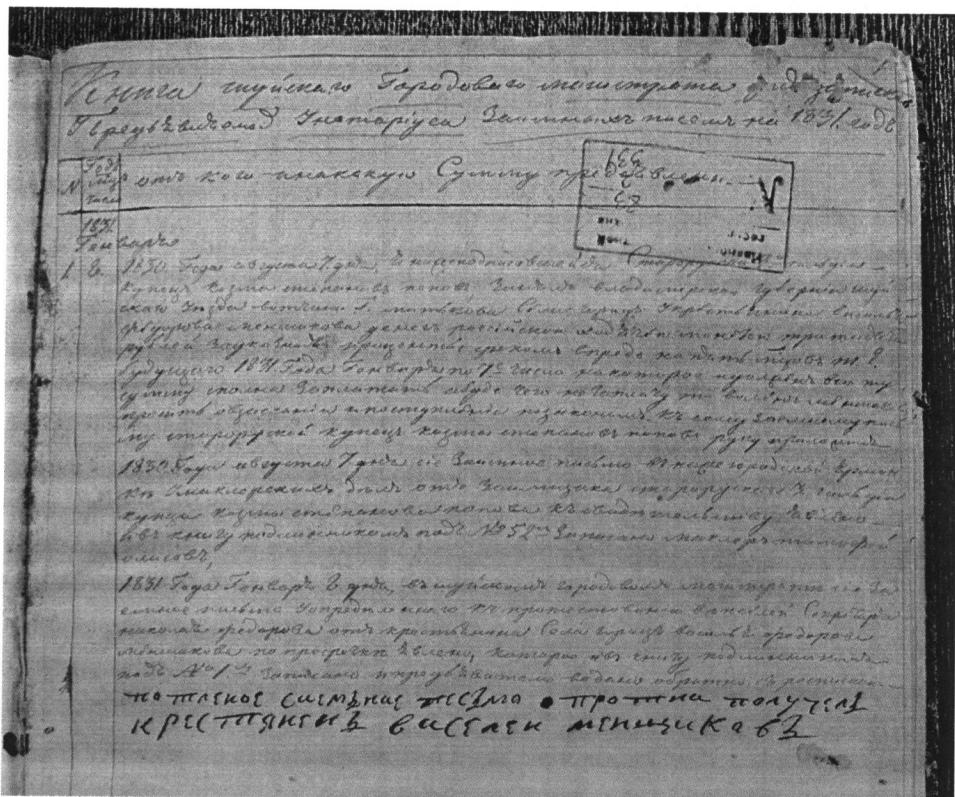
Сметанин достаточно подробно (по пунктам) расписывает, что и кому он завещает. В первых двух пунктах духовной он говорит о недвижимости (земельном участке под застройку в 42-м квартале г. Шуи и о деревянном доме в деревне Толчково), а в третьем, вместо того, чтобы объявить свою волю по части денежных сбережений, вдруг пишет: «Разделить им (наследникам – А.К.) между собою полюбовно, без всякого спора, по равной части имеющиеся у меня в доме святые иконы и книги».¹² И только затем идёт распоряжение о денеж-

ном капитале, завершаемое очень примечательным пассажем: «Таковым награждением (оставляемой по завещанию частью общей суммы сбережений. – А.К.) быть им (наследникам. – А.К.) довольными и засим находиться, по усердному моему желанию, в совершенно добром между собою согласии и искренней любви, а особенно дочерям моим оказывать к родительнице своей достодолжное и всегдашнее почтение и преданность, за что да пребудет на них Божие и моё родительское благословение». ¹³ Столь многочисленные апелляции к Богу позволяют предположить, что в большинстве случаев жители малых городов, сёл и деревень, распоряжаясь наследством своего имущества, обходились вовсе без завещания: «Божие и родительское благословение», которое должно было пребывать на наследниках только в случае точного исполнения воли покойного, было для наследников, по-видимому, не пустым звуком.

Черновик завещания писал по просьбе Сметанина «шуйской округи села Пупков Вознесенской церкви священник Иосиф». Традиция составления актов на имущество лицами духовного звания была характерна для России XVI – начала XVIII вв., а затем в крупных городах их сменили чиновники магistratov. Как мы видим, в малых городах, а тем более в сёлах и посадах, она вполне успешно просуществовала минимум до 30-40-х годов XIX века. Совершенно иначе обстояло дело с актами, касающимися торговых операций. Сохранилась «Книга для записки доверенностей на 1831 год» того же Шуйского городового магистрата.¹⁴ Из неё очень хорошо видно, что к регистрации «веряющих писем» жители Шуи прибегали куда охотнее, чем к официальной фиксации своей последней воли. За год свои доверенности зарегистрировал 41 горожанин, что объяснимо.

Если в вопросе наследования жители Иванов-

ского края полагались преимущественно на волю Всевышнего и на моральную силу «родительского благословения», то доверенности затрагивали в основном те дела, в которых «на Бога надейся, да сам

«Книга Шуйского городового магистрата для записи предъявляемых у нотариуса заёмных писем и векселей на 1831 год». Первый лист.

Государственный архив Ивановской области.

не плошай».

Например:

«Декабря 7-го (1831 года. – А.К.). Объявил ве-
рящее письмо шуйский первой гильдии купец Сте-
пан Иванов сын Посылин, в коем значит:

Милостивый государь мой Данила Севастьянович!

По заключённому Вами 10-го числа прошедшего ноября контракту отправляетесь Вы в города Персии Табриз и Рауст для исправления коммерческих дел моих, почему и доверяю Вам по прибытии

туда принять оставшийся после умерших приказчиков моих ростовского мещанина Алексея Латышева и крестьянина Костромской губернии Нерехтской округи села Писцова Василия Мыльникова торговые дела, документы, книги и имущество, деньги и товары от кого следовать будет и все оные проверить вместе с приказчиком моим Павлом Степановичем Мыльниковым.... В случае недостатка чего-либо – просить где следует о возвращении мне.... О коснувшемся до моей собственности имеете Вы подавать прошения, объявления и всякого рода бумаги к начальствующим лицам и в те присутственные места, куда надобность востребует, резолюции выслушивать, с них копии получать и в чём следует расписываться».¹⁵

К процедуре регистрации доверенностей также относились гораздо серьёзнее. «Веряще письмо» С.И. Посылина, например, подписал шуйский бургомистр К. Носов, а скрепил печатью секретарь Фёдоров.

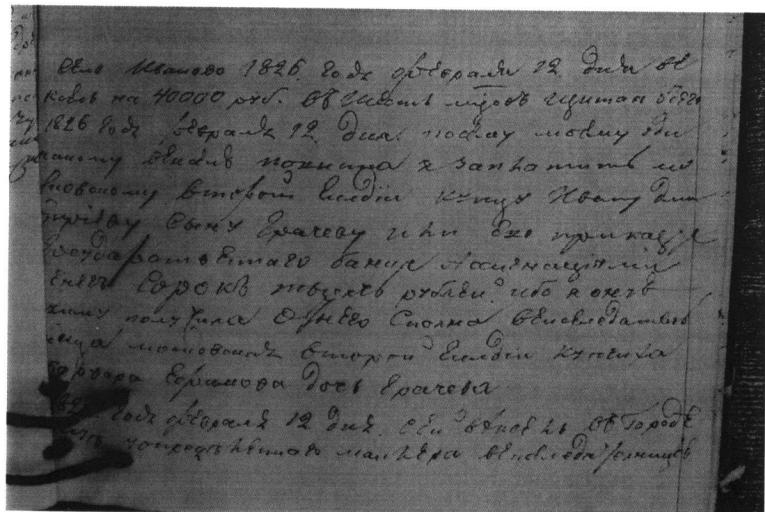
Когда речь заходила о крупных суммах, к ма-клеру за регистрацией шли и кровные родственники. Например: «Село Иваново. 1826 года февраля 12 дня. Вексель на 40.000 рублей. В 6 месяцев, считая от сего 1826 года февраля 12 дня, по сему моему однакому векселю повинна я заплатить московскому второй гильдии купцу Ивану Дмитриеву сыну Грачёву или его приказу государственного банка ассигнациями денег 40.000 рублей, ибо я оную сумму получила от него сполна. Векселедательница – московская второй гильдии купчиха Варвара Ефимова дочь Грачёва».¹⁶

Вообще, нотариальные акты Ивановского региона начала XIX века весьма хорошо отражают трепетное отношение местных жителей к торговым делам. Это видно даже по формулировкам, встречающимся в документах.

Вспомним, например, что «Вексельный устав»

1729 года предписывал под «нотариусом» понимать биржевого служащего, регистрирующего торговые сделки. Дальнейшее законодательство XVIII века преимущественно оперировало термином «маклер», т.к. кроме Санкт-Петербурга биржи в XVIII веке нигде организовать не удалось. Заводимые на местах реестры для записи регистрируемых актов, как мы видим, назывались почти всегда «маклерскими книгами». Однако уже в самом начале «золотого десятилетия» Ивановского края, в 1812 году, в г. Кинешме местному регистратору актов была выдана книга с очень любопытным названием: «Книга, данная из Кинешемского городового магistrата секретарю Андрею Протопопову для записи крепостных и долговых заёмных писем по части вексельного нотариуса».¹⁷

Из заголовка понятно, что «выборного» регистратора заёмных писем в тот год в Кинешме не нашлось и пришлось привлекать к этой работе чиновника магистрата. И, тем не менее, кинешемские власти посчитали важным подчеркнуть, что секретарь А. Протопопов исполнял не просто маклер-

Запись о векселе купчихи В.Е. Грачёвой на 40.000 рублей в маклерской книге 1826 г.
Государственный архив Ивановской области.

ские обязанности, а был лицом, обслуживающим торговые операции местных жителей. Хотя содержание «Книги» говорит, что в 1812 году в Кинешме услуги регистратора заёмных писем были не слишком востребованы: за весь год в ней было внесено лишь 19 записей и суммы актов были небольшими. Например: «1812 года января в 8-й день я, ниже-подписавшийся помещик из дворян Николай Александров сын Шушерин, занял я у губернского секретаря Александра Дмитриева сына Попова денег государственными ассигнациями триста сорок два рубля за указные проценты».¹⁸

К 1825 году в Кинешме появился достойный кандидат на должность регистратора заёмных писем, не работающий чиновником, но и тогда традиция подчёркивать именно «нотариусский» статус не исчезла. Заверительная надпись на «Книге для записи долговых и крепостных заёмных писем, предъявляемых в 1825 году», сделанная в Кинешемском городовом магистрате, гласит: «Сия книга на записку в 1825 году предъявляемых к неплатежу в срок крепостных и долговых заёмных писем правящему в городе Кинешме нотариусскую должность маклеру Никите Буркову выдана».¹⁹

Наименование «маклер» «на все случаи жизни» сохранялось только в тех местах, где нотариальное делопроизводство было слабо развито – настолько, что для записи всех актов вообще заводилась единая книга. Так было, например, в 1821 году в Пучеже. Там местными властями была выдана единая «Маклерская книга на явку разного рода бумаг к пучежскому маклеру Адинцову».²⁰ Всего за год маклер зарегистрировал 105 актов разного рода: векселей, доверенностей, трудовых договоров и других документов, в том числе и весьма интересного содержания. Например, был зарегистрирован акт о продаже выборного поста, по-видимому, весьма обременительного для того, кого на этот пост избрали:

«№ 12. 9 февраля. Пучежский мещанин Фёдор Филиноков дал сие условие пучежскому же мещанину Арефу Кузнецову в том, что подрядился я, Филиноков, по выбору его, Кузнецова, в нынешнем году в мещанские старосты продолжать за него, Кузнецова, сию должность добропорядочно, как законы повелевают, до смены в будущем 1822 году, вступить же мне во оную со ввода в должности на сей год. От сего служения Кузнецова до убытка и ответа не доводить. А рядились (договорились об оплате. – А.К.) Филинокову за таковое служение денег 300 рублей, из них задаток при сём получил 200 рублей, а остальные по служению».²¹ Интересно, что и.о. мещанского старосты был даже и неграмотен – расписывался за него пучежский мещанин Фёдор Протопопов.

Вообще, разного рода «нетипичные» акты, активно регистрировавшиеся в те годы нотариусами и маклерами Ивановского края, наглядно свидетельствуют о том, что в целом ивановцы первой трети XIX века существенно нуждались в нотариальных услугах, которые были им нужны на все случаи жизни. Так, в 1821 году в Юрьевецком городовом магистрате помимо «традиционных» контрактов, векселей и доверенностей в особую книгу были записаны 6 официально заверенных аттестатов, в том числе весьма необычных. Например, в сентябре «мы, нижеподписавшиеся юрьевецкие купцы и мещане дали сей аттестат Юрьевецкого Спасского собора священнику Алексею Дмитриевичу Тодорко в том, что с самого поступления в означенный собор замечен он нами в самом хорошем поведении, примерных поступках и честности, приличных его сану».²²

§ 2. «Точность – вежливость королей»

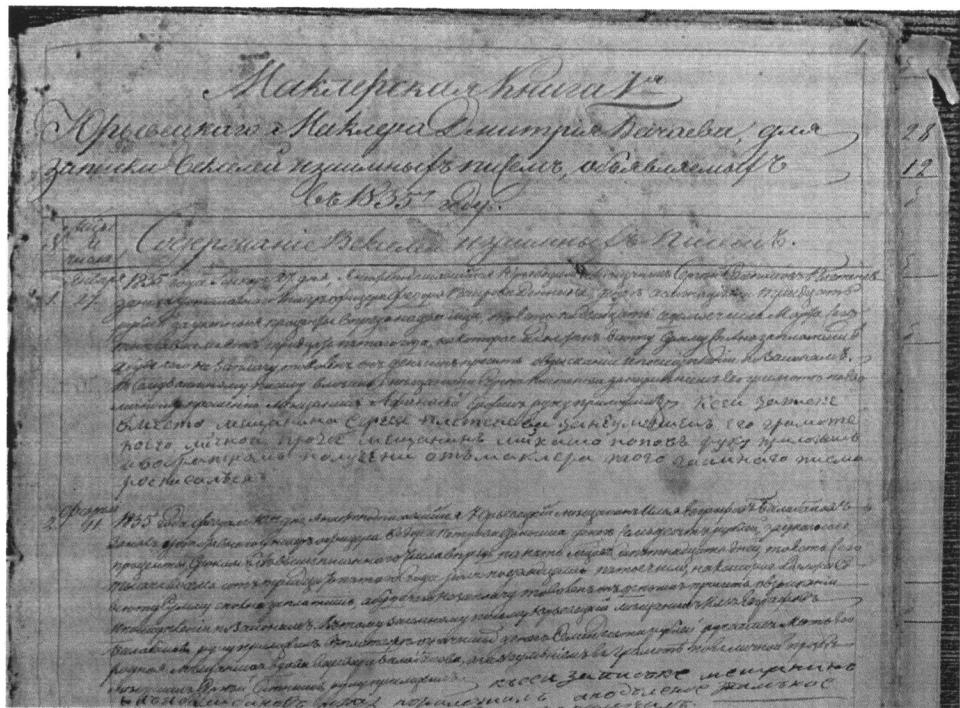
Другой важной особенностью ивановского протонотариата периода «золотого десятилетия» региона и последующих 10 лет (до кодификации

русского законодательства в «Своде законов Российской Империи») стало то, что информация, отражаемая в нотариальных актах, стала значительно более конкретной. Например, гораздо более точными стали описания продаваемых или отдаваемых в дар или залог недвижимых имуществ, о чём свидетельствует хотя бы сохранившийся «билет» 1819 года, выданный Юрьевецким городовым магистратом тамошнему мещанину И.М. Богатову на постройку дома.²³ Чиновник магистрата (именно они в те годы исполняли в малых городах должности нотариусов и маклеров) не только предельно чётко описал границы участка, отводимого под застройку, и составил его план, «конфирмованный» (утверждённый) «юрьевецким городничим Степановым», но и обязал Богатова строить дом строго определённых размеров и местоположения: «Позволено строить деревянный дом по фасаду квартала, который закладывать лицом на улицу, отступя от соседа один аршин с половиной в симметрию противу лежащего дома, а прочее строение чтоб было одно от другого не ближе пяти сажен. От фундамента до крыши не выше шести аршин, а два корпуса отнюдь не строить, высоту крыши делать в одну треть широты строения, течи с крыши на соседние дворы не пускать, на улицу дверей и крылец не делать».

Столь же точно недвижимые имущества описывались в нотариальных актах. Например: «Лета тысяча восемьсот тридцать седьмого ноября в двенадцатый день. Города Юрьевца Вознесенской церкви заштатный священник Василий Фёдоров – подарил я дочери своей родной, той же церкви священнической жене Ираиде Васильевой Иорданской в вечное и потомственное владение половину собственного моего благоприобретённого дома, состоящего в городе Юрьевце Покровской улицы в 21-м квартале под № 14-м, выстроенного мной на

собственной крепостной земле, заключающуюся в двух передних комнатах: то есть зале и избе (видимо, речь идёт о сенях. – А.К.) с принадлежащими к оной половине строением и службами».²⁴

Вообще, стремление к упорядочению нотариального производства, повышению ясности и конкретности информации, содержащейся в нотариальных актах, в 1820-е годы становится направлением государственной политики. В этом смысле

«Маклерская книга Юрьевецкого маклера Дмитрия Бачаева» на 1835 г.

Первый лист. Государственный архив Ивановской области.

показательна преамбула к императорскому манифести «О гербовом и крепостном сборах» от 24 ноября 1821 года²⁵:

«Положениями о гербовом и крепостном сборах, изданными при манифесте 1812 года февраля 11, учинено новое распределение в раскладке сих пошлин для уравнительнейшего их взимания. Опыт нескольких лет показал необходимость до-

полнить оные положения подробнейшими правилами. Вследствие сего ПОВЕЛЕВАЕМ...». Далее следует очень подробный законодательный акт, в котором расписывается порядок взимания самых разных пошлин. Среди них есть и несколько положений о нотариальной деятельности.

Генеральная идея манифеста на этот счёт состояла в том, чтобы снизить стоимость нотариальных услуг для их пользователей, компенсировав убытки казны увеличением налогов на деятельность маклеров и нотариусов.

Первая же статья манифеста провозглашала, что «крепостной пошлины, которой до сего при переходе имений по купчим крепостям, дарственным записям и данным, при явке просроченных закладных и при продаже имения с публичного торга, взималось по 6 процентов, – взимать впредь по 4 процента». Статья 14 предписывала, что все акты («купчие, закладные и другие равную силу имеющие крепостные акты, а также заёмные письма, векселя, контракты, договоры и условия») по-прежнему пишутся на гербовой бумаге – «такой цены, которая, по основанию сего указа, соответствует заключающейся в акте сумме» – однако «разрядов» гербовой бумаги теперь стало значительно больше. Это также позволяло пользователям нотариальных услуг экономить: например, акт ценой в 950 рублей писался на гербовой бумаге 3 разряда ценой по 3 рубля за лист, а акт на 850 рублей – на бумаге второго разряда, лист которой стоил 1 рубль 80 копеек.²⁶

Шестой раздел императорского манифеста 24 ноября 1821 года (ст.ст. 58-68)²⁷ был озаглавлен «О бумаге для маклерских и нотариальных книг», хотя речь в нём шла не только о бумаге, но и вообще о порядке ведения нотариальных дел.

В очередной раз подчёркивалось тождество понятий «нотариус» и «маклер», которые фигу-

рируют в манифесте через запятую, без оговорки, чем одно отличается от другого. Статья 58 провозглашала, что «каждый маклер и нотариус обязан иметь две книги: одну для записи векселей и заёмных писем, а другую для внесения контрактов, договоров и условий», т.е. при случае и нотариус мог заниматься регистрацией договоров и контрактов, и маклер мог регистрировать векселя, доверенности и заёмные письма.

На практике, однако, разделение понятий вполне произошло, что мы наблюдаем на примере названий «нотариусских книг», выдававшихся в Ивановском крае. К началу 1830-х годов из них окончательно исчезают всевозможные «маклеры, правящие нотариусскую должность» и т.п. формулировки. Так, до нас дошли шуйские и юрьевецкие книги для записи векселей и заёмных писем. Несмотря на то, что, фактически, в них вносились одна и та же информация (тексты векселей, долговых расписок и доверенностей), книги назывались по-разному. В Шуе, где по состоянию на 1831 год не было выбранного маклера, а его обязанности исполнял секретарь магistrата Фёдоров (чиновник), свод назывался «Книга Шуйского городового магистрата для записи предъявляемых у нотариуса заёмных писем».²⁸ В Юрьевце же, где регистрацией актов занимался выбранный из местных жителей Дмитрий Бачаев, он получил из местного магистрата «Маклерскую книгу Юрьевецкого маклера для записи векселей и заёмных писем, объявляемых в 1835 году».²⁹

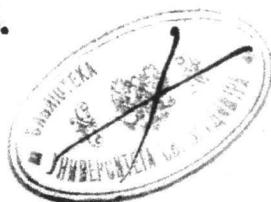
Если вспомнить, что первоначально (при Петре Великом) «нотариусами» назывались государственные чиновники, записывавшие решения, принимавшиеся на заседаниях коллегий, можно предположить, что и в дальнейшем слово «нотариус» относили скорее к регистратору актов из чиновничества, а «маклером» склонны были называть

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ЗАКОНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Т О МЪ I.

съ 1649 по 1675.

Отъ № 1 до 618.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

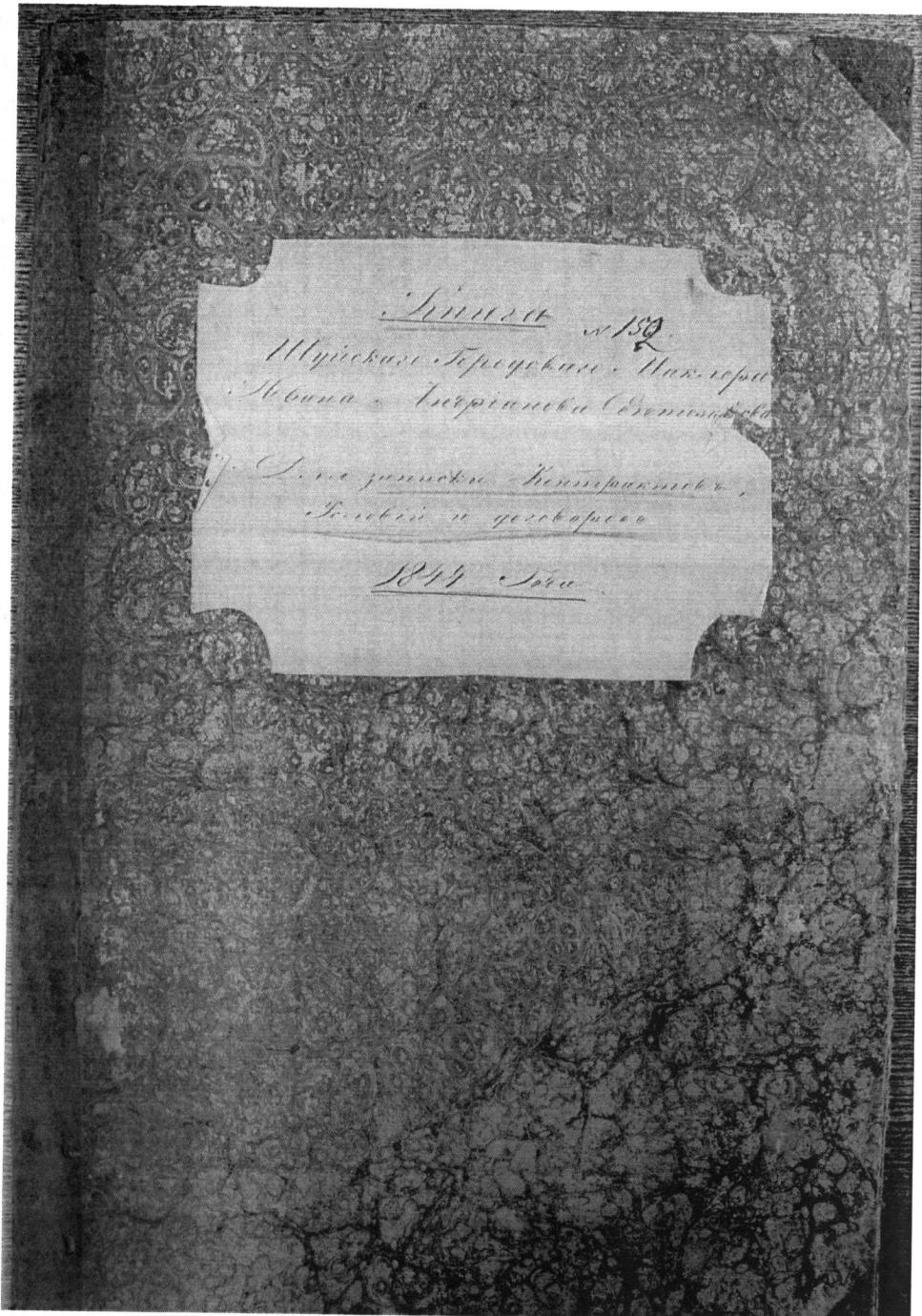
Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственнай
Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

1830.

«Полное собрание законов Российской Империи».
Титульный лист 1-го тома. 1830 г.

выбираемого из местных жителей человека, не состоящего на госслужбе. В одном из сопроводительных текстов к долговой расписке, опротестованной в Шуйском городовом магистрате в 1830-е годы, о тамошнем регистраторе (в заголовке «Книги для записи...» обозначенном как «нотариус») сказано: «Сие заёмное письмо у определённого (т.е. назначенного руководством магистрата. – А.К.) к протестованию векселей и заёмных писем секретаря – коллежского регистратора Николая Фёдорова ... по просрочке явлено». ³⁰ Когда же в 1840-х годах в Шуе появился регистратор актов, выбранный из горожан, не состоявших на государственной службе, мещанин Иван Андрианович Светозаров, то ему из магистрата стали выдавать «Книгу Шуйского городового маклера для записи протеста векселей и заёмных писем». ³¹

В отношении нотариусов императорский манифест «О гербовом и крепостном сборе» был несколько противоречив. С одной стороны, в нём вводились достаточно дорогие тарифы: за каждый лист «маклерской» или «нотариусской книги» регистратор, который её вёл, был обязан уплатить в казну 50 копеек серебром – это равнялось вознаграждению за оформление акта на сумму 200 рублей серебром или 700-1000 рублей ассигнациями (курс серебряного рубля к ассигнационному менялся). С другой – ст. 59 манифеста провозглашала, что «число листов в маклерских и нотариальных книгах не определяется». То есть, каждый нотариус, примерно представляя востребованность своих услуг в той местности, где он работал, мог заказать себе книгу с оптимальным количеством листов и не переплачивать за незаполненные листы (в то время, как, например, купцам предписывалось заводить книги минимум по 50 листов). Так, «Книга Шуйского городового магистрата для записи предъявляемых у нотариуса заёмных писем» на 1831 год состояла из 6 листов, а «Книга Шуйского городового маги-

«Книга Шуйского городового маклера Ивана Андрианова Светозарова для записи контрактов, условий и договоров, 1844 года». Обложка.
Государственный архив Ивановской области.

страта для записи предъявляемых к протесту векселей» на тот же год³² – из 8 листов, т.к. протесты векселей были более распространены. (За 1831 год в Шве было опротестовано 36 векселей, а заёмных писем удостоверено только 26).

Когда листы в книге заканчивались, то в магистрате запрашивалась «вторая» или «дополнительная» книга. Например, когда в Ярославле у тамошнего публичного нотариуса Колотилова в середине сентября 1825 года закончилась книга для регистрации заёмных писем, то городская дума выдала ему «книгу вторую».³³ В ней было всего 4 листа, т.к. Колотилов ясно понимал, что за остающиеся до конца года 3 с небольшим месяца притока желающих зарегистрировать долговую расписку ждать не приходится.

Императорский манифест 24 ноября 1821 года предписывал (ст. 66), чтобы органы местного самоуправления оформляли и выдавали нотариусам дополнительные книги в тот же день, когда те сдают в думы и магистраты прежние, заполненные, книги. В конце каждого года нотариус был обязан сдать все ведущиеся им книги в органы местного самоуправления (городовой магистрат, городскую думу и т.д.), чтобы их там проверили: пересчитали листы, ознакомились с содержанием записей в книге и т.д. Там же с нотариуса брали пошлину. До сдачи в магистрат или думу и «обревизования» там старой книги невозможно было получить новую – на новый рабочий год.

Тенденция к упорядочению нотариальной деятельности путём её регулирования в самых мелких деталях продолжилась и при новом императоре – Николае Первом.

Сменивший на троне Александра I его брат Николай по сей день остаётся одной из наиболее противоречивых фигур русской истории. Это касается всех сфер его деятельности, включая и законодательную. Не лишена оснований, например,

хвалебная оценка, озвученная экспертом РИА «Новости» П. Романовым: «Будучи консерватором, император вовсе не был чужд реформам, возмущался крепостным правом. Однако считал опасным отменять его сходу, не подготовившись к этому шагу серьёзно. Если декабристы считали, что Конституция сама собой решит все проблемы, поэтому практически не занимались технологией решения этой проблемы, Николай наоборот, проделал огромную черновую работу, создав массу специальных комиссий по крестьянскому вопросу. Наработки именно этих комиссий позже использовал его сын, “Царь-Освободитель” Александр Второй. То же касается судебной реформы. По поручению Николая Первого блистательный Сперанский проделал огромную работу, сведя, наконец, воедино беспредельно хаотичное для того времени российское законодательство. Изданный при Николае “Свод законов” и сделал возможным проведение судебной реформы всё того же Александра Второго».³⁴

«Свод законов Российской Империи», подготовленный М.М. Сперанским к январю 1833 года, представлял собой «систематическое собрание действующих в России законов, явившееся результатом неудач кодификационных попыток, которые делались в России с начала XVIII века». Император Николай I был убеждён, что «те неудобства и злоупотребления при отправлении правосудия, которые проистекали от накопления чрезвычайного множества противоречивых указов, скорее всего могут быть устранины приведением в известность действующего законодательства, т.е. изданием систематического свода действующих законов с исключением всего, потерявшего силу, но без всяких изменений в существе постановлений, её сохранивших».³⁵

Создавая «Свод…», М.М. Сперанский использовал ряд принципов, которые должны были способ-

Образ Николая I и его эпохи на дензнаке в 50 рублей образца 1899 г.

ствовать созданию чёткой системы законодательных актов:

1. Исключать все законы, вышедшие из употребления, т.е. отменённые позднейшими узаконениями.
2. Вместо многих актов, касающихся одного и того же вопроса, сохранять только один, в котором вопрос освещался бы наиболее полно.
3. Слишком длинные законы сокращать, оставляя только самую суть и убирая дополнения, комментарии и разъяснения по частным вопросам.

Однако в число главнейших принципов попали и два, создававшие препятствия для усовершенствования законодательства. Так, инструкцией по составлению «Свода...» предписывалось публиковать тексты актов слово в слово с первоисточником, не осовременивая их, «ибо в законе драгоценны не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности – древность». Это сразу же сде-

лало многие акты непонятными не только для «простых» читателей, но и для юристов и, особенно, для чиновников – «низшие служители» канцелярий и учреждений редко отличались хорошим образованием. Но ещё более необдуманным был второй принцип: сталкиваясь с двумя противоречащими друг другу актами, Сперанский «находил, что Свод переступил бы свои границы, если бы составители его взялись судить, который из двух противоречащих законов лучше. Поэтому он установил другое правило: из двух несходных между собою законов следовать позднейшему, не разбирая, лучше ли он или хуже прежнего».³⁶

Созданный в результате кропотливой работы «Свод законов Российской Империи издания 1832 года» (таково было полное название этого кодекса, хотя в действие он вступил лишь с 1 января 1835 года, а в Сенате обсуждался в январе 1833 года) поражал скорее своим объёмом. По оценке крупнейшего современного исследователя николаевской эпохи и личности императора Николая I Л.В. Выскочкива, «одновременно на столе (императора – А.К.) было выложено 45 томов (считая приложения – 48 переплётов)». Государственное же управление улучшилось незначительно: «Институт самодержавия представлял собой громоздкую бюрократическую машину с далеко не простыми механизмами власти».³⁷

Не нашлось достойных преемников и у Сперанского. Министр юстиции в 1829–1839 гг. Д.В. Дашков «был превосходным судьёю и юристом, но никогда не был хорошим администратором, ещё менее – законодателем», а его более чем на 20 лет (1839–1861) сменил В.Н. Панин – «холодный и малодоступный»; «глава петербургских реакционеров, он был известен своими консервативными взглядами». Само же Министерство юстиции в николаевскую эпоху, по отзывам современников, «было малозначимым».³⁸

Тем не менее, для своего времени составление «Свода законов...» было, безусловно, прогрессивным и необходимым шагом на пути усовершенствования законодательства.

Узаконения, касающиеся нотариальных действий, оказались разбросаны по нескольким уставам, включённым в «Свод...». Хотя даже в таком варианте они существенно упорядочили нотариальную практику. Так, мы уже рассматривали случай, когда в 80-х годах XVIII века в Ивановском крае один из магистратов сначала провёл работу по принудительному взысканию долга по векселю, а потом был вынужден ещё и взыскивать с подателя прошения о взыскании стоимость гербовой бумаги (проситель должен был подавать прошение на гербовой бумаге, а подал на обычной). В николаевскую эпоху такое стало невозможно по определению: ст. 121 «Устава о пошлинах» провозглашала, что «строжайше предписывается, чтобы все акты, писанные на неустановленной бумаге, как присутственными местами свидетельствуемы и утверждаемы не были, так и нотариусами и маклерами не принимались к записке в их книги».³⁹

В том же «Уставе о пошлинах» определялся и порядок сборов за оформление и регистрацию актов, всех без исключения. Теперь этот порядок стал значительно более единообразным, хотя какие-то частные исключения (в основном для национальных окраин империи) ещё сохранялись.

Ст. 328 «Устава о пошлинах» провозглашала, что отныне при регистрации акта берётся единственный вид пошлин: «При переходе имуществ от одного лица в полную к другому собственность или вообще при перемене крепостного владения, с актов, утверждающих право сего владения, взимаются в казну особые пошлины, именуемые крепостными». Порядок их взимания стал практически единообразным (отдельные редкие исключи-

чения пока оставались): на основании ст. 359 того же Устава «во всех вообще случаях, где полагается платёж крепостных пошлин, оных должно быть взимаемо с цены переходящего по акту имения или с суммы, означенной в акте, по четыре процента, независимо от числа лиц, участвующих в совершении акта». «Для определения суммы, с коей должны быть взысканы крепостные пошлины, участвующие в переходе имения обязаны при совершении акта объявить истинную оному цену, по совести, подвергаясь за утайку взысканию двойных с утаённой суммы пошлин» (ст. 360).

Впрочем, допускалось регистрировать и акты без указания конкретной цены. Например, в 1844 году в Шуе в книгу местного маклера был внесён договор: местная жительница Прасковья Захарова подтверждала, что «дозволяет ему, Петру Семёнову, с дочерью его Матрёной Петров[н]ою проживать безо всякой оплаты сроком от заключения сего условия впредь девять лет, если он, Пётр Семёнов, и его дочь будут проживать, ничем не беспокоя меня, и будут хранить флигель от разрушения и от пожара... а я, Пётр Семёнов, обязуюсь во время жительства моего во флигеле снохи моей Прасковьи Захаровой вести себя честно и спокойно, не причиняя ей, Прасковье, оскорблений ни словом, ни делом и сохраняя в цельности строение её».⁴⁰

Помимо крепостных пошлин ст. 403 «Устава о пошлинках» предписывала, что «с каждой купчей, дарственной записи, духовного завещания, закладной и тому подобных актов, совершаемых порядком крепостным, взимается в казну, сверх установленных пошлин, собственно за написание оных у крепостных дел, без всякого расчёта в письме и в страницах, равным числом по три рубля серебром».

Для жителей провинции это было весьма дорого, поскольку стоимость недвижимости чаще всего была не слишком большой.

В Государственном архиве Ивановской области сохранился, например, «проект акта» 1847 года⁴¹: «Февраля в 14-й день луховской (житель г. Луха. –

Три рубля Российской Империи. Дензнак образца 1905 г.

А.К.) мещанин Фёдор Фёдоров[ич] Мельников. Продал я зятю своему... Павлу Михайлов[ич]у Тренину собственный свой, доставшийся мне по наследству, деревянный дом с надворною пристройкою, состоящий города Луха в Костромской улице в 10-м квартале под номером 38-м с находящимся под оным землём, а равно и с огородною (т.е. с прилегающим к дому участком земли, обнесённым забором. – А.К.).... А взял я, Мельников, с него, Тренина, за этот дом с пристройкою и землёю денег серебром шестьдесят рублей». За оформление акта были «взяты пошлины два рубля сорок копеек серебром и актовых три рубля серебром»; по тогдашним правилам сам акт должен был быть написан на гербовом листе «первого разбора» ценой в 90 копеек. Кроме того, для совершения акта потребовалось ещё и свидетельство из Лухской городской ратуши⁴², что дом Мельникова на момент

совершения сделки никому не заложен и не продан, последовавшее «вследствие поданного от него прошения». Свидетельство было выписано на гербовом листе в 30 копеек серебром, а прошения в материалах дела нет, но ясно, что и оно подавалось на гербовой бумаге за счёт Мельникова. Таким образом, расходы на регистрацию продажи дома составили примерно 1/8 от суммы, вырученной за дом.

Более расчётливые продавцы заранее вносили в условия продажи пункт, по которому расходы на оформление сделки нёс покупатель. Сохранилась, например, вот такая доверенность 1848 года⁴³:

«Милостивый государь Дмитрий Петрович!

Известно Вам, что принадлежащий мне флигель, находящийся в городе Лухе по Нижней Воскресенской улице, не состоящий ни под каким запрещением, со всею дворовою пристройкою и с землёю... продал я диакону Лухского Успенского собора Василию Яковлев[ич]у Тихомирову ценою за восемьдесят пять рублей семьдесят одну копейку серебром. Деньги получил я уже все сполна и на эту продажу обязан Тихомирову дать законный акт, но сам лично это сделать затрудняюсь по случаю отдалённого моего жительства, а потому покорнейше прошу Вас исходатайствовать от Лухской городовой думы надлежащее свидетельство на означенное имение, по таковому свидетельству дать от имени моего диакону Тихомирову купчую крепость от крепостных дел.... При совершении крепости все денежные расходы обязан производить диакон Тихомиров на его счёт.

...Остаюсь к Вам доброжелателен,

Самарский мещанин Никита Кузьмин Таланов».

Впрочем, оформление доверенности тоже встало Таланову недёшево – она была написана на гербовом листе ценой 2 рубля серебром.

Это было неудивительно, если учитывать, что в вопросе сбора пошлин «Свод законов гражданских и межевых» старался нигде не упускать государ-

ственной выгоды и учитывал самые мелкие частности. Показательны сами формулировки статей «Свода». Например, ст. 629: «Для предупреждения ущерба казённых пошлин надлежит наблюдать, чтобы не было включаемо в один акт распоряжений о различных предметах, но чтоб на каждый из них составлен был особый акт».

На практике это выражалось в том, что, например, при вступлении в наследство каждый из претендентов на него должен был написать отдельное прошение на имя императора и собрать комплекс документов, подтверждающих права наследования. Так произошло, например, в 1859 году в Шуе, где решался вопрос о наследстве покойного купца Вознесенского посада В.А. Напалкова. «Дело о введении в права наследства»⁴⁴ состоит из нескольких тетрадей – «гражданских дел», заводившихся отдельно в отношении каждого претендента на имущество и капиталы покойного. Например, отдельно от сыновей и внуков просила выдать ей долю имущества вдова купца, Е.И. Напалкова; её прошением на императорское имя открывается одно из «гражданских дел».⁴⁵

Порядок оформления и регистрации актов был прописан в третьем разделе первой части «Свода законов гражданских и межевых», озаглавленном «О порядке приобретения и укрепления прав вообщем». Согласно ему, все акты делились на «крепостные» и «явочные». Статья 594 «Свода...» разъясняла, что «акты, вносимые в книги у крепостных дел, суть двух родов: одни вносятся для совершения их крепостным порядком, без чего они действительными не признаются, другие вносятся только для явки и засвидетельствования их. Те и другие, быв записаны у крепостных дел, именуются крепостными, но первые суть акты, крепостным порядком совершаемые, а вторые суть акты явочные. К актам первого рода, т.е. совершаляемым крепостным поряд-

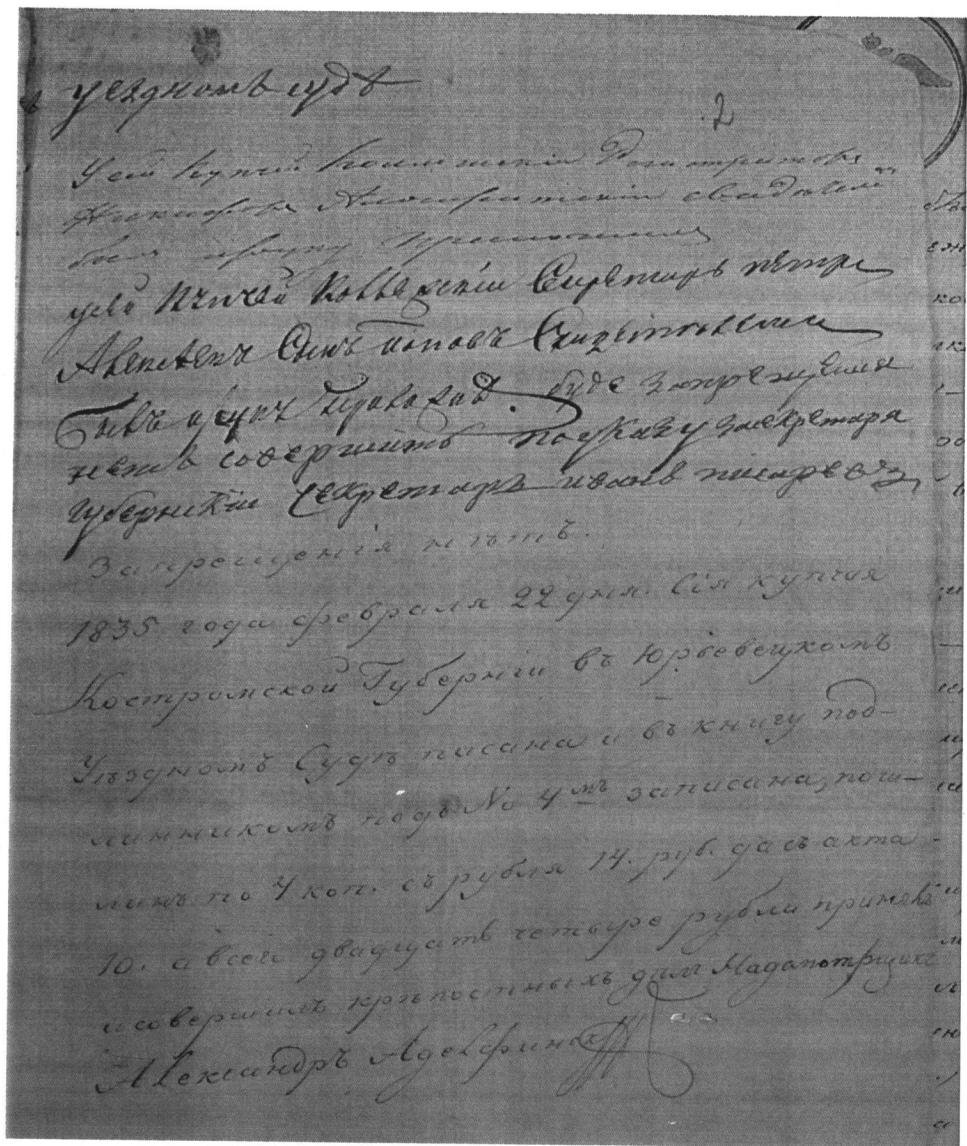
ком, принадлежат крепости, купчие и закладные, дарственные записи и вообще всякого рода акты, коими производится переход от одного лица к другому права собственности на недвижимое имущество, на крепостных людей и рекрутские зачётные квитанции. К актам второго рода, являемым у крепостных дел только для засвидетельствования их, принадлежат духовные завещания, рядные записи на движимое имение, росписи приданому, заёмные письма, закладные в движимом имении, отказные, раздельные и запродажные записи, наёмные, подрядные и всякие другие, кроме актов, крепостным порядком совершаемых».⁴⁶

Таким образом, все нотариальные услуги были разделены на касающиеся недвижимости и не касающиеся её. Частным маклерам и нотариусам была оставлена только та часть актов, которая напрямую не фиксировала переход недвижимости от одних лиц к другим. Документы же, касающиеся операций с недвижимым имуществом (и приравненными к нему крепостными крестьянами), оформлялись и регистрировались в т.н. «установлениях крепостных дел» – особых структурных подразделениях при палатах гражданского суда (т.е., в современных терминах, городских и областных судах гражданской юрисдикции) и при уездных и окружных судах. Для уездных судов существовало ограничение: они не могли оформлять акты ценой выше 300 рублей серебром.

Оформлением прав на недвижимость занимались особые судебные чиновники – крепостные писцы, а «благонадёжнейшие» из крепостных писцов назначались в надсмотрщики крепостных дел; переаттестация надсмотрщиков производилась каждые два года.

Любопытны критерии, по которым отбирались кандидаты на должности крепостных писцов – ст. 581 «Свода законов гражданских и межевых»

предъявляла к ним 2 требования: «способность к изложению актов и опытные сведения как в законах, так и в формах» и «доброе поведение и извест-

Подпись лиц, совершивших акт купли-продажи недвижимости и удостоверяющая сделку запись чиновника Юрьевецкого уездного суда на купчей крепости. 1835 г.
Государственный архив Ивановской области.

ная честность».⁴⁷ По сути, это было прямое заимствование из античного латинского нотариата, по правилам которого табеллионом (тогдашним нотариусом) мог стать только человек, «не лишённый гражданской чести».

Вообще, требования к моральному облику лиц, оформляющих акт, были, пожалуй, главным критерием для придания документу юридической силы. Статья 657 «Свода законов гражданских и межевых» требовала, чтобы свидетелями при составлении и подписании акта были «люди известные и достоверные (такие, чья хорошая репутация общеизвестна. – А.К.) и такие, которых бы впоследствии, в случае надобности, можно было найти».⁴⁸ Акты, напрямую не затрагивающие переход недвижимости от одних лиц к другим, регистрировались «у дел маклерских», т.е. нотариусами и маклерами. Законодательство Николая I так и не обозначило чёткого различия между терминами «нотариус» и «маклер». Статья 682 «Свода законов гражданских и межевых» объявляла, что «публичным нотариусам предоставляется: 1) удостоверение заёмных актов и всяких сделок (за исключением тех, кои не-пременно должны быть совершены порядком крепостным); 2) свидетельство о заявлении заёмных писем по причине неплатежа; и 3) протест векселей». Статья 684 гласила, что «частным маклерам предоставляется свидетельствование тех же актов, какие удостоверяются публичными нотариусами». Уточнение (ст. 686) было сделано только по части регистраторов трудовых договоров, которых закон предписывал называть маклерами: «Маклеры слуг и рабочих людей удостоверяют акты о найме сих людей».⁴⁹

Формальное требование к кандидатам в маклеры и нотариусы было только одно – они должны были быть грамотны. Однако были ещё и общие требования, предъявляемые к лицам, избираемым

для несения службы, и они были значительно более строгими.

«Устав о службе по выборам» относил нотариусов и маклеров к лицам, служащим «общему порядку государственного управления», несмотря на то, что фактически это были участники местного самоуправления. Раз в три года закон обязывал представителей купечества, имеющих право голоса, собираться в общем собрании и прямым голосованием выбирать нотариусов и маклеров. Голосовать могли лица старше 25 лет, «имеющие в городе капитал, с которого проценты не ниже 15 рублей серебром».⁵⁰ Нотариусами могли становиться только выходцы из купеческого сословия, а маклерами (при отсутствии достойной кандидатуры от купечества) могли быть и мещане.

Главным требованием, как и в случае с крестьянами писцами, были моральный облик и репутация кандидата в регистраторы актов. Закон не допускал, чтобы кандидатами становились «проторговавшиеся купцы и банкроты, опороченные судом и исключённые городским обществом за явный и нарушающий доверие порок». «Граждане, бывшие под судом за маловажные проступки, подвергшие себя подтверждениям быть впредь исправными, выговорам и денежным пеням, или освобождённые от оных по Всемилостивейшим манифестам, допускаются к выборам, если общество будет иметь к ним доверенность и признает их способными и достойными». «Хотя и не воспрещается лицам, состоящим под следствием, участвовать в делах городского общества по выборам и назначать их в должности, однако же, городское общество может и находящегося под следствием, по известности свойств и важности причины, оному его подвергшей, удалить от участия в делах своих и отказать в избрании в должности».⁵¹

Было и ограничение исключительно pragmati-

ческого свойства: стать нотариусами могли только купцы (а в случае выборов маклера – также и мещане), «живущие на месте, кои бывают неотлучны по торгу и промыслу».

При оформлении акта русское право предписывало соблюдать максимально возможную тщательность: при оформлении любого документа надлежало «поступать по законам с крайнею осторожностью и без всякого упущения». Метод контроля при этом был выбран своеобразный – крепостные писцы были «обязаны смотреть друг за другом и доводить о замеченных ими противозаконных действиях до сведения присутствующих» при составлении черновика акта. После этого черновик прочитывался надсмотрщиком крепостных дел, который был «обязан рассмотреть условия акта и удостовериться, не состоит ли на обязывающихся лицах запрещения в совершении крепостей и нет ли других законных препятствий». Удостоверившись, надсмотрщик поручал писцу составить т.н. проект акта (что-то вроде второго черновика), и относил этот проект уже на рассмотрение «присутствия», т.е. в судейскую коллегию того суда или вправление того городового магistrата, при котором находился данный «крепостной стол». «Присутствие» ещё раз читало документ, и, если не находило в нём ничего противозаконного, давало согласие на регистрацию акта, ставя на проекте резолюцию «совершить по законам». Только после этого акт наконец-то оформляли: текст документа записывался на гербовой бумаге, а также вносился в особую «докладную книгу», постоянно хранящуюся в присутствии. Одновременно взимались и пошлины за оформление и регистрацию акта.⁵²

На практике это приводило к тому, что даже самые простые дела растягивались на много месяцев. Сохранилось, например, «Дело о вводе во владение имением в городе Лухе солдатки Катерины Гаври-

ловой Дегтярёвой по купчей крепости».⁵³ Оно было одним из простейших как по числу участвующих лиц (собственно, только «солдатская жена» Е.Г. Дегтярёва), так и по процедуре (необходимо было утвердить купчую на недвижимость). В прошении, формально подаваемом на имя императора, Дегтярёва сообщала:

«По купчей крепости, совершённой в Кинешемском земском уездном суде февраля 10 дня 1854 года, досталось мне имение от дьяка Кинешемского Успенского собора Ивана Ильича Голубкова, состоящее в заштатном городе Лухе в Троицкой улице, заключающееся в деревянном доме с пристройками и землёю... ценою за сто пятьдесят рублей серебром, посему всеподданнейше прошу: Дабы повелено было Лухской ратуше на прилагаемой при сём купчей крепости и с неё копии ввести меня во владение купленным упомянутым имением на законном основании. Саму же купчую крепость по миновании в ней надобности возвратить мне».⁵⁴

«Определение Лухской городской ратуши» на прошение Дегтярёвой последовало 23 октября 1854 года, а окончательный ввод во владение – только 4 мая 1855 года, по соответствующему решению Юрьевецкого земского суда.⁵⁵

Не менее строго следили и за деятельностью частных маклеров и нотариусов. Об этом говорят хотя бы тексты удостоверительных надписей на их книгах, выдававшихся из магистратов.

Ещё в начале 1830-х годов в этих надписях обычно сообщалось только о числе листов в книге и о взятых за них казённых пошлинах. Иногда удостоверительных надписей было две, но обе всё равно краткие. Например, дважды в 1832 году заверили «Книгу Шуйского городового магистрата для записи предъявляемых к протесту векселей». Первая запись сообщала, что «1832 года января 4 дня сия книга в Шуйском городовом магистрате свидетельствована и по свидетельству записка в

Юрьевецкого Уездного суда к купре пост
павши отъ Юрьевецких городовых
Магистратом и Городской полиции по требованию свидетелей,
чтобы якого препадетья къ совершившему преступл
Был поставленный Юрьевецким Мещанином
Иваном Григорьевичем Карташовым Юрьевецкому же
Мещанину Адриану Васильевичу Митюкову устро
влено заслушание о припадении къ оголому строению
избранное якои состоять въ зеркальную полину №¹⁰.
Былутъ въ квартире № 20. съего заслушанъ въ кварталъ въ
самъмъ, столице въ Городе Юрьевце въ фуршатѣ
заслушанъ въ квартире подъ № 40 честившися ему по
препадетью по его родителю Юрьевецкому Мещанину
Григорию Михайлову Карташову, и посольству было
было доставленъ распорядокъ означенного свидетеля
Декабря 22 числа 1841 года. А. Ильин (подпись)

Запрос Юрьевецкого уездного суда в местную полицию о том, нет ли за-
прещений на имущество, предполагаемое к продаже. 1841 г.
Государственный архив Ивановской области.

оную оказалась сходственна с законом», а вторая, на следующем листе, сообщала, что «в сей книге состоит восемь листов, за которые по указанной цене деньги по 50 копеек за каждый лист, а всего четыре рубля в Шуйском городовом магистрате января 5 числа принятые». ⁵⁶

В 1840-е надписи стали куда длиннее и подробнее. Например: «1844 года июля 25 дня из Шуйского городового магистрата дана сия книга за надлежащим подpisом и за печатью магистрата шуйскому

маклеру мещанину Ивану Андрианов[ич]у Светозарову для записи предъявляемых к нему в сём 1844 году от разных лиц договоров, кроме запрещённых статьёй 685 X тома издания 1842 года, в коей сказано: “Как нотариусам, так и маклерам запрещается записывать в свои книги акты, в коих заключаются условия о продаже или уступке или залоге от одного лица другому недвижимого имущества”. При сём взысканы с него, маклера, за оную книгу следующие в казну пошлины по числу нумерованных листов – всего два рубля двадцать пять копеек серебром».⁵⁷

Тогда же появляется и практика: каждую запись, сделанную в книге публичного нотариуса или частного маклера, отдельно заверял чиновник местного самоуправления – думский гласный или секретарь магistrата.⁵⁸

Вышестоящие инстанции, проводившие проверку книг, присылаемых с мест, также были обязаны оставлять в них чёткие и ясные заверительные надписи. Например: «1861 года ноября 17 дня книга сия во Владимирской казённой палате в Контрольном отделении обревизована и оказалась верною. Посему оная послана обратно в Шуйский городовой магistrат при указе».⁵⁹

Ни крепостные писцы, ни частные нотариусы и маклеры не имели права оформлять акты «от имени малолетних, безумных и сумасшедших, банкротов и несостоятельных должников, публично наказанных и лишенных чести». Под страхом «строжайшего наказания» регистратор был обязан удостовериться в «самоличности» лиц, явившихся к нему для совершения акта. «Не приступая к изложению акта, писцы крепостных дел и в особенности надсмотрщик обязаны внимательно рассмотреть, не имеется ли каких-либо законных препятствий к совершению предполагаемого акта».⁶⁰

В николаевском законодательстве появляется

услуга, в наши дни именуемая «вызов нотариуса на дом»: «Если предъявляющий к совершению акт, по болезни или другим уважительным причинам сам явиться к крепостным делам не сможет, а пришлёт другого с просьбою, чтобы для написания акта крепостной писец пришёл к нему на дом, то надсмотрщик, удостоверившись в важности сих причин, может, с разрешения присутствия, послать к нему писца». Для окончательного совершения такого акта лицо, дающее его, и присутствовавшие при этом свидетели подвергались «допросу» со стороны члена присутствия, при котором располагался «крепостной стол», где оформлялся акт. В любом случае предписывалось, что «совершающий акт должен подписать оный своеурочно; если же он безграмотен, или слеп, или за болезнью не в состоянии подписать оный сам, то акт подписывается, вместо него, другим по его доверию, с ответственностью свидетелей в том, что в подписи акта не заключается никакого подлога».⁶¹

«Допрос» производился во всех случаях, когда лицо,участвующее в совершении акта, не могло лично присутствовать при его составлении, вне зависимости от того, какую роль оно при этом играло.

Так, например, в 1859 году в Шуйском городовом магistrате рассматривалось уже упоминавшееся выше дело о наследстве, оставшемся от купца Вознесенского посада В.А. Напалкова. Один из вероятных наследников, сын купца О.В. Напалков, решил добровольно отказаться от своей доли в пользу других претендентов – таких, как, например, его малолетние племянники-сироты, которых дед (покойный наследодатель) воспитывал как опекун после скоропостижной смерти другого своего сына. Для этого О.В. Напалков оформил должным образом и отоспал в Шую почтой соответствующее заявление (вероятно, затем, чтобы лишний раз не

Гареевы.

Началось 18 61 года *29* Апр.

Изъяснило Гражданское Министерство

Д Е Л О.

Покойного Покемона Чурдака
Сергея, сына, с Мефодием и
Фёдором Никоновыми Гареевыми
однажды вдовой его вправила
государственную наследственность
младшему сыну родной сестры из
Покойной Графини Елизаветы
Никоновой Гареевой

По Настольному Регистру № 29.

Окончено письмоподачей курьера 29 года

На *29* Апреля

По Архивной описи № 68.

Обложка гражданского дела «почётных граждан Сергея, Михаила, Мефодия и Фёдора Никоновых Гарелиных» о вводе в права наследства. 1862 г.
Государственный архив Ивановской области.

ездить в Шую самому по столь несущественному для него вопросу). Этого оказалось недостаточно: претендента на наследство всё равно вызвали в Шуйский городовой магистрат, где он «1859 года

мая 15 дня в присутствии... на допросе показал: посланное мною с почтою 20 апреля сего года в городовой магистрат прошение об отречении моём от имения и капиталов после родителя моего Вознесенского купца Василия Алексеев[ич]а Напалкова с тем, что впредь ни я, ни мои наследники не вправе требовать себе никакой части из имения, товаров и капиталов моего родителя, подтверждаю во всей силе».⁶² «Допрос» О.В. Напалкова, кроме него самого, заверили своими подписями два бургомистра и секретарь городового магистрата.

Для того, чтобы упомянутая нами доверенность самарского мещанина Н.К. Таланова считалась в Лухе действующей, к ней пришлось прилагать особое удостоверение из Самарского городового магистрата о том, что «сия доверенность мещанином Никитой Кузьминым Талановым к свидетельству явлена и сказкою (на словах. – А.К.) от него показано, что оная им действительно лухскому мещанину Дмитрию Петров[ич]у Томилову дана и во окончании им собственноручно подписана, посему в книгу подлинником под номером 30-м записана, в чём городовой магистрат свидетельствует подписом члена и приложением казённой печати оного».⁶³

Составление и оформление акта сопровождались сбором максимально полной информации по делу, которая запрашивалась из самых разных источников – тех, которые были наиболее компетентны в вопросе.

Скажем, при разделе имущества вышеупомянутого купца В.А. Напалкова, где в деле фигурировали малолетние сироты, Шуйский городовой магистрат запросил сперва справку из думы Вознесенского посада о составе семьи наследодателя, а затем «сведение» от новых опекунов над несовершеннолетними, в какой степени родства они состоят с покойным Напалковым.⁶⁴

В случае, когда совершалась операция с уча-

стием лиц духовного звания, запрос отправлялся в местные структуры РПЦ: «Канцелярии Юрьевецкого уездного суда и крепостным делам от канцелярий Юрьевецкой градской полиции и Духовного правления потребно сведение, нет ли какого препятствия или взысканий к совершению купчей крепости на проданную женою священника города Юрьевца Вознесенской церкви, а ныне переместившегося в село Тимошино Макарьевского уезда Иоанна Иорданского, Ираидою Васильевною, сестре своей, губернской секретарше Пелагее Васильевой Проталинской половину деревянного дома». Сделка была зарегистрирована только после получения обоих ответов. «Канцелярия Юрьевецкого духовного правления уведомляет таковую же Юрьевецкого уездного суда, что к совершению купчей крепости на купленное губернскою секретаршею Проталинскую у священнической жены Ираиды Иорданской никаких препятствий по сему правлению не состоит». «На требование сие Канцелярия городнического правления сим честь имеет уведомить: препятствий для совершения купчей на половину дома с землёю, означенную в требовании оном, никаких не имеется»⁶⁵

Вообще, николаевское законодательство предъявляло очень строгие требования к самому процессу написания акта. Статья 663 «Свода законов гражданских и межевых» требовала, например, что «все подписи должны быть учинены таким образом, чтобы не оставалось между оными пустых мест». 646-я статья предписывала, что «акт должен быть написан без скобления, поправок и приписок как в самом акте, так и в рукоприкладствах; впрочем, малые поправки и приписки хотя и по скоблёному, но в речах неспорных, а именно, не в числах годов и дней, именах, названиях вещей и количестве денег могут быть допущены». Так же строго смотрели и на содержание текста акта: со-

гласно 651-й статье того же кодекса, «при письме купчих и закладных крепостей надлежит напоминать участвующим в оных, чтобы к обыкновенным очисткам (письменным подтверждениям о юридической чистоте сделки – А.К.) и оговоркам присовокупляли также очистки и оговорки на случай могущего оказаться на продаваемое или закладываемое имение спора».

Практика, как всегда, пошла дальше теории. На примерах нотариальных актов, составлявшихся в Ивановском крае в 1830-1850-е годы, мы видим, что в самых мелких подробностях стали писать вообще все документы – например, трудовые договоры и договоры подряда.

Так, в «Маклерской книге Юрьевецкого маклера Дмитрия Бачаева» за 1835 год мы находим очень подробный, многостраничный контракт между костромичом А.М. Новиковым и купцами П.М. и Н.М. Гарелиными⁶⁶:

«№ 87. Декабря 27-го.

1835 года декабря 27 дня с Юрьевецкими второй гильдии купцами Петром и Никоном Мефодиевичем Гарелиными я, нижеподписавшийся костромской мещанин Андрей Михайлов[ич] Новиков заключил сей контракт на постройку в новой каменной Юрьевецкой соборной тёплой трёхпрестольной Успенской Богородицкой церкви иконостаса по утверждённому 2-го сего декабря Его Преосвященством Павлом, епископом Костромским и Галичским и кавалером рисунку со следующими условиями:

- 1) Постройку означенного иконостаса начать мне, Новикову, со 2-го числа января, покончить, с поставкою оного на место, к 29-му числу июня будущего 1836 года, для чего содержать при себе в работе на свой счёт достаточное число искуснейших в сём деле рабочих людей по узаконенным паспортам или билетам.

2) Сверх того иконостаса в означенной церкви в тот же срок построить во всех трёх алтарях по престолу и жертвеннику, а на показанных в рисунке местах поставить старые иконы. За недостатком же оных, для написания новых, сколько потребно будет, сделать сии липовые, употребляя на сей

Богоявленский собор в Юрьевце. Современное фото, автор А. Рощектаев.

постройке особенные свои материалы: лес сосновый, липу, клей и гвозди самого лучшего качества. К укреплению на месте иконостаса гвозди и прочие железные вставки на счёт мой не относятся.

3) Работу как столярную, так и резную, во всех фигурах и штуках, обозначенных на рисунке, и в прилагаемой при сём росписи производить искуснейшим образом и с отличных от подобных моих, Новикова, по городу Юрьевцу работ чистотою и для того лесов с заколами и сучьями в дело не употреблять».

В переводе на современный язык: в первых трёх пунктах контракта оговаривались не только общий характер работы и сроки её исполнения, но и некоторые моменты, обычно не выражаемые письменно. Так, например, Новиков обязался не просто изготовить иконостас в определённые сроки, из определённых материалов определённого качества и по определённому рисунку, но и сделать это «с отличною чистотою» по сравнению с прежними работами – т.е. изготовить такое изделие, перед которым меркла бы красота прежних работ мастера.

Однако и в сугубо практических вопросах контракт был предельно точным.

«4) От сей постройки [мне, Новикову] ни под какими предлогами не уклоняться, на какой случай выданный мне из Костромского городового магistrата плакатный паспорт от 24 сентября сего 1835 года сроком впредь на один год – иметь им, купцам Гарелиным, у себя или у того лица, кому они прикажут присмотр за сею постройкою.

5) По сделании и установлении иконостаса с тремя престолами и тремя жертвенниками на месте сдать оные в своей полноте, фигурах, чистоте и исправности кому приказано

будет, причём если усмотрится в чём-либо отступление от утверждённого рисунка, и неисправность против контракта, то обязываюсь переделать и привести в должный вид и исправность.

6) За постройку сего и потребные на оную материалы получить мне, Новикову, с них, Гарелиных, ассигнациями тысячу двести шесть рублей девяносто копеек, если же прикажут они под сводами церкви постройку сделать, то за оную получить особо показанные в росписи ассигнациями восемьдесят пять рублей. В число таковых взять по заключении сего контракта триста рублей, по сделании среднего отделения иконостаса двести восемьдесят восемь рублей и каждого из двух сторонних по двести рублей, а последние двести восемнадцать рублей 90 копеек по становлении сего иконостаса со всеми престолами и жертвенниками на месте и по сдаче оных во всей исправности. В том и подписуюсь».

Впрочем, это не окончание документа: далее следует подробная (26 пунктов) «роспись столярной и резной работы трёхпрестольного иконостаса», в которой очень чётко, до копеек, расписывается стоимость необходимых работ и их перечень.

Даже подписи в документах ставились не простые (роспись от руки, содержащая какие-то буквы из фамилии и имени и росчерки), а с указанием того, в чём расписывается тот или иной участник акта.

Сохранилось, например, «Частное дело по прошению юрьевецкого мещанина Ионы Корепанова» 1861 года⁶⁷ – о выкупе Корепановым у писца Н.И. Агапитова части жилого дома. Общая суть сделки отражена в преамбуле купчей крепости:

«Лета тысяча восемьсот шестидесятого марта в четвёртый день писец Кинешемского городово-

го магистрата Николай Иванов[ич] сын Агапитов, запродал я, с согласия попечителя над имением моим, Юрьевецкой Преображенской церкви священника Иоанна Адольфинского, определённого Юрьевецким сиротским судом, и наследницы в указанной (выделенной по закону решением суда. – А.К.) части сестры моей, губернской секретарши Екатерины Виноградовой, Юрьевецкому мещанину Ионе Иванов[ич]у Корепанову деревянный дом со строением и землёю, состоящий в городе Юрьевце по Рождественской улице в 25-м квартале под номером 2-м... ценою за триста рублей серебром, свободный от всякого залога и запрещения, доставшийся после родителей наших священника города Юрьевца Иоанна Алексеевича и жены его Александры Максимовны Агапитовой».⁶⁸

Далее следуют подробности совершения купли-продажи, а затем идут «своеручные подписи» лиц, участвующих в акте. Они таковы:

«К сей запродажной записи писец 2-го разряда Кинешемского городового магистрата Николай Иванов сын Агапитов и по доверенности за сестру свою, губернскую секретаршу Екатерину Иванову дочь Виноградову, в том, что я вышеозначенное имение с согласия попечителя моего, священника города Юрьевца Преображенской церкви Иоанна Адольфинского запродал Юрьевецкому мещанину Ионе Иванову Корепанову ценою за триста рублей на вышеизложенных условиях, задатку в числе показанной суммы трёхсот рублей серебром получил серебром пятьдесят рублей – в том и руку приложил».⁶⁹

«К сей запродажной записи попечитель над имением писца Агапитова священник города Юрьевца Преображенской церкви Иоанн Адольфинский руку приложил в том, что я изъявляю согласие на запродажу им, Агапитовым, имения мещанину Корепанову, так как это имение пришло в ветхость и по нежительству наследников

в своём доме поправлять оный нет возможности, то верно».⁷⁰

«К сей запродажной записи юрьевецкий мещанин Иона Иванов[ич] Корепанов в том, что я вышеозначенное имение купил у продавцов Агапитова и Виноградовой за триста рублей серебром и из числа означенных задатку Агапитову на вышеизложенных условиях выдал пятьдесят рублей серебром – в том и руку приложил».⁷¹

Далее следуют подписи в том, что «у сей запродажной записи свидетелем был и руку приложил» двух свидетелей, и, наконец, решающая заверительная надпись: «Тысяча восемьсот шестидесятого года марта 4 дня по указу Его Императорского Величества Костромской губернии в Юрьевецком уездном суде сия запродажная запись, представляемая от писца Кинешемского городового магистрата Николая Агапитова и юрьевецкого мещанина Ионы Корепанова явлена на основании X тома части 1-й статьи 1683, и, вследствие последовавшей на доклад резолюции, в крепостную книгу подлинником под номером 2-м записана, при чём по сей записи актовые три рубля взысканы и на приход где следует записаны – и с сею надписью покупщику мещанину Корепанову выдана с распискою в книге.

Подлинную подписали: уездный судья Готовцев, дворянский заседатель Снедков, секретарь Сигорский, крепостной надсмотрщик Крылов».⁷²

Постоянное совершенствование практики нотариального удостоверения актов приводило к тому, что появлялись и формы защиты документов от подчисток и исправлений, не указанные в «общих» законах. Например, прошение купца О.В. Напалкова об отказе от доли в наследстве отца, рассмотренное нами выше, любопытно и в смысле его текстового оформления. Набело, хорошим почерком, документ переписывал профессиональный писец, а после последнего слова в каждом абзаце сам О.В. Напалков собственной

No	Номер страницы	Text	No	Номер страницы	Text
2/1	9	Согласен исправляться за то что я занял у честного гражданина поземель- ной земли в селе Красногорском за 1860 год на сумму 1000 рублей и обещаю возвратить ее в течение трех лет с момента подписания этого договора. Ввиду того что в настоящее время не имею возможности возвратить данную землю, даю право гражданину Владимиру Васильеву Иванову взыскать с меня взыскать с меня взыскать денег, необходимых для возврата земли и выплаты процентов по сумме 1000 рублей. Помимо этого гражданин имеет право требовать от меня взыскать денег, необходимых для возврата земли и выплаты процентов по сумме 1000 рублей. Помимо этого гражданин имеет право требовать от меня взыскать денег, необходимых для возврата земли и выплаты процентов по сумме 1000 рублей.	19.	Признаю факт того что я взял у честного гражданина поземельной земли в селе Красногорском за 1860 год на сумму 1000 рублей и обещаю возвратить ее в течение трех лет с момента подписания этого договора. Ввиду того что в настоящее время не имею возможности возвратить данную землю, даю право гражданину Владимиру Васильеву Иванову взыскать с меня взыскать с меня взыскать денег, необходимых для возврата земли и выплаты процентов по сумме 1000 рублей. Помимо этого гражданин имеет право требовать от меня взыскать денег, необходимых для возврата земли и выплаты процентов по сумме 1000 рублей. Помимо этого гражданин имеет право требовать от меня взыскать денег, необходимых для возврата земли и выплаты процентов по сумме 1000 рублей.	

Полный текст договора между жителями Гаврилова Посада, занявший разворот маклерской книги. 1860 г.
Государственный архив Ивановской области.

рукой вписывал фрагменты заверительной надписи: «К сему», «прощению», «Вознесенского посада 3-й гильдии купец Осип Васильев[ич] Напалков руку приложил». (В документе всего 3 абзаца, поэтому последний фрагмент надписи получился гораздо длиннее двух первых. Будь абзацев больше, и его разбили бы на отдельные слова с предлогами).

Статья 647 «Свода законов гражданских и межевых» провозглашала, что «акты, на кои существуют установленные формы, должны быть писаны по оным; в прочих же надлежит сообразовываться с общепринятою для каждого их рода формою».

На практике это породило целый комплекс документов, любопытных скорее с точки зрения отражения особенностей народной жизни и быта

жителей Ивановского края, чем собственно как нотариальные акты. Выясняется, например, что, отлично изучив форму написания векселей, ивановские купцы середины XIX века часто оставались полуграмотными. Хотя это и не мешало им наживать большие капиталы и оперировать огромными по тем ценам суммами. Вот, например, один из векселей, чей текст дословно, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, перенесён в маклерскую книгу Шуйского городового магистрата за 1831 год:

«Село Иваново. 1831 года. Марта 1 дня.

Вексель на 2891 рубль 60 коп.

В пять месяцев щитая от сего тысяча восемьсот тридцать первого года марта первого дня посему (правильно пишется в два слова: «по сему». – А.К.) моему однокому векселю повинен Я заплатить в Макарьевской Нижегородской Ярмарке Шуйскому купцу третий гильдии Семёну Фёдорову Коновалову меньшему или его приказу Российской ходячею монетою две тысячи восемьсот девяносто один рубль шесдесят копеек ибо я на оную сумму получил от него товаром сполна. Векселедатель Шуйский купец Изосим Кирилов Матвеевский».⁷³

Как видим, даже не очень грамотные ивановцы к середине XIX века уже хорошо разбирались в формах различных документов – а значит, нотариальные услуги уже стали неотъемлемой частью их жизни и деятельности.

§ 3. «Меньше да лучше»

Теперь обратимся к количественным изменениям, происходившим в нотариате Ивановского региона в первой четверти – середине XIX века.

Экономическая ситуация и изменения в законодательстве теоретически предполагали развитие нота-

риального дела.

Так, законы Николая Первого снизили казённую пошлину, взимавшуюся с нотариальных книг, более чем втрое: если прежде нотариусы и маклеры платили по 50 копеек серебром с каждого листа в своих книгах, то после с них стали брать по 15 копеек. Об этом нам говорят заверительные надписи на маклерских и нотариусских книгах.

Скажем, в «Маклерской книге Юрьевецкого маклера Дмитрия Бачаева» на 1835 год читаем удостоверение: «Итого в сей книге перенумерованных десять листов, за которые следующие пошлины с каждого листа по пятидесяти копеек, а всего пять рублей, в Юрьевецком городовом магистрате 16 апреля 1835 года взяты». ⁷⁴ А в «Книге для явки векселей и займыных писем» шуйского маклера И.А. Светозарова на 1844 год уже обозначено: «1844 года июля 25 дня из Шуйского городового магистрата дана сия книга за надлежащим подписом и за печатью магистрата шуйскому маклеру мещанину Ивану Андрианов[ич] у Светозарову для записки предоставляемых к нему законных денежных обязательств, причём взыскано с него, с маклера, за оную книгу следующих по числу тридцати нумерованных листов пошлин четыре рубля пятьдесят копеек серебром». ⁷⁵

Этот тариф сохранялся до введения в 1866 году в действие «Положения о нотариальной части». Вот, к примеру, заверительная надпись на книге маклера Гаврилова Посада на 1860 год: «Итого в сей книге по перелистке оказалось двенадцать листов, за которые следующие в казну пошлинные деньги по 15 копеек за лист, а всего один рубль 80 копеек серебром в Гавриловской ратуше приняты декабря 29 дня 1859 года». ⁷⁶

Доход частного маклера или нотариуса теперь зависел только от суммы зарегистрированного им акта. В ранее упоминавшейся маклерской книге Д. Бочарова на 1835 год мы ещё встречаем примеры взятия фиксированной суммы: за любой записан-

ный в книгу акт, независимо от его цены, полагалось уплатить рубль серебром. Однако уже вскоре после введения в действие «Свода законов гражданских и межевых» нотариусы и маклеры стали работать только за процент от суммы акта.

Семьсот восемнадцатая статья «Свода...» устанавливала, что «с векселей при протесте оных [взымаются] по полу百分百; с заёмных писем, закладных на движимые имущества, облигаций и иных, под каким бы то ни было наименованием, долговых обязательств и актов, при предъявлении их к засвидетельствованию после написания, по четверти и при явке по сроке равномерно же по четверти процента; с закладных на недвижимые имущества взимается четверть процентный сбор». Статья 720 предписывала, что «из собранной маклерами и нотариусами установленным порядком суммы предоставляется им в жалованье и на канцелярские расходы, в том числе на заготовление книг и уплату установленной пошлины в казну, двадцать пять процентов».

С введения в действие «Свода законов гражданских и межевых» и до краха Российской Империи в 1917 году нотариусы работали только за процент от суммы совершаемого акта. Вот примеры по городу Шуе за 1860 год: за «протест векселя купцом А.И. Шиловым на 150 рублей» было «взыскано в доход города пошлины по $\frac{1}{2}$ процента с рубля – 75 коп.», а «за явку заёмного письма мещанина Н. Попова в 250 рублей» последовала плата « $\frac{1}{4}$ процента в доход города – 63 копейки».⁷⁷

Только в случае, если совсем не находилось желающих занять должность нотариуса или маклера «по выборам», и на это место назначался чиновник магистратса или другого органа местного управления, нотариусы, согласно 721-й статье «Свода...», «за труды свои получают плату по определению того места, которым они в должности своей были утверждены», т.е. работали за жалованье чиновни-

Свидетельство.

Дано сие из Богоявленского волостного пристави
шней крестьянину сыну арийскому бр.
тию Иванову Таратину от сына, доно
вийствительно сего отрочества и
выкупного письмата из Чрезвычайных въз-
можностей 14 руб. 40 коп. сир. апостолу сии
есть чисто данище у Купца Петра Ильи-
доровича Бурилина да сына то оное за-
меже выдано Таратину Иванову
вперед. 1864 года 29 июня.

Кандидат волостного старшины
Бурилин Григорий.

Богоявленский пристав Григорий

Документ, не требующий нотариальной регистрации. Свидетельство
на право получения крестьянином С.И. Таратиным денег, заработанных
его сыном на фабрике Г.Д. Бурилина. 1864 г.
Экспозиция Музея Ивановского ситца.

ка.

Впрочем, в николаевском законодательстве на-
шлась одна-единственная статья, которая во мно-
гом свела усилия правительства по поощрению
нотариальной практики на нет. Пятьсот семьдесят
шестая статья «Свода законов гражданских и ме-

жевых» провозглашала, пожалуй, впервые в русском законодательстве предельно ясно и чётко, что «движимые имущества могут быть приобретаемы законными способами и без всяких письменных актов, по одним словесным договорам и соглашениям».

Для провинциального нотариата это был тяжёлый удар. Не помогли даже весьма энергичные действия николаевского правительства по развитию торговли и промышленности.

Крупнейший современный исследователь эпохи Николая Первого Л.В. Выскочеков отмечает, что, в отличие от регулирования общественно-политической жизни, «правительственная политика в отношении внутренней торговли продолжала оставаться преимущественно либеральной и поощрительной».⁷⁸

Особый упор делался на развитие ярмарочной торговли. «Во 2-й четверти XIX века объёмы ярмарочной торговли увеличились примерно вчетверо. В 1850 году в 94% городских поселений функционировала стационарная торговля, дополненная ярмарочной (78%) и базарной (81%)».⁷⁹

Развитие нотариата, однако же, шло не пропорционально росту торговли (а соответственно – и росту количества богатых граждан, постоянно нуждающихся в нотариальных услугах), а значительно медленнее. Одной из причин такого положения дел было то, что «торгующее крестьянство составляло значительную конкуренцию купечеству», а «мелочной торговлей крестьяне могли заниматься без специального разрешения»⁸⁰ (а именно она и составляла основу крестьянской торговли).

Общая тенденция на сокращение числа пользующихся нотариальными услугами в Ивановском крае намечается уже в 1830-е годы. Так, выше мы уже рассматривали книгу шуйского маклера за 1826 год: за один только месяц январь в неё были внесе-

ны 15 записей. Спустя 5 лет, в 1831 году, за весь год в аналогичной книге оказалось 36 записей.⁸¹ Если мы сравним суммы и учтём, что в 1831 году, в отличие от 1826-го, векселя писались уже в основном на серебряную монету, а не на ассигнации (стоившие в 3-4 раза дешевле), то увидим, что суммы актов примерно одинаковы:

1. 9000 рублей ассигнациями;
2. 720 рублей ассигнациями;
3. 2500 рублей серебром;
4. 10.000 рублей серебром;
5. 100 рублей ассигнациями;
6. 2500 рублей серебром;
7. 3000 рублей ассигнациями;
8. 300 рублей серебром;
9. 100 рублей серебром;
10. 720 рублей ассигнациями;
11. 5000 рублей ассигнациями;
12. 20.000 рублей серебром;
13. 300 рублей серебром;
14. 613 рублей серебром;
15. 500 рублей серебром;
16. 3000 рублей серебром;
17. 5000 рублей серебром;
18. 2891 рубль 60 копеек серебром;
19. 10.000 рублей серебром;
20. 10.000 рублей серебром;
21. 500 рублей ассигнациями;
22. 800 рублей серебром;
23. 3251 рубль 50 копеек серебром;
24. 1523 рубля 20 копеек серебром;
25. 2500 рублей серебром;
26. 300 рублей серебром;
27. 874 рубля 30 копеек серебром;
28. 402 рубля 43 копейки серебром;
29. 3000 рублей серебром;
30. 370 рублей серебром;
31. 10.000 рублей серебром;

32. 3000 рублей серебром;
33. 3000 рублей серебром;
34. 500 рублей ассигнациями;
35. 1584 рубля 50 копеек серебром;
36. 5000 рублей ассигнациями.

Таким образом, мы видим, что за регистрацией векселей обращались преимущественно векселедатели на крупные суммы, но общее число обращений значительно уменьшилось.

Спустя 13 лет, в 1844 году, в «Книге Шуйского городового маклера Ивана Андрианова Светозарова для записи протесту векселей и заёмных писем»⁸² за год оказалось всего 16 записей о протесте. При этом максимальная сумма акта составила 1488 рублей 71 ¾ копейки серебром – столько не уплатил в срок по своему векселю шуйский купец И.А. Худобин «почётному гражданину московскому 2-й гильдии купцу и кавалеру» П.Ф. Веретенникову. Минимальная сумма акта составила 22 рубля 58 копеек серебром – столько задолжал шуйскому купцу Ф.Ф. Фричу торгующий по свидетельству крепостной С. Евдокимов.⁸³

Подобная тенденция к уменьшению числа актов и их сумм приводила к тому, что чаще всего в каждом населённом пункте, где имело финансовый смысл работать частным нотариусом, эту должность «исправлял» один и тот же человек. Так, все шуйские «книги маклерские» за 1844 год записаны на имя мещанина И.А. Светозарова. К 1860-м годам возвращается вроде бы оставленная в 1820-1830-х практика: частного регистратора актов в официальных документах вновь начинают именовать «маклером и нотариусом» – поскольку один и тот же «выборный» сосредоточивал в своих руках регистрацию всех актов (кроме актов о недвижимости, писавшихся «у крепостных дел» при магistrатах) вообще. Тогда как законы предписывали регистратору трудовых договоров именоваться «маклером»,

Б.М. Кустодиев, «Ярмарка». 1906 г. Картина написана в г. Кинешме.

а регистратору векселей предпочтительнее было называться «нотариусом». Так, в той же Шуе в 1860 году вся нотариальная работа оказалась сосредоточена в руках «шуйского городового маклера и нотариуса Степана Сергеев[ич]а Гундобина»⁸⁴, а в маленьком Гавриловом Посаде и вовсе работал «маклер и исправляющий должностный нотариус».⁸⁵

Впрочем, отметим и некоторые весьма важные тенденции в народном сознании, явно сложившиеся к началу 1860-х годов. В упомянутой ранее «Книге для записи векселей» С.С. Гундобина за 1860 год мы находим уже 25 записей о явке векселей и 44 записи о протесте, т.е. всего 69 записей – почти вдвое больше, чем за 30 лет до этого. Суммы актов, как правило, колеблются при этом в диапазоне от 100 до 300 рублей, что достаточно выразительно показывает – нотариат проник уже и в жизнь средних и мелких торговцев и предпринимателей, а не только

богатейшего купечества Ивановского региона.

Серьёзный урон понёс и патриархальный уклад прежних веков – это выражалось, например, в том, что черновики актов ивановцы 1850-1860-х гг. теперь в основном доверяли составлять не грамотным церковнослужителям, а профессиональным писцам-чиновникам. Так, на упоминавшемся ранее заявлении купца О.В. Напалкова об отказе от доли в наследстве мы находим пометку: «Прошение сие сочинял и набело писал писец 2-го разряда Александр Михайлов[ич] Чудов». ⁸⁶

Всё это в совокупности – от создания значительно более ясного законодательства до изменений в менталитете населения – создавало хорошие предпосылки для развития нотариата в последней трети XIX века.

Примечания

¹ Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С. 1.

² Из Московского в Лифляндское губернскоеправление. № 34166. Июля 13 дня 1803 года. Реестр, от каких мест и в чём состоят требования. Частная коллекция И.Р. Кирпикова (г. Глазов, Россия).

³ Ивановская область. По «Золотому кольцу России»....С. 9.

⁴ Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. В 2 тт. Т. 1. Л., 1952. С. 525.

⁵ Балдин К.Е., Кохова Л.А. От кустарного села.... С.107.

⁶ Шуйско-Ивановский фабричный район.... С. 2.

⁷ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 207.

⁸ В рассматриваемый период курс русского бумажного рубля (ассигнаций) не соответствовал курсу серебряной монеты. 1000 рублей серебром в 1826 году – это примерно 4000 рублей ассигнациями.

⁹ Балдин К.Е., Кохова Л.А. Указ. соч. С. 119.

- ¹⁰ Там же. С. 121.
- ¹¹ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 344.
- ¹² Там же. Л. 1.
- ¹³ Там же. Л. 1-об.
- ¹⁴ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 332.
- ¹⁵ Там же. Л. 25-об. – 26.
- ¹⁶ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 207. Л. 4.
- ¹⁷ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 17.
- ¹⁸ Там же. Л. 1.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
- ²⁰ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 15.
- ²¹ Там же. Л. 8.
- ²² ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 14. Л. 3-об.
- ²³ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ²⁴ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
- ²⁵ См.: Именной, данный Сенату [манифест]. О гербовом и крепостном сборах. Ноября 24 [1821 г.]. № 28.814 // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том XXVII. 1820-1821. СПб., 1830. С. 918-928.
- ²⁶ О разборах гербовой бумаги. Приложения к Уставу о пошлинам. Приложение к статье 4-й // Устав о пошлинам // Свод уставов казённого управления. Часть I. Уставы о податях, пошлинам, сборе и акцизе питейном и акцизе с табаку. СПб., 1842. С. 319.
- ²⁷ Именной, данный Сенату.... С. 923-924.
- ²⁸ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 331.
- ²⁹ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 18.
- ³⁰ ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 331. Л. 5-об.
- ³¹ См., напр.: Книга Шуйского городового маклера Ивана Андрианова Светозарова для записи протесту векселей и заёмных писем 1844 года. ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 197.
- ³² Подробнее см.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. д. 329.
- ³³ Подробнее см.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 501. Оп. 1. Д. 344.
- ³⁴ Осторожно, история! <http://www.echo.msk.ru/programs/att-history/693922-echo/>

- ³⁵ Свод законов // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1900. П/том 57. С. 193.
- ³⁶ Там же. С. 194.
- ³⁷ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2003. С. 197, 151.
- ³⁸ Там же. С. 156, 157.
- ³⁹ Устав о пошлинах.... С. 228.
- ⁴⁰ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 196. Л. 2.
- ⁴¹ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 – 1-об.
- ⁴² Там же. Л. 2.
- ⁴³ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 28. Л. 2 – 2-об.
- ⁴⁴ См.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 174.
- ⁴⁵ Там же. Л. 11.
- ⁴⁶ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы гражданские и межевые. Издание 1842 года. СПб., 1842. С. 103-104.
- ⁴⁷ Там же. С. 101-102.
- ⁴⁸ Там же. С. 115.
- ⁴⁹ Там же. С. 119.
- ⁵⁰ Устав о службе по выборам // Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Свод учреждений государственных и губернских. Часть III. Уставы о службе гражданской. СПб., 1842. С. 57, 59, 65.
- ⁵¹ Там же. С. 60.
- ⁵² Законы гражданские и межевые.... С. 102, 105-106.
- ⁵³ См.: ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 35.
- ⁵⁴ Там же. Л. 1.
- ⁵⁵ Там же. Л. 3, 4.
- ⁵⁶ ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 329. Л. 7-об., 8-об.
- ⁵⁷ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 196. Л. 13-об.
- ⁵⁸ См., напр., заверительные надписи в «Книге Шуйского городского маклера Ивана Андрианова Светозарова для записи протесту векселей и заёмных писем 1844 года»: ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 197.
- ⁵⁹ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 180. Л. 13-об.
- ⁶⁰ Законы гражданские и межевые.... С. 108.
- ⁶¹ Там же.... С. 108, 115.

- ⁶² ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 174. Л. 6.
- ⁶³ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
- ⁶⁴ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 174. Л. 17, 19 – 19-об.
- ⁶⁵ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 – 3-об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 4, 4-об.
- ⁶⁷ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 18. Л. 23 – 24-об.
- ⁶⁸ См.: ГАИО. Ф.938. Оп. 1. Д. 61.
- ⁶⁹ Там же. Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Л. 2.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Л. 2-об.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 329. Л. 4-об.
- ⁷⁵ ГАИО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 18. Л. 24-об.
- ⁷⁶ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 197. Л. 16-об.
- ⁷⁷ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 179. Л. 11-об.
- ⁷⁸ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 180. Л. 3-об., 13-об.
- ⁷⁹ Выскочков Л.В. Указ. соч. С. 241.
- ⁸⁰ Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. С.104.
- ⁸¹ Выскочков Л.В. Указ. соч. С. 241.
- ⁸² См.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 329. Л. 1 – 7-об.
- ⁸³ См.: ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 197. Л. 1 – 5-об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 4, 4-об.
- ⁸⁵ См., напр., титул «Книги для явки векселей и заёмных писем»: ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 180. Л. 1.
- ⁸⁶ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 179. Л. 1.
- ⁸⁷ ГАИО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 174. Л. 2.

ГЛАВА IV. «ВРЕМЯ САМОГО ЦВЕТУЩЕГО СОСТОЯНИЯ» (1866-1917)

§ 1. Вопреки бюрократии и нищете

Один из величайших отечественных историков, В.О. Ключевский, завершая свой «Курс русской истории», остановил его на воцарении Александра II. «На 18 февраля 1855 года, т.е. на дне смерти императора Николая [Первого], можно положить конечный рубеж целого периода нашей истории, который начался с воцарением новой династии после Смутного времени. С 18 февраля 1855 года начинается новый период, в который выступают иные начала жизни. Начала эти мы знаем, знаем их происхождение и свойства, но не знаем их последствий, а потому они не могут быть предметом исторического изучения».¹ Эти слова были включены в книгу, опубликованную в начале XX века: прошло 40 лет со дня начала Великих реформ, выросло два поколения россиян, не знавших старых порядков, и всё равно – Ключевский не решался дать оценку произведённым преобразованиям, вполне осознавая их масштаб, противоречивость и трудности их осуществления.

Такими же – масштабными, противоречивыми и достигавшимися с огромным трудом – были и преобразования, происходившие в последней трети XIX века в российском нотариате.

Яков Петрович Гарелин в предисловии ко второму тому своего исследования «Город Иваново-Вознесенск или бывшие село Иваново и Вознесенский посад» отметил, что первые 20 лет, прошедшие со дня отмены крепостного права, были для города «временем самого цветущего состояния

Патриархальная Россия, молодёжь которой стремится к просвещению. Аллегорическое изображение на дензнаке в 25 рублей образца 1892 и 1899 гг.

фабричного и торгового производства». Однако уже первая глава труда Я.П. Гарелина открывается суждением: «С 19 февраля 1861 года село Иваново освободилось от крепостной зависимости. Первое время свободы было тяжёлым временем для ивановцев. Уставная грамота (акт о разделе земли между поме-

щиком и бывшими крепостными – А.К.) составлялась чрезвычайно долго и только в апреле 1863 года введена была в действие и то условно. Возникли споры между помещиком и бывшими крепостными, прошедшие по всем инстанциям, начиная с мирового съезда и кончая высшими государственными учреждениями по этим делам. Ввиду возникших споров Губернское по крестьянским делам присутствие нашло необходимым рассмотреть эту грамоту подробно и в заседании, проходившем в мае 1864 года, члены совещались “о порядке рассмотрения уставной грамоты на село Иваново графа Шереметева и заключений Шуйского мирового съезда, состоявшихся как по заявлениям владельца, так и крестьян и лиц всякого звания, водворённых в Иванове, о правах той и другой стороны на земли, лавки, базарные площади, дома и капиталы”. Ввиду особенной важности дела и разнородности предметов, относящихся до устройства поземельных отношений между владельцем и крестьянами означенного имения, решено было назначить особые заседания по четвергам. Июнь месяц и был посвящён рассмотрению всего этого».²

Надо представлять и атмосферу, в которой происходило решение щекотливого вопроса. «При Александре II то, что судейские брали взятки, было не ново. Новым было то, что даже министр юстиции был вынужден дать им взятку, чтобы в суде не “волынили” его гражданский иск. Сам министр юстиции, граф В.Н. Панин, дабы ускорить в петербургских учреждениях дело о регистрации имущественной записи в пользу своей дочери, вынужден был воспользоваться взяткой. Поручил своему подчинённому – директору департамента юстиции – дать сто рублей нужному чиновнику, чтобы тот, как говорится, “не тянул резину” по данному вопросу».³

Писатель-историк В.С. Пикуль в «исторической миниатюре», посвящённой легендарно-

му взяточнику рубежа XIX-XX веков, царскому приближённому Н.В. Клейгельсу, несколько театрально, но вполне исторически достоверно описал обстановку канцелярий пореформенного времени, где проходило «взросление» будущего знаменитого коррупционера. «Чиновник всегда ощущал своё превосходство перед жалким просителем, мнущимся на пороге его кабинета; убедить или разжалобить бюрократа нельзя, зато его всегда можно подкупить и на взятку он идёт охотно. От орлиного взора Клейгельса не укрылось, что Акакий Акакиевичи в столичной канцелярии живут с бесподобной лихостью. Получая гроши жалованья, они хвастались лошадьми, у которых подковы отлиты из чистого серебра; даже мелкая чиновная тля, подшивающая входящие-исходящие, кутала плечи красавиц в роскошные манто. С чего бы такая роскошь? Клейгельс заметил, что чинодралы ретиво исполняли прошения, уголок которых чуть загнут, и безжалостно откладывали “слезницы” без такого загиба. Сообразить не трудно, что это потаённый сигнал: загнул проситель бумагу – даст, не загнул – дурак, жизни не знает». Доходило до того, что «чиновники, уличённые в лихоимстве, смело представляли перед судом:

- Так чего не брать, если сами дают? Я ведь не просил у них денег – они сами несли. Даже плачали, чтоб я взял... ну как тут не пойти навстречу страдающему человеку?

- А воздерживаться не пробовали? – спрашивали судьи.

- Так воздержись я, он ведь лишнюю сотню дложит и выше меня полезет, а я в дураках останусь. Меня ведь даже подчинённые засмеют, я всякий авторитет потеряю!».⁴

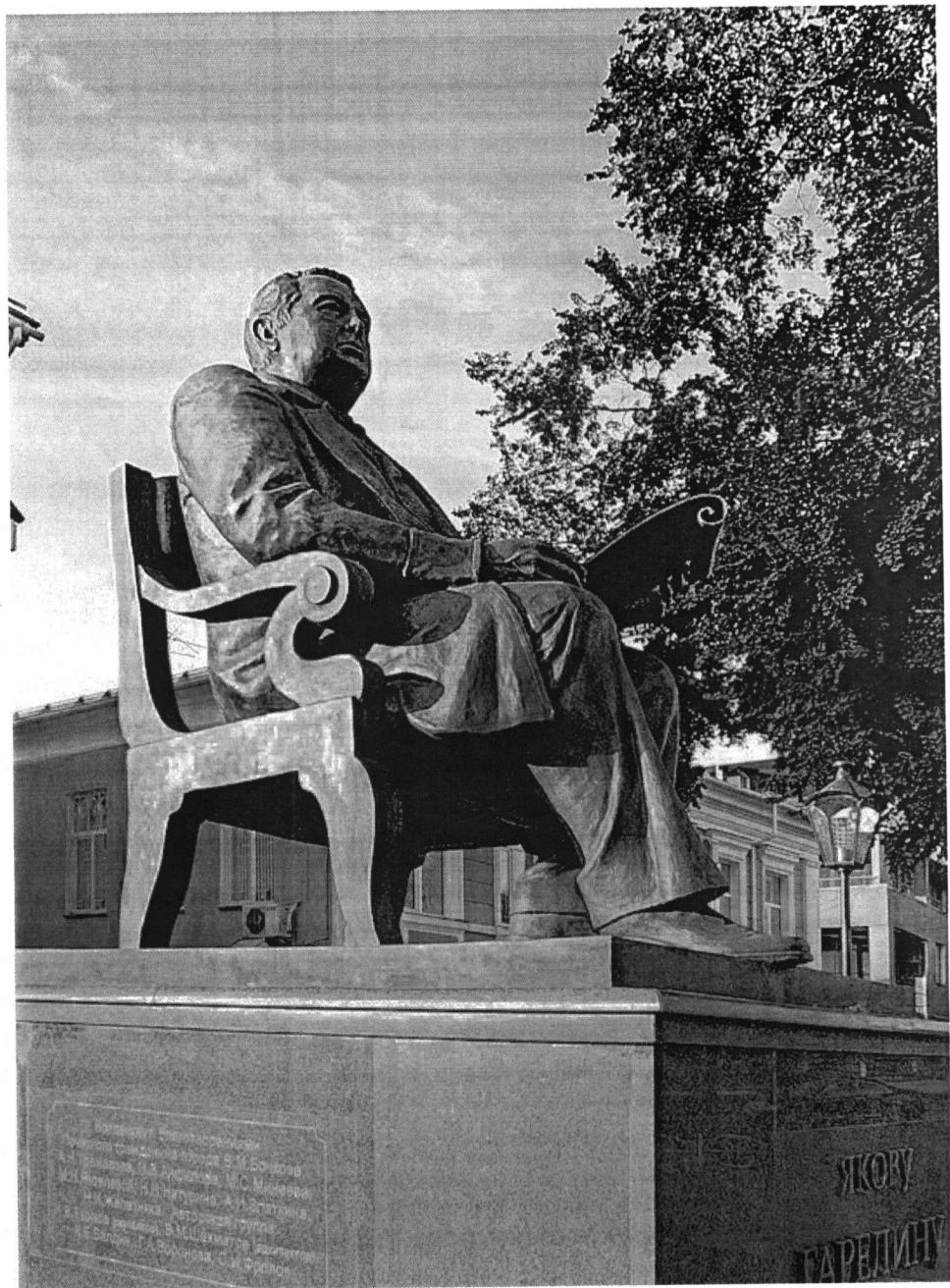
Глава Министерства народного просвещения в правительстве Александра II, А.В. Головнин,

в частном письме 1857 года, адресованном другу и соратнику по проведению реформ, Д.А. Милютину, описал свою неудачную попытку избавить собственных крестьян от крепостной зависимости: «По возвращении из-за границы я похворал вследствие резкой усталости, а потом ездил в деревню, уволить крестьян моих в обязанные. Я отдавал им то же количество земли, за которое они теперь платят по 18 руб. серебром с тягла оброк и назначил плату по 10 руб., но они не согласились. Очень меня благодарили, но просили оставить их крепостными, уверяя, что земская полиция в один год разорит их».⁵

Подобные настроения были широко распространены среди крестьян. Неслучайно сразу после отмены крепостного права правительству пришлось вводить новую должность – мирового посредника. Её учредили специально «для проведения преобразований и регулирования крестьянского вопроса на местах». Если объяснить совсем просто, то крестьянам дали в лице мирового посредника некоего нового барина, защищавшего их от бюрократического произвола.

С точки зрения должностных обязанностей, мировой посредник исполнял в пореформенной деревне роль нотариуса и судьи по гражданским делам низшей инстанции одновременно. «В обязанности посредников входило составление и введение в действие уставных грамот, свидетельствование актов, оформляющих заключаемые между помещиками и временнообязанными крестьянами сделки, рассмотрение в качестве первой инстанции недоразумений, возникающих на основе обязательственных отношений, споров и жалоб, дела о порубках и потравах, все дела по оформлению выкупных сделок и взысканию с крестьян выкупных платежей».⁶

В тогда ещё селе Иванове свою работу вёл «мировой посредник Иконников».⁷ Согласно описанию

Памятник Я.П. Гарелину на пл. Революции г. Иванова. Скульптор И.В. Бычков, архитектор В.М. Шахматов. 2011 г.

Я.П. Гарелина, ивановцам повезло: Иконников сохранил за бывшими крепостными графа Шереметева прежние наделы земли (что в селе Иванове было особенно ценно – ведь на подавляющем большинстве своих надельных земель местные крестьяне давным-давно выстроили если не мануфактуры, так склады и торговые заведения).

Кроме того, мировой посредник преподнёс ивановским крестьянам урок уважения к письменным документам. Когда речь зашла о «пустопорожних» (юридически не оформленных и непонятно кому принадлежащих. – А.К.) землях на территории Иванова, то «согласно с заключением Мирового съезда, присутствие постановило утвердить заключение съезда о праве пользования крестьянами села Иванова пустопорожними усадебными землями, которое выражено было так: все те пустопорожние усадебные земли, которые до утверждения Положения 19 февраля 1861 года не находились в чьём-либо крестьянском владении, а лежали впусте незастроенными, как выморочные... ныне должны принадлежать на правах полной собственности графу Шереметеву. Пустопорожние же усадебные земли, не застроенные, но на которые имеются у кого-либо из крестьян поступные письма (свидетельства на право собственности. – А.К.), должны оставаться в потомственном пользовании тех крестьян».⁸ Говоря проще: те ивановцы, кто в своё время решил открыто заявить о наличии у себя достаточно крупного капитала и выкупить эксплуатируемые сельские земли официально, получили их в полную собственность. Те же, кто по каким-то причинам не спешил оформить права собственности, теперь лишились участков и всего, что успели на них построить, и были вынуждены выкупать землю у графа Шереметева.

Забегая вперёд, заметим, что земельные споры продолжались и в 1880-е годы, когда в Ивано-

во-Вознесенске уже появились профессиональные нотариусы, только номинально «числящиеся на государственной службе». Так, в архивах сохранилось несколько документов из дела 1882 года «о признании за городом Иваново-Вознесенском права собственности на участок земли».⁹ Когда началось дело и когда и чем закончилось – неизвестно, т.к. сохранилось лишь несколько листов, но сами по себе они очень показательны.

Предметом спора явился «дом с землёй и постройками близ Крестовоздвиженской в городе Иваново-Вознесенске церкви, в улице Фёдоровской, в межах справа земли Реутова (частного лица. – А.К.) и слева церковной»¹⁰, который «крестьяне общества крестьян села Иванова» на своём сходе решили передать Иваново-Вознесенскому мещанскому обществу. Проблема была в том, что купчая на дом и землю была оформлена «как для частных лиц», поэтому городские власти решили её опровергнуть и забрать дом в собственность города.

Из сохранившихся материалов дела неизвестно, по каким именно низовым судебным инстанциям оно ходило. Ясно то, что в феврале 1882 года его рассмотрением занялась Московская судебная палата (инстанция, высшая по отношению даже к Владимирскому окружному суду), причём председательствовал в судебном заседании один из её руководителей – «Председатель второго гражданского департамента Е.Е. Люминарский».¹¹ Городские власти Иваново-Вознесенска представлял «присяжный поверенный Нос», городское мещанскоое общество и общество крестьян – «присяжный поверенный Ранг». Московская судебная палата признала купчую недействительной по формальным признакам, однако мещанскоое общество не успокоилось и подало кассационную жалобу в Петербург, в Правительствующий Сенат.

Дело об участке земли близ Крестовоздвиженской церкви наглядно показывает несколько клю-

чевых моментов, характеризующих ивановскую юстицию 1860-1870-х годов: участники гражданского делопроизводства по-прежнему недостаточно хорошо знали его нормы и правила, а большинство даже мелких вопросов нуждались в долгом, тщательном и кропотливом разрешении. Иначе говоря, ивановцы остро нуждались в квалифицированных нотариусах – профессиональных юристах, досконально знающих тонкости оформления актов и особенности гражданского судопроизводства.

Об этом же говорит, например, биография иваново-вознесенского купца Т.А. Щапова, которому в 1860-1870-е годы пришлось в одиночку биться с бюрократами.

«Крепостным был первоначально и Терентий Алексеевич, родившийся в 1818 году. В ту эпоху многие подневольные крестьяне проявляли большую торговую смекалку и открывали собственное дело, добиваясь в этой области крупных успехов. Недюжинные предпринимательские способности обнаружились и у Терентия Алексеевича, который активно занимался торговлей и кустарным делом. И вскоре, поднакопив порядочную сумму денег, в 1850 году основал ситцеплаточную набивную фабрику, причём значительно усовершенствовав производство на своём предприятии.

После ликвидации крепостного права в 1861 году по указу императора Александра II, Терентий Алексеевич, занимаясь своим делом, продолжал, однако, числиться крестьянином, и лишь через 10 лет, в конце 1871 года, он был причислен к купеческому сословию. Для этого Терентию Алексеевичу пришлось похлопотать перед местной властью, ибо такое причисление обставлялось бюрократическими препятствиями. Хлопоты окончились успешно, и в ноябре Ивановское сельскоеправление выдало ему свидетельство о том, что за Терентием Щаповым не числится недоимок, его семейство не стоит

Фёдоровская улица в Иваново-Вознесенске. Сзади справа – Крестовоздвиженская церковь. Открытка начала XX в.

на очереди по отправлению рекрутской повинности, а потому нет препятствий к причислению его в купеческое сословие. Последнее условие было типичной бюрократической рогаткой, ибо если семья предпринимателя, который по документам являлся крестьянином, должна была по выбору начальства поставлять для армии сыновей, то их отец не мог именоваться купцом. Рекрутская повинность была отменена через три года после выдачи Т. Щапову справки Ивановским правлением и заменена воинским призывом.

На решении о выдаче этого документа процедура перехода Т. Щапова в разряд купцов не заканчивалась, и дело было передано во Владимирскую казённую палату. Это учреждение волокиты уже не допустило, и в декабре того же года дало определение думе Вознесенского посада удостоить Терентия Алексеевича званием купца». ¹²

На таком фоне 20 ноября 1864 года началась судебная реформа Александра II, целью которой было

«водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние, и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего».¹³ Нотариальная реформа 1866 года стала одной из сопутствующих и дополняющих судебную реформу. Общая суть преобразований сводилась к тому, что «пришло время пересмотреть концепцию российского права в целом, ведь прежде его функции заключались не в защите личных или гражданских прав, а в принуждении к послушанию».¹⁴

В долгосрочной перспективе весь комплекс реформ удался; к 1880-м годам «в империи увеличилась численность грамотных юристов, призванных обеспечить всё возраставшие правовые потребности общества. Адвокатские и нотариальные конторы постепенно становились неотъемлемой частью городского уклада».¹⁵ Однако на первоначальном этапе и судебная, и нотариальная реформы, натолкнулись на более чем серьёзное препятствие, образно описанное в 1865 году славянофильской газетой «День».

Рассуждая о судебных преобразованиях, журналист, пожелавший остаться анонимным, указывал на «тормоз», способный остановить практическую реализацию самого благого теоретического нововведения. «Как только настал черёд исполнения, то вступает в свои права сама русская действительность, и волей-неволей приходится с нею считаться. Нужно, по крайней мере, хоть оглядеть, ощупать почву, на которой предстоит класть фундамент нового проектируемого здания – таких великолепных, громадных и тяжеловесных размеров. Ещё не очищена почва от щеп и осколков сокрушенного крепостного быта, ещё не освобождены от

них её производительные силы. Жизнь, возбуждённая к сознанию и деятельности событием 19 февраля 1861 года, ещё не успела сказать своё слово и явиться в могуществе свободных проявлений».¹⁶

Любопытно, что в том же номере газеты была помещена и корреспонденция Н. Богомолова «Из села Иванова», в которой автор перечислил массу «щеп и осколков сокрушённого крепостного быта», активно мешавших проведению любых преобразований.

Например, по состоянию на начало 1865 года в Иванове не хватало не то, что «грамотных юристов», а и просто хоть сколько-нибудь образованных людей. Н. Богомолов констатировал, что в прилегающем к селу Иванову Вознесенском посаде уже имеется «бесплатное женское второразрядное училище», но туда «ивановцы или вовсе не отдают детей, или если и отдают, то дети по причине грязи и морозов, которые очень чувствительны при двух- или трёхвёрстном расстоянии, очень плохо посещают училище, которое, кажется, никогда не видит своих ивановских учениц в полном составе». Автор заметки отмечал, что «сбывается надежда многих из местных жителей: предполагается завести училище “сообразно местным потребностям” – оно должно соединить в себе курс элементарного общеобразовательного заведения с некоторыми отраслями технической науки». Но тут же Богомолов сомневался в успехе затеи: училище тоже строилось в Вознесенском посаде, на отшибе, куда вела совершенно отвратительная, утопающая в грязи дорога, так что «что из этого училища будет впоследствии – никто не знает».

В целом рассказ Н. Богомолова о перспективах просвещения ивановцев – это скорее собрание робких надежд и отчаянных сомнений. Говоря об открывшейся в селе публичной библиотеке, автор корреспонденции «Из села Иванова» пишет: «По

поводу её нельзя воздержаться, чтобы не высказать такого пожелания: читать в библиотеке есть что, дай же Господи, чтоб читаемое не оставалось без последствий, а применялось к делу, чтобы возникшая библиотека, развиваясь, выполняла в будущем своё предназначение, а не превратилась, как зачастую бывает с нашими провинциальными библиотеками, в амбар с книгами». А завершается заметка и вовсе «криком души»: «А как нужны нашему населению хоть искорки просвещения, не говоря уже о свете – и толковать нечего!».¹⁷

Помимо острого дефицита хоть сколько-нибудь образованных людей, способных совершать письменные договоры и иные акты, развитию ивановского нотариата мешало колоссальное имущественное расслоение местных жителей.

Оно сохранялось десятилетиями: так, в 1904 году, говоря о Шуйско-Ивановском фабричном районе, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона отмечал, что практически все местные предприятия поделены между «крупными акционерными компаниями». «Последних насчитывается в Шуйском уезде (куда в начале XX века входил и «безуездный город» Иваново-Вознесенск – А.К.) 17 и в ближайших местностях соседних уездов – 6». При этом многие компании «числятся только номинально акционерными», а фактически представляли собой частную собственность одного хозяина.¹⁸ Иначе говоря, в ивановской промышленности пореформенного времени установилась (в исконном значении этого слова – «власть немногих») олигархия; 23 купеческих семейства владели одним из богатейших промышленных районов Российской Империи. Тогда как условия жизни огромного количества рабочих ивановских фабрик были «в общем очень неблагоприятны»: например «на одну квартиру приходится в среднем по 7,3 человека», большинство рабочих довольствуются «сдаваемыми внаём отдельными

каморками или даже углами».¹⁹

О том же писал в 1865 году упоминавшийся нами выше Н. Богомолов. «Из села Иванова» он сообщал, что по итогам кризиса производства тканей

«Шапка» 19-го номера газеты «День» за 1865 год с аннотацией статьи Н. Богомолова «Из села Иванова».

«наши фабриканты, вообще говоря, не в потере. Потеряли и теряют – наши рабочие».

Помимо прочего, безработица заставила их забыть и о нормах права – не только гражданского, но и уголовного. «У нас в селе и в его колонии Вознесенском посаде, – рассказывал Н. Богомолов читателям «Дня», – содеивались зимою такие дела, которых не запомнят старожилы. Вечером ходить по улицам было решительно опасно, случаи взломов и грабежей “без умертвения” были почти ежедневные, но бывали и такие сцены, где принимало участие незатейливое оружие русского бандита – кухонный нож и приспособленная к кистеню пятифунтовая гирька».²⁰

«Утверждению в народе уважения к закону» не способствовало и поведение фабрикантов. Они не только не скрывали своего имущественного статуса, но и норовили извлечь выгоду даже из безработных, голодающих бывших ткачей.

«Жизнь нашего знаменитого села преисполне-

на всякого рода крайностей, – живописал Н. Богослов, – из которых, как и следует ожидать, самая резкая есть крайность в средствах к жизни, в материальной обеспеченности. Наряду со 100 тысячами годового дохода есть, например, случаи получения всего дохода 2 руб. 50 коп. ассигнациями, а то и совсем ничего».

В критической ситуации оказались даже, выражаясь современным языком, менеджеры среднего звена – купеческие приказчики. Их быт Н. Богослов обрисовывал предельно эмоционально. «Жизнь приказчика – плохая жизнь: содержание только-только достаточно для содержания себя и семьи, предполагая, что семейство всегда здорово и благополучно. Не говоря уже о потере места – обстоятельстве, которое бывает приказчика наполовину, болезнь или какое-нибудь житейское происшествие нарушает уже баланс в бедном бюджете и заставляет его обращаться к хозяину, брат у него жалованье вперёд. Что значит это “вперёд”, хорошо известно многим приказчикам. За него приходится расплачиваться не только материально, но и нравственно, особенно если хозяин снабжён от природы красноречием и способностью резонировать с примесью идиотизмов о неблагодарности к своим благодетелям вообще и к нему в особенности. Жизнь делается далеко не привлекательной, а делать нечего: нужда».

Не без участия местных богачей в обнищавшем из-за производственного кризиса селе появилось «огромное количество питейных заведений, поглощающих гроши, часто нужные на хлеб голодающей семьи. И сколько этих питейных заведений развелось, и сколько в них заведено разных штук, отуманивающих голову, и без того отуманенного безвыходностью своего положения рабочего, промытывающего нередко в этих вертепах свой последний кафтан!».

С другой стороны – в той же заметке тот же корреспондент описывает и начало многих позитивных изменений в жизни ивановцев.

Помимо уже отмеченного стремления приобщить жителей «знаменитого села» к знаниям посредством открытия библиотеки и попыток открыть училище, принимались и меры экономического характера. Так, например, было создано «Общество для взаимного вспомоществования приказчиков»: благодаря ему «в крайности честный человек не может дойти до тяжёлого, безвыходного положения. Оно («Общество вспомоществования». – А.К.) поможет ему в болезни, отыщет место в случае потери его, поддержит вовремя». Любопытно, что «почти все крупные фабриканты состоят участниками общества в качестве членов-соревнователей (под этим определением Н. Богомолов, скорее всего, понимал стремление ивановских богачей отличиться: кто пожертвует на нужды «Общества...» больше всего денег. – А.К.) и некоторые, особенно один, принимали, как я слышал, живое участие в организации общества и учреждении при нём вдовьей кассы. Я не имею права назвать публично их фамилии, но признаю за ними право на самую искреннюю благодарность местных приказчиков».²¹

Проще говоря: богатейшие ивановские купцы и промышленники, у которых с Ивановским краем было связано всё (профессиональная деятельность, доход, семейные связи) – поняли, что лучше начать строить со своими рабочими и подчинёнными цивилизованные, или, иначе говоря, правовые отношения, чем временно наживаться на их несчастьях.

В таких условиях в Ивановском крае началась нотариальная реформа 1866 года.

Учащийся. Фотография начала XX в., фотоателье Г. Жильцова, г. Шуя.

§ 2. По единому кодексу

Четырнадцатого апреля 1866 года был дан старт российской нотариальной реформе – одной из реформ, сопровождавших судебную реформу 1864 года. В действие вступило «Положение о нотариальной части». Главная особенность этого документа заключалась в том, что впервые за всю историю России все «узаконения» в сфере нотариата были не просто кодифицированы, а сведены в единый кодекс. Отныне именно он, а не разбросанные по отдельным главам разных «уложений», «уставов» и «сводов» «узаконения», должен был регламентировать, образно говоря, жизнь российского нотариата.

«Положение о нотариальной части 14 апреля 1866 года» в некоторой степени подытоживало более чем значительные достижения первого пятилетия «Великих реформ». Так, например, развитый и хорошо отлаженный нотариат был совершенно необходим стране, где, впервые за всю её историю, «субъектами гражданского права стали все физические лица – все подданные Империи, независимо от национальности, вероисповедания и сословия. В законодательстве окончательно оформилось понятие юридического лица: они разделялись на публичные, частные, соединения лиц и учреждения. Правоспособность юридических лиц определялась согласно целям их деятельности». «Принцип буржуазного гражданского права ещё глубже проник в русское законодательство. Разрешалось заключать любой, не противоречащий законам, договор, включать в него любые условия, не нарушающие общественный порядок. Закон разрешал все виды договоров, известных рыночной экономике. Свобода заключать гражданские договоры привела к их бурному росту. В нотариальных конторах страны в

1884 году было зарегистрировано 357 тыс. разного рода актов, сделок и т.п., а в 1913 году – 1 млн. 967 тыс., или в 5,5 раза больше, чем за 29 лет до того».²²

Б.Н. Миронов, говоря о российском нотариате, не случайно обращается к данным 1880-х годов как к самым ранним сведениям о практике нотариата нового образца в Российской Империи. Теория «Положения о нотариальной части 14 апреля 1866 года» опередила её минимум на 10-15 лет.

«Вместе с новыми “Судебными уставами” императора Александра II было выработано и “Положение о нотариальной части”, в основу которого были положены три нотариальных законодательства Западной Европы: французское 1813 года, австрийское 1845 года и баварское 1861 года. Результатом этой законодательной деятельности стали два проекта, 1863 и 1866 годов. Первый из них, наиболее приближенный к жизни, не прошёл через Государственный совет. Второй проект “Положения” был утверждён 14 апреля 1866 года. Вместе с введением нотариального “Положения” все прежние нотариусы и маклеры, кроме биржевых, прекратили свою деятельность. Отделив по образцу Запада нотариальную часть от судебной, законодатель создал самостоятельный нотариальный институт с обширным и независимым кругом действий».²³

«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» так описывает новый статус нотариата в России:²⁴

«Отсутствие в законе точных постановлений о порядке определения нотариусов, отличии их от разного рода маклеров, порядке удостоверения в самоличности сторон и подлинности актов, а с другой стороны – сложность крепостного порядка, в связи со свойственными дореформенным судебным учреждениям злоупотреблениями и волокитой, делали реформу нотариального дела настоятельно необходимой. Вместе с новыми уставами

судоустройства и судопроизводства было выработано “Положение о нотариальной части”, получившее силу закона 14 апреля 1866 года.

По действующему “Положению”, вошедшему в состав “Судебных Уставов” императора Александра II, заведование нотариальной частью поручается, под наблюдением судебных мест, нотариусам и состоящим при нотариальных архивах старшим нотариусам, причём в городах, mestechках, посадах и селениях, где нет нотариусов, засвидетельствование явки актов предоставлено мировым судьям (городским судьям, уездным членам окружных судов). Нотариусы определяются, по испытании их в знании законов и форм нотариального производства, в комиссии из председателя окружного суда, прокурора и старшего нотариуса, и увольняются старшим председателем судебной палаты, по представлению председателя окружного суда. Без прошения они могут быть удалены по суду, равно как и распоряжением старшего председателя судебной палаты, основанным на заключении распорядительного заседания суда. Не могут быть нотариусами иностранцы.

Нотариусы числятся на государственной службе, но без права на производство в чины и на пенсию, и не могут занимать другой должности на государственной или общественной службе. Они исполняют свои обязанности только в пределах округа того окружного суда, в ведомстве которого состоят, и вносят в окружной суд определенный залог (в столицах 10 тыс. руб., в губернских городах – 6 тыс. руб., в уездных городах, где есть окружные суды – 4 тыс. руб., в остальных – 2000 руб.), из которого частные долги нотариуса удовлетворяются лишь после удовлетворения взысканий по должности.

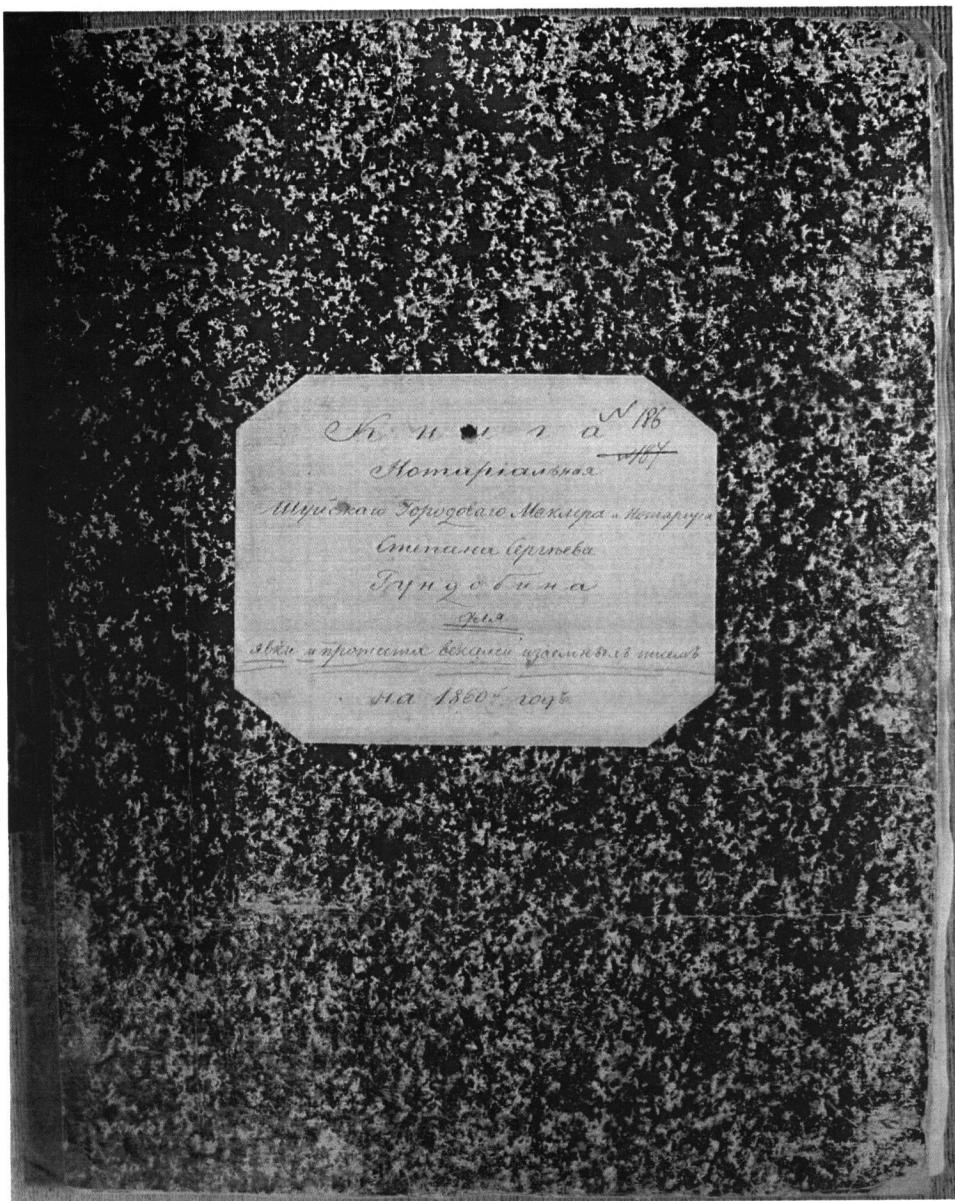
К кругу действий нотариусов относятся:

1) Совершение для желающих (кроме близ-

ких родственников нотариуса) всякого рода актов, кроме актов состояний, актов служебных и межевых, при участии не менее двух свидетелей, удостоверяющих действительное совершение акта. При совершении акта нотариус обязан удостовериться в самоличности и правоспособности совершающих акт и в отсутствии в последнем чего-либо противного законам, общественной нравственности или чести частных лиц. По разъяснению Сената, нотариус обязан судить о законности акта не по внешним только признакам, но и по внутреннему смыслу сделки, удостоверяясь, не направлена ли она в обход закона. Он должен также допросить участвующих в договоре, действительно ли они по добной воле желают его совершить и понимают ли они смысл его и значение. Проект акта прочитывается сторонам и, по уплате ими сборов, вносится в актовую книгу, где подписывается сторонами, свидетелями и нотариусом. Сторонам выдается выпись, имеющая равную силу с внесенным в книгу подлинником. Совершенный таким образом акт называется нотариальным и презумируется (считается. – А.К.) подлинным.

2) Выдача выписей из актовых книг и копий актов. Выписи и копии нотариус вправе выдавать только тем лицам, которым это право предоставлено в акте, или их право преемникам, а другим лицам – только по определению суда.

3) Засвидетельствование явки актов и договоров, разного рода протестов, верности копий, подлинности подписей, времени предъявления документов у нотариуса, нахождения лица в живых, заявлений от одно-

Предреформенная неопределенность в терминах: «Книга нотариальная шуйского городового маклера и нотариуса» С.С. Гундобина на 1860 год.
Государственный архив Ивановской области.

го лица другому, мировых записей и прошений и третейских записей. Формы всех этих засвидетельствований подробно регламентированы законом.

4) Принятие на хранение представленных частными лицами документов, о чём, по желанию предъявителя документа, нотариус обязан совершить акт нотариальным порядком. Принятие документов и выдача их, по предъявлении расписки или по судебному определению, совершаются при двух свидетелях.

При совершении должностных действий нотариус взимает, кроме казённых (гербовых, крепостных) пошлин и сборов в пользу города, плату за свои действия, по соглашению или по установленной в законодательном порядке таксе. Требование платы сверх таксы Сенат подводит под вымогательство.

Если годовой доход нотариуса превышает в столицах или губернских городах 2400 руб., а в уездных городах или уездах – 1200 руб., то одна треть излишка идёт на пополнение залога, пока последний не составит 25.000 руб. в столицах, 15.000 руб. в губернских и 10.000 руб. в уездных городах.

Надзор за деятельностью нотариусов и взыскания с них за упущения и злоупотребления по должностям подчинены общим правилам об ответственности должностных лиц судебного ведомства. Жалобы приносятся в двухнедельный срок окружному суду, определения которого, если ими отказано в совершении акта, могут быть обжалованы в судебную палату в двухнедельный срок. Жалоба подаётся самому нотариусу, обязанному в течение 7 дней представить её, вместе со своими объяснениями, в суд.

Старший нотариус, состоя в государственной службе, приравнивается, относительно содержания и служебных прав, к членам окружных судов, и имеет следующий круг действий:

1) Заведование нотариальным архивом, учреждаемым при каждом окружном суде для хранения крепостных, запретительных и

разрешительных книг, равно как книг, реестров и документов нотариусов округа, доставляемых в архив по истечении года со дня окончания книги.

2) Выдача выписей из актовых книг и копий с нотариальных актов.

3) Утверждение тех нотариальных актов, которые стороны должны или желают обратить в крепостные».

Словарная статья, несмотря на всю её подробность, упускала многие очень важные частности, необходимые для понимания статуса и роли нотариуса в тогдашнем обществе.

Так, например, по-прежнему (как и в законодательстве Николая I) одним из главных критерий для занятия должности нотариуса был моральный облик претендента. Статья 5 «Положения о нотариальной части» провозглашала, что «нотариусами могут быть только российские подданные, совершеннолетние, не опороченные судом или общественным приговором и не занимающие никакой другой должности ни в государственной, ни в общественной службе».²⁵ Нотариус, временно оставляющий свою должность на короткое время (по причине отпуска, болезни и т.д.), был обязан оставить вместо себя исполняющего обязанности; главным требованием к нему было то, что это должно было быть «благонадёжное лицо» (ст. 39).²⁶

Глубокий смысл заключался в 11-й статье «Положения...», формально касавшейся только должностного залога нотариуса: «Нотариус, залог кое-го употреблён, сполна или частично, на покрытие определённых с него по должности взысканий, временно устраивается, по решению Окружного суда, от должности, впредь до представления или пополнения залога».²⁷ Это означало, что самая мелкая неточность, допущенная нотариусом, минимум

на несколько дней отстраняла его от дел: изъятия и пополнения залоговых сумм проходили через казначейство, сопровождались «бумажной» работой и занимали весьма продолжительное время. Так что совершать ошибки выходило во всех смыслах «себе дороже».

Нотариус был обязан не только знать действующее законодательство, но и постоянно повышать свой профессиональный уровень, изучая правовые нововведения: статья 15 «Положения...» предусматривала, что для вступления в должность было необходимо пройти испытание в «знании необходимых для этой должности законов»²⁸, а они с течением времени менялись.

В «Положении о нотариальной части 14 апреля 1866 года» впервые чётко и ясно было сформулировано положение о личной тайне: статья 23 провозглашала, что «по всем поручаемым нотариусу делам и относительно актов и документов, находящихся у него на хранении, он обязан соблюдать тайну, за исключением случаев, в законе указанных».²⁹

Пригодились и наработки правительства Николая I: «Положение...» 1866 года почти полностью скопировало те тщательные и подробные требования к оформлению и записи актов, которые предъявлялись к маклерам николаевской эпохи. Пробелов в текстах по-прежнему не должно было быть, самые мелкие поправки и исправления особо оговаривались в конце текста акта и т.д. Поскольку к началу Великих реформ уже были выработаны типовые формы для всех основных видов актов, нотариус обязан был до-скончально знать их: экзамен на знание форм документов составлял часть «испытания» перед вступлением в должность. Полностью сохранились повышенные требования к оформлению актов, даваемых слепыми, немощными, опекунами от имени опекаемых, грамотными за неграмотных и в тому подобных случаях.

Переходя к развитию нотариата в Ивановском регионе, остановимся на двух моментах «Положения о нотариальной части 14 апреля 1866 года», имеющих ключевое значение.

Первое – это принцип, на основании которого происходило размещение нотариусов по территории страны. Статья 3 «Положения...» провозглашала, что «нотариусы определяются в столицах, губернских и уездных городах, а в случае надобности – и в уездах».³⁰ Если учесть, что и после объединения в 1871 году села Иванова с Вознесенским посадом и образования города Иваново-Вознесенска, новый город носил статус «безуездного», то и нотариат здесь должен был возникнуть лишь «в случае надобности», как бы в виде исключения из правил. «В обязательном порядке» нотариат должен был начать работать в немногочисленных на тот момент уездных городах региона: Шуе, Кинешме, Юрьевце.

Желающие работать здесь нотариусами были обязаны внести залог в 2000 рублей. Величину этой суммы можно выразить по-разному.

Например, в том же 1866 году, 23 мая, была проведена реформа казённых палат – отныне эти ведомства становились финансовыми центрами губерний. Казённые палаты должны были следить за «взиманием государственных доходов и производством расходов», вести «наблюдение за поступлением недоимок», за «правильным и успешным поступлением сборов на право торговли и других промыслов»… короче говоря, управляющий казённой палатой становился тем чиновником, без санкции которого не могла пройти ни одна операция с государственными деньгами. Чтобы оградить управляющих казёнными палатами от желания брать взятки, им была установлена одна из самых высоких ставок жалованья – 2600 рублей в год. Начальник отделения казначейства (по сути – лицо, распоряжающееся всеми казёнными деньгами в том или ином уезде) получал в год 1400 рублей.³¹

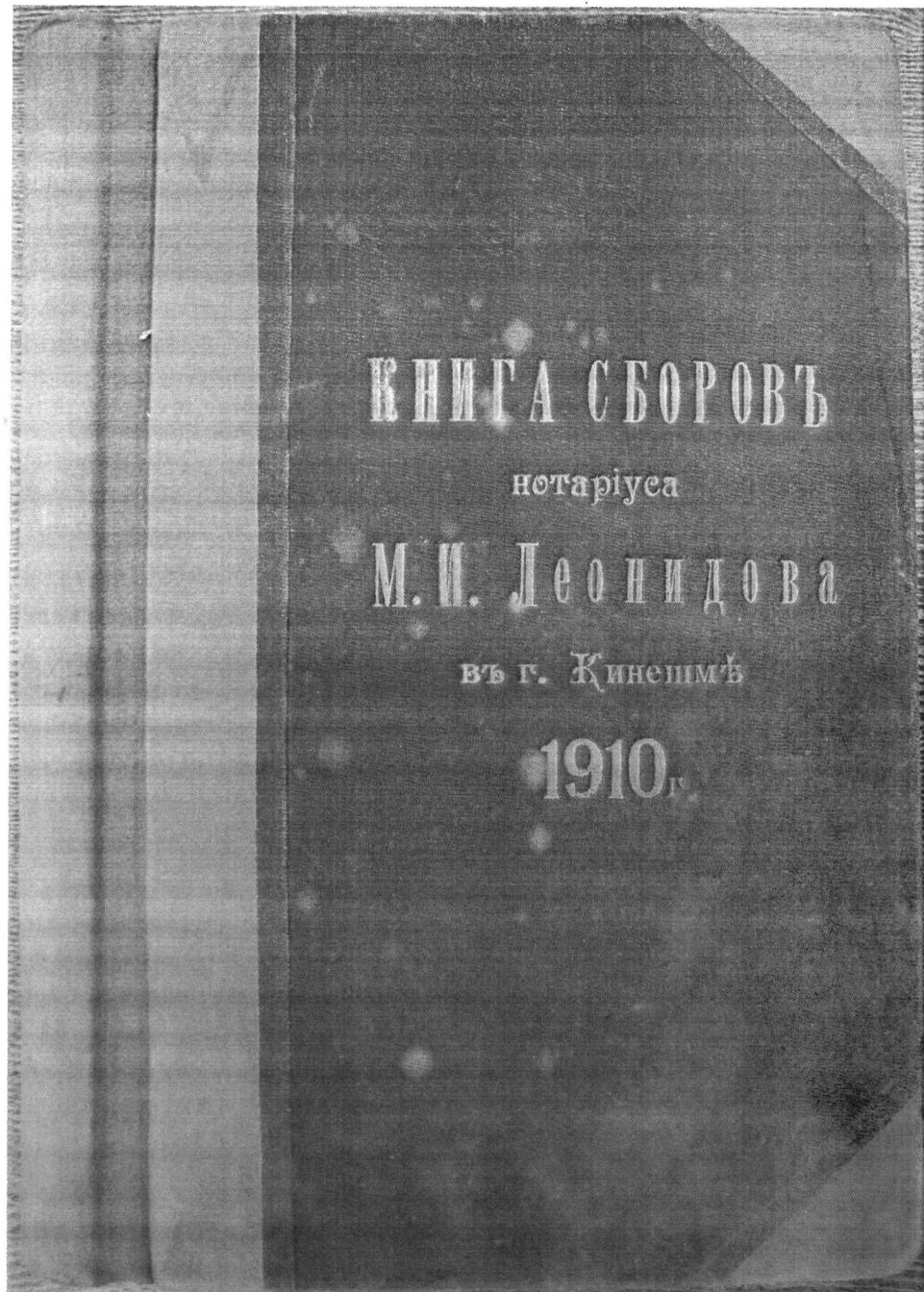
КНИГА СБОРОВЪ

нотариуса

М.И. Леонидова

въ г. Кинешмѣ

1910г.

Обложка «Книги сборов» кинешемского нотариуса М.И. Леонидова. 1910 г.
Государственный архив Ивановской области.

Можно сравнить размер должностного залога нотариуса с бюджетом типичного «заштатного» («безуездного») города Европейской России того же времени, например, города Луха – одного из населённых пунктов Ивановского края, куда не дошёл бурный промышленный рост «Шуйско-Ивановского фабричного района». В Лухе даже в 1892 году все городские доходы составляли 9694 рубля, а расходы – 9728 рублей; по данным 1894 года проживало здесь всего лишь 2110 горожан.³²

Наконец, можно сравнить должностной залог нотариуса с доходами лиц, в наши дни неофициально именуемых «бюджетниками». Так, в Иваново-Вознесенске в 1904 году ткач зарабатывал 13 руб. 50 коп. ежемесячно³³: чтобы скопить достаточную сумму для открытия нотариальной практики, ему пришлось бы трудиться, не расходуя ничего из своего жалованья, более 12 лет.

Впрочем, будем объективны: в уездных городах тех уездов, которые позже образовали Иваново-Вознесенскую губернию, жизнь в общем и целом была богаче. Сравним те же городские бюджеты. В уездном городе Юрьевце в 1901 году городские доходы за год составили 170.132 рубля, расходы – 169.913 рублей³⁴, т.е. примерно в 17-18 раз больше, чем в Лухе. В Шуе в 1902 году «в доход города поступило 106.984 руб., израсходовано 121.621 руб.»³⁵ Скромнее жил уездный город Кинешма: здесь в 1894 году городских доходов было 40.889 рублей.³⁶ На примере этого города, кстати, очень хорошо видно, насколько резко выросло благосостояние городов Ивановского региона за годы Великих реформ и первые пореформенные десятилетия: в 1862 году городские доходы Кинешмы составляли всего 13.913 рублей.³⁷ Т.е. появись в Кинешме нотариус немедленно по опубликовании «Положения о нотариальной части» 1866 года, его должностной залог составил бы примерно 1/7 годового бюджета города.

Помимо конкретных, непосредственно ощущимых трудностей (вроде необходимости вносить, приступая к обязанностям нотариуса, по всем меркам громадный должностной залог) существовали ещё и препятствия, мало заметные на первый взгляд. Развитый нотариат должен был стать ещё и мощным орудием преобразования русского общества, изменения его менталитета; он не мог уживаться с пережитками крепостничества. Поэтому неудивительно, что в первые два десятилетия после отмены крепостного права (иначе можно сказать: до тех пор, пока не выросло хотя бы одно поколение, не знавшее крепостничества) негосударственный нотариат латинского типа не получал в России широкого распространения.

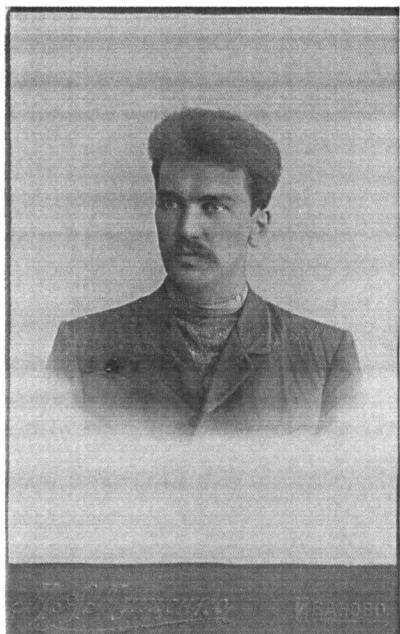
Это касалось не только тех регионов, которые отставали в промышленном развитии. Исключением из правила не был и «Шуйско-Ивановский фабричный район», население которого очень быстро стало преимущественно рабочим, нежели крестьянским. Дело было в том, что не преодолёнными оставались т.н. патерналистские настроения в отношениях между работниками и работодателями. «Пореформенный период вплоть до революции 1917 года в целом способствовал постепенному снижению личной зависимости рабочих от своих хозяев. Однако, хотя теперь рабочий и знал, что, поступая на фабрику, он остаётся на ней для работы до тех пор, пока захочет сам, внутрифабричные отношения с работодателем остались теми же. Взаимные отношения предпринимателей и рабочих складывались на почве свободы договора, не стесняемого контролем со стороны государства. Однако под этим договором скрывался необузданный произвол капиталистов в деле эксплуатации рабочих. Рабочим приходилось выпрашивать у фабриканта свой заработок как особую милость». В рабочей среде продолжали укрепляться разные формы холопского низкопоклонничества».³⁸

Подобные особенности взаимоотношений рабочих и работодателей, по мнению известного исследователя рабочего класса начала XX века К.А. Пажитнова, сохранялись до середины 1880-х годов; эту стадию развития пролетариата в России Пажитнов выделил отдельно и противопоставил второй стадии – с середины 1880-х до момента создания Пажитновым своих исследований, т.е. до 1904-1906 гг. Только вторая стадия, по мнению Пажитнова, может считаться собственно капиталистическими отношениями в трудовой сфере.³⁹

До середины 1880-х годов «специальных гражданско-правовых законов, непосредственно предусматривающих разрешение трудовых конфликтов, в России не было, и забастовки для рабочих являлись единственным доступным для них средством защиты своих коллективных интересов. Стачки являлись неправовым способом разрешения острых социально-трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями».⁴⁰

Наконец, образованием и познаниями в области права не блистали и сами предприниматели. «Нормальное среднее и высшее образование» дети предпринимателей стали получать только с начала 1880-х годов, а до этого «главными чертами “русского хозяина” были семейные традиции и преемственность в ведении дел. Приобщение к торгово-промышленной деятельности происходило очень рано».⁴¹

Как именно происходило это «приобщение» на практике – описывал в 1862 году «бытописатель» (этнограф) Н.П. Боголюбов. В одном из крупнейших торговых городов Российской Империи, Рыбинске Ярославской губернии, он обнаружил два училища, однако в них оказалось «весьма мало учащихся, да и те берутся родителями домой, едва выучась читать и писать, а доканчивают своё образование в лавках, где приучаются к обманам с детства».⁴²

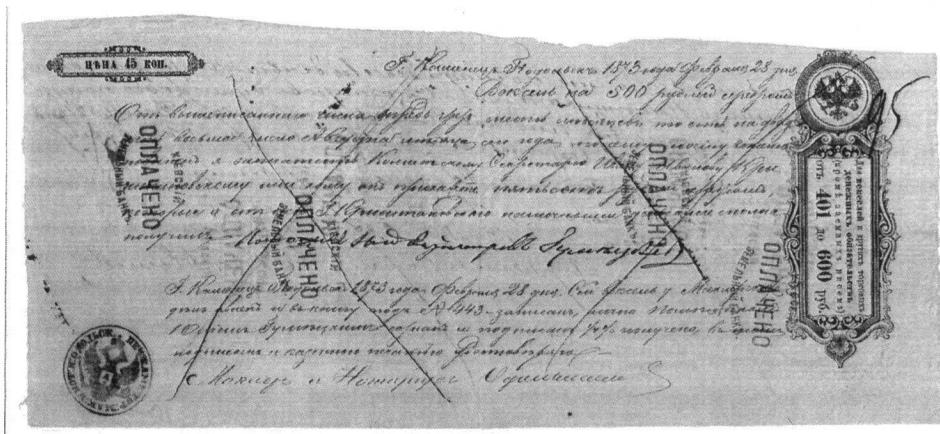

Обеспеченный рабочий. Фотография начала XX в., фотоателье М.А. Мищенко, Иваново-Вознесенск.

году составлял 107.925 рублей в доходной части.⁴³ Жителей по сравнению с Шуей было примерно вдвое больше (36.951 в Каменце-Подольске против 19.583 в Шуе), но зато у Каменца-Подольска был статус губернского города, тогда как Шуя была городом уездным.

В нашем распоряжении имеются два векселя. Первый датируется 28 февраля 1873 года и любопытен тем, что его зарегистрировал «маклер и нотариус Одольский»⁴⁴, по правилам и нормами законодательства эпохи Николая I – т.е. в губернском центре Каменце-Подольске «Положение о нотариальной части 14 апреля 1866 года» не работало и 7 лет спустя по его опубликовании. Второй вексель был выписан в том же городе 31 октября 1907 года и, ввиду неплатежа в срок, «протестован в конторе Каменец-Подольского нотариуса Мандельштама

против векселедателя в неплатеже по векселю 1908 года мая 1-го дня». В «Книгу о протесте векселей» опротестованный документ попал под номером 252, а в общий реестр (куда заносились вообще все операции, совершаемые нотариусом Каменца-Подольска) – под номером 2010.⁴⁵ То есть, в первые 4 месяца 1908 года местный частный нотариус совершил в среднем более 500 нотариальных действий ежемесячно, а в частности, каждый месяц протестовал более 60 просроченных векселей, что говорит о более чем обширной практике (особенно если учесть численность жителей Каменца-Подольска – примерно 40.000 человек, как мы отмечали).

Вексель 1873 года, оформленный в г. Каменце-Подольске по дореформенным правилам у маклера.

Откуда брался такой рост интереса к нотариату? Образно говоря, происходил «переход количества в качество».

Скажем, в Ивановском крае происходил стремительный рост количества рабочих. Об этом говорит хотя бы тот факт, что «во время войны 1877 года (Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – А.К.) в городе Швец сосредоточилось до 1200 швецов и изготавлялось для нужд армии еженедельно по 15.000 полушубков».⁴⁶ И это была только одна, в

общем-то, частная акция, навеянная патриотическими чувствами. В целом в «Шуйско-Ивановском фабричном районе» «несмотря на многие отрицательные стороны жизни и работы на фабриках, отход местного населения на фабрику постепенно усиливается. Хотя население, ушедшее из деревни на фабрику, и не порывает связи своей с деревней, но связь эта постепенно делается всё слабее и слабее».⁴⁷

Забастовки рабочих делались всё более массовыми, поэтому «властями был выработан отражённый в инструкциях и циркулярах правительства алгоритм действий во время стачки, в ряду которых особая роль принадлежала фабричной инспекции. Фабричные инспектора по своим должностным обязанностям должны были не только осуществлять надзор за соблюдением на фабриках и заводахенного благоустройства и порядка, но и принимать меры к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими». Фабричная инспекция «должна была стремиться отстаивать интересы рабочих на основе строгого соблюдения фабрично-трудовых законов, и такая деятельность в известной мере способствовала как искоренению существующих прежде прямых злоупотреблений, так и некоторому улучшению условий труда и быта рабочих».⁴⁸

Иначе говоря, с начала 1880-х годов рабочие всё больше и больше начинали действовать в рамках закона, или, иными словами, в правовом поле. Говоря словами В.О. Ключевского, решался один из двух «коренных вопросов», которые должны были решить Великие реформы – «вопрос о восстановлении прерванной прежде совместной деятельности сословий в делах политических и хозяйственных».⁴⁹

В этих условиях каждого рано или поздно должен был затронуть и один из важнейших институтов защиты гражданских и имущественных прав – нотариат.

§ 3. Под знаком pragmatизма

О дате открытия первой нотариальной конторы в Иваново-Вознесенске можно сказать так: сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что первый частный нотариус появился в Иваново-Вознесенске не позднее 1883 года.

Одним из самых ранних документов, оформленных иваново-вознесенским нотариусом и сохранившихся до наших дней, может служить «запродажная запись» (купчая) братьев-купцов Владимира, Дмитрия и Александра Лопатиных, датированная 5 июля 1883 года. По этому документу Лопатины намеревались продать своему коллеге «иваново-вознесенскому купцу Илье Васильевичу Худякову» доставшуюся им по наследству от покойного отца каменную лавку «в Нижегородской ярмарке».⁵⁰

Любопытно, что первым условием продажи в купчей обозначено: «Купчая крепость на эту продажу должна быть совершена нами двадцатого августа сего тысяча восемьсот восемьдесят третьего года у одного из нотариусов Нижнего Новгорода в Нижегородской ярмарке», т.е. в сознании и продавцов, и покупателя, именно нижегородский нотариус воспринимался как «настоящий», способный придать акту купли-продажи законную силу. При этом – перед нами не «проект акта», написанный на простой бумаге, а полноценная «запродажная запись», выполненная на весьма дорогом гербовом листе ценой 8 руб. 75 коп.

Из удостоверительной надписи под «запродажной» мы узнаём имя первого частного нотариуса города Иваново-Вознесенска: «Тысяча восемьсот восемьдесят третьего года июля пятого дня запродажная запись эта явлена у меня, Ивана Михайловича Веселовского, Иваново-Вознесенского нотариуса, в конторе моей, на Широкой улице в доме

бывш, писавшиши да чиня им город, чиня симе извеснини
и винесущими доказище православия на землемерия актах.
Сбора в доходе города временно изымаючи сорок рублей 137-го. Чем
Чин издаваша 100 рев. № 734-

Иванурий Шелепин

По сей записи приказа пред приложении Ставки ВВ,
Печати гражданин Деникин Павлов Младший за себя
и пасынков приемного брата чину Александри Павловича
Лопатина Печати Графини Васильевы Павловы

Подпись и печать иваново-вознесенского нотариуса И.М. Веселовского на
купчей братьев Лопатиных. 1883 г.
Государственный архив Ивановской области.

Дурденевского, потомственными почётными гражданами Владимиром и Дмитрием Павловичами Лопатиными, последний за себя и, по доверенности, за брата своего, почётного гражданина Александра Павловича Лопатина... и Иваново-Вознесенским купцом Ильёю Васильевичем Худяковым. Сбора в доход города взыскано четырнадцать рублей. По реестру № 734-й».⁵¹

Дадим необходимые пояснения. В реестр нотариуса записывались вообще все совершаемые им действия, независимо от их важности: от удостоверения подписи под документом, занимавшего несколько минут и стоившего 10 копеек, до составления, оформления и регистрации, например, завещания на имущество ценой в десятки и сотни тысяч рублей. Так что единственное, что мы можем сказать, зная данную цифру: за полгода работы И.М. Веселовский совершил чуть более 700 нотариальных действий – порядка 120 в месяц или в среднем

5-6 нотариальных действий в день. Так что не ошибёмся, если сформулируем так: в первый год работы к частному нотариусу Иваново-Вознесенска клиенты ходили явно не толпами и очереди в его конторе наблюдались едва ли.

На то же намекает ещё один сохранившийся документ, оформленный И.М. Веселовским, а точнее сказать, от его имени. В архивах имеется «выпись из актовой книги для актов на недвижимые имения Иваново-Вознесенского нотариуса Веселовского за 1884 год».⁵² Одиннадцатого августа этого года «иваново-вознесенская мещанская вдова Анфиса Михайловна Бубнова» пожелала составить завещание, что и исполнил «Сергей Николаевич Никольский, исполняющий должность Ивана Михайловича Веселовского, Иваново-Вознесенского нотариуса». В реестре это нотариальное действие оказалось под номером 506 – т.е. по сравнению с предыдущим годом интерес ивановцев к нотариальным услугам значительно упал: за 7 первых месяцев 1884 года они совершили примерно 500 нотариальных действий; в среднем примерно 70 действий в месяц, т.е. по 2-3 нотариальных действия в день. Логично предположить, что И.М. Веселовский, дабы иметь достаточный доход, занимался ещё чем-то помимо нотариальной практики, поэтому и держал иногда вместо себя помощника.

В свете этого мы можем провести весьма любопытный анализ содержания краеведческой работы Якова Петровича Гарелина, приоткрывающей некоторые особенности восприятия ивановцами фигуры нотариуса в первые годы его работы в городе.

Если рассматривать второй том труда Я.П. Гарелина «в целом», то становится ясной главная причина, по которой появления в Иваново-Вознесенске нотариата нового образца пришлось ждать почти 20 лет после публикации «Положения о нотариальной части» 14 апреля 1866 года. Причина эта состояла

в том, что в первые 20 пореформенных лет ивановцам было просто не до латинского нотариата, у них имелись куда более серьёзные проблемы.

Описания Якова Петровича, даваемые им своей малой родине в период 1861–1883 годов, как правило, очень точны в части рассказа об экономическом развитии Иваново-Вознесенска, о состоянии здесь промышленности, торговли и всего, что им сопутствует. Не стал исключением и нотариат.

Так, разъясняя необходимость объединения села Иванова и Вознесенского посада в единый город, Я.П. Гарелин указывает, прежде всего, на экономическую эффективность двух этих поселений, которой мешало искусственное разделение. В качестве одного из подтверждений деловой активности жителей Вознесенского посада Гарелин приводит цифру: «У маклера в 1858 году явлено и протестовано актов [жителями посада] на сумму 91.830 с лишком рублей».⁵³ А описывая кипучую деятельность посадской Думы по укреплению автономии поселения от властей Шуйского уезда, начатую ещё при Николае I, Яков Петрович подчёркивает такой момент: «Из остальных действий Думы в сентябре месяце 1854 года нужно указать увенчавшееся успехом прошение о том, чтобы дозволено было иметь в посаде гербовую бумагу для продажи, ввиду неудобства ездить за ней каждый раз в Шую. В декабре бумага была получена и, таким образом, посад мало-помалу обосабливался от Шуи».⁵⁴

Если мы посмотрим на труд Я.П. Гарелина несколько шире, чем просто как на перечисление некоторых фактов из жизни села и посада, а затем созданного на их базе города, то заметим следующее. Сам будучи родом из купеческой семьи, Гарелин описывал прежде всего те моменты истории своей малой родины, которые касались всего, что либо способствовало, либо препятствовало успе-

хам местной промышленности и торговли. Здесь для Якова Петровича мелочей не было. Тот же вопрос о гербовой бумаге был для него не мелочью, а насущной проблемой – поэтому и попал в книгу Гарелина. Или другой вопрос, также весьма подробно описанный краеведом: Я.П. Гарелин подчёркивает, что ещё до начала Великих реформ, в 1858 году, в Вознесенском посаде начали создаваться условия для правовой защиты вольнонаёмных рабочих. «Затем из действий Думы по устройству посада можем отметить два важных дела: устройство Сиротского суда и Словесного торгового суда. И тот, и другой были необходимы – первый потому что лица, по поводу которых производились дела, постоянно жили или в посаде, или в селе Иванове, а второй потому что частые споры между фабрикантами и рабочими требовали возможно скорейшего разрешения».⁵⁵

С явным сожалением и претензиями к бюрократам Я.П. Гарелин пишет о неудачной попытке учредить в 1876 году уже в городе Иваново-Вознесенске отделение Окружного суда. (Напомним, что именно Окружной суд в лице состоящего при нём старшего нотариуса окончательно утверждал акты на недвижимые имущества, вводил в права наследства и т.д.). «Из других ходатайств, не имевших успеха, мы можем отметить просьбу об открытии в городе сессий Окружного суда, причём старшины общественного собрания обязательно предлагали помещение на время заседаний суда. Ходатайство отклонено, потому что, сказано в ответе, нет в городе тюремного замка».⁵⁶

В целом достаточно хорошо видно, что появление в Иваново-Вознесенске нотариуса Я.П. Гарелин вряд ли обошёл бы своим вниманием, если бы эта фигура имела достаточно большое значение для регистрации торговых операций, прав на недвижимость, законного оформления последней

воли и прав наследства и т.д. Однако даже в главе, которую Яков Петрович посвятил 1883 году, – году, когда в Иваново-Вознесенске уже работал нотариус И.М. Веселовский – мы не встречаем никакого упоминания о городском нотариусе. Хотя вопросу о регистрации сделок в городе Гарелин отвёл не только целую страницу в своём исследовании, но даже составил и таблицу продаж гербовой бумаги. Воспроизведём текст и таблицу полностью.

«При Городской управе существует продажа гербовой бумаги для различных актов и гербовых марок. В течение 1883 года продано было всего на 8629 руб. 15 коп. Разделялась проданная бумага так.

НАЗВАНИЕ БУМАГИ	РУБЛИ	КОПЕЙКИ
С Императорским титулом ⁵⁷	16	20
Без титула ⁵⁸	5	40
Крепостной ⁵⁹	727	60
Вексельной	3805	25
Марок ⁶⁰	4074	70
ВСЕГО	8629	15

Вексельной бумаги всего больше продано было низшего разбора, а именно: в 10 коп. 488 листов, в 15 коп. 419 листов и в 30 коп. 416 листов.⁶¹ Самое малое количество падает на бумагу высшего разбора – в 21 рубль 4 листа, в 13 руб. 80 коп. 6 листов, в 25 руб. 60 коп. 14 листов и в 27 руб. 60 коп. 15 листов. Из остальных разрядов всего больше продано было бумаги по 40 коп. и 70 коп. за лист: первой 297, второй 246 листов. Из крепостной бумаги больше всего продано по 1 рублю за лист – 47. Это объясняется, главным образом, не особенно значительною ценностью участков и домов, подвергшихся купле-продаже (сумма актов, совершаемых

*Нотариальная копия договора 1815 года о найме крестьян на фабрику
Бурылиных. 1890-е гг.
Экспозиция Музея ивановского ситца.*

на листе рублёвого достоинства, простирается от 50 до 300 рублей)».⁶²

Вообще, к городской недвижимости и операциям с ней у Я.П. Гарелина было особо пристальное внимание: уже хотя бы потому, что «главной статьёй дохода являются недвижимые имущества в городе, сбор с которых составляет слишком 22% всего дохода».⁶³

Повторимся: при таком подходе к описанию Иваново-Вознесенска, Я.П. Гарелин вряд ли мог пройти мимо появления в городе нотариуса, если бы тот играл в городской экономической жизни достаточно важную роль. Однако Яков Петрович ничего не говорит о городском нотариусе даже в том разделе своей работы, где он обязан был бы о нём сказать.

В целом глава о 1883 году написана Я.П. Гарелиным по образцу т.н. «памятных книжек» – особого рода справочников-ежегодников, выпускавшихся во второй половине XIX – начале XX вв. в большинстве губерний Европейской России. В «памятные книжки» включался табель-календарь на год выпуска, перечень памятных дат и праздников, а основную часть составлял «список лиц, служащих по губернии», т.е. полный перечень действующих чиновников различных ведомств и выборных лиц местного самоуправления. Нотариусов в подобном списке всегда включали в перечень «служащих по Министерству юстиции», т.к. они были связаны с судебными органами.

Вновь приведём полностью страницу из труда Я.П. Гарелина.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

Министерство Юстиции представителями своими имеет здесь двух Мировых судей, 3-го и 4-го участка Шуйского уезда. Здесь же живёт Судебный следователь 3-го участка Шуйского уезда и Судебный пристав Съезда мировых судей. Деятельность их представляется в таком виде:

	Принято		Решено		Следствий
	Гражд.	Угол.	Гражд.	Угол.	
Мировой судья 3-го уч.	874	871	860	1378	-
Мировой судья 4-го уч.	611	898	541	588	-
Судебный следователь	-	-	-	-	103
Судебный пристав	-	-	-	-	-

Надо заметить, что Мировой судья 3-го участка ведает исключительно городские дела. Самыми обыкновенными делами являются мелкие кражи, насилия, покушения на воровство, вообще, проступки против личности и собственности, реже встречаются покушения на убийство и самые убийства. Увеличение или уменьшение числа краж и насилий зависит от хода фабричных дел: сокращают фабрики производство и распускают часть рабочих, усиливаются кражи; фабрики в полном ходу – и краж значительно меньше».⁶⁴

Как видим, составив подробную таблицу правонарушений и описав причины и характер преступлений, совершающихся в Иваново-Вознесенске, перечислив всех судебских чиновников, Я.П. Гарелин ни слова не сказал о нотариусе.

Теперь дадим несколько пояснений к информации, предоставленной Яковом Петровичем Гарелиным.

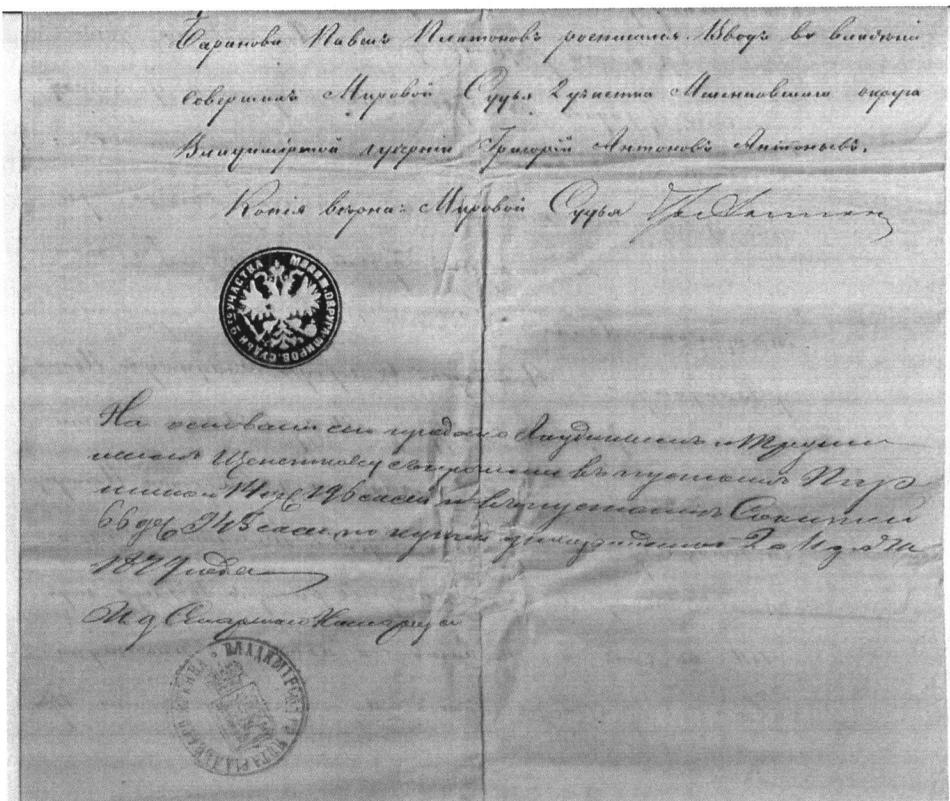
Во-первых, вернёмся к данным таблицы продажи гербовой бумаги. Из неё мы видим, что в 1883 году 47,22% всех продаж пришлись на гербовые марки и 44,09% – на продажи вексельной бумаги. Это говорит нам о том, что более 40% всех опера-

ций по регистрации имущественных отношений в Иваново-Вознесенске совершались тогда без участия нотариуса, что называется, по определению. «Являть» вексель было необязательно, поскольку уже сам факт написания денежного обязательства на гербовой бумаге установленного образца и надлежащего «разбора» (цены) придавал такой записи характер публичного акта, который имел юридическую силу для суда.

Что же касается продажи гербовых марок – то, в сущности, такой интерес к ним говорит только об одном. Гербовая марка – это, прежде всего, средство превратить лист обычной бумаги (акт, написанный на таком листе, был юридически ничтожен) в лист гербовой. Для этого было нужно лишь наклеить в верхнем левом углу обычного листа марок на соответствующую сумму цены гербового листа и погасить их. То есть, ивановцы в 1883 году по-прежнему предпочитали писать заявления, прошения, завещания, доверенности и прочие акты в домашних условиях, на простой бумаге. Затем они брали написанное и шли с ним в городскую управу, где покупали гербовые марки, наклеивали их на «домашний» акт и таким образом (опять же без участия нотариуса) делали этот акт публичным.

Во-вторых, обратим внимание на деятельность в Иваново-Вознесенске мировых судей, действовавших, как мы видим из второй приведённой нами таблицы Я.П. Гарелина, весьма эффективно: как в плане объёма работы, так и в плане оперативности. Мировой судья 3-го участка в 1883 году принял к рассмотрению 874 гражданских дела и решил из них 860, т.е. почти 98,4% принятых в работу дел. Мировой судья 4-го участка принял к рассмотрению 611 гражданских дел и решил 541 дело, т.е. примерно 88,5% от принятого к производству, что всё равно является очень высоким показателем эффективности работы судьи.

Теперь посмотрим, как решался в тогдашней судебной практике важнейший для ивановцев вопрос – земельный. В частной коллекции автора данной книги имеется копия «вводного листа» во владение землём крестьян Меленковского уезда той же Владимирской губернии, к которой принадлежал тогда и Иваново-Вознесенск. Приведём первый лист документа полностью.

Копия «Вводного листа» во владение землём, выполненная и удостоверенная мировым судьёй Г.А. Антоньевым с позднейшей печатью Владимирского нотариального архива.

«Копия.

ВВОДНЫЙ ЛИСТ

Тысяча восемьсот семьдесят восьмого года
декабря двенадцатого дня Мировой судья 2-го
участка Меленковского округа Владимирской губернии Григорий Антонович Антоньев прибыл

сего числа на место, согласно исполнительного листа Владимирского окружного суда от 21 декабря 1877 года за № 2241, ввёл во владение, при нижеподписавшихся, крестьян села Цыкули Дмитрия Пахомов[ич]а Лаудина и деревни Бариновой Митрофана Яковлев[ич]а Трушина именем, состоящим из земли разных угодий Меленковского уезда при селе Цыкулях в пустошах Паршиной девятнадцать десятин восемьсот семьдесят сажен и Сокиной девяносто одной десятины семьсот сажен, приобретённой ими по купчей крепости от меленковского мещанина Ивана Тихонов[ич]а Закрепина, совершённой у Владимирского нотариуса в городе Владимире Ивана Семёновича Доброхотова 1877 года Ноября 21 дня, записанной в книгу под № 39-м и явленной у Старшего нотариуса Велентея и записанной в крепостную книгу в реестр 1877 года под № 1511, в чём и составлен сей акт при нижеподписавшихся. При вводе жалоб ни от кого не изъялено».

Далее идёт перечень присутствовавших при совершении акта, заверительная надпись «копия верна» с подписью судьи, его печать. Ниже основного текста «вводного листа» идёт запись от 2 марта 1879 года, сделанная рукой «исполняющего должность Старшего нотариуса Владимирского нотариального архива» и удостоверенная печатью этого архива. Запись сделана о том, что часть земель, указанных во «вводном листе», на основании данной копии «вводного листа» продана Лаудиным некоему Щепетнову.

Что мы видим из этого документа?

Во-первых, именно с фигурой мирового судьи у землевладельцев ассоциировался окончательный этап регистрации имущественного права, тогда как оформление купчей у нотариуса было только первым шагом на этом длинном (протяжённостью во времени не в один год) пути.

Во-вторых, копию акта, необходимую для последующей перепродажи и иных операций с недвижимостью, выдавал всё тот же мировой судья; его подпись и печать служили достаточным удостоверением подлинности выписки.

В-третьих, даже спустя более 10 лет после проведения нотариальной реформы, услуги нотариуса были мало востребованы: работавший в 1877 году в губернском центре городе Владимире нотариус И.С. Доброхотов к концу ноября оформил лишь 39 купчих на недвижимость, даром, что ездили за этим к нему со всей губернии.

В целом же – в силу разных причин, от права мирового судьи исполнять нотариальные функции (например, выдавать и свидетельствовать копии актов) вместо нотариуса, до восприятия именно судьи в качестве «власти», дающей право владеть собственностью – частный нотариус во многом воспринимался как «лишняя» инстанция на пути регистрации имущественных прав.

Напомним, что земельный вопрос, споры вокруг размежевания земель и ввода во владение ими – оставались основной заботой ивановцев первые 15-20 лет по основании города на месте бывших села Иванова и Вознесенского посада. Так, например, только в 1887 году город выкупил у графа Шереметева торговые площади; «Иваново-Вознесенская городская управа употребила на это весь капитал местного общественного банка, что повлекло за собой его закрытие». ⁶⁵ Отсюда понятно, почему в городе уделялось такое внимание мировым судьям, но не городскому нотариусу.

Собственно, даже генеральный земельный план Иваново-Вознесенска был составлен только к 1877 году и с немалыми трудностями: «В собрании 11 мая 1874 года обсуждался вопрос о составлении плана города. Назначено было на работу 24 месяца, т.е. план должен был быть готовым к 1876 году, но

он готов был только в конце 1877 года. В мае же месяце назначен был городовой архитектор, должность необходимая в виду того, что за составлением планов приходилось или ездить в губернский город или пользоваться услугами малоопытных людей».⁶⁶

Такое положение в нотариальной сфере, опять же, сохранялось не годами, а десятилетиями. Вот ещё один документ из нашей частной коллекции – «Выпись из крепостной Владимирского нотариального архива книги по Меленковскому уезду за 1894 год, страницы 1-2, № первый»:

«Тысяча восемьсот девяносто третьего года декабря шестнадцатого дня явились к Александру Алексеевичу Розову, Владимирскому нотариусу, в конторе его в 1-й части города Владимира, на Нижегородской улице, в доме Бабушкина известные ему лично и к свершению актов законную правоспособность имеющие: крестьяне Меленковского уезда деревни Аксёновой...».

Далее идёт стандартный текст договора о продаже небольшого участка земли сельскохозяйственного назначения, малоинтересный нам. Куда важнее другое.

«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефронова» сообщает, что Меленки – это «уездный город Владимирской губернии, в 165 верстах от губернского города».⁶⁷ Это немногим меньше чем расстояние от современного Ярославля до Вологды (примерно 190 км) и существенно больше расстояния от Иванова до Ярославля (по автотрассе – около 130 км). Возникает резонный вопрос – зачем же крестьяне из Меленковского уезда поехали оформлять сделку во Владимир? Очевидно, только по одной причине – в Меленках даже в 1893 году не было собственного нотариуса, как и в 1877 году; вопрос о нотариусе в городе не могли решить в течение 27 лет, если считать с опубликования «Положения о

нотариальной части 14 апреля 1866 года». Причём Меленки были отнюдь не самым захудальным уездным городом Владимирской губернии: здесь проживало в 1896 году 6843 жителя, в целом имевших очень неплохие доходы от городской промышленности и торговли: «Один кожевенный завод – 600 руб. производства, 7 маслобоен – 3942 руб., 1 бумаготкацкая фабрика с 1065 рабочими – 1.081.230 руб., 2 полотняных с 1820 рабочими – 1.541.703 руб., 1 отбельная – 52.787 руб., 1 чугуноплавильный завод – 6450 руб. Главный предмет занятий жителей – покупка, обработка и сбыт льна. По линяной торговле Меленки служат центром всего уезда».⁶⁸

Воспользуемся ещё одним документом из нашей коллекции. Это уже Костромская губерния, город Буй. Если верить «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрон», к 1890-м годам – один из беднейших городов региона.

В 1888 году здесь проживало 2240 жителей, а вся городская промышленность заключалась в винокуренном заводе, который «выкуривает ежегодно до 670.000 градусов спирта».⁶⁹ Градусом называлась в те годы мера объёма алкоголя, равная 1/100 ведра, т.е. завод производил ежегодно до 6700 вёдер спирта. Средняя цена ведра спирта до обложения государственным акцизом (т.е. фактически – себестоимость производимого спирта) определялась в те годы примерно в 2,5 рубля⁷⁰, т.е. всего винокуренный завод в Буе приносил в год не более 16.750 рублей. Большинство местных жителей подавалось в «отхожие промыслы», но и здесь зарабатывало немного – заработка отходника колебался, в зависимости от вида работы, от 60 до 160 рублей за весь рабочий сезон (около полугода).⁷¹

Экономическая скучность самым прямым образом сказывалась на состоянии местного нотариата. Перед нами – оригинал завещания одного из буйских мещан. Писал его, на простой бумаге, сам со-

ставитель акта, в меру своей грамотности. Приведём текст с сохранением орфографии и пунктуации оригинала:

«Воимя отца и Сына и Святого духа аминь.

Я нижеподписавшийся Города буя мещанин Василий Димитриев Москвин, Чувствуя Себя по временам в болезненом состоянии Здоровья Своего, Но будучи Ещё в здравом уме и свежей Памяти заблагорассудил В благо приобретённом Движимом и недвижимом Моём имении Состоящем в городе Судиславле както Каменном Двух Этажном Доме по лицу улицы пяти окнах и близ его Деревянном флигеле со всеми приних подвору Деревянными Прислугами в Болотовской улице, доставшемуся мне по разделу с братом моим родным города Судиславля 2й гильдии Купцом Иваном Димитриевым Москвиным на случай Смертного Часа сделать Сие Духовное Завещание. В сё Движимое и Недвижимое имение какое окажется предоставляю вполное распоряжение Жене Моеи Александре Васильевне Москвиной с детьми а родственникам моим до оставшегося Моего Имения не касаться и ни в какие распоряжения не входить. Которая может сама распорядиться оным. При живности же моей могу Я оное и изменить или совсем нарушить. Июля 11 дня 1871 года к сему Духовному завещанию завещатель Буйский мещанин Василий Димитриев Москвин руку приложил».

Документ, как видим, с правовой точки зрения весьма своеобразный. Непонятен ни перечень завещаемой недвижимости (говорится только о некоем «доме в пять окон» по фасаду Болотовской улицы в Судиславле без точного адреса и границ владения), ни характер наследования (неясно, как будут владеть домом жена и дети наследодателя: в равных долях или как-то иначе).

Тем не менее, перед нами – именно оригинал завещания. Не начиная даже нового абзаца, сразу

678
90
190
190a
N° 10
Вестник олица именем Иваном Москвином

Чинопосланием Героя буя мещанина
Василия Дмитриевича Москвина, Судиславльского
Избранием в твердом уме и свежей памяти
Святого, Несущего в здоровии ум и всеми
Приимки здешнего расцедил в 1871 года Приведе-
нном из Тверской губернии Судиславльским
Боле Погибшим ученику имени оклада чину
Святого Духа мещанину Ивану Михайлову
Москвину. Деревянным орнаментом Святого
Пророка. Деревянными дуриалами в твер-
дом уме.

Верхняя половина первого листа «домашнего завещания» буйского мещанина В.Д. Москвина. 1871 г.

за подпись Москвина, идёт подпись свидетеля, сделанная другой рукой: «Что сие Духовное Завещание писано самим собственоручно завещателем в твёрдом уме и свежей памяти в том свидетельствуем. Судиславльский 2-й гильдии купец Иван Дмитриев Москвин». Затем, опять же, не с нового абзаца, а как продолжение – ещё одна надпись другой рукой: «Что сие духовное завещание писано самим завещателем собственоручно в твёрдом уме и ясной памяти, в том свидетельствую судиславский мещанин Иван Михайлов Москвин». По всей видимости, тоже какой-то родственник завещателя В.Д. Москвина. Наконец, самая грамотная надпись аккуратным почерком: «Что сие Духовное завещание писано в твёрдом уме и свежей памяти самим завещателем, в том свидетельствую. Отец его

Духовный, города Судиславля Преображенского собора Священник Александр Невский».

В.Д. Москвин несколько ошибся насчёт «болезненного состояния здоровья своего». Следующая запись на документе датируется 30 октября 1890 года – с момента составления завещания прошло без малого 20 лет. Надпись извещает, что «Костромской Окружной суд по гражданскому отделению, в публичном судебном заседании, рассмотрев настоящее духовное завещание, ПОСТАНОВИЛ: домашнее духовное завещание мещанина Василия Дмитриева Москвина, совершённое 11 июля 1871 года, утвердить к исполнению, причём взыскать 3 руб. актовых, 3 руб. на публикацию, 80 коп. гербовых, наследственных пошлин не взыскивать. О вышеизложенном на основании 1066-й ст. X т. 1 ч. Изд. 1887 г. Окружным Судом сделана эта надпись и завещание выдано предъявительнице, мещанке Александре Васильевне Москвиной со взысканием с неё исчисленных выше пошлин, всего в количестве шести руб. восемидесяти коп., записанных по квитанции Костромского казначейства от 9 ноября с.г. за № 14309».

Из надписи, сделанной в суде, для нас следуют два важных вывода.

Первый – «1066-я статья X тома части 1 издания 1887 года» – это, по сути, прямое воспроизведение норм законодательства о совершении актов эпохи Николая Первого, вплоть до номера статьи «Свода законов гражданских», регулирующей вступление в наследство. Это законодательство продолжало существовать и работать параллельно с нормами «Положения о нотариальной части 14 апреля 1866 года».

Второй – по ряду причин (отсутствие нотариуса по месту проживания, необходимость платить нотариусу за его услуги, необходимость всё равно идти в суд для окончательного удостоверения акта

на недвижимость, составленного у нотариуса...) население малых городов предпочитало пользоваться именно николаевскими законодательными нормами. Действительно – очень просто и удобно: сам, как говорится, как Бог на душу положит, изложил свою последнюю волю на простом листе бумаги, а после смерти наследники придут в суд – и суд, взыскав пошлины, всё равно придаст этому завещанию характер публичного акта.

Впрочем, одна надпись, содержащая слово «нотариус», на завещании В.Д. Москвина всё же имеется: 5 июня 1892 года «и.д. Старшего Нотариуса» Нижегородского окружного суда своей подписью и печатью Нижегородского нотариального архива удостоверил, что им утверждена купчая на продажу наследниками Москвина оставшегося от него имущества жителю Нижнего Новгорода. Но если мы вспомним, что «старший нотариус» по сути был судебным чиновником – то снова приходится говорить об оформлении акта безо всякого участия нотариуса.

Наконец, отметим и такой печальный факт, как незаинтересованность государства в грамотно составленных документах на ценное имущество, а значит, и в составителях и регистраторах таких актов – нотариусах.

Я.П. Гарелин описывает, например, такой вопиющий случай.

«В 1882 году произведена была губернским гласным Шмидтом оценка фабричных зданий и принадлежностей для взыскания сборов на губернские и уездные земские повинности. Оценка эта была произведена без участия со стороны города депутатов и притом так, что оценка фабричных построек произведена была полным рублём их стоимости, причём приняты в расчёт справочные цены на строительный материал и работы позднейшего времени, когда то и другое стало несравненно дороже; отсюда оценка фабрик, построенных несколь-

ко десятков лет тому назад, является значительно выше их действительной стоимости. Для определения цен машин и фабричных принадлежностей поступлено ещё бесцеремоннее – они оценивались по новейшим прейскурантам известных заграничных торговых фирм. Таким образом оказалось, что в Шуйском уезде с 1873 года по 1882 стоимость фабрик определена была в 1.084.827 рублей, а в 1882 году уже 7.657.407 рублей. Когда же окончена была оценка, владельцев фабрик и заводов пригласили в здание Думы, чтобы объявить им эту оценку. Понятно, что, возмущённые подобной несправедливой оценкой, владельцы стали просить копии с неё для протеста, где следует, но копий им не дали и ходатайство их о переоценке с участием депутатов от города не имело успеха».⁷²

Неудивительно, что в городе «процветали» «традиции», заложенные ещё эпохой крепостничества – например, привычка скрывать истинные масштабы производства, ценность имущества и вообще всячески уклоняться от официальной регистрации «имения». Я.П. Гарелин, собрав статистику промышленного производства и торговли в Иваново-Вознесенске на 1883 год, сделал две очень примечательные оговорки. Первая: «Для получения более верного числа рабочих и суммы производства следует к приведённым нами цифрам прибавить по 25%, так как фабриканты, в силу старинных традиций, никогда не объявляют верной цифры». Вторая оговорка ещё примечательнее: «Не имеется о многих промыслах не только верных, но и никаких сведений».⁷³

Из всего вышеизложенного, на наш взгляд, ясно видно, что для начала полноценной работы нотариата нового типа по «Положению о нотариальной части 14 апреля 1866 года» было необходимо решить две, огромные по своему масштабу и трудности, задачи:

1. Изменить менталитет россиян в части их отношения к оформлению документов;
2. Обеспечить должный уровень благосостояния людей.

На это ушли 20-25 первых пореформенных лет. Зато и результаты – по крайней мере, в Иваново-Вознесенске, оказались блестящими.

§ 4. «Золотое двадцатилетие» ивановского нотариата

Если период 1812-1822 годов «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» считал «золотым десятилетием» «Шуйско-Ивановского фабричного района», то последние 20 лет существования Российской Империи мы вправе назвать «золотым двадцатилетием» ивановского нотариата.

К середине 1890-х годов, по ряду причин, нотариат нового типа оказался очень востребованным как в городе Иваново-Вознесенске, так и в крупных населённых пунктах Владимирской и Костромской губерний, позднее вошедших в состав Ивановской области. Отметим важнейшие из этих причин.

Во-первых, стремительный рост населения городов. Во «Владимирском календаре и памятной книжке на 1903 год» был опубликован небольшой очерк развития Иваново-Вознесенска, где приводилась, например, такая статистика: в 1871 году в только что созданном городе имелось «всех жителей 10.832 человека, в том числе купцов 183 мужчины и 211 женщин». Четверть века спустя, «по переписи 1897 года в городе Иваново-Вознесенске оказалось жителей 53.949; это число в настоящее время должно быть значительно увеличено – по сведениям на 1900 год жителей было 64.628, что вполне естественно, так как город растёт сильно».⁷⁴

Одновременно с количеством населения росло и его, так скажем, качество: приходящие на заработки в города крестьяне очень быстро превращались в горожан. «Хотя население, ушедшее из деревни на фабрику, и не порывает связи своей с деревней, но связь эта постепенно делается всё слабее и слабее, так как фабриканты в большинстве случаев неохотно берут снова тех рабочих, которые уходят с фабрики в деревню на летние полевые работы».⁷⁵

Во-вторых, городское население, если брать его в целом, а не только фабрично-заводских рабочих, богатело.

Открытка с изображением дамы в модном платье. Послана в г. Иваново-Вознесенск Мане Тюриной предположительно в 1908 г.

«Владимирский календарь на 1903 год» отмечает, что «занимающиеся различными ремёслами находятся в гораздо лучших условиях. Город Иваново-Вознесенск требует ежедневно такую массу жизненных припасов и услуг различных ремесленников, что здесь для всех подобных лиц всегда найдётся работа и притом не безвыгодная, так как не только для продуктов, но и для всяких изделий устанавливается цена ивановским рынком».⁷⁶

Что касается благосостояния рабочих, то этот вопрос тоже сложнее, чем было принято считать в советской историографии.

Я.П. Гарелин прямо указывает, что в числе беднейших горожан Иваново-Вознесенска оказывались только кустари и низкоквалифицированные работники. «Ручная выделка миткаля совершенно почти прекратилась, так как, во-первых, развелось большое количество механических ткацких фабрик, во-вторых, плата за ручную выделку миткаля упала до такой степени, что работать совершенно было невозможно. За 4 куска миткаля длиною по 300 аршин платили ткачу 1 руб. 30 коп., так что ткач мог выработать в неделю только от 60 до 75 коп., тогда как прежде он вырабатывал до 2 руб. Между тем, на механических станках ткачи вырабатывали в неделю от 3 руб. до 4 руб. 50 коп. при хорошей постановке дела на заведении. При том же машинный миткаль в сравнении с ручным имел громадное преимущество: он был чист, плотен, шириной ровен как одна штука, чего нельзя соблюсти в ручной работе».⁷⁷

Высокое качество машинной ткани в сочетании с тем, что к началу 1880-х годов в Иваново-Вознесенск была проложена железнодорожная ветка, способствовало значительному росту местной торговли. К тому же, к началу 1890-х годов местный рынок стал стабилен – в том смысле, что с него ушли почти все фабриканты и торговцы, не умевшие справляться с экономическими кризисами, происходившими в сфере производства и продажи тканей особенно часто. При кризисах «особенно страдали мелкие заведения, многие из них со временем терпели полное банкротство. Так, во время кризиса 1882-1884 гг. в Иваново-Вознесенске полностью встали небольшие фабрики Лопатиных, Напалковых, Красковских, Лебедева, Буркова».⁷⁸ А это значит – появилась возможность и смысл вести долговременные торговые дела с «выжившими» купцами и фабрикантами, что требовало массы нотариальной работы по регистрации и оформлению контрактов, векселей и пр. бумаг.

Наконец, отметим третью ключевую причину, способствовавшую возникновению у ивановцев интереса к нотариату: всё-таки удалось изменить менталитет и сознание горожан.

Не будет преувеличением сказать, что к началу XX века Иваново-Вознесенск по своим жизненным стандартам приближался если не к европейским, то, как минимум, к виднейшим российским городам. Я.П. Гарелин подробно описывал, как за 20 пореформенных лет в бывшем селе Иванове и Вознесенском посаде появилось несколько дамб и мостов через Уводь; появились бульвары; открылось несколько учебных заведений разного профиля и т.д. Иначе говоря, город становился опрятнее и культурнее как в духовном, так и в чисто физическом смысле: например, на смену утопавшим в грязи улочкам пришли мощёные тротуары. Всё же составленный к концу 1877 года городской земельный план отличался тем, что на нём «обозначены не только существующие в натуре местности города, но и проектированное расположение улиц, кварталов, торговых площадей и рынков, так как прежнее расположение города казалось неудобным по тесноте построек и неправильности улиц».⁷⁹ «Хотя в городе насчитывается более 100 улиц и переулков, но большая часть их замощены, причём обращено внимание на особенно грязные; торговые площади все замощены, часть тротуаров асфальтовые, так что в этом отношении город может почесться благоустроенным. Кроме того, городское управление заботится и о поддержании чистоты в городе: оно расходует определённую сумму на очистку от грязи и снега улиц и переулков... заведён особый обоз и организован отряд метельщиков».⁸⁰

Не желая отставать от «безуездного города», к высоким стандартам городской жизни приобщилась, например, Шuya – уездный центр. «Шuya по внешнему благоустройству является лучшим

уездным городом Владимирской губернии. Из 80 улиц приблизительно половина замощены. Девять каменных церквей, единоверческий монастырь, много хороших зданий, городской театр, мужская и женская гимназии, мужское духовное училище, городское 4-классное и 5 начальных училищ, земская публичная библиотека, богадельня, земская больница, 2 аптеки, дом призрения для престарелых мещан, убежище для малолетних, несколько благотворительных обществ, правительственная телефонная сеть».⁸¹

Очень высок для тех времён – порядка 50% – был процент грамотного населения в Шуе и в Иваново-Вознесенске.

Для воссоздания полной картины культурного роста Иваново-Вознесенска на рубеже XIX-XX веков, обратимся к некоторым рекламным объявлениям, опубликовавшимся в ежегодных «Владимирских календарях» 1895-1905 гг.

В те годы в «безуездном городе» вовсю шла торговля не только товарами первой необходимости, но и предметами роскоши. На «Рождественской улице в собственном доме» работали «магазин колониальных товаров» и «погреб русских и иностранных вин» Г.И. Каурова. В «собственном доме» на улице Георгиевской работал торговый дом «Братья Куражевы», специализировавшийся на «хлебной и бакалейной торговле». К услугам приезжих предлагались «Центральные номера И.В. Селиванова на Воздвижской улице рядом с почтой», которые были «вновь отделаны и обставлены»; при номерах имелась «столовая известного повара А.Н. Малышева, кухня под его личным наблюдением». Подобных примеров можно найти множество – вплоть до того, что «парикмахерский магазин Н.Г. Чекалова», располагавшийся на Торговой площади, предлагал ивановцам, не вышедшим причёской, «парики, накладки и проч.», а кудрявым – полный набор парик-

махерских услуг, уверяя, что «работы исполняются по методе санкт-петербургской», а «состав мастеров полный».

*Деловой человек. Фотография начала XX в.,
фотоателье М.А. Мищенко,
г. Иваново-Вознесенск.*

воздела». Почкинить поломавшееся оборудование всегда была готова «техническая контора Бергман и фон Шейдт». Для дальнейшего улучшения внешнего вида города трудился «инженер-технолог Леонид Александрович Остроумов», предлагавший «производство асфальтовых работ с долгой гарантией» и уверяющий, что «цены умеренные».

Для удовлетворения запросов «хозяев жизни» в городе работало «депо часов, бриллиантовых, золотых и серебряных вещей в магазине Бернштейн», а для обеспечения бесперебойной работы их фабрик, трудился, например, некий Андрей Львович Гивартовский, чей магазин предлагал «локомобили и молотилки, паровые машины, котлы, машины для обработки металла и дерева... и все технические принадлежности». «Всегда на складе» имелись «принадлежности для ткацких станков» и «все специальные машины для ситцепробивного производства».

Чего ещё не появилось в Иваново-Вознесенске – можно было сделать или купить в Шуе. Реклама извещала, что для желающих строиться здесь работает «склад лесных материалов Степана Михайловича Савельева», а для желающих что-либо опубликовать – имелся целый печатный комплекс И.С. Лимонова, включавший типографию, переплётную, литографию и линевальную.

Наконец, в Иваново-Вознесенске предлагал страховые услуги «потомственный почётный гражданин Иван Ефимович Сакин», которого сделало своим уполномоченным знаменитое «Московское страховое от огня общество», «основной и запасный капиталы которого, находящиеся налицо, составляют 6.000.000 рублей». Сакин от имени фирмы брался осуществить «страхование от огня фабрик, заводов, движимого имущества, строений и товаров в гг. Иваново-Вознесенске, Шуе и окрестностях», а для частных лиц – «страхование капитала на случай смерти, пенсии, на дожитие, страхование приданого и прочее». Работавший в Шуе «агент Ярославско-Костромского земельного банка Пётр Александрович Самойлов» по поручению банка принимал в залог «недвижимые городские имения, а также фабрики, заводы, земли и леса во всех городах», взамен выдавая ссуды на срок до 51 года 9 месяцев.

Впрочем, экономическая ситуация в «Шуйско-Ивановском фабричном районе» была благополучной – результаты многолетней борьбы за городские имущества с бывшими помещиками-крепостниками и т.п. противостояний наконец-то начали скazyваться. Например, «в конце 1880-х годов город (Иваново-Вознесенск – А.К.) купил у графа Шереметева принадлежавшее ему в селе Иванове недвижимое имущество с различными торговыми помещениями, за 400.000 руб., которое в настоящее время приносит городу очень большой доход».⁸²

На таком – повторимся, крайне благоприятном – фоне и работал ивановский нотариат в последние 20 лет существования Российской Империи. Его развитие в крае можно образно описать поговоркой про русского, который «долго запрягает, но быстро едет»: сначала потребовались почти 20 лет подготовки к учреждению в регионе частного нотариата на практике, а затем начался его быстрый и пышный расцвет.

§ 5. Имена

По всей видимости, первым продолжателем дела И.М. Веселовского был отставной коллежский секретарь Николай Николаевич Кудрявцев.

Чин коллежского секретаря по «Табели о рангах» относился к 10-му классу из 14 (отсчёт шёл снизу вверх: самым низким был чин 14-го класса, самым высоким – первого). «Памятная книжка Владимирской губернии» на 1895 год не приводит никаких сведений о высоком происхождении Н.Н. Кудрявцева⁸³ (если чиновник был, например, сыном дворянина или потомственного почётного гражданина – это указывалось в краткой справке, публиковавшейся в «памятных книжках»). Исходя из этого, мы можем предположить, что Николай Николаевич происходил из разnochинцев и свою чиновничью карьеру делал «с нуля», т.е. с чина низшего, 14-го класса. Карьерный рост (на 5 позиций в «Табели о рангах») хотя и не самый блестящий, но и далеко не самый плохой. Или, иначе сказать, типичный для скромного, трудолюбивого и исполнительного человека из низов, который и «звёзд с неба не хватал», но и явных проступков и злоупотреблений на должности не допускал.

В сущности, вполне подходящий набор качеств для работы нотариусом: терпение, трудолюбие, скромность, исполнительность.

Один из ранних документов о нотариальной деятельности Н.Н. Кудрявцева относится к 1892 году. Это оформленное им завещание иваново-вознесенского купца Н.Т. Щапова.

«В архивном фонде фабрики Н.Т. Щапова имеется выпись из актовой книги для актов на недвижимые имения иваново-вознесенского нотариуса Кудрявцева за 1892 год, зафиксировавшая духовное завещание Терентия Алексеевича Щапова от 28 февраля 1892 года. Он всё своё имущество завещал сыну Николаю Терентьевичу Щапову, который вступил в права наследства в 1895 году.

В завещании перечислено имущество, переходящее в собственность Николая Терентьевича:

1. 3 участка усадебной земли в гор. Иваново-Вознесенске в ул. Старой Задней (свидетельство на владение от 28 августа 1893 года) с домом, флигелем, надворными постройками и фабричным строением с машинами;
2. 7 участков усадебной земли в гор. Иваново-Вознесенске по ул. Негорельской и Старой Задней (свидетельство на владение от 12 октября 1886 года и 16 мая 1887 года по купчим) с 4 жилыми флигелями и надворными постройками;
3. 156 кв. саженей земли в гор. Иваново-Вознесенске по Луговой ул. при р. Уводи с домом и спальней рабочих (утверждение торгов 1894 года);
4. Заварочные и калландренные строения с машинами в гор. Иваново-Вознесенске на городской земле и на земле Бакулина;
5. 95 десятин 798 саженей земли в Нерехтском уезде Костромской губернии в пустошах Жаворонки и Горки (купчая 1886 года);
6. 3 билета 1-го внутреннего с выигрышами займа с купонами;

7. 4 билета 2-го внутреннего с выигрышами займа;
8. 5 свидетельств государственной 4%-й ренты на 5000 руб. с купонами;
9. Наличный капитал 2000 руб.;
10. Разный товар и материалы в гор. Иваново-Вознесенске;
11. Долговой капитал на сумму 19.002 руб. 40 коп.».⁸⁴

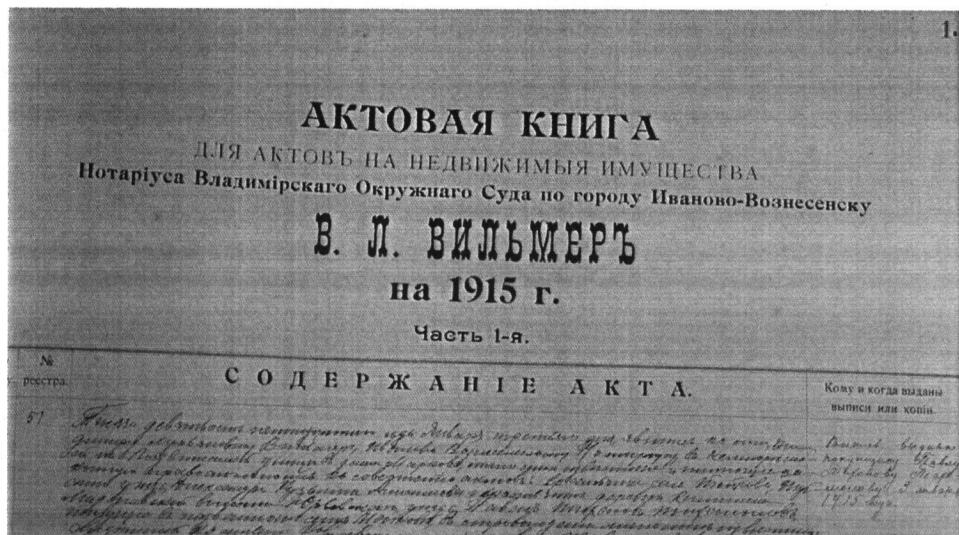
Примечательно, что уже с первых лет работы в Иваново-Вознесенске здешние нотариусы сделали всё, чтобы их клиенты относились и к ним и к их труду с уважением. Немаловажную роль при этом играло место, где располагалась нотариальная контора. Контора нотариуса Н.Н. Кудрявцева располагалась в одном из красивейших, и, скажем так, солидных зданий Иваново-Вознесенска – в двухэтажном каменном доме здешнего филиала Московского международного торгового банка, на втором этаже.

По всей видимости, Николай Николаевич Кудрявцев приступил к работе нотариусом в достаточно позднем возрасте и прослужил регистратором актов не более 10 лет: «Памятная книжка Владимирской губернии» на 1900 год уже не упоминает его в числе действующих нотариусов города Иваново-Вознесенска.⁸⁵

Практически одновременно с Н.Н. Кудрявцевым в Иваново-Вознесенске начал работать нотариус Иван Ксенофонтович Невский.

О первых годах его карьеры известно то, что до занятия должности нотариуса он трудился губернским секретарём, т.е. младшим чиновником местной администрации, а чин выслужил минимальный – И.К. Невский был коллежским регистратором, т.е. чиновником 14-го класса, ниже которого в «Табели о рангах» не было.⁸⁶ По всей видимости, Иван Ксенофонтович рано оставил казённую службу ради

работы нотариусом – впервые его имя упоминается в справочниках по Владимирской губернии за 1895 год, а последний раз – в 1916 году⁸⁷, т.е. нотариату И.К. Невский отдал минимум 21 год своей жизни.

Первый лист актовой книги иваново-вознесенского нотариуса В.Л. Вильмера для актов на недвижимые имущества. 1915 г.

Государственный архив Ивановской области.

С именем И.К. Невского связан и один из первых сохранившихся в ивановских архивах документов, говорящих о доходах городского нотариуса. «Книга для записи съборов нотариуса Ивана Ксенофонтовича Невского в 1896 году» сообщает нам, что в целом в течение года И.К. Невский совершил 1566 нотариальных действий разного рода. При этом, похоже, качество совершаемых действий существенно повысилось по сравнению с 1880-ми годами: совокупная сумма совершённых актов составила 293.202 рубля 76 копеек, а гербовой бумаги было употреблено на 1217 рублей 70 копеек. «Платы нотариусу», т.е. вознаграждения за труд, И.К. Невским в 1896 году было получено 1620 рублей 97 копеек⁸⁸, или, средним числом, по 135 рублей в месяц.

Приведём для сравнения некоторые цены иваново-вознесенского рынка той эпохи.

Ржаной хлеб стоил 6,5 коп. за килограмм, пшеничный – 16 коп.; килограмм говядины 1-го сорта – 46 коп., сливочное масло – 1 руб. 37 коп./кг.; литр молока – 10 коп.; десяток яиц – 28 коп. В 26 копеек обходилось суточное пищевое довольствие больного в городской больнице. Литр керосина обходился в 9 коп., килограмм мыла в 30 коп., килограмм свечей – в 70 коп. Новомодное по тем временам развлечение «электротеатр» (киносеанс), в зависимости от популярности «фильмы», обходилось ивановцам от 25 до 85 коп. за входной билет.⁸⁹

Нотариус зарабатывал втрое больше, чем фельдшер ивановской городской больницы (оклад – 40-45 руб. в месяц), вдвое больше ткача (средний доход – 13 руб. 50 коп. ежемесячно) и немногим меньше начальника одной из знаменитейших в те годы тюрем Европейской России, ярославских «Коровников», получавшего в год 1500 руб. жалованья. На широко известной «Ярославской большой мануфактуре» (ткацкой фабрике) коллеги ивановских рабочих, в зависимости от квалификации их труда, в год получали среднюю зарплату от 132 руб. 14 коп. (чернорабочие) до 378 руб. 31 коп. (высококвалифицированные специалисты).⁹⁰

Так что, наверное, мы не сильно ошибёмся, если предположим, что в начале 1890-х гг. молодой губернский секретарь И.К. Невский променял казённую службу на труд нотариуса не в последнюю очередь по материальным соображениям.

Обратим внимание ещё на одну весьма интересную цифру из «Книги для записи сборов» нотариуса Невского: в 1896 году он в целом взыскал со своих клиентов 425 руб. 65 коп. «сбора по месту совершения» актов – особой пошлины, взимавшейся с лиц, не проживающих в Иваново-Вознесенске. Столь внушительный размер этого сбора ясно ука-

зывает на то, что Иваново-Вознесенск к середине 1890-х гг. стал одним из центров нотариальной активности Владимирской губернии, куда ездили за регистрацией своих актов многие иногородние и сельские жители края.

Гор. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ.

Городская Управа.—Городской голова,—мануфактуръ-совѣтникъ Павелъ Никаноръ Чертченовъ. Члены:—заступ. мѣсто город. головы,—купецъ Петръ Вас. Кашинцевъ; мѣщ. Владимиръ Никитъ Соловьевъ; мѣщ. Сергій Ефремъ Бубновъ. Городской секретарь,—пот. поч. гр. Алексѣй Михаилъ Аллякринский. Городской архитекторъ,—неим. чина Сергій Викторъ Напалковъ.

Сиротский Судъ.—Предсѣдатель,—куп. Николай Густавъ Бегенъ. Члены:—куп. Николай Мих. Самохваловъ; куп. Василий Ивановъ Куражевъ; мѣщ. Левъ Григоръ Сахаровъ; мѣщ. Михаилъ Павлъ Проскуренинъ. Секретарь,—пот. поч. граж. Алексѣй Михаилъ Аллякринский.

Городское Полицейское Управление.—Полиціймейстеръ,—кол. ас. Иванъ Иванъ Колжеловский. Секретарь,—тит. совѣт. Николай Дмитр. Знаменскій. Городской приставъ, кол. асс. Михаилъ Викторъ Павловскій. Помощники:—тит. сов. Ал-ндръ Петръ Саваренскій; кол. секр. Ал-ндръ Федоръ Люстровъ. Полицейские наизиатели:—мѣст. „Ямы“,—тит. сов. Дмитрій Петровъ Петровъ, (и. д.) н. ч. Ник. Ил. Добротворскій. Фабрикъ:—Торгового дома Никона Гарелина С-вей Т-ва Цокровской М-ры И. Н. Грязнова, Н. Т. Шапова,—губ. секр. Фед. Ник. Чихачевъ Т-ва М-въ Ивана Гарелина С-вей, Т-ва М-ръ Никанора Дербенева С-вей,—неим. чина Ал-ндръ Еаг. Миловидовъ; Т-ва Иваново-Вознесенской М-ры бр. И. и Л. Гандуриныхъ,—неим. чина Иванъ Вас. Назаретскій; Торгового дома З. Коукушинъ и К. Маракушевъ, Т-ва М-ръ А. Е. Бакунина и Д. Г. Бурылина,—губ. секр. Яковъ Ал-ндръ Нарбековъ; Т-ва Кубаевской М-ры, Я. Н. Фокина и бр. Ямановскій,—губ. секр. Ал-ндръ Конст. Миславскій; Т-ва М-ръ Н. М. Полушкина, Т-ва М-ръ Насѣдникова Н. Ф. Зубкова и Т-ва М-ръ И. Т. Дербенева С-вья, тит. сов. Сергій Ал-ндръ Сахаровъ. Завѣдующій фабрично-заводской конно-полицейской стражей,—неим. чина Василий Яковъ Колоколовъ.

Судебное вѣдомство.—Городскіе суды: 1 уч.,—кол. асс. Василий Федор. Козлово; 2 уч.,—тит. сов. Михаилъ Мих. Богородскій. Судебные слѣдователи: 2 уч.,—кол. асс. Конст. Вас. Виноградовъ; 3 уч.,—тит. сов. Михаиль Павловъ Успенскій. Судебные приставы: кол. асс. Сергій Фотіевъ Трелинъ, губ. секр. Петръ Герасимъ Боголюбовскій. Нотаріусы:—губ. секр. Иванъ Ксенонѣвъ Невскій, куп. Михаилъ Владим. Наумовъ. Земскій начальникъ 3 уч.,—губ. сек. Алексѣй Владим. Клишингъ.

Отделение Государственного Банка.—Управляющій,—кол. сов. Василий Иванъ Умилковъ. Контролеръ,—надв. сов. Владимиръ Дмитр. Заблоцкій. Кассиръ,—кол. сов. Федоръ Афанас. Аристидовъ. Помощники контролера,—надв. сов. Ананій Ал-ндръ Побѣдитскій. Помощники кассира; 1-го разряда,—кол. секр. Василий Васил. Ильинскій; 2-го разряда,—губ. сек. Ал-ндръ Ал-ндръ Кочановскій.

Страница «Владимирского календаря» на 1905 год с перечислением должностных лиц г. Иваново-Вознесенска. В разделе «Судебное ведомство» отмечены нотариусы М.В. Наумов и И.К. Невский.

Популярность нотариальной работы неуклонно росла в Иваново-Вознесенске. На смену оставившему дела в самом конце XIX века Н.Н. Кудрявцеву в 1902 году пришёл «не имеющий чина» (т.е., по видимому, никогда не состоявший на государственной службе, а сразу пошедший в нотариат) Михаил Владимирович Наумов.⁹¹ Он трудился одновременно с И.К. Невским до 1916 года, а в том году по каким-то причинам оставил свою должность.

Возможно, одной из этих причин была растущая конкуренция. В 1915 году к уже имеющимся двум иваново-вознесенским нотариусам присоединились ещё двое: не имеющий чина Владимир Лукьянович Вильмер и титулярный советник Иван Иванович Мумриков.

Последний, по-видимому, повторил карьерный ход Н.Н. Кудрявцева: сделав хорошую карьеру на госслужбе (титулярный советник – чин 9-го класса) и получив право на казённую пенсию, Мумриков оставил чиновничью работу и пошёл трудиться нотариусом.

О деятельности В.Л. Вильмера свидетельств остались больше: архивы сохранили некоторые его книги за 1915 год (напомним – первый год работы В.Л. Вильмера по «нотариальной части»).

Спрос на услуги нового нотариуса оказался очень велик: уже к середине года Владимир Лукьянович исписал «Актовую книгу для актов на недвижимые имущества», куда вносились самые крупные и важные нотариальные действия – оформленные должностным порядком договоры на куплю-продажу недвижимости. За полгода В.Л. Вильмер оформил для горожан Иваново-Вознесенска и приезжих 175 подобных актов.⁹² Пришлось заводить «часть 2-ю» той же книги, но и её хватило едва-едва: за вторую половину 1915 года В.Л. Вильмер зарегистрировал ещё 176 договоров купли-продажи, обмена и дарения недвижимости.⁹³

Совершение менее важных действий пришлось доверять помощнику: «Актовую книгу для актов, не относящихся до недвижимых имуществ нотариуса Владимирского окружного суда по городу Иваново-Вознесенску В.Л. Вильмера» фактически вёл «временный и.о. нотариуса Вильмера – Василий Петрович Рябинин».⁹⁴ Ему тоже приходилось работать не покладая рук: за год было оформлено 153 крупных акта, не касающихся недвижимости напрямую⁹⁵. А ведь помимо этого были ещё и мелкие нотариальные действия – удостоверение подписей под документами и т.п.

После оставления работы М.В. Наумовым в Иваново-Вознесенске остались три частных нотариуса, работавших в 1916-1917 гг.: В.Л. Вильмер, И.И. Мумриков и И.К. Невский.

Нотариат нового типа успешно работал и в других крупных населённых пунктах Ивановского региона. Здесь его отличительной чертой была стабильность – в том смысле, что, однажды выбрав профессию нотариуса, человек оставался верен ей долгие годы.

Так, порядка 20 лет своей жизни отдал нотариату «мещанин города Шуи» Александр Степанович Усов. Впервые этот нотариус упоминается в «Памятной книжке Владимирской губернии» за 1900 год⁹⁶, последний раз – в «Календаре и памятной книжке...» на 1916 год.⁹⁷ Там же упомянут и «коллежский секретарь Михаил Васильевич Сперанский», трудившийся нотариусом города Шуи минимум с 1895 года⁹⁸, т.е. более 20 лет.

Любопытно, что уже в 1890-х годах в Шуе, как и в Иваново-Вознесенске, трудились двое нотариусов: в 1895 году на пару с М.В. Сперанским здесь работал «губернский секретарь Николай Павлович Лепорский». Это подтверждает общую тенденцию первых десятилетий существования в Ивановском регионе нотариата пореформенного образца: в но-

тариусы шли бывшие чиновники низших рангов, менявшие скучное казённое жалованье на более значительный заработка нотариуса.

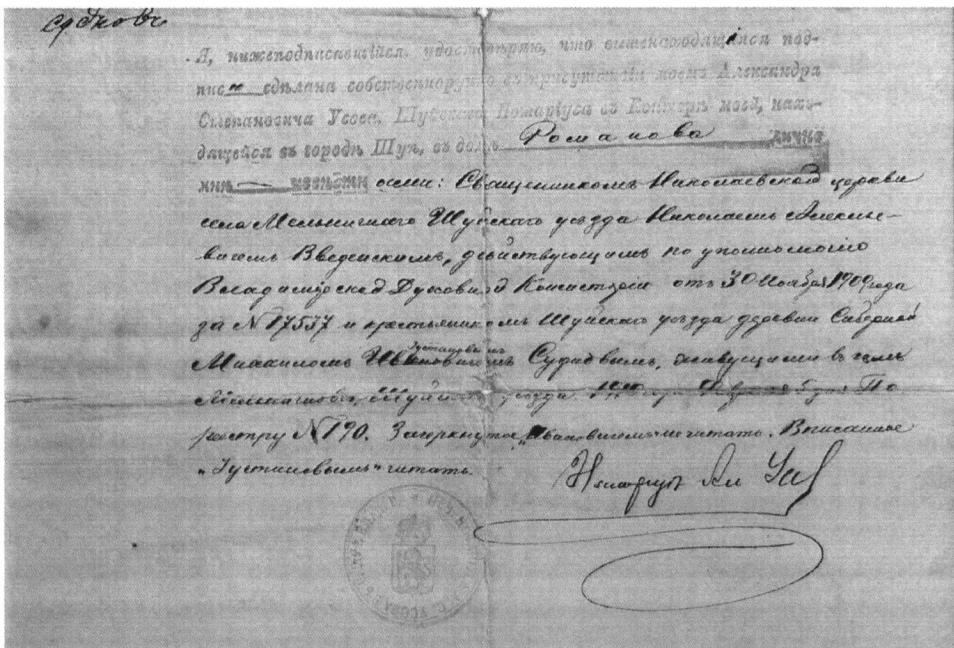
В нашей частной коллекции имеется несколько документов, удостоверенных шуйским нотариусом А.С. Усовым – они свидетельствуют о высокой востребованности нотариальных услуг в Шуе.

Так, 5 февраля 1910 года А.С. Усов удостоверил договор между священником Н.А. Введенским и крестьянином М.И. Судновым: крестьянин брал в аренду участок церковной земли. В реестре А.С. Усова это нотариальное действие значилось под номером 190, т.е. за один январь месяц 1910 года к шуйскому нотариусу за разными услугами обратилось 170-180 клиентов. В дальнейшем на той же самой копии договора священник Введенский и крестьянин Суднов регулярно делали записи о внесении и получении арендной платы. В 1912 году они решили заверить свои подписи под этими записями у нотариуса: «1912 года сентября 3 дня» А.С. Усов выполнил это нотариальное действие. По реестру оно значилось под номером 1674, т.е. в среднем в первые 8 месяцев 1912 года Усов совершал более 200 нотариальных действий ежемесячно.

«Тысяча девятьсот четырнадцатого года марта семнадцатого дня» к А.С. Усову за регистрацией договора аренды обратились крестьянин Я.А. Кабашов и шуйский мещанин А.Г. Зачёсов. Это нотариальное действие попало в нотариусский реестр под номером 678, т.е. за 2,5 месяца А.С. Усов совершил порядка 680 нотариальных действий, в среднем уже по 270 действий ежемесячно.

Сохранилась и копия «Выписи из крепостной Владимирского нотариального архива книги по городу Шуе за 1915 год», содержащая текст договора купли-продажи земельного участка, совершенного А.С. Усовым 13 апреля 1915 года. Номер этого действия по реестру нотариуса в копии не указан, зато

указано, что «выпись эта, слово в слово сходная с актом, внесённым в крепостную книгу, записана в реестре крепостных дел по городу Шве под номером 1339... и выдана... 1915 года апреля 28 дня». То есть, в 1915 году за первые 4 месяца жители Шве и Шуйского уезда совершили более 1300 актов на куплю-продажу недвижимости – примерно по 330 актов ежемесячно средним числом.

Удостоверяющая надпись, подпись и печать шуйского нотариуса
А.С. Усова. 1910 г.

В городе Юрьевце минимум с 1898 до 1914 года⁹⁹ нотариусом бессменно трудился мещанин Николай Макарович Шурканцев; сначала в одиночку, а затем к нему присоединился коллега «мещанин Самсон Иванович Колесничук».¹⁰⁰

В Кинешме на протяжении минимум 15 лет (как минимум с 1900 по 1914 годы¹⁰¹) вдвоём трудились нотариусы «титулярный советник Павел Васильевич Городецкий» и «мещанин Михаил Иванович Леонидов».

Кроме того, справочные материалы последних лет существования Российской Империи показывают, что нотариат начал проникать и в малые населённые пункты, в которых удалось наладить хорошо развитое производство и/или обширную торговлю. Так, в 1914 году во Владимирской губернии мы обнаруживаем нотариуса «местечка Никольского и села Орехово Покровского уезда» - потомственного почетного гражданина Сергея Фёдоровича Адамова.¹⁰² В Костромской губернии в том же году трудились нотариус города Пучежа «крестьянин Лаврентий Моисеевич Коротких», а в городе Лухе – «крестьянин Захар Иванович Ёлкин».¹⁰³

Наконец, назовём и работавших при окружных судах старших нотариусов.

При Владимирском окружном суде много лет старшим нотариусом состоял статский советник Николай Леонидович Фёдоровский. Первое упоминание о нём в справочных материалах относится к 1895 году¹⁰⁴, последнее – к 1913-му.¹⁰⁵ Николай Леонидович имел высокий чин, соответствующий армейскому чину генерал-майора, и был состоятельный человеком – за ним значился «собственный дом» на ул. Ильинской во Владимире¹⁰⁶, тогда как большинство должностных лиц губернии жили в съёмных домах.

В 1914 году Н.Л. Фёдоровского сменил на должности старшего нотариуса Владимирского окружного суда титулярный советник Георгий Павлович Попов.¹⁰⁷

Учитывая рост интереса к нотариату, с 1903 года у старших нотариусов Владимирского окружного суда появились помощники. В 1903-1904 гг. старшему нотариусу помогал коллежский секретарь Алексей Алексеевич Лебедев¹⁰⁸, а затем его сменил более опытный в канцелярской работе (судя по чину) надворный советник Сергей Иванович Фруктов.¹⁰⁹

При Костромском окружном суде старшим нотариусом в начале XX века трудился надворный советник Василий Васильевич Берви¹¹⁰, а в 1910-х годах – статский советник Алексей Владимирович Захаров.¹¹¹ Тогда же у старшего нотариуса Костромского суда появился помощник – в 1914 году это был надворный советник Владимир Николаевич Поспелов.¹¹²

§ 6. Количество и качество

Поговорим теперь подробнее о доходах ивановских нотариусов и качестве их работы в предреволюционную эпоху.

Труд нотариуса оплачивался согласно тарифам, единым для всей Российской Империи. Эти тарифы регулярно публиковались в справочниках разного рода. Одна из наиболее подробных «Такса вознаграждения нотариусов» была, в частности, опубликована во «Владимирском календаре» на 1905 год.¹¹³ Воспроизведём текст полностью.

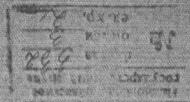
«1. За совершение нотариальных актов взимается: за акты ценой не свыше 500 руб. – 2 руб.; за акты ценою от 501 до 1000 руб. – 3 руб.; за акты ценою свыше 1000 руб. – 4 руб., и, сверх того, 1/10 % (10 коп. со 100 руб.) с цены акта.

2. За засвидетельствование заемных обязательств, векселей и протест оных: на сумму до 500 руб. – 50 коп., свыше 500 руб. – 1 руб., и, сверх того, 1/10 % (10 коп со 100 руб.) с суммы обязательства или векселя.

3. За засвидетельствование прочих договоров, кроме указанных ниже в ст. 7, за акты ценою не свыше 500 руб. – 1 руб.; за акты ценою от 501 до 1000 руб. – 1 руб. 50 коп.; за акты ценою свыше 1000 руб. – 2

По реестру № 405

По актовой книге № 25

дѣло

Городской краев
пучежского нотариуса

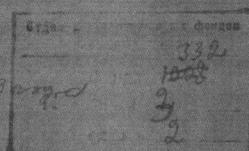
Самуила Ивановича
Колесничука.

о совершении сделок хранением Всего
Ивановичем Даниловым по приговорению
от обывателем Туриным при Городской
Городской Общественной земле Надеждин
име имущество вступит Городской до
460 рублей 50 копеек

Начато

22 марта 1913 года

Окончено

Обложка одного из дел пучежского нотариуса С.И. Колесничука. 1913 г.

Государственный архив Ивановской области.

Список № 1.

КНИГА СБОРОВЪ

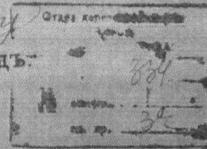
НОТАРИУСА

НИКОЛАЯ МАКАРОВИЧА

ф 334 ШУРКАНЦЕВА

по городу Юрьевецкому

на 1898 годъ.

Обложка «Книги сборов» юрьевецкого нотариуса Н.М. Шурканцева. 1898 г.
Государственный архив Ивановской области.

руб., и, сверх того, 1/10 % (10 коп. со 100 руб.) с цены акта.

4. За совершение и засвидетельствование актов и договоров, ценность предмета которых не может быть определена, плата взимается, как за акты и договоры ценою в 1000 рублей. Когда же у нотариуса не состоится соглашение с договаривающимся о плате за его труд по сделкам особенно сложным, но цена коих определена, то он может, с утверждения суда, получить и более значительное против таксы вознаграждение.

5. За засвидетельствование верности копии взимается 25 коп. с первого листа и по 10 коп. с последующих листов, считая каждые 25 строк за страницу листа.

6. За засвидетельствование подлинности подписей по 10 коп. за подпись.

7. За совершение и засвидетельствование доверенностей, мировых записей и прошений, а равно третейских записей: в один лист 1 руб., в несколько листов – за первый 1 руб., а следующие листы по 50 коп. За другие засвидетельствования: за первый лист 50 коп., за последующие листы по 20 коп.

8. За засвидетельствование времени предъявления документа – 25 коп.

9. За внесение в актовую книгу разных бумаг – по 2 коп. со строки актовой бумаги.

10. За засвидетельствование нахождения в живых лиц, получающих пенсии из Государственного казначейства: по 30 руб. в год – 3 коп., свыше 30 руб. в год – 10 коп., свыше 300 руб. – 20 коп., во всех прочих случаях, кроме пенсии, – 50 коп.

11. За совершение заявления от одного лица к другому и выдачу в том удостоверения – 50 коп.

12. За включение в удостоверение означенного в возражении противной стороны – 50 коп.
13. За принятие на хранение документов, кроме денежных, особо за каждый документ по 25 коп. и за запечатанный пакет по 50 коп. в месяц; плата эта взимается вперёд за 6 месяцев.
14. За учинение справок о времени совершения или засвидетельствования акта и письменное о том удостоверение – 50 коп.
15. За сообщение Государственному банку, его конторам и отделениям ежемесячных ведомостей о записанных протестованных векселях и обязательствах – 10 коп. за сведение о каждом векселе или обязательстве.
16. За выдачу вторичных и последующих выписей (дубликатов) по 1 коп. с каждой строки.
17. За действия, совершаемые нотариусом вне его конторы, сверх означенной в предыдущих статьях платы, налагается в столицах 3 руб., в губернских городах 2 руб., в уездах 1 руб.
18. На проезд за чертою города взимается по 10 коп. за версту, по железной дороге – плата за место во 2-м классе в оба конца пути, и, кроме того, за время, употреблённое на поездку в город или в округ: из столицы 5 руб., из губернского города 3 руб., из других местностей 2 руб., если при этом на поездку употреблено не более суток. В противном случае за каждые, хотя и не полные, сутки плата полагается как за полные сутки.
19. Прогонные деньги не вносятся в общий счёт полученного нотариусом вознаграждения, из которого на пополнение залога, пока он в течение года не достигнет определённой суммы, насчитывается одна треть.

20. Нотариус может требовать платы денег, означенных выше в ст. 17 и 18, вперёд при самом приглашении его к совершению акта или засвидетельствованию вне его конторы».

Впрочем, сами по себе, эти цифры мало что дают. Гораздо интереснее взглянуть на конкретные суммы вознаграждения нотариусов.

Сохранившаяся фрагментарно (ряд листов утрачен) «Книга сборов нотариуса Николая Макаровича Шурканцева по городу Юрьевцу на 1898 год»¹¹⁴ показывает, что к 1 ноября 1898 года он совершил 432 нотариальных действия; общая сумма актов при этом составила 130.526 руб. 27 коп., а платы нотариусу полагалось 711 руб. 53 коп., т.е. средним числом чуть более 70 руб. ежемесячно.

Эту сумму можно рассмотреть по-разному. Можно вспомнить уже приводившуюся нами цифру в 60 руб. в год – столько за рабочий сезон в Костромской губернии (к которой относился Юрьевец в то время) зарабатывали сельские чернорабочие, сплавлявшие срубленный на продажу лес по рекам. В уездном городе в Ярославской губернии, которая, в общем и целом, была богаче Костромской, и цены там были выше, купить «в полную собственность» деревянный дом можно было за 300 руб., а небольшую квартиру – за 50. Съёмная квартира в центре Ярославля «в две комнаты с кухнею и прихожею» обходилась от 180 до 240 руб. в год; «ближе к окраинам дешевле от 30 до 50 процентов».¹¹⁵ На судах пароходного общества «Самолёт», ходивших по Волге, за рубль с небольшим можно было плотно пообедать в «третьюклассном буфете»: порция «супа, щей или борща» стоила тут 40 коп., яичница с ветчиной – 35 коп. за порцию, макароны с сыром – 30 коп., стакан чая – 10 коп., «хлеб с маслом к чаю» стоил 20 коп.¹¹⁶ (Сделаем при этом необходимую поправку – обед на пароходе стоил минимум в полтора-два раза дороже такого же обеда где-нибудь в городской общественной столовой.)

С другой стороны, необходимо учитывать семейное положение нотариуса и иные обстоятельства: необходимость отдавать часть прибыли в залог, оплачивать работу помощника, аренду помещения конторы и т.д. У нас уже имеется опыт исследования уровня жизни ярославского тюремного врача: работавший при здешней Временно-каторжной тюрьме в Коровниках доктор Сущёв в год получал жалованья, квартирных и иных выплат в совокупности 1602 руб. или примерно по 133 руб. в месяц. Но, будучи при этом отцом 4 детей, он едва ли мог обеспечить семье роскошное существование.¹¹⁷

Впрочем, с течением времени доходы нотариусов росли – одновременно с востребованностью их профессии.

Ивановские архивы сохранили для нас «Книги сборов» кинешемских нотариусов М.И. Леонидова¹¹⁸ и П.В. Городецкого¹¹⁹ за 1910 год. Такое совпадение по времени позволяет нам сделать многие важные сопоставления и выводы.

Во-первых, очень важную роль играли репутация и, говоря современным языком, имидж нотариуса, причём речь шла даже не столько о негативной информации, сколько о необходимости накапливать позитивные отзывы и мнение о себе.

Так, мы видим, что в одном и том же 1910 году в одном и том же городе Кинешме «мещанин Михаил Иванович Леонидов» («такой же, как мы» по оценке других городских мещан) за год совершил 990 нотариальных действий, в т.ч. разных ценных актов на общую сумму 288.133 руб. 42 коп. – и за это в совокупности получил в течение года 1029 руб. 14 коп. «платы нотариусу».¹²⁰ А его коллега – отставной титулярный советник Павел Васильевич Городецкий (в глазах жителей глубоко провинциального города – «государственный», т.е. надёжный, проверенный человек) за тот же год совершил 2766 нотариальных действий. Жители Кинешмы и окрестностей дове-

Настоящими ходатайствами из Кинешемской Городской Купчей Кинешемских
Нотариусов Роману Васильевичу Городецкому
на замену сборов, поступающих за
нем из акимии и Фондации, и за
милагор Фондации Фондации под
Всеми переписьнотарийскими и прописуро-
ванными приемами погасеания счи-
тается. Реквием 30 мая, 1909 года.

Городской Голос

Ильин

Секретарь Альбокоры.

Запись, подтверждающая подлинность «Книги сборов» кинешемского нотариуса П. В. Городецкого. 1910 г.

Государственный архив Ивановской области.

рили Городецкому оформить, засвидетельствовать или опротестовать различные акты общей ценой в 1.431.637 руб. 73 коп. и оставили ему в качестве «платы нотариусу» за год 2664 руб. 35 коп.¹²¹

Колебания месячного дохода нотариусов были очень существенными: в 1910 году М. И. Леонидов

в месяц зарабатывал от 59 руб. 72 коп. до 135 руб. 65 коп., а П.В. Городецкий – от 92 руб. 52 коп. до 376 руб. 33 коп. А вот среднегодовой доход и объём работы, в условиях более-менее стабильной городской экономики (где, в отличие от Иваново-Вознесенска, не случалось ни резкого роста, ни острых кризисов), в общем, изменялся не сильно. Так, П.В. Городецкий в 1911 году совершил в Кинешме 2996 нотариальных действий, так или иначе удостоверил или опротестовал актов на 1.178.556 руб. 99 коп. и получил за свои труды 2894 руб. 17 коп. «платы нотариусу».¹²²

Тенденция к росту объёмов работы (а следовательно, и её доходности) заметна и на примере М.И. Леонидова: в течение 1915 года одних только актов о протесте векселей он составил 506 – против 990 нотариальных действий «всех вообще» в 1910 году.¹²³ Нотариусы весьма заметно пополняли городской бюджет Кинешмы (в доходной части, напомним, немного превышавший 40.000 рублей): в 1910 году нотариус М.И. Леонидов собрал со своих клиентов платы «в доход города» 221 руб. 35 коп., нотариус П.В. Городецкий – 649 руб. 36 коп.

Те же «книги сборов» дают хорошее представление, из чего складывалась работа нотариуса. Большинство нотариальных действий были несложными и недорогими. Вот, например, лист «Книги сборов» П.В. Городецкого за 26 июня 1910 года, куда в хронологическом порядке под номерами (отсчёт номеров вёлся с 1 января) попали совершённые им в тот день действия¹²⁴:

«№ 1403-1404. Засвидетельствованы Райфелью две копии удостоверения». Плата нотариусу – 50 коп.

«№ 1405. Явлена Яковлевым доверенность, данная Шабуеву». Плата нотариусу – 1 рубль.

«№ 1406. Засвидетельствована Новожилову копия его метрического свидетельства

(свидетельства о рождении. – А.К.)». Плата нотариусу – 25 коп.

«№ 1407-1408. Засвидетельствованы Новожилову две копии свидетельства о приписке его к призывному участку». Плата нотариусу – 50 коп.

«№ 1409-1410. Засвидетельствованы Новожилову две копии свидетельства об образовании». Плата нотариусу – 1 руб. 25 коп.

«№ 1411. Засвидетельствована подпись руки Новожилова на подписке его в Тверское кавалерийское училище». Плата нотариусу – 10 коп.

«№ 1412. Засвидетельствована подпись руки Новожилова на подписке его в Тверское кавалерийское училище» (видимо, на 2-м экземпляре «подписки». – А.К.). Плата нотариусу – 10 коп.

Двадцать восьмое июня – следующий рабочий день – тоже начался для П.В. Городецкого с удостоверения копии: «№ 1413. Засвидетельствована Спранскому копия свидетельства на звание учителя». За это нотариус получил 25 копеек.

Основной доход приносили акты, имеющие достаточно большую цену. Запись в «Книге сборов» П.В. Городецкого от 26 ноября 1910 года, № 2425: «Протестован вексель Клюкина в 300 руб., выданный Китаеву». Плата нотариусу – 1 руб. 80 коп. Или в тот же день, запись № 2426: «Совершена Новожиловым Виноградову закладная крепость». Цена акта – 1000 руб., платы нотариусу – 5 руб.¹²⁵

Один из примеров максимального дохода нотариуса с одного нотариального действия – запись в «Книге сборов» П.В. Городецкого, № 983, от 29 апреля 1911 года: «Совершена Маклажину и Калашникову закладная крепость». Цена акта – 6000 руб., платы нотариусу – 10 руб.¹²⁶

Здесь можно перейти к вопросу качества документов, выходивших из-под пера нотариуса.

Даже акт на самую незначительную сумму оформлялся с высокой тщательностью и проходил все процедуры, предусмотренные законом. Вот перед нами, например, запись № 206, внесённая в «Актовую книгу для актов о протесте векселей кинешемского нотариуса М.И. Леонидова на 1915 год».¹²⁷

Сначала идёт текст протестуемого векселя: «Рига. 9-го марта 1915 г. Переводной вексель на 37 руб. 70 коп. [Через] Пять дней по предъявлении извольте заплатить по сему переводному векселю приказу Отделения Волжско-Камского коммерческого банка в г. Кинешме тридцать семь руб. 70 коп. [т.е.] стоимость [векселя] наличными и поставьте на счёт без уведомления. Господину Д.А. Шахову, Кинешма Костромской губ., Акционерное общество соединённых кожевенных заводов “Оскар Вильденберг”».

Далее – описание процедуры протesta, предпринятой нотариусом М.И. Леонидовым: «ПРОТЕСТ. 1915 года марта двадцатого дня Кинешемское отделение Волжско-Камского коммерческого банка представило мне, М.И. Леонидову, кинешемскому нотариусу, в контору мою, по Овражной улице в своём доме, подлинный переводной вексель, выше сего в списке изложенный, для предъявления оного к платежу, а в случае неплатежа к протесту, от имени Акционерного общества соединённых кожевенных заводов “Оскар Вильденберг” против плательщика по сему переводному векселю Д.А. Шахова. Того же числа я, нотариус, послал Д.А. Шахову требование за № 292 об уплате по векселю, но до 3-х часов дня 30-го марта уплаты не последовало, вследствие чего я, нотариус, по вышеописанному требованию, для хранения вексельного права, вексель этот против плательщика Д.А. Шахова в непринятии и неплатеже протестовал. За протест векселя взыскано сборов: гербового 10 коп., в доход города 10 коп., нотариального 54 коп., а всего

388
14
388
Mai -
June 14 1910

Письмо купца Ивана Ильинича
Макарова в Кинешму
о продаже им земельного участка
и споре с ним о том
какой изъять земельный участок
изъять изъятое земельное
участок и каким образом
заплатить за него
и что же делать с земельным
участком в Кинешме
по предложению Кинешмской
губернаторской управы
предоставлено в Кинешму
векселем на 100 рублей
за 10 суток с момента
получения векселя
и вексель остался в Кинешме.

Сего - 1910 г.
Иван Ильинич Макаров

пишет, что Кинешемский нотариус
Петр Арсентьевич Малекин
оказывается виновен в несогласии с
договором, записанным в паспорте
дней Стартов — и на основании
38 ст. Врем. прав. о Нот. толице — можно,
Нотариусом, уплатена пострадал —

Запись об аннулировании нотариальной регистрации несостоявшейся сделки
купли-продажи в книге кинешемского нотариуса М.И. Леонида. 1910 г.

Государственный архив Ивановской области.

74 коп.».

Иначе говоря, за 54 копейки вознаграждения
нотариус «возился» с векселем десять дней: писал
письма, ждал ответа и т.д. Чего было больше в этих

действиях: уважения к закону и страха перед ним или любви к своему делу? Вопрос риторический.

Не менее тщательно велись и сами «нотариусские книги». Например, в «Книге сборов» М.И. Леонидова за 1910 год находим запись № 388 от 17 мая¹²⁸: «Засвидетельствована Малекину и Меликову подлинность подписей их на договоре о продаже Малекиным Меликову принадлежащего ему, Малекину, товара, находящегося в магазине, помещающемся в доме наследников Н.И. Ронзина по Московской улице в гор. Кинешме и заключающегося в разного рода кожаной и резиновой обуви и других кожаных и валенных изделиях за сумму в шесть тысяч рублей. Двадцать копеек («плата нотариусу» за удостоверение двух подписей – А.К.) уплатили». Следующая запись, под № 389, от того же числа, говорит, что нотариус получил 25 копеек за снятие простой копии с договора между Малекиным и Меликовым.

Однако поперёк этих двух записей мы видим уничтожающую их надпись: «Тысяча девятьсот десятого года мая девятнадцатого дня, вследствие поступившего ко мне, нотариусу, заявления персидского подданного Сого-Мона Меликова о том, что кинешемский мещанин Пётр Адрианович Малекин отказывается от совершения договора, записанного в настоящей статье, – на основании 38 ст. Врем[енных] Прав[ил] о Нот[ариальной] части – мною, нотариусом, учинена настоящая отметка об уничтожении записей в этой книге статей за №№ 388 и 389, под коими вписаны предполагавшиеся к выдаче договор Малекина с Меликовым и копия с того договора – как несостоявшиеся».

Такой же дотошной и многоступенчатой, как и во времена Николая Первого, оставалась и регистрация «нотариусских книг» в органах государственной власти. Обычно в книгах делалось как минимум две записи.

На последней странице книги, ещё до начала её заполнения, делалась запись о том, кто и когда выдал книгу. Например: «Настоящая книга выдана из Кинешемской городской управы кинешемскому нотариусу Павлу Васильевичу Городецкому на записку сборов, поступающих к нему с актов и документов, на тысяча девятьсот десятый год. В ней перенумерованных и прошнурованных триста пятьдесят листов. Декабря 30-го дня 1909 года».¹²⁹ Ниже следуют собственноручные подписи городского головы г. Кинешмы, его секретаря и сургучная печать, которой опечатаны нити шнурковки книги.

Если «нотариусская книга» подлежала обложению казёнными пошлинами, то её выдавал соответствующий окружной суд, также делавший запись на обороте последнего листа книги. Например: «1915 года декабря 13 дня настоящая актовая книга для актов на недвижимые имущества, в которой по перелистке оказалось перенумерованных и прошнурованных сто двадцать шесть листов, выдана Владимирским окружным судом на 1915 год нотариусу по гор. Иваново-Вознесенску В.Л. Вильмеру. По числу листов сей книги пошлины в количестве двадцати пяти руб. 20 коп. на основании 29-й ст. Положения о Нотариальной части и 316-й и 317-й ст. Устава о пошлинках внесены в Иваново-Вознесенское казначейство под квитанцию от 9 сего декабря за № 17.587». ¹³⁰ (Т.е. сбор с нотариусских книг составлял 20 коп. с листа.)

Завершать записи в любой из книг должна была подпись и удостоверительная запись самого нотариуса. Если это была книга для записи какого-либо вида актов, то в итоговой записи надлежало отразить их общее количество за год, а если «книга сборов», то всю финансовую статистику. Так, например, кинешемский нотариус М.И. Леонидов закончил свою «Книгу сборов» за 1910 год записью, в которой последовательно, под номерами, указал

совокупную сумму совершённых актов, стоимость употреблённой на них гербовой бумаги, итоговую сумму сбора в доход города и совокупную «плату нотариусу» за год. Далее следует такой текст: «Все-

1914-го года Бюро избрало Национальную ассоциацию китоловов
и призвало ее представителей на конференцию в Канаду. Но Ас-
социация отказалась посетить конференцию и не опровергала
таких сведений, какими были (200) членами, включая два
западноамериканских общества, созданных еще в 1915 году. Было
предложено все эти общества объединиться в одно общество под
именем Ассоциации китоловов Северной Америки. В 1916 году
было создано общество Северной Америки, включавшее в себя
членство гидрографии на территории 20 км от побережий и включавшее
все общества в Четыре зоны и 316 и 317 син. син. Четыре
и пять в V зоне и V зоне и в Испанской Западной Америке. Кан-
адское общество не могло приняться для участия в конференции
в Канаде.

Член Суда

Р. Северина

*Удостоверяющая надпись в книге иваново-вознесенского нотариуса В.Л.
Вильмера, сделанная во Владимирском окружном суде. 1914 г.
Государственный архив Ивановской области.*

го в течение 1910 года в сей книге записано девятьсот девяносто статей с № 1-го по № 990-й включительно на сумму двести восемьдесят восемь тысяч сто тридцать три рубля сорок две копейки. Взысканные в доход города двести двенадцать рублей тридцать пять копеек – внесены в Кинешемскую городскую управу под квитанции за №№ 62, 104,

146, 184, 213, 251, 339, 377, 420, 459, 529 и 593-м. Декабря тридцать первого дня тысяча девятьсот десятого года».¹³¹ Далее следует подпись нотариуса.

Завершая наш очерк развития ивановского нотариата в пореформенный период, обратимся к такому вопросу: а как влияло наличие частного нотариуса на правовую грамотность и культуру населения того места, где он работал?

Ответ – чем больше в России развивался нотариат пореформенного образца, тем более юридически культурны и грамотны становились россияне. Сохранившиеся материалы по истории нотариата в Ивановском регионе прямо указывают на это.

Так, выше мы уже рассматривали во всех смыслах полуграмотное «домашнее завещание» буйского мещанина В.Д. Москвина, составленное «своими силами». Оно резко контрастирует с завещанием крестьянина Г.Н. Соколова-Голенкина, составленным в 1915 году иваново-вознесенским нотариусом В.Л. Вильмером. Перед завещателем стояли, в общем-то, те же проблемы, что и перед В.Д. Москвиным: перечень имущества, которое останется на момент кончины, был не ясен, а оставить всё Г.Н. Соколов-Голенкин хотел только своей жене и никому больше. И оценим, как точно сформулировал его волю профессиональный нотариус: «Находясь в здравом уме и твёрдой памяти, заблагорассудил я на случай смерти моей распорядиться моим имуществом и это распоряжение выразить в настоящем моём духовном завещании, составленном по моей доброй воле. Каковым завещанием всё моё движимое и недвижимое имущество, какое окажется вообще принадлежащим мне в день смерти, где бы таковое ни находилось и в чём бы ни заключалось – я отказываю от момента смерти моей в полную и единоличную собственность жене моей Анне Романовне Соколовой-Голенкиной... цену завещаемому представляю определить по совести по смерти моей».¹³²

Нередко в нотариальных конторах юридически оформлялись и куда более запутанные имущественные дела – например, касавшиеся имущества опекаемых несовершеннолетних. Вот интересный документ, составленный и удостоверенный иваново-вознесенским нотариусом М.В. Наумовым – соглашение о намерении заключить имущественную сделку.

«Тысяча девятьсот десятого года ноября одиннадцатого дня. Мы, нижеподписавшиеся, опекуны над именем и личностью малолетней иваново-вознесенской купеческой дочери Татьяны Александровны Рябчиковой – иваново-вознесенская купеческая вдова Марья Мироновна Рябчикова и иваново-вознесенский купец Александр Александрович Рябчиков – с одной стороны и надворный советник Леонид Евлампиевич Правдин – с другой, согласились в следующем.

Марья Мироновна и Александр Александрович Рябчиковы на правах опекунов запродали Леониду Евлампиевичу Правдину принадлежащее малолетней Татьяне Александровне Рябчиковой право на двадцать три двести пятьдесят вторые части в пустопорожнем участке усадебной земли, находящемся в городе Иваново-Вознесенске, на Ильинской улице, мерою весь участок двести шестьдесят квадратных сажен, остальная часть в котором, то есть право на двести двадцать девять двести пятьдесят вторых частей совладельцами ныне продана г. Правдину.

Право собственности малолетней запродаётся за четыреста семьдесят пять рублей, из которых получили мы сто рублей, а остальная сумма должна быть получена по утверждении купчей.

Купчая крепость должна быть совершена у иваново-вознесенского нотариуса Наумова Татьяной Александровной Рябчиковой немедленно по достижении ею семнадцати лет, что последует

через год. Если же Татьяна Александровна Рябчикова откажется от совершения купчей, то, помимо возврата полученных нами, опекунами, денег, мы обязаны заплатить г. Правдину неустойку в размере двух тысяч рублей. Такую же неустойку плачу и я, Правдин, если откажусь от совершения купчей».¹³³

Наконец, коснёмся и такого интересного момента, как историческое значение документов, составлявшихся и регистрировавшихся нотариусами. Так, архив нотариуса И.К. Невского сохранил для нас копии любопытных документов по истории развития в Ивановском крае медицины и одновременно – по «национальному вопросу». Летом 1915 года И.К. Невскому довелось снимать и свидетельствовать «копию с копии» определения Правительствующего Сената следующего содержания.

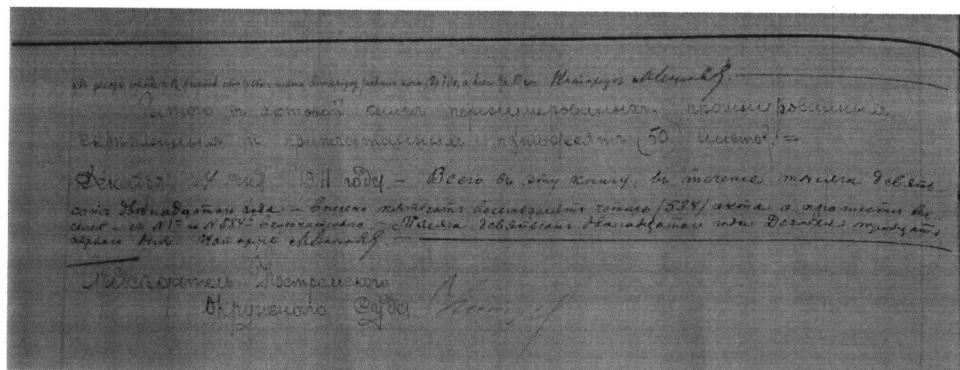
«1915 года июня 9 дня. По указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушали: дело по жалобе поверенного зубного врача Бashi Вичеревиной присяжного поверенного Льва Айзенберга на распоряжение Владимира губернатора от 25 ноября 1914 года о неразрешении Вичеревиной открыть в гор. Иваново-Вознесенске или с. Кохме Шуйского уезда зубоврачебный кабинет.

...27 ноября 1914 года Врачебное отделение Владимирского губернского правления объявило земскому врачу Вичеревиной, что Владимирский губернатор не признал возможным удовлетворить ходатайство о разрешении ей открыть зубоврачебный кабинет. Губернатор, в рапорте от 31 января 1915 г., за № 383, объясняет, что распоряжение об отказе в учреждении кабинета последовало в виду того, что муж просительницы, дантист Хaim Вичеревин в гор. Иваново-Вознесенске имеет собственный зуболечебный кабинет, при котором Вичеревина может состоять ассистентом.

...ПРИКАЗАЛИ:

...это обстоятельство нисколько не служит основанием для воспрещения Вичеревиной открыть свой собственный зубоврачебный кабинет. Правительствующий Сенат признаёт обжалованное распоряжение Владимира губернатора неправильным, а потому ОПРЕДЕЛЯЕТ: распоряжение это отменить, поручив ему вновь рассмотреть настоящее дело». ¹³⁴

В наши дни, благодаря подобным документам, происходит разоблачение исторических мифов о Российской Империи. Например, описанный выше эпизод с семьёй врачей-евреев Вичеревиных может служить отличным дополнением к выводам известного современного историка А.М. Буровского: «Способов нарушить черту оседлости и уйти подальше от выморочных, бесперспективных местечек было много». ¹³⁵ В частности, «с 1879 года разрешено жить где угодно акушерам и ветеринарам, а также всем, желающим учиться фельдшерскому искусству. ... В Вязьме на 35 тысяч населения евреев было около 2 тысяч. В том числе все три ап-

Удостоверяющая запись Председателя Костромского окружного суда в одной из книг кинешемского нотариуса М.И. Леонидова на 1912 год.

Государственный архив Ивановской области.
текаря, все шесть дантистов». ¹³⁶ А как видим мы из документа, скопированного иваново-вознесенским нотариусом И.К. Невским, эти «все» ещё и активно боролись за свои права, вплоть до высших органов

государственной власти. И даже выигрывали эту борьбу.

Подобные эпизоды заставляют, как минимум, серьёзно задуматься над советским пропагандистским мифом о царской России – «тюрьме народов». Вот такой вклад вносят порой в историю своего Отечества нотариусы.

Забегая вперёд, заметим: и само «Положение о нотариальной части 14 апреля 1866 года», как один из лучших, чётких и ясных в изложении, сводов нотариального права, и нотариальная практика предреволюционной России оказались чрезвычайно востребованными за границами нашего Отечества. Современный латвийский закон о нотариате во многом списан с русского кодекса 1866 года. До конца 1930-х гг. русское нотариальное производство считалось образцовым и использовалось, например, в китайском городе Харбине – причём уже тогда главным образом местным китайским населением, а не русскими эмигрантами.... Подобные примеры можно приводить достаточно долго.

В России же развитие негосударственного латинского нотариата оказалось прервано 74-летним большевистским экспериментом.

Примечания

- ¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть V. Лекция LXXXVI // Сочинения в 9 томах. Том V. М., 1989. С. 258.
- ² Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или бывшие село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии). В 2 частях. Часть II. С 19-го февраля 1861 года по 1-е января 1884 года. Шуя, 1885. С. 5-6.
- ³ Романов С.А. Готовьте Ваши денежки. Взяточничество в России. М., 2002. С. 90.
- ⁴ Пикуль В.С. Тайный советник. Исторические миниатюры. М., 2009. С. 292, 294, 295.
- ⁵ Цит. по: Бочка Данайд // Родина. Российский исторический журнал. 1994. № 3-4. С. 126.
- ⁶ Чернуха В.Г. Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX вв.) / Ред. колл. Н.Е. Носов и др. Л., 1967. С. 197, 200-201.
- ⁷ Гарелин Я.П. Указ. соч. С. 6.
- ⁸ Там же. С. 7.
- ⁹ См.: ГАИО. Ф. 328. Оп. 2. Д. 2.
- ¹⁰ Там же. Л. 6.
- ¹¹ Там же. Л. 1.
- ¹² Щапов Г.Н., Самсонов В. Щаповы: из крестьян в текстильные фабриканты. <http://baza.vgd.ru/11/64206/?pg=all>
- ¹³ Указ [Императора Александра II] Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 года // Судебные уставы императора Александра Второго, изданные по повелению императора Александра Александровича. Издание 1883 года. СПб., 1883. С. II.
- ¹⁴ Ванюков Д.А. Век трёх императоров. М., 2008. С. 151.
- ¹⁵ Там же. С. 153.
- ¹⁶ Москва, 8 мая // День. 1865. № 19.
- ¹⁷ Богомолов Н. Из села Иванова // День. 1865. № 19.
- ¹⁸ Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С. 3.
- ¹⁹ Там же.

- ²⁰ Богомолов Н. Указ. соч.
- ²¹ Там же.
- ²² Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи.... Т. 2. С. 39, 41-42.
- ²³ Трофимова И.А. Нотариат в Российской Федерации http://www.e-college.ru/xbooks/xbook129/book/index/index.html?go=part-003*page.htm
- ²⁴ Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. П/том 41. С. 391-392.
- ²⁵ Положение о нотариальной части. 14 апреля 1866 года. Издание 1883 года. СПб., 1883. С. 1.
- ²⁶ Там же. С. 5.
- ²⁷ Там же. С. 2.
- ²⁸ Там же. С. 3.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 1.
- ³¹ «Дабы доходы в целости сохранены были...». 225 лет финансовым органам Ярославской области (1777-2002) / Авт.-сост. Г.С. Румянцева и др. Отв. ред. Я.Е. Смирнов. Ярославль, 2002. С. 18-19.
- ³² Лух // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 35. СПб., 1896. С. 111.
- ³³ Анисимов С.В. Цена рубля.... С. 56.
- ³⁴ Юрьевец // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 81. СПб., 1904. С. 433.
- ³⁵ Шуя // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С.27.
- ³⁶ Кинешма // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 29. СПб., 1895. С. 76.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Темницкий А.Л. Социокультурные проявления и прорывы традиции патернализма в трудовой среде рабочих России // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V международной научной конференции. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Ч. I. С. 79.
- ³⁹ Подробнее см.: Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906.

- ⁴⁰ Глазунов С.Р. Роль фабричной инспекции в разрешении острых социально-трудовых конфликтов в России в конце XIX – начале XX в. // Рабочие – предприниматели – власть.... Ч. I. С. 110.
- ⁴² Панкратова О.Б. «Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо бы народу жилось!» // Рабочие – предприниматели – власть.... Ч. II. С. 33.
- ⁴³ Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862. С. 63.
- ⁴⁴ Каменец-Подольск // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 27. СПб., 1895. С.146.
- ⁴⁵ Город Каменец-Подольск, 1873 года, февраля 28 дня. Вексель на 500 рублей серебром Юлия Казимировича Гумецкого Ивану Ивановичу Криштановскому. Частная коллекция А.Е. Коняева.
- ⁴⁶ Каменец-Подольск, 31 октября 1907 года. Вексель на 1000 рублей Ореста Ивановича Стржельбыша Каменец-Подольскому отделению Южно-русского промышленного банка. Частная коллекция А.Е. Коняева.
- ⁴⁷ Шуя // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С. 27.
- ⁴⁸ Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С. 3.
- ⁴⁹ Глазунов С.Р. Указ. соч. С. 110, 111.
- ⁵⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории.... Часть V. Лекция LXXXVI. С. 259.
- ⁵¹ Подробнее см.: ГАИО. Ф. 328. Оп. 2. Д. 3. Л. 2-3.
- ⁵² Там же. Л. 2-об. – 3.
- ⁵³ ГАИО. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1. Л. 10 – 10-об.
- ⁵⁴ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 2. С. 16.
- ⁵⁵ Там же. С. 18.
- ⁵⁶ Там же. С. 20.
- ⁵⁷ Там же. С. 50.
- ⁵⁸ Наиболее дорогая бумага для подачи особо важных прошений в органы центральной власти.
- ⁵⁹ Для подачи прошений в органы местной власти.
- ⁶⁰ Для записи актов на недвижимые имущества, договоров, завещаний и т.д.

- ⁶¹ Гербовых марок – для наклейки на обычную бумагу при подаче прошений, после чего она приравнивалась к гербовой.
- ⁶² Для актов суммой, соответственно, до 50 рублей, от 51 до 100 рублей и от 101 до 200 рублей.
- ⁶³ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 2. С. 74-75.
- ⁶⁴ Там же. С. 73.
- ⁶⁵ Там же. С. 88.
- ⁶⁶ Экземплярский П.М. История города Иванова. В 2 ч. Ч. 1. Иваново, 1958. С. 118.
- ⁶⁷ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 2. С. 42-43.
- ⁶⁸ Меленки // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 37. СПб., 1896. С. 21.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Буй // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 8. СПб., 1891. С. 862.
- ⁷¹ Подробнее см.: Винокурение // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 11. СПб., 1892; Спиртометрия // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 61. СПб., 1900.
- ⁷² Буй // Энциклопедический словарь.... П/том 8. С. 862.
- ⁷³ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 2. С. 62.
- ⁷⁴ Там же. С. 67, 68.
- ⁷⁵ Владимирский календарь и памятная книжка на 1903 год. Издание Владимирского губернского статистического комитета. М., б.г. С. 99, 100.
- ⁷⁶ Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С. 3.
- ⁷⁷ Владимирский календарь и памятная книжка на 1903 год.... С. 101.
- ⁷⁸ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 2. С. 60.
- ⁷⁹ Балдин К.Е., Кохова Л.А. От кустарного села.... С. 178.
- ⁸⁰ Гарелин Я.П. Указ. соч. Т. 2. С. 43.
- ⁸¹ Владимирский календарь и памятная книжка на 1903 год.... С. 100.
- ⁸² Шuya // Энциклопедический словарь.... П/том 79. С. 27.

- ⁸³ Владимирский календарь и памятная книжка на 1903 год.... С. 99.
- ⁸⁴ Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 год. Издание Владимирского губернского статистического комитета / Под ред. секретаря комитета Н.П. Шипина. Владимир, 1895. С. 782.
- ⁸⁵ ГАИО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 453. Л. 4 – 8-об.; Щапов Г.Н.,⁸⁶ Памятная книжка Владимирской губернии на 1900 год. Издание Владимирского губернского статистического комитета. Отдел IV. Владимир, 1900. С. 120.
- ⁸⁷ Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 год.... С. 782.
- ⁸⁸ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1916 год. Издание Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1916. С. 235.
- ⁸⁹ ГАИО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.
- ⁹⁰ Анисимов С.В. Цена рубля.... С. 56-59.
- ⁹¹ Коняев А.Е. Тюремные учреждения Европейской России в 1879-1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности. По материалам Ярославской и Владимирской губерний. Ярославль, 2011. С. 108-109.
- ⁹² Владимирский календарь и справочная книжка на 1902 год. Издание Владимирского губернского статистического комитета. Б.м., б.г. С. 156.
- ⁹³ ГАИО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 1. Л. 79-об.
- ⁹⁴ ГАИО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 2. Л. 81-об.
- ⁹⁵ См., напр., один из актов, внесённых в эту книгу: ГАИО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.
- ⁹⁶ Там же. Л. 50.
- ⁹⁷ Памятная книжка Владимирской губернии на 1900 год.... Отдел IV. С. 107.
- ⁹⁸ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1916 год. Владимир, 1916. С. 230.
- ⁹⁹ Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 год.... С. 772.
- ¹⁰⁰ ГАИО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 3А; Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год. Издание Костромского губернского статистического комитета

та. Б.м., б.г. С. 178.

¹⁰¹ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год.... С. 178.

¹⁰² Статистико-экономическое описание Российской Империи. Установления местного управления. Б.м., 1901. Стлб. 630; Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год.... С. 119.

¹⁰³ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1914 год. Владимир, 1913. С. 216.

¹⁰⁴ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год.... С. 178.

¹⁰⁵ Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 год.... С. 751.

¹⁰⁶ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год. Владимир, 1912. С. 218.

¹⁰⁷ Там же. С. 323.

¹⁰⁸ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1914 год. Владимир, 1913. С. 151.

¹⁰⁹ Владимирский календарь и памятная книжка на 1904 год. Владимир, 1903. С. 6.

¹¹⁰ Владимирский календарь и памятная книжка на 1905 год. Владимир, 1904. С. 6.

347 Статистико-экономическое описание Российской Империи.... Стлб. 618.

¹¹¹ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год.... С. 39.

¹¹² Там же.

¹¹³ Владимирский календарь и памятная книжка на 1905 год.... С. 122-123.

¹¹⁴ См.: ГАИО. Ф. 334. Оп. 1. Д. ЗА.

¹¹⁵ Коняев А.Е. Не вырубиши топором. Нотариальные конторы в Ярославле не пострадали даже во время революции 1917 года – столь высок был авторитет письменного договора // Ярославский регион. 2010. 17 ноября. № 45; Его же. Примите мои заверения. Морально устойчив, на госслужбе не состоит, деньги имеет – при выполнении этих условий любой житель Ярославской

губернии мог занять почётную должность нотариуса // Ярославский регион. 2011. 20 апреля. № 15; Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и Верхнему Поволжью. Ярославль, 1912. С. 404.

¹¹⁶ Лендер Н. Волга. Очерки и картины. Издание пароходного общества «Самолёт». СПб., 1889. С. 30, 31.

¹¹⁷ Коняев А.Е. Тюремные учреждения Европейской России.... С. 143, 147.

¹¹⁸ См.: ГАИО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2А.

¹¹⁹ См.: ГАИО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 1А.

¹²⁰ ГАИО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2А. Л. 14, 28-об., 40-об. – 41, 53-об., 68, 85, 98-об., 112, 124-об., 140-об., 161-об., 176-об., 177.

¹²¹ ГАИО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 1А. Л. 17-об., 31-об., 43, 50-об., 61-об., 74, 86, 97, 107, 114-об. – 115, 124, 136-об.

¹²² Там же. Л. 150-об., 161 – 161-об., 176, 182-об., 191-об., 205-об., 216, 227-об., 238, 247-об., 260, 273.

¹²³ ГАИО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.

¹²⁴ ГАИО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 1А. Л. 72-об.

¹²⁵ Там же. Л. 122.

¹²⁶ Там же. Л. 182.

¹²⁷ ГАИО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 12. Л. 21-об.

¹²⁸ ГАИО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2А. Л. 60 – 60-об.

¹²⁹ ГАИО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 1А. Л. 350-об.

¹³⁰ ГАИО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 1. Л. 126-об.

¹³¹ ГАИО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2А. Л. 177 – 177-об.

¹³² ГАИО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

¹³³ ГАИО. Ф. 328. Оп. 2. Д. 5. Л. 8.

¹³⁴ ГАИО. Ф. 328. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2.

¹³⁵ Буровский А.М. Еbrei, которых не было. Курс неизвестной истории. Кн. 2. М., Красноярск, 2004. С. 69.

¹³⁶ Там же. С. 67, 68.

ГЛАВА V. **СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НАД** **НОТАРИАТОМ** **(1917-1991)**

§ 1. По старинке

Нотариальные архивы не сохранили каких-либо сведений о том, что знаменитые рабочие волнения 1905 года, сделавшие Иваново-Вознесенск «родиной первого Совета», как-то отразились на работе городского нотариата. Казалось, что так же будет и в 1917 году.

Этот знаменательный год начался с того, что вакантное место иваново-вознесенского нотариуса М.В. Наумова занял Константин Иванович Пономарёв со своим помощником Николаем Васильевичем Цветаевым. Таким образом, в городе снова стали работать 4 нотариуса. Образно говоря, нотариат вернул позиции, временно утраченные в 1916 году, и был готов к дальнейшему укреплению и развитию в Иваново-Вознесенске. Востребованность услуг К.И. Пономарёва была примерно такой же, как и у его предшественников: например, 7 апреля 1917 года новый нотариус оформил дарственную запись, попавшую в его реестр под 383-м номером.¹ То есть, в среднем К.И. Пономарёв совершал примерно 120-125 нотариальных действий ежемесячно; при сохранении подобных темпов работы в год он совершил бы около 1500 нотариальных действий – отличный результат для молодого (в карьерном смысле) городского нотариуса, ещё не успевшего завоевать доверие горожан.

Просматривая дела К.И. Пономарёва, мы обнаруживаем, что происходившие в столицах бурные

революционные события никак не сказывались на работе нотариата в «безуездном городе» Владимирской губернии. Порядок совершения нотариальных действий, их характер и перечень – оставались прежними. Сохранилась даже дореволюционная традиция постоянно держать при нотариальной конторе одного-двух свидетелей для удостоверения сделок. У К.И. Пономарёва «профессиональными свидетелями» по очереди «работали» «лично мне (К.И. Пономарёву – А.К.) известные крестьяне Шуйского уезда села Тейкова Николай Матвеевич Мохарин и Юрьевецкого уезда села Парского Григорий Герасимович Щукин», а также «крестьянин села Русина Ковровского уезда Осип Иванович Гендриков».

Единственная попытка Временного правительства изменить порядок работы нотариусов имела место в мае-июне 1917 года и закончилась ничем.

Сохранившееся в архивах дело «Бумаги к сведению и руководству иваново-вознесенского нота-

Георгиевская улица в Иваново-Вознесенске. Здесь «в доме Соколова» располагалась контора нотариуса К.И. Пономарёва.
Открытика начала XX в.

риуса И.И. Мумрикова за 1917 год» содержит письмо Председателя Владимирского окружного суда от 20 мая. Ссылаясь на телеграмму министра юстиции от 17 мая 1917 года, председатель суда писал Мумрикову: «Согласно полученного мною от Старшего председателя Московской судебной палаты приказания господина Министра юстиции, мною предложено Старшему нотариусу приостановить, впредь до распоряжения, совершение крепостных актов по добровольным сделкам о переходе права собственности и об установлении и переходе залогового и иных вещных прав на недвижимые имущества сельского хозяйственного характера, расположенные вне городских поселений. Об изложенном считаю нужным поставить Вас в известность для надлежащих соображений в случаях обращения к Вам лиц, желающих совершить тот или другой из указанных в распоряжении Министра юстиции крепостных актов».²

Откуда появилась эта телеграмма министра – догадаться нетрудно: с весны 1917 года по всей стране происходили крестьянские волнения, связанные с «земельным вопросом». Крестьяне осуществляли самозахват помещичьих и иных частновладельческих земель. С течением времени это движение стремительно расширялось: «В марте – мае (1917 года – А.К.) произошло 480 крестьянских выступлений, а в следующие три месяца их было уже 2390. Преобладавшей формой крестьянских выступлений всё больше становились захваты лугов, покосов, урожая, инвентаря и целых имений. В марте – мае захваты составляли 37,5% общего числа крестьянских выступлений, в июне-августе – уже около 67%. Летом крестьянским движением было охвачено 43 губернии из 69». Советская историческая наука придумала этому явлению красивое название, нивелирующее его противозаконную сущность: «Широкое крестьянско-демократическое движение за захват помещичьих земель».³

Впрочем, телеграмма министра юстиции от 17 мая 1917 года характеризует скорее растерянность Временного правительства, чем его решительность. Если вдуматься в содержание письма Председателя Владимирского суда И.И. Мумрикову, то становится ясно – прямого запрета на совершение актов на земли сельхозназначения в нём нет. В обязанность нотариусу вменялось лишь сообщать участникам сделки, что её завершение (регистрация у старшего нотариуса) может быть отложено на неопределённый срок, «до особого распоряжения».

Третьего июня 1917 года И.И. Мумриков получил от Председателя Владимирского окружного суда разъяснение: на неопределённый срок откладывалась только регистрация тех купчих на сельскохозяйственные земли, которые были оформлены после получения телеграммы министра юстиции от 17 мая.⁴ Четырнадцатого июня – очередное послабление: «Разъясняю, что воспрещение актов на земли не распространяется на установление и переход залоговых прав, а должно применяться лишь к случаям перехода права собственности на сельскохозяйственные земли и притом кроме земель, приобретаемых горнозаводскими предприятиями для разработки недр земли и для других надобностей этих предприятий».⁵ И, наконец, письмо Председателя Владимирского окружного суда от 27 июня 1917 года – завершение истории с попыткой ограничения операций по землям сельхозназначения: «Уведомляю Вас, что 24 июня мною получена телеграмма Старшего председателя Московской судебной палаты, в которой он, по поручению Министра юстиции, сообщает, что циркулярные его распоряжения о земельных сделках отменяются. Все земельные сделки подлежат совершению и утверждению на точном основании действующих законов».⁶

Таким образом, менее чем за полтора месяца

нотариусы вновь целиком и полностью вернулись к дореволюционной практике работы.

Менялись мелочи: например, в начале осени 1917 года нотариус К.И. Пономарёв смог резко улучшить место работы. Если в первой половине года он трудился в конторе «на Георгиевской улице в доме Соколова», то во второй – перебрался в одно из известнейших городских зданий, один из символов города Иванова – «Дом Бурылина».⁷

«Весть о свержении Временного правительства в результате Октябрьского переворота пришла в Иваново-Вознесенск вечером 25 октября (7 ноября) 1917 года. Городской Совет сразу сформировал революционный штаб для охраны порядка в городе».⁸ А для нотариусов продолжались обычные трудовые будни. «Николай Васильевич Цветаев, исправляющий должность Константина Ивановича Пономарёва», например, в первые революционные дни помогал «иваново-вознесенской мещанке Е.И. Андроновой». Двадцать шестого октября 1917 года та пришла к нему за «совершением данной об укреплении за Евдокией Исаевной Андроновой недвижимого имения мещанина Павла Демьяновича Андронова». На следующий день Е.И. Андронова, уже с этим документом, опять пришла к нотариусу: совершать купчую на продажу «укреплённого» за ней «недвижимого имения» крестьянке А.И. Куренковой. «Имение», кстати, было небольшое: дом с маленьким участком прилегающей к нему земли – так что сумма сделки составила одну тысячу рублей.⁹ Один из последних актов нотариуса К.И. Пономарёва и его помощника Н.В. Цветкова, сохранившихся в архивах, датируется 11 декабря 1917 года. В тот день проживающий в Иваново-Вознесенске «ковровский мещанин Пётр Абрамович Полушкин» продал живущей здесь же «крестьянке Сузdalского уезда деревни Турыгина Ольге Дмитриевне Шагановой» «своё свободное от исков, спора, залога и запрещений, недвижимое име-

ние, находящееся в городе Иваново-Вознесенске, на Всесвятской улице и заключающееся в двух смежных между собою участках земли» за 15.000 рублей, о чём и был составлен проект купчей.¹⁰

Текст «проекта акта» закачивался стандартной фразой: «Выпись из актовой книги, оплаченную гербовым сбором в два рубля, для предоставления Старшему нотариусу Владимирского окружного суда для утверждения... следует выдать покупательнице Ольге Дмитриевне Шагановой».¹¹ Старший нотариус едва ли успел утвердить купчую, но об этом подробнее ниже.

Один из интереснейших современных мыслителей, историк и философ А.М. Буровский, так разъясняет сущность Октябрьского переворота: «Что, собственно, означают слова “большевики взяли власть”? Ровно одно – что в конце 1917 года большевики захватили власть в Петербурге и в Москве. И только. А Российская Империя лежала

Денежный знак в 1000 рублей, введённый Временным Правительством. На подобную купюру в конце 1917 года ещё можно было купить дом в Иваново-Вознесенске.

фактически безвластная, можно сказать, без правительства». ¹² Он же, в соавторстве с одним из современных мастеров слова, писателем М. Веллером, не без ехидства разъяснил, почему первые полгода советской власти прошли в целом по стране относительно спокойно, а полномасштабная гражданская война всё-таки началась именно в мае 1918 года (в точном соответствии с позицией советских историков на этот счёт): «Когда всерьёз началась Гражданская война? А вот где-нибудь в мае 1918-го. Так-то зиму-весну сравнительно спокойно было. На Украине немцы, в Финляндии финны, в Прибалтике – прибалты, на Дону – донцы и офицеры с буржуями, юнкера-студенты разные. Крестьяне пахали поделенную землю и хотели хозяйствовать. Советы практически повсеместно управляли». ¹³

Подобная ситуация – образно описываемая поговоркой «кто смел, тот и съел» (точнее – кто взял власть в конкретном месте, тот и устанавливает здесь порядки по собственному усмотрению) – царила и в вопросе руководства деятельностью нотариусов. Это хорошо видно на примере Иваново-Вознесенска.

§ 2. Нотариальная революция начинается

В первые месяцы после Октябрьского переворота управление всеми делами, так или иначе касающимися нотариата (впрочем, как и всеми прочими делами страны), велось большевиками «в ручном режиме». Например, «на местах» в большинстве случаев никто не понимал, как отныне поступать с землёй: в чьей собственности она теперь находится? Поэтому 5 (18) ноября 1917 года Ленин был вынужден опубликовать особое письмо: «В ответ на многочисленные запросы крестьян разъясняется, что власть в государстве перешла ныне всецело в

руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Помещичья собственность на землю II Всероссийским съездом Советов отменена. Все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки Советов крестьянских депутатов. Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в своё распоряжение под строжайший учёт, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять».¹⁴

О другом мероприятии советской власти, также затронувшем и нотариат, в жёстко-язвительной манере (впрочем, вполне заслуженной) пишут А.М. Буровский и М. Веллер: «В декабре 1917 года были запрещены сделки с недвижимостью, а в августе 1918 городскую недвижимость официально национализировали. Но уже в начале ноября 1917 года началась грандиозная перемена собственников жилья: разрешено было занимать пустующие квартиры и “подселяться”. При этом никого не волновало, почему жильё “пустует”. Квартиры, оставленные на время командировки или отъезда,лечения и временного проживания в другом городе, легко захватывались всеми желающими. Если у вас большая квартира, вас могли “уплотнить”. То есть вселить в эту квартиру вообще любого, кого захочет вселить новая власть. Кто решал, какая квартира “слишком большая”? Да любой местный совет любого уровня. Часто “трудящиеся”, особенно вооружённые, и сами “уплотняли” “буржуев”. Совет только выдавал им ордера на жильё задним числом: по факту захвата. Именно с этого времени во всех крупных городах обычным делом стали “коммуналки” – квартиры на многих хозяев. В которых живут не частные собственники, а ведётся общее, коммунальное хозяйство».¹⁵

История рода ивановских купцов и промыш-

ленников Щаповых сохранила для нас наглядные примеры подобного самоуправства.

«В сентябре 1918 года Николай Терентьевич Щапов был арестован в качестве “заложника буржуазии”. Взятие заложников было тогда обычной практикой коммунистов, вскоре были арестованы и два его сына – Алексей и Геннадий. Всем троим повезло – их не расстреляли, как это случалось со многими другими заложниками, и в ноябре отпустили на свободу. Однако фабричное производство подверглось подлинному разгрому. Предприятия фирмы Н.Т. Щапова были национализированы, а находившиеся в кассе фирмы деньги были изъяты неким членом чрезвычайной комиссии Балашовым и переданы фабричному комитету. Но этот комитет ничего не понимал в текстильном производстве, которое постепенно пришло в полный упадок.

Николай Терентьевич после освобождения приходил на текстильную фабрику и попытался наладить выпуск продукции, обращаясь в фабричный комитет с просьбой “допустить его до заведования делом”, но там от него только отмахивались. А вскоре распался сам фабричный комитет, после чего созданное коммунистами бюрократическое ведомство, “Центротекстиль”, не нашло ничего лучшего, кроме закрытия предприятия. Н.Т. Щапов обращался в “Центротекстиль” с просьбой не допускать ликвидации предприятия, и выражал готовность приступить к руководству им за определённое жалованье. Однако коммунистическая власть не нуждалась в налаживании производства на предприятиях Н.Т. Щапова, текстильная фабрика закрылась, а её помещения были переданы Текстильному институту.

От Николая Терентьевича режим коммунистов добивался совсем другого – денег и имущества. У бывшего купца, так же как и у других предпринимателей, власти постоянно вымогали деньги – то в

виде контрибуции, то в виде “чрезвычайного налога”, и, в конце концов, выкачали все средства, отобрали и фамильный дом, и дачу. Сейчас в этом доме располагается Сельскохозяйственный институт.

Лишившись жилья, Николай Терентьевич переехал в созданную им когда-то богадельню при его предприятиях, где ему позволили жить. В 1927 году его вместе с женой и дочерью Зинаидой лишили избирательных прав. Умер Николай Терентьевич в 1934 году. Его дочь Зинаида Щапова была выселена и из бывшей богадельни и разлучена с родителями. Вместе с сестрой Екатериной её выслали в Казахстан за “религиозные убеждения”. Судьба их брата Анатолия Щапова оказалась гораздо более трагической: он был арестован в 1938 году и отправлен в концлагерь, где и скончался.

Эта история, одна из многих подобных, показала ещё раз, как коммунистические власти лишили Россию видного предпринимателя, который в иных условиях смог бы внести значительный вклад в развитие экономики страны. Ликвидация купечества как класса привела к колоссальным бедствиям и разрушениям, последствия которых ощущаются и до сих пор».¹⁶

«Декрет № 1 о суде», принятый Совнаркомом РСФСР 24 ноября 1917 года, упразднил «доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры», а прежних мировых судей заменил «местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам судей». Судьи отныне избирались «на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов, временно – районными и волостными, а где таковых нет – уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».¹⁷ О нотари-

По актовой книге № 87.

Потр. стру № 1538

116

ПРОЕКТ АКТА.

Тысяча девятьсот сорокадцатого года, Октября двадцать шестого дня, явилась ко мнѣ, Николаю Васильевичу Цвѣтаеву, исправляющему должность Константина Ивановича Пономарева, Иваново-Вознесенского Нотариуса, въ контору го на Воинской улицѣ, въ домѣ Бурылина, лично мнѣ известная и къ совершенню актовъ законную правоспособность имѣла: Иваново-Вознесенская изѣщанка Евдокія Исаѣвна АНДРОНОВА, живущая въ городе Иваново-Вознесенскѣ, въ сопровождѣніи лично мнѣ известныхъ свидѣтелей, крестьянъ: села Тейкова, Шуйского уѣзда Николая Матвѣева Мохарина и сына Парскаго, Юрьевецкаго уѣзда Григорія Герасимова Чукина, живущихъ въ городе Иваново-Вознесенскѣ, ее звѣнѧл-нѣ-мѣт и представила мнѣ, для совершеннія данной, копіи съ опредѣленія Владимира Скрученного Суда, состоявшагося восьмого февраля тысячи

Проект акта о купле-продаже дома, составленный иваново-вознесенским нотариусом Н.В. Цветаевым в день Октябрьского переворота.

26 октября (7 ноября) 1917 г.

Государственный архив Ивановской области.

ате в этом документе не говорилось ничего; подчёркивалось лишь, что отныне в исключительную компетенцию местного суда входили все гражданские дела «ценой до 3000 руб.».

Некоторое уточнение в вопрос о будущем российского нотариата внос декрет «О направлении неоконченных дел упразднённых судебных установлений», принятый ЦИК 29 декабря 1917 года, довольно чётко расписавший, какие инстанции отныне будут заниматься разными правоустанавливающими действиями. Так, например, документ предписывал, что «все дела о поземельных отношениях передаются в соответствующие губернские земельные комитеты»; дела о наследстве и иные «брачные дела» – в местные суды, а более сложные дела

об опеке и залоге – «в соответствующие окружные суды», т.е. суды более высокой инстанции.¹⁸

Собственно же до нотариата у СНК «дошли руки» только 21 февраля 1918 года, когда был принят «Декрет ВЦИК и СНК о суде № 2». Подтвердив решения прежних декретов о сосредоточении в руках судов всех вопросов о наследстве, «брачных делах» и иных гражданских делах на сумму до 3000 руб., новый акт оставил в компетенции нотариусов только «надписи о принудительном исполнении по векселям и нотариальным заёмным письмам». Отмечалось, что эти операции осуществляются «нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими». Кто именно должен был заменять нотариуса – декрет не разъяснял. Впрочем, этот документ имел для развития нотариата принципиально важное значение – его последняя, 39-я, статья, предписывала, что «прежние деятели суда всех инстанций и наименований имеют право быть избранными в новые судебные и следственные установления Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».¹⁹ То есть, юристы с довоенным опытом работы не подвергались люстрации новой властью.

В Иваново-Вознесенске так и произошло. В город поступило циркулярное письмо Комиссара Владимирского окружного суда (советского руководителя этим органом) № 11 от 15 декабря 1917 года «Господам нотариусам Владимирского окружного суда». В документе содержались пояснения комиссара к «Декрету о суде № 1»:

«1. Все нотариальные учреждения, не исключая и Старшего нотариуса, обязаны продолжать отправление своих служебных обязанностей, обращаясь во всех случаях, когда необходимо сношение с Окружным судом или его Председателем, ко мне.

2. Должности Председателя, товарищей

председателя, членов, Прокурора и товарищ прокурора суда – упразднены, а потому все требования со стороны этих лиц и от имени Окружного суда за их подписью, если таковые поступят, должны оставляться гг. нотариусами без исполнения и направляться ко мне.

3. Для выработки общего плана нотариальной деятельности и освещения принципиальных вопросов, вызываемых созданными декретом изменениями, мною в ближайшем времени будет созван съезд гг. нотариусов губерний.

4. Все декреты Совета народных комиссаров являются для гг. нотариусов обязательными».²⁰

О проведении обещанного комиссаром съезда нотариусов в ивановских архивах сведений не сохранилось. Впрочем, и более значительные мероприятия советской власти зачастую оставались нереализованными и встречали более или менее активное сопротивление. Так, для значительной части работников юстиции Владимирской губернии законными стали не распоряжения советского комиссара суда, а «Указ Правительствующего сената Московской судебной палате» от 30 октября 1917 года:

«Правительствующий Сенат в общем собрании слушали: заключение первоприсутствующих и обер-прокуроров Правительствующего Сената от 30 октября 1917 года.

ПРИКАЗАЛИ: Со времени возникшего в конце октября текущего года мятежа против законной власти Временного Правительства Правительствующий Сенат продолжал, не прерывая работы, неуклонно исполнять веления закона об осуществлении высшего надзора в порядке управления и соблюдения беспристрастного и нелицемерного

правосудия, не допуская и мысли о возможности вторжения в его деятельность самочинной организации, возникновение и способы действий которой вызывают справедливое и глубокое осуждение. Ныне Сенат осведомился о намерении лиц, захвативших власть незадолго до созыва Учредительного Собрания, которое должно являться истинным выражителем державной воли русского народа, посягнуть на самое существование Правительствующего Сената, в течение с лишком 200 лет стоящего на страже закона и порядка в России. Эти лица решаются упразднить Правительствующий Сенат и все суды, подрывая тем самым основы государственного строя и лишая население последней опоры законной охраны его личных и имущественных прав. Преступные действия лиц, именующих себя “народными комиссарами”, свидетельствуют, что они не останавливаются перед применением насилия над учреждениями и лицами, стоящими на страже русской государственности.

...Общее собрание Сената определяет: не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять, впредь до решения Учредительного Собрания об образовании власти в стране, возложенные на Сенат законом обязанности, доколе к этому предоставляется какая-либо возможность. О чём и дать знать всем подчинённым местам и лицам».²¹

«Подчинённые места и лица» Владимирской губернии откликнулись на этот документ, в частности, постановлением Общего собрания отделений Владимирского окружного суда от 12 декабря 1917 года:

«1917 года декабря 12 дня общее собрание отделений Владимирского окружного суда при участии наличного прокурорского надзора, уездного члена суда по Владимирскому уезду, наличных судебных следователей и нотариата слушали доклад

Председателя суда о сообщении Владимирского совета рабочих и солдатских депутатов от 12 декабря сего года за № 4486 об упразднении Владимирского окружного суда в силу декрета о суде Совета народных комиссаров, и словесное сообщение господина Председателя суда о предъявлении ему, в присутствии членов суда Ковалевского и Успенского, явившимся комиссаром Владимирского совета рабочих и солдатских депутатов Туркиным требования, чтобы суд был закрыт немедленно и сегодня же был дан ответ на бумагу Владимирского совета рабочих и солдатских депутатов от 12 декабря за № 4486, в противном же случае суд будет запечатан. Во время заседания общего собрания в суд явились член Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов Завадский и означенный комиссар Туркин с вооружёнными солдатами, которые были введены в здание суда.

Общее собрание отделений суда, руководствуясь последним указом Правительствующего Сената, и находя, что требование, изложенное в сообщении Совета рабочих и солдатских депутатов, незаконно, находя несовместимым с долгом подчинение Совету народных комиссаров,

ПОСТАНОВИЛО:

Упразднёнными себя не считать. Уступая силе, деятельность суда, нотариата, нотариального архива и других подведомственных суду лиц и учреждений приостановить и никакого участия в сдаче делопроизводства и имущества не принимать.

Копию сего постановления препроводить во Владимирский совет рабочих и солдатских депутатов или выдать под расписку означенному Туркину или Завадскому.

Настоящая копия препровождается для сведения г. нотариусу по гор. Иванову-Вознесенску г. Мумрикову. Декабря 12 дня 1917 года».²²

Иными словами, в очередной раз «на местах» повторялась ситуация, описанная «в целом» А.М. Буров-

Гор. Иваново-Вознесенскъ, Александровская
улица, домъ Бурылина.

«Дом Бурылина» в Иваново-Вознесенске. В 1917 г. здесь недолгое время работала нотариальная контора. Открытка начала XX в.

ским: «Большевики столкнулись с проблемой, о которой вряд ли думали раньше: с ними попросту никто не хотел сотрудничать. Что стоит хунта, захватившая власть, если у неё нет ни управлеченческого аппарата, ни полиции, ни армии? Чиновники не хотели выполнять своих прямых обязанностей, чтобы не работать на узурпаторов, и никакие декреты, грозившие смертной казнью за саботаж, никакие чрезвычайные комиссии не могли тут ничего изменить. В конце концов, чиновник может сидеть в своём кресле весь положенный рабочий день, усердно скрипеть пером и звонить по телефону... но при этом он будет работать так, что лучше бы он этого не делал».²³

В тех местах, докуда советская власть не добралась, вообще всё шло по-старому.

Обратимся к такому несколько необычному источнику, как данные одного из российских интернет-аукционов, торгующих, в том числе, и антиквариатом. В своё время там была выставлена целая

серия векселей из уже упоминавшегося нами ранее украинского города Каменца-Подольска, датируемых 1918 годом. Нами был приобретён один из этих документов, содержащий нотариальную надпись о протесте вследствие неплатежа и надпись Каменец-Подольского окружного суда о принудительном взыскании долга.

Из информации, содержащейся на векселе, следует, что жительница Каменца-Подольска Х.А. Садовская заняла у некоего М.И. Авербуха денег и выдала ему в этом несколько векселей. В частности, по одному из них Садовская обязалась уплатить Авербуху «26 мая старого стиля 1918 года» 500 рублей, но не смогла это сделать. Поэтому на обороте векселя появляется первая надпись: «Протестован Каменец-Подольским нотариусом Павловским 28 мая (10 июня) 1918 года, по реестру за № 1560, а по актовой книге за № 20». Надпись удостоверена подписью Павловского и печатью – старого, дореволюционного образца.

Рядом с первой надписью – вторая, более поздняя, сделанная в Каменец-Подольском окружном суде. Точнее сказать, отиск штампа со стандартным текстом и пропусками, заполненными от руки, очень хорошо свидетельствующий о том единственном изменении, которое произошло в работе суда с дореволюционных времён. «При царском режиме» любое судебное решение должно было начинаться со фразы: «По Указу...», далее следовало вписать имя царствующего на данный момент «Его Императорского Величества». В отиске 1918 года эта фраза зачеркнута, что же касается дальнейшего – то всё осталось как и раньше: «Член Каменец-Подольского окружного суда А.И. Левашнев, на основании 3651 статьи Устава Гражданского судопроизводства, в понудительном порядке ОПРЕДЕЛИЛ: взыскать с Христины Адольфовны Садовской в пользу Мошки Иосифовича Авербуха по векселям,

протестованным 1918 года июня 8 дня у Каменец-Подольского нотариуса Павловского по реестру, №№ 4 – 20, капитального долга восемь тысяч сто пятьдесят пять рублей 40 коп., с процентами по 6 на 100 в год с 28 мая 1918 года по день платежа, 82 руб. 65 коп. судебных издержек и 56 руб. вознаграждения за ведение дела». Далее снова: подпись члена суда Левашнева, удостоверенная дореволюционной судебной печатью с двуглавым императорским орлом – гербом государства, по факту исчезнувшего более года тому назад. И дополнение к этой надписи: «Исполнение сей резолюции в понудительном, указанном в 16110 и 16113 статьях Устава Гражданского судопроизводства порядке, поручаю Судебному приставу при Каменец-Подольском окружном суде Гану. 1918 года июля 6 дня».

То есть, на территориях, не занятых большевиками, продолжали работать старые российские законы, в том числе и «Положение о нотариальной части 14 апреля 1866 года».

На других векселях Садовской, также протестованных Авербухом у нотариуса Павловского «в неплатеже», выставленных на аукционе (имеются сохранённые «сканы лотов») присутствуют фрагменты надписи, оставленной судебным приставом Ганом. По-видимому, он делал её сразу через все протестованные векселя, и поэтому надпись сохранилась фрагментами (как и подборка векселей, от которой из 16 бумаг осталось 3, выставленные на продажу). Важнейшие фрагменты надписи, однако, имеются: «...[испол]нению, а всего шесть тысяч восемьсот шестьдесят три руб. двадцать коп., каковые 9 августа 1918 года сданы в Каменецкое казначейство для зачисления в депозит суда. 9 августа 1918 года. Судебный пристав А. Ган». То есть, судебные процедуры выполнялись до мельчайших подробностей, прописанных в дореволюционном законодательстве: взысканные с Х.А. Садовской

деньги были не переданы непосредственно одолжившему ей М.И. Авербуху, а сначала отправлены в судебные депозиты, чтобы оформить всё должным порядком.

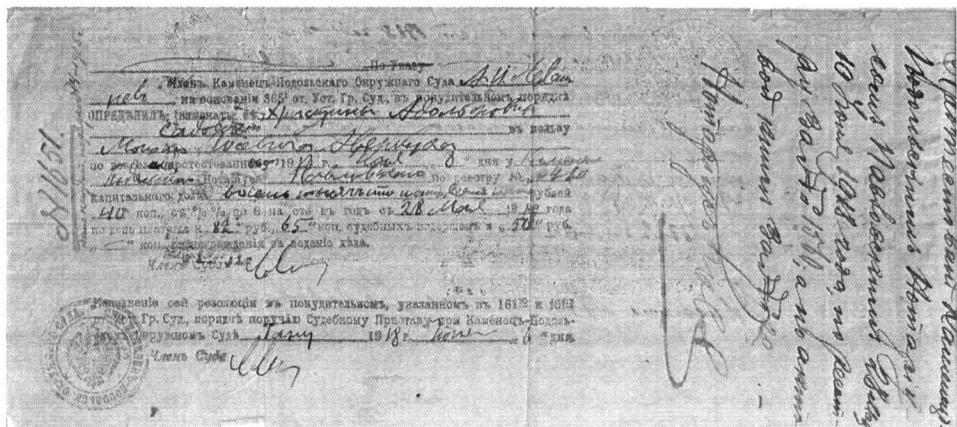
Но так было там, докуда пока ещё не дошла советская власть.

Впрочем, будем объективны: в конкретном городе Иваново-Вознесенске и на прилегающих к нему территориях, чуть позже составивших Иваново-Вознесенскую губернию, многие процессы, «в целом по стране» проходившие очень кроваво, протекали не только куда более мирно, но и гораздо оперативнее, чем в других местах.

Так было и с местным нотариатом.

В решении Общего собрания Владимирского окружного суда от 12 декабря 1917 года, цитировавшемся выше, неслучайно сделана оговорка, что суд вынужден «уступать силе». Морально не считая себя самораспустившимися в соответствии с требованием местного Совета рабочих депутатов, фактически бывшие судейские были отстранены от дел, а на их место пришли советский «комиссар суда» и его управленческий аппарат. Действовали они очень быстро и толково, свидетельством чему является история возникновения в Иваново-Вознесенске нотариата советского образца и история первых нескольких лет его существования.

Первым советским кодексом, куда были собраны правила работы нотариусов, стало «Постановление Совета народных комиссаров Москвы и Московской области от 23 марта 1918 года о муниципализации нотариата». В ближайшее время по его опубликовании правила, изложенные в постановлении, были распространены на всю территорию РСФСР, а само постановление в машинописных копиях разослано по регионам страны. Одна из этих копий была отправлена в Ярославль и сохранилась в делах местного комиссариата юстиции.²⁴

Надписи нотариуса о протесте и судьи о принудительном взыскании денег по векселю на долговом обязательстве.

Г. Каменец-Подольск, июнь 1918 г.

По новому кодексу нотариусы, ранее лишь «числившиеся на государственной службе», а фактически занимавшиеся частной практикой под государственным надзором, вновь переходили в категорию государственных служащих, чей труд подлежал оплате из госбюджета по нормам, обозначенным в «тарифной сетке». Практические же мероприятия, предусмотренные «Постановлением... 23 марта 1918 года», коснулись скорее технической стороны вопроса. Большевики ограбили «частных» нотариусов, постановив наложить арест на их залоги, хранящиеся в банковских депозитах и предписав «существующие нотариальные конторы немедленно закрыть, конфисковав всё их оборудование (обстановку, книги, бланки и пр.)» и заменили их т.н. «народными нотариусами» – как выражались в те времена, «совслужащими» («советскими служащими»). При этом местным Советам было предписано «принять немедленно меры охраны имущества, находящегося в нотариальных конторах», т.е., проще говоря, прежние конторы «частных» нотариусов превратили во вновь открываемые при местных Советах т.н. «Нотариальные отделы». Советские нотариусы фактически при-

ступили к работе в тех же самых помещениях и на том же самом оборудовании, которые были отняты у их «частных» предшественников. Статья 2 большевистского «Положения о нотариальной части», введённого в действие «Постановлением... 23 марта 1918 года», указывала, что «число нотариальных отделов и их местонахождение определяется по местным условиям Советами, при которых они состоят». То есть, вновь фактически дублировались нормы «Положения о нотариальной части 14 апреля 1866 года», разрешавшего создание нотариальных контор где угодно «по мере надобности».

Вообще, можно долго перечислять сходства «Положений о нотариальной части» 14 апреля 1866-го и 23 марта 1918-го годов.

Некоторые из них, касающиеся подробностей оформления актов, прямо повторяли друг друга. Например, в большевистское «Положение...» «перекочевали» нормы, обязывающие нотариуса удостовериться в «самоличности» лиц, явившихся к нему совершать акт; оговаривать в конце текста акта, но перед подписями сторон, все подчистки и поправки, имеющиеся в тексте и т.п. меры. Желающие работать нотариусами, как и прежде, обязаны были уметь «правильно излагать акты, знать законы и формы нотариального делопроизводства».

Другие нормы отличались по «букве», но полностью копировали «дух» дореволюционных норм. Например, статья 3 большевистского «Положения о нотариальной части» предписывала, что «народные нотариусы» выбираются местными Советами «из числа граждан, не лишённых права занимать должности по выборам». По сути это было прямое копирование норм царского «Положения о нотариальной части», требовавших от кандидата в нотариусы достойной репутации: права избирать и избираться советское законодательство первых лет большевистской власти лишало, прежде всего,

«классово чуждый элемент», т.е. тех, кто представлялся новой власти людьми недостойными, чуждыми новым духу и морали.

Говоря о «круге действий нотариальных отделов», большевистское «Положение о нотариальной части» опять же фактически копировало дореволюционные нормы, внеся лишь самые незначительные изменения в формулировки, которые стали более обтекаемыми. Так, если «Положение 14 апреля 1866 года» прямо указывало на очень узкий перечень актов, которые не могли совершать и свидетельствовать нотариусы, то 16-я статья большевистского «Положения...» указывала, что нотариусы уполномочены совершать «всякого рода акты, кроме изъятых законом». Это была вполне логичная формулировка, если учесть, как стремительно менялось тогда законодательство. Например, всего месяц спустя по опубликовании большевистского «Положения о нотариальной части», 27 апреля 1918 года, вышел декрет ВЦИК «Об отмене наследования»²⁵: одним из последствий этого акта стало запрещение оформлять «духовные завещания», а прежние подобные акты утрачивали юридическую силу.

Нововведением фактически стало только то, что отныне нотариусы становились полностью государственными служащими, а нотариат – полностью государственным правоохранительным институтом. «Народный нотариус» представлял собой заведующего Нотариальным отделом при местном Совете; в обязательном порядке в штат отдела входили помощник народного нотариуса и секретарь. Допускался, «в зависимости от местных условий», найм на работу в Нотариальный отдел и иных сотрудников.

Большое значение имела 4-я статья «Положения о нотариальной части 23 марта 1918 года», провозглашавшая, что «народные нотариусы получают

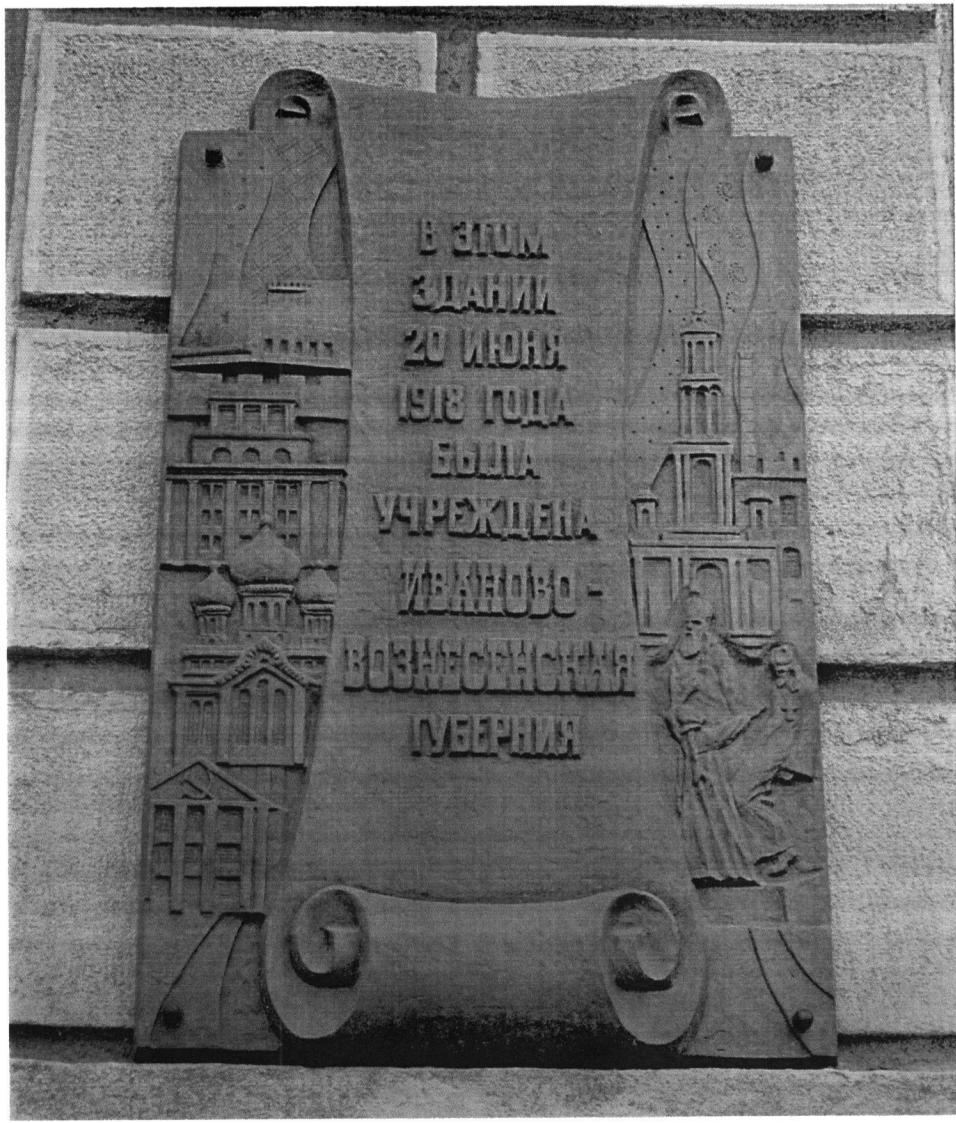
от Советов, при которых они состоят, определённое вознаграждение по окладам, устанавливаемым для местных народных судей». Эта практика – привыкать зарплату нотариусов к зарплате судей – сохранится в дальнейшем на все годы советской власти.

В Иваново-Вознесенске на эти изменения отреагировали с удивительной оперативностью: 5 мая 1918 года здесь, при местном Совете, открылся городской отдел записей брака, а 21 мая 1918 года произошло «рождение» советского нотариата: при Иваново-Вознесенском горисполкоме открылся «Народный нотариальный отдел».²⁶

Поражает не только оперативность в открытии этих структур, но и удивительная, так сказать, «продуманность» действий ивановцев.

Взять хотя бы тот же городской отдел записей брака. Эта структура, столь привычная для нас сегодня, для 1918 года была абсолютным нововведением: большевики впервые за всю историю государства Российского изъяли вопросы текущего демографического учёта (официальную регистрацию рождений, браков, разводов и смертей) у Русской православной церкви. И первоначально передали этот учёт как раз народным нотариусам: статья 1 «Положения о нотариальной части 23 марта 1918 года» провозглашала, что «нотариальные отделы при местных советах рабочих и крестьянских депутатов» создаются, в том числе, и для «удостоверения всякого рода обстоятельств, удостоверение которых необходимо по закону (рождения, смерти и т.п.)».

В докладе, сделанном нами в 2011 году в Ивановском государственном университете²⁷, отмечается, что в соседней с Иваново-Вознесенской, Ярославской губернии, процесс передачи текущего демографического учёта в руки светских властей затянулся до 31 января 1919 года. А сам этот переход сопровождался многочисленными пертурба-

Мемориальная доска на здании ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина в память об учреждении Иваново-Вознесенской губернии.

циями: регистрацию браков, рождений и смертей передавали то в «нотариальные отделы», то в «нотариальные столы»; что же касается материалов о клятвах, ранее приносившихся на Библии по тому или иному поводу – то Ярославская епархия РПЦ вообще отказалась выдавать их светским властям. (А это было важно: например, именно церковную клятву давали солдаты, поступавшие на службу в

царскую армию. Многие из них потом стали красноармейцами, а с точки зрения морали – клятвопреступниками, перешедшими на службу к убийцам того, кому они клялись служить верой и правдой – российскому Государю.)

В Иваново-Вознесенске же, как видим, местные советские органы в вопросе изъятия у РПЦ текущего демографического учёта сработали очень чётко и быстро.

Впрочем, по-видимому, подобный стиль работы был вообще присущ ивановцам. Это мы наблюдаем и на примере другого, куда более обширного и важного для жителей Ивановского края процесса, происходившего в те же первые месяцы 1918 года: создания Иваново-Вознесенской губернии.

К.Е. Балдин отмечает, что «самая важная предпосылка образования губернии лежала в области экономической» и уже только вслед за ней шла «политическая предпосылка, связанная с историей революционного движения в крае в начале XX века».²⁸ Новую губернию «склеили» из принадлежавшего Владимирской губернии «Шуйско-Ивановского фабричного района» и нескольких «южных промышленных уездов» Костромской губернии. Ещё до революции Иваново-Вознесенск стал «неофициальной столицей» этих территорий, объединяемых мощным экономическим и промышленным потенциалом. «После Февральской революции, в 1917-м, в Иваново-Вознесенске возник ряд учреждений, которые также способствовали политическому и экономическому единству текстильного края. Здесь в промежутке между февралём и октябрём 1917 года начали работать районное бюро Советов Иваново-Кинешемского района, окружной комитет партии большевиков, правление Иваново-Кинешемского профсоюза текстильщиков». «21-22 ноября 1917 года состоялся съезд Советов Владимирской губернии. Обратим внимание на то,

что происходил он не в старой губернской столице Владимире, а в Иваново-Вознесенске». «28-29 января 1918 года прошёл II съезд Советов Иваново-Кинешемского промышленного района. На нём выступили представители районного Совета и комиссары труда и промышленности. Из докладов было видно, что они фактически уже взяли на себя функции губернской власти, хотя сама губерния официально ещё находилась на стадии проекта. На съезде было решено, какие территории войдут в будущую губернию».²⁹

Собственно губерния была учреждена 20 июня 1918 года. Но этому предшествовал ещё и Третий съезд Советов Иваново-Кинешемского промышленного района, проходивший 21-24 апреля 1918 года; «на нём были уже достаточно точно определены не только границы будущей губернии, но и её деление на уезды. Рассматривались также вопросы о продовольственном снабжении (он становился всё более острым), о положении промышленности, которая в это время находилась тоже не в лучшем состоянии из-за недостатка сырья и топлива. Что характерно, съезд уделил большое внимание культурному строительству, хотя время для его обсуждения казалось самым неподходящим».³⁰

В промежутке между Третьим съездом местных Советов и учреждением губернии и были учреждены отдел ЗАГС и Народный нотариальный отдел. Есть все основания полагать, что скорейшее учреждение нотариата и текущего демографического учёта нового образца рассматривались местной советской властью как важные составляющие процесса «культурного строительства» в крае, как очередное доказательство способности ивановцев создать собственную губернию.

Разумеется, в известной мере этому помогала и внешняя (относительно региона) обстановка. Так, город Иваново-Вознесенск «во время Гражданской

войны находился в глубоком тылу»; в июле 1918 года сюда, как в наиболее безопасное место, был переведён штаб Ярославского военного округа³¹ – из охваченного антибольшевистским восстанием Ярославля. Однако дело было не только в этом.

«С 1918 года начался процесс национализации фабрик. Всё это происходило на фоне тяжёлого экономического кризиса. Остро стояла продовольственная проблема. Рабочие уходили из города в деревню».³²

Как ни странно, это благоприятно сказалось на развитии местного нотариата.

Разумеется, эксцессы, подобные не только ограблению, но и ёщё и злостному издевательству над бывшими фабрикантами, описание чего мы приводили выше, говоря о судьбе рода Щаповых, имели место неоднократно. Но не менее распространены были и другие случаи – скажем так, «мягкого варианта» изъятия собственности и прибыли у фабрикантов: местные большевики понимали, что «так сразу» выгнать прежнего владельца чревато резким падением, а то и полным прекращением фабричного производства. А это значит – увеличивать массу безработных и от этого голодящих людей и провоцировать социальный взрыв. Тем более, что подобные вспышки «пролетарского гнева» в начале 1918 года происходили неоднократно, в том числе и не так далеко от Иваново-Вознесенска. «Среди конфликтов этого времени можно назвать вспышку недовольства рабочих акционерного общества Нечаева – Мальцева в городе Гусь-Хрустальный Владимирской губернии. На своём общем собрании, проходившем 11 января (1918 года. – А.К.) они выразили недоверие политике новой власти. Специально на это собрание рабочих из Москвы прибыли члены прежней администрации предприятия, приветливо встреченные рабочими. Собрание постановило упразднить Советы и подчиняться только

старому, ещё дореволюционному, правлению. Было принято соглашение о ведении дальнейших дел на заводе, согласно которому устанавливался принцип невмешательства со стороны рабочих организаций в работу правления. Как говорилось в бюллетене Центросвязи от 31 января 1918 года, “возбуждение рабочей массы против Советов было так велико, что правитель сочло необходимым взять рабочие организации под свою защиту. Несмотря на это, при столкновении возбуждённых рабочих с красногвардейцами не обошлось без кровопролития”».³³

Поэтому в Иваново-Вознесенске зачастую «оттирали» бывших фабрикантов от их предприятий постепенно. А это требовало не только терпения, но и законного оформления (в т.ч. и нотариальной регистрации) массы бумаг.

Самым ярким примером, пожалуй, может служить судьба фабричного производства Бурылиных.

Понимая, что с недвижимостью и фабричным производством при советской власти всё равно придётся расстаться, известнейший представитель этой фамилии, краевед и меценат Дмитрий Геннадьевич Бурылин регулярно направлял прибыли «Товарищества мануфактур Д.Г. Бурылина» на, как сказали бы сегодня, социально значимые проекты. В качестве иллюстрации к одной из публикаций о Д.Г. Бурылине³⁴ была в своё время приведена фотокопия нотариально заверенной «Выписки из протокола чрезвычайного общего собрания пайщиков Товарищества мануфактур Д.Г. Бурылина в г. Иваново-Вознесенске от 26 декабря старого стиля 1918 года»:

«П. 2-й.

А) Из полученной прибыли пятьдесят тысяч рублей отчислить в фонд устройства обсерватории и метеорологической станции при Иваново-Вознесенском политехническом институте, выразив пожелание, чтобы пятьдесят тысяч рублей, отчислен-

Копія.

11*

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЪ.

Правительствующій Сенатъ въ Общемъ Собраниі слушали: Заключеніе Первоприсутствующихъ и Оберъ-Прокуроровъ Правительствующаго Сената отъ 30 Октября 1917 года ПРИКАЗАЛИ: со времени возникшаго въ концѣ октября текущаго года мятежа противъ законной власти временнаго Правительства Правительствующій Сенатъ продолжать, не прерывая работы, неуклонно исполнять волінія закона объ осуществлении высшаго надзора въ порядкѣ управленія и соблюденія беспристрастного и неподвѣрженаго правосудія, не допуская и мысли о невозможности вторженія въ его дѣятельность самочинной организаціи, возникновеніе и способы дѣйствій которой вызываютъ справедливое и глубокое осужденіе. Нынѣ Сенатъ освѣдомился о намѣреніи лицъ, захватившихъ власть недалго до созыва учредительнаго Собранія, которое должно являться истиннымъ выражителемъ державной воли русского народа, посагнуть на самое существованіе Правительствующаго Сената, въ теченіе соцѣкомъ двухсотъ лѣтъ стоящаго на стражѣ разона и порядка въ Россії. Эти лица, рѣшаются упразднить Правительствующій Сенатъ и всѣ Суды, подрывъ тѣхъ самыхъ основъ государственного строя и лишая населеніе послѣдней его опоры законной охраны его личныхъ и имущественныхъ правъ. Преступная дѣятельность

Копия указа Правительствующего Сената о непризнании прав большевиков на власть и о неправомочности решений местных органов советской власти из бумаг иваново-вознесенского нотариуса И.И. Мумрикова.
Конец 1917 г. Государственный архив Ивановской области.

ные постановлением общего собрания пайщиков от 1-го сентября 1918 года Политехническому институту, были отнесены в этот же фонд, с тем, чтобы преимущественным правом поступления в означенное высшее учебное заведение пользовались дети рабочих и служащих Товарищества.

Б) Триста тысяч рублей отчислить на улуч-

шение быта служащих, рабочих и их детей, обратив означенную сумму на постройку гигиенических жилищ для них».

Выписка была заверена в Иваново-Вознесенском нотариальном отделе «июня 27 дня 1919 года» и имела «по реестру № 2044». То есть, в среднем за первое полугодие этого года Нотариальный отдел совершал 340-350 нотариальных действий в месяц: отличные показатели востребованности нотариальных услуг для 1919 года, учитывая такие обстоятельства, как резкое сокращение допускаемых советским законом нотариальных действий и общую разруху в стране.

А Дмитрий Геннадьевич Бурылин в конце концов удостоился хвалебного отзыва в центральной газете «Известия» (тогда – «Известия ВЦИК») от 19 апреля 1922 года: «В Иваново-Вознесенске есть музей – сокровище города. Собран он трудами Д.Г. Бурылина – большого знатока и любителя древностей. Бурылин – фабрикант. Все богатства, оставленные ему, и всю прибыль с большой фабрики он обращает на то, чтобы пополнить музей. Этот редкий человек не похож на других фабрикантов. Он был в дружеских отношениях с графом Л.Н. Толстым. Он построил дворец для музея. Бурылина как фабриканта забыли скоро, но Бурылина как собирателя музея народ и весь край не забудет».³⁵

К описываемому газетой времени – 1922 году – в стране в общем и целом завершились Гражданская война и интервенция. В зависимости от того, коснулись ли они напрямую того или иного региона страны, в различных местностях по-разному возрождалась мирная жизнь. Так, в Ярославле, «наказанном» большевиками за «белогвардейский мятеж» лета 1918 года ещё и в 1921-м продолжали разбирать завалы и ремонтировать разрушенные здания: крупнокалиберная артиллерия большевиков уничтожила треть города. Иваново-Вознесенск же

скорее стоит уподобить Москве образца 1921 года: старая-новая столица, куда советское правительство переехало из Петрограда, хоть и пострадала во время «эсеровского мятежа» 1918 года, но восстановилась весьма быстро и больше никогда за всю Гражданскую войну не была местом проведения боевых действий. Наоборот – Москва была типичным тыловым городом, да ещё и с хорошо развитой промышленностью и торговлей. Поэтому мы считаем возможным провести некоторые параллели между Иваново-Вознесенском и Москвой эпохи НЭПа.

В Москве в ту пору проживал М.А. Булгаков, тогда ещё больше известный как газетный журналист, писавший заметки «на злобу дня». Четырнадцатого января 1922 года им была подготовлена статья «Торговый ренессанс. Москва в начале 1922 года». Приведём несколько выдержек из неё.

«Для того, кто видел Москву всего каких-нибудь полгода назад, теперь она неузнаваема, настолько резко успела изменить её новая экономическая политика. Началось это постепенно... понемногу... То тут, то там стали отваливаться деревянные щиты, из-под которых глянули на свет после долгого перерыва запылённые и тусклые магазинные витрины. В глубине запущенных помещений загорелись лампочки и при свете их зашевелилась жизнь: стали прикалачивать, прибивать, чинить, распаковывать ящики и коробки с товарами. Вымытые витрины засияли. Трудно понять, из каких таинственных недр обнищавшая Москва ухитрилась извлечь товар, но она достала его и щедрой рукой вытряхнула за зеркальные витрины и расположила на полках. Магазины стали расти как грибы, окроплённые живым дождём НЭПа. Государственные, кооперативные, артельные, частные.... За кондитерскими, которые первые повсюду загорелись огнями, пошли галантерейные, гастрономические, писчебумажные, шляпные, парикмахерские, книжные, технические,

и, наконец, огромные универсальные. Всё это чудо-вищных цен. Но цены в Москве давно уже никого не пугают, и сказочные, астрономические цифры миллионов (этого слова уже давно нет в Москве, оно окончательно вытеснено словом “лимон”) пропускают за день блестящие, неустанно щёлкающие кассы».³⁶

Любопытно, как М.А. Булгаков заканчивает свой очерк. Завершая обзор «торгового ренессанса», Михаил Афанасьевич обращается к вопросам, напрямую связанным с нотариатом: «А на Ильинке с серого здания с колоннами исчезла надпись “Горный совет” и повисла другая, с огромными буквами, “Биржа”, и в нём идут биржевые собрания и проходят через маклеров миллиардные сделки».³⁷

В другом очерке, созданном в те же месяцы, «Рабочий город-сад», М.А. Булгаков затрагивает вопрос о том, как в РСФСР решались вопросы пользования землёй в отсутствие частной собственности на неё.

По словам Булгакова, ещё в 1914 году «у группы служащих и рабочих» трёх крупных московских предприятий возникла идея организовать в пригороде рабочий посёлок по принципу «город-сад»: на обширной территории, среди лесов, планировалось построить «домики по образцу английских», т.е. маленькие отдельные жилища для рабочих, чем-то похожие на крестьянские избы. При посёлке предполагалось наличие собственной школы, больницы, прачечной, электростанции. Строить хотели «на средства, собранные путём взносов рабочих, желающих поселиться». Временное правительство в марте 1917 года утвердило устав рабочего посёлка «Дружба». А вот при большевиках начались проблемы: «Наркомзем, выяснив всю важность создания рабочего посёлка, пошёл навстречу инициативной группе и в 1918 году отпустил на Погонно-Лосином острове, у станции Перловка, 102 десятины

Роден в селе
Балашов 19го Сен.

1908 года № 2893

Выписано из церкви

Приходящему, Костромской Епархии, Черкас-
с пасхальном. Успенской церкви села Балашов в чест-
ных лицах, родившемся 1901го года в 1ой части о-
родившихся подъ № 14 лин. письма Апреля
Здесь родилась и крещена Мария, родители
ея: Анисиевской Фомы, деревни Каменка пре-
стола имп. Николая Великого Степан и за-
конная жена его Анна Васильева, отца при-
бывавшего в прошлом году.

Что и удостоврено приложением церковной поса-
ми Часовни Успенской церкви:

Священник Василий Зибовский
Писавший Александр Федоровский

1909 года Апреля 27 дн.

№ 20.

Свидетельство о рождении, выписанное священником РПЦ. 1909 г. Подоб-
ные документы, не будучи перерегистрированными у советских
нотариусов, не теряли юридической силы.

земли. Это был слишком лакомый кусок, и создателям города пришлось вести большую войну с губернским лесничеством, потом с уездным, и, наконец, с окрестными кулаками-крестьянами. Землю уда-

лось отстоять при помощи Наркомзема. Только в конце [19]21-го года инициативная группа почувствовала себя прочно».

А ведь речь шла в первую очередь об идеологическом мероприятии. На закладку первого дома в «рабочем городе-саде» приехал помощник Управляющего делами Совнаркома и произнёс речь такого содержания: «Мы не можем не выразить удивления и восхищения той энергии, которую проявили устроители первого в республике рабочего города. Несмотря на все тяжести дикой разрухи, которую мы переживаем, им удалось преодолеть все препятствия и осуществить свою заветную мысль: дать возможность рабочим жить не на чердаках и в подвалах, в которых они задыхались всегда, а в зелени, в просторе и чистоте. Да здравствует энергия пролетариата! Да здравствует советская власть, которая позволила осуществить прекрасную идею!».³⁸ Вот только за 102 десятины земли пришлось бороться 4 года, ввиду неясности её правового статуса....

На таком фоне весьма чётко проявлялось уважение граждан РСФСР к документам, составлявшимся в эпоху «до исторического материализма» дореволюционными нотариусами с целью зафиксировать разного рода имущественные права и социальные статусы. Это хорошо заметно на примере нотариальных актов из Ивановского края и ближайших к нему территорий.

В частной коллекции автора данной книги имеются несколько подобных документов.

Некоторые из них весьма банальны. Например, неудивительна «Выписка из метрик» «Костромской епархии Нерехтского уезда села Сотниц Успенской церкви», сделанная «1909 года апреля 29 дня» и бережно хранившаяся её владелицей, крестьянкой М.Н. Столовой минимум 24 года (последняя отметка на выписке – штамп «Паспорт выдан в 1933 году»). Фактически, это был единственный документ, удостове-

роявший в те годы личность женщины – поэтому и хранили его очень тщательно.

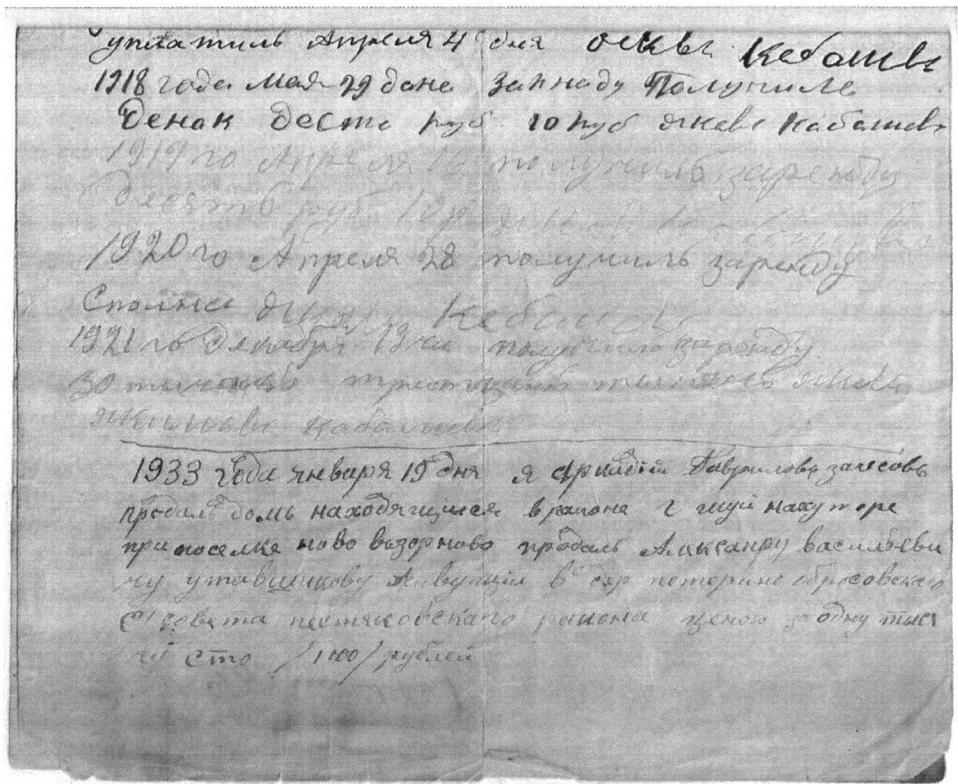
А вот другие документы куда более интересны.

Например, удивительно хорошо сохранилась копия договора от «тысяча девятьсот четырнадцатого года марта семнадцатого дня» между «шуйским мещанином Аркадием Гавриловичем Зачёсовым» и «крестьянином Шуйского уезда деревни Бильдюхина Яковом Акимовичем Кабашовым», составленного и удостоверенного шуйским нотариусом А.С. Усовым. По договору Зачёсов брал у Кабашова в аренду сроком на 12 лет участок земли «при селе Взорнове Шуйского уезда» с арендной платой по 10 рублей в год. На обороте документа идёт целый ряд записей, сделанных рукой Кабашова: ежегодно тот подписывался в том, что за текущий год получил арендную плату сполна.

Но вот что любопытно: если записи за 1914-й, 1915-й, 1916-й и 1917-й год вполне логичны, то в 1918 году, ввиду ликвидации частной собственности на землю, договор между Зачёсовым и Кабашовым автоматически должен был утратить силу. Однако судя по записям – ничуть не бывало: «1919 года апреля 16-го получил за аренду десять руб. Яков Кабашов». Ниже: «1920 года апреля 28 получил за аренду сполна денег. Кабашов». Сказывалась гиперинфляция рубля, поэтому за следующий год запись такая: «1921 года декабря 13 числа получил за аренду тридцать тысяч. Яков Якимов Кабашов».

Формально срок договора должен был истечь в 1926 году, однако последняя запись на копии работы дореволюционного нотариуса Усова гласит: «1933 года января 19 дня я, Аркадий Гаврилович Зачёсов, продал дом, находящийся в районе г. Шуи на хуторе при посёлке Нововзорново Александру Васильевичу Утавшикову, живвшему в деревне Петерино Обросовского сельсовета Пестяковского района ценою за одну тысячу сто рублей».

Понятно, что под этой записью не стоит заверительной надписи советского нотариуса. Да и документ, на котором она сделана, повторимся, давным-давно потерял юридическую силу: формально ещё в 1918 году, когда арендодатель Кабашов перестал быть собственником сдаваемого в аренду земельного участка; по условиям договора – в 1926 году, когда истёк его 12-летний срок, считаемый с 1914-го.... И тем не менее: надпись была

Отметки крестьянина А.Г. Зачёсова 1920-1930-х гг. на обороте нотариальной копии договора об аренде участка земли, утратившей юридическую силу в 1918 г.

сделана, а сам документ, судя по хорошей сохранности, бережно хранился сначала в семье Зачёсовых, потом – в семье Утавшиковых. На что надеялись эти люди? Что и кому хотели доказать этой бумагой? – вопросы риторические. А вот всё же – не выбрасывали потерявший силу нотариальный акт дореволюционной поры....

§ 3. В голодные годы

«В 20-40-е годы проблемы советского нотариата не подвергались глубокому научному анализу. Природа нотариата находилась на “периферии” юридической научной мысли. Все исследования сводились, как правило, к рассуждениям о необходимости нотариата вообще или к частным проблемам нотариальных органов. Чёткой позиции по отношению к нотариату не было ни у учёных, ни у государства. В 30-е годы его ликвидировали, потом восстанавливали, вновь сворачивали и т.д. Характерно, что в диссертациях по общим проблемам правоохранительных органов нотариат вообще не упоминался. ... В 20-50-е годы нотариат рассматривался как технический орган наркомата юстиции. Только в 40-е годы стала постепенно распространяться идея о необходимости повысить статус органов нотариата».³⁹

Начиналось всё, однако, далеко не так мрачно.

Совнарком, откликаясь на введение НЭПа, уже 12 августа 1921 года принял декрет, по которому вводились, помимо «нотариальных столов» при губернских отделах юстиции, также и нотариальные столы при аналогичных уездных отделах. Дополнительным циркуляром от 13 августа было разъяснено, что отныне нотариусы уполномочиваются свидетельствовать все сделки и договоры, «совершение которых не противоречит советскому законодательству».⁴⁰ Вместе с тем последовали и руководящие указания В.И. Ленина, который потребовал в первую очередь «не выпустить из рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в “гражданские отношения”»; «не угоджать Европе, а продвинуться дальше в усиление вмешательства государства в “частноправовые

отношения”, в гражданские дела». Главной задачей советского нотариата Ленин считал «соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребления нэпом, которые во всех государствах легальны и которые мы легализовывать не хотим».⁴¹

Четвёртого октября 1922 года было принято новое «Положение о нотариате», собственно, и определившее порядок учреждения нотариальных контор. «Предусматривалось учреждение государственных нотариальных контор во всех городах Российской Федерации, а также и в более значительных пунктах сельской местности, на узловых станциях, пристанях, временно на ярмарках и т.п. Там, где контор не было, исполнение функций, за исключением совершения актов и засвидетельствования договоров, возлагалось на народных судей. Дислокация нотариальных контор устанавливалась исполнкомами местных Советов и утверждалась Народным комиссариатом юстиции». Были учтены и пожелания В.И. Ленина – кодекс составили так, что «нотариальные функции, предусмотренные «Положением о нотариате от 4 октября 1922 года», были весьма характерны для периода нэпа. Большое значение имели удостоверение договоров между госорганами и частными предпринимателями, протесты векселей при наличии оживленного вексельного оборота, удостоверение по требованию должностных лиц различных фактов, имевших значение для осуществления правоотношений между государственными организациями и представителями частного капитала».⁴²

Возвращение вексельного оборота стало одним из наиболее ярких признаков НЭПа, олицетворявшего уступку капитализму ввиду нежизнеспособности коммунистических идей. Даже сами векселя

первоначально свидетельствовали об этом: «Оригинальной актовой бумаги ни РСФСР, ни СССР не выпускали, а пользовались запасами бланков 1905-1917 годов, на которую типографским способом наносились советские надпечатки. Сначала старую актовую бумагу огрифовали виньеткой с текстом: “Р.С.Ф.С.Р. Постановление коллегии Н.К.Ф. 15 июня 1922 г.”. Через год с небольшим в обращение поступила актовая бумага с гербом СССР и текстом в виньетке: “С.С.С.Р. Постановление Совета труда и обороны от 27 октября 1923 года. Указанная в актовой бумаге цена считается в золотом исчислении”».⁴³ Позже освоили и выпуск вексельной бумаги нового образца.

Операции по протесту векселей заняли значительное место в работе нотариусов. На обороте протестуемых бумаг ставился штамп нотариальной конторы с текстом о заявлении протеста; указывались имена векселедателя и векселедержателя и номер протестовой операции по реестру нотариальной конторы. Любопытно, что вернули даже дореволюционный тариф на операции по протесту векселя – один протест стоил рубль, теперь взимавшийся путём наклеивания на протестуемый вексель гербовой марки соответствующего номинала и её гашения печатью нотариальной конторы.

«Банки, совершая учётные операции с векселями, оказывали влияние не только на организацию денежного оборота, но и на постепенное вытеснение частного сектора из хозяйственной жизни».⁴⁴ Когда сталинская система посчитала эту миссию выполненной – учёт частных векселей был прекращён в 1927 году, а в 1930-м, в ходе кредитной реформы, вексельный оборот был запрещён.

В частной коллекции автора данной книги имеется несколько векселей советского образца, протестованных нотариусами. Среди них «ближе всего» к Ивановскому краю вексель 1926 года, выписанный в Костроме. Документ весьма любопытен.

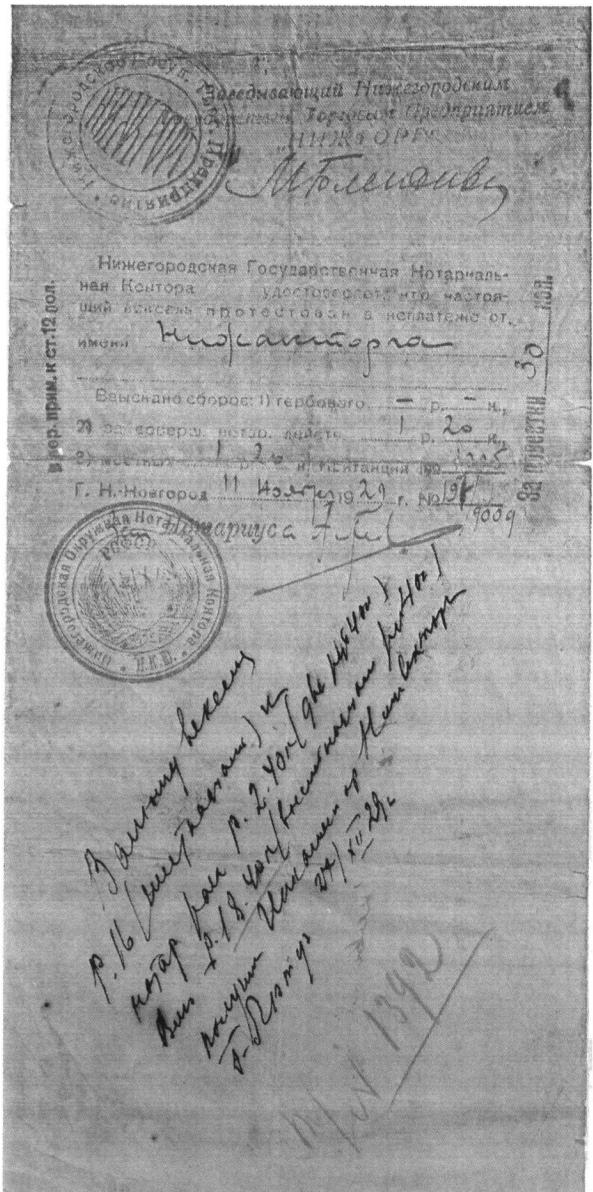
«Гор. Кострома. 1 марта 1926 года.

Вексель на 60 руб. золотом.

Первого апреля тысяча девятьсот двадцать шестого года по сему моему векселю повинен я заплатить в городе Костроме Петру Матвеевичу Колпакову шестьдесят рублей золотом. Владимир Давыдович Мейер».

Как видим, к закату НЭПа векселя (а, соответственно, и нотариальные операции с ними) очень быстро вернулись в жизнь россиян, как говорится, «во всей полноте». Не только какие-либо обязательства перед государством, но и мелкие расчёты между собой граждане вновь предпочитали регистрировать у нотариуса.

Вновь зададимся вопросом о «цене рубля». Шестьдесят рублей в Костроме в 1926 году – это много или мало? В то время на костромском рынке «валенки фетровые» стоили 33 рубля, кожаные сапоги – от 48 рублей, шерстяной мужской костюм – 75 рублей. В Иваново-Вознесенске в то же время 25 копеек стоила помывка в бане, 18 копеек – киловатт-час электроэнергии по тарифам для населения, 15 рублей составляли ежемесячную плату за телефон. На рынке 1 руб. 20 коп. золотом стоила курица, 1 руб. 10 коп. – килограмм сыра.⁴⁵ Сохранился знаменитый эпизод из жизни И.В. Сталина конца 1920-х гг.: «вождь всех народов» поехал отдыхать на юг, а его жена Н. Аллилуева осталась в Москве. Поскольку в те времена для чиновников, в т.ч. для высших, ещё действовал т.н. «парт максимум» (предельный размер получаемого дохода), то жена генсека могла рассчитывать только на свою стипендию студентки Промышленной академии. Деньги быстро кончились, и Аллилуева в очередном письме умоляла мужа прислать ей телеграфом «хотя бы 50 рублей», под которыми подразумевала небольшую сумму, минимально достаточную для прокормления себя и двух малолетних детей. Так что П.М. Колпаков,

Отметки нотариуса на векселе на 16 рублей, протестованном в неплатеже государственной нотариальной конторой Нижнего Новгорода. 1929 г.

стояло в записи его в нотариальную актовую книгу. Подлинником считалась запись в актовой книге, а стороны могли получить выписку из неё. Запись ак-

ссужая В.Д. Мейеру 60 рублей, рисковал явно не самой значительной суммой.

Ещё из векселя очень хорошо видно, что, по сравнению с царскими временами, советская власть начала брать с населения куда большую плату за нотариальные услуги. Если вексель Мейера, данный Колпакову, был им написан на гербовом листе ценой в 15 копеек золотом, то за протест, судя по нотариусской надписи на векселе, с Колпакова спросили: 1 рубль гербового сбора, 1 рубль 6 копеек нотариального и ещё 1 рубль 6 копеек местного сбора. В совокупности П.М. Колпаков отдал в советской нотариальной конторе примерно 1/20 часть того, что ему задолжал В.Д. Мейер.

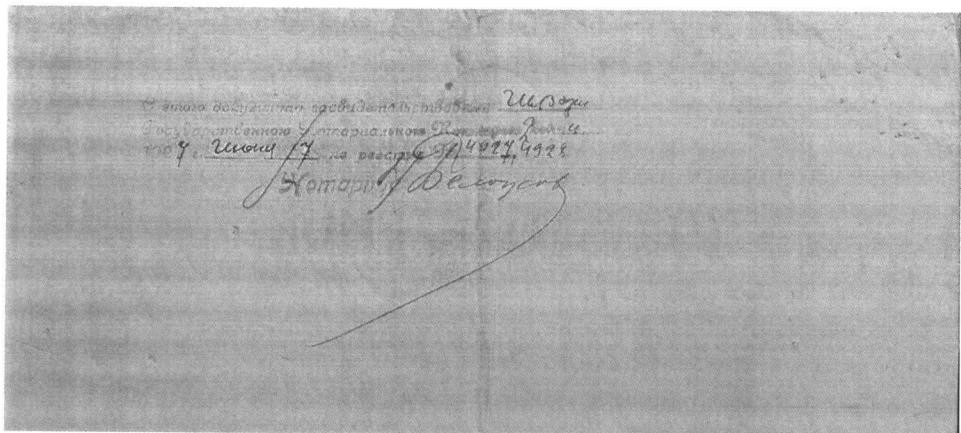
Работы у нотариусов было много: «Совершение акта со-

тов в актовую книгу чрезвычайно затрудняла работу нотариальных контор, так как должна была производиться от руки, и каждый акт переписывался с машинописного текста в несколько страниц. Обычно реестрант успевал записывать в актовую книгу несколько печатных страниц в течение рабочего дня. Естественно, что стали появляться решительные протесты против деления нотариальных действий на совершение актов и засвидетельствование договоров. Поэтому большое одобрение практических работников вызвало постановление “Об основных принципах организации государственного нотариата” от 14 мая 1926 года, которое упразднило различие между совершением актов и засвидетельствованием договоров. Вместо этих двух форм нотариальных действий было установлено единое нотариальное удостоверение сделок. Упразднены всякого рода актовые книги и установлено, что нотариальное удостоверение сделок состоит в надписи о том на самом акте за подписью государственного нотариуса с приложением печати нотариальной конторы. Акты, подлежащие по закону нотариальному удостоверению, представляются нотариусу не менее, чем в двух экземплярах, один из которых (основной) должен остаться в делах конторы».⁴⁶

Новое «Положение» разъяснило многие моменты в работе нотариусов, тогда как предыдущие подобные документы были весьма неопределёнными. Так, «Положение о государственном нотариате издания 1923 года»⁴⁷ очень расплывчато говорило об обязанностях нотариусов: «На нотариальные конторы возлагается: совершение всякого рода актов, для которых Гражданским кодексом и другими действующими узаконениями установлен нотариальный порядок совершения», а также «совершение и засвидетельствование, по желанию сторон, таких сделок, которые могут быть совершены и без участия нотариуса». «Положение» же 1926 года⁴⁸ предельно чётко,

в 17 пунктах ст. 9-й, определило «предмет ведения государственных нотариальных контор».

Фактически с конца 1920-х происходило свёртывание нотариальной деятельности. Помимо упоминавшегося выше запрета векселей, в 1929 году была, напр., отменена обязательная нотариальная регистрация сделок на сумму свыше 20.000 руб.⁴⁹ Новое Нотариальное положение 1930 года⁵⁰, изданное после создания колхозов, разрешило удостоверение сделок в Коммунальном отделе соответствующего Совета; к 1935 году на всю РСФСР имелось лишь 135 нотариальных контор. «Гражданский оборот той эпохи был неразвит, экономика регулировалась преимущественно административными актами, не было частной собственности, в силу чего компетенция нотариусов была узкой; основной объем работы включал в себя

Отметка иваново-вознесенского нотариуса Н. Белоусова на обороте документа, с которого он снял 2 копии. 1927 г.

удостоверение копий, доверенностей, оформление наследственных прав; сделки между гражданами заключались крайне редко, практически только по купле-продаже и иным формам отчуждения жилых домов»⁵¹

Практику работы ивановских нотариусов, как минимум в части её технической стороны, в то время мы можем назвать одной из наиболее успешных в стране. Сохранившиеся в ведомственном архи-

ве Ивановской областной нотариальной палаты (ИОНП) документы 2-й половины 1920-х годов говорят нам о том, что уже тогда местные нотариусы активно заказывали в типографиях типовые бланки различных договоров – благо, видов этих договоров было немного. Например, сохранились во множестве типовые бланки договора на отчуждение права застройки: в условиях запрета частной собственности на землю, гражданам разрешалось заключать с местными отделами коммунального хозяйства договоры на долгосрочную (30-50 лет) аренду участков земли с целью возведения на них жилья. В дальнейшем гражданин имел право продать это право (целиком или какую-то долю от него) другому лицу, подарить или завещать – на такой случай в нотариальных конторах Ивановской области тоже имелись типовые бланки договоров.

Один из наиболее ранних подобных документов, сохранившихся в архиве ИОНП, датируется «1927 года января 28 дня».⁵² В этот день жительница города Иванова П.Г. Богатова заключила с Иваново-Вознесенским городским отделом коммунального хозяйства договор о том, что она обязуется выстроить «согласно утверждённому на общих основаниях проекту» одноэтажный деревянный жилой дом. Для этого горкомхоз выделил Богатовой, сроком на 40 лет, участок земли размерами 23 на 40 погонных метров. На тот момент участок не был даже приписан к какой-то улице города: в договоре на месте названия улицы вписано «без названия», а известны только номер участка и номер городского квартала, где должен был быть возведён дом. Договор удостоверил нотариус государственной нотариальной конторы тогда ещё города Иваново-Вознесенска, от которого, увы, сохранилась лишь фамилия, даже без инициалов – «Гусев».

Документ очень интересен с технической стороны – он представляет собой отпечатанный на пишущей машинке бланк, в котором оставлены пу-

стые графы для вписывания в них реквизитов сторон, характеристик строения и т.п. информации, размноженный типографским способом (чем-то наподобие современного ризографа). При заполнении такого бланка, заправляемого в такую же пишущую машинку, легко было подогнать текст так, чтобы строчки были ровными и итоговый документ выглядел «опрятно». Это особенно бросается в глаза, когда сравниваешь внешний вид составленного в нотариальной конторе договора и вид прилагающихся к нему сопроводительных документов: квитанций об уплате земельного налога, различных справок и т.п. бумаг. Те чаще всего написаны от руки, нередко даже на первом попавшемся листке бумаги (по качеству и внешнему виду, особенно если документ из какого-нибудь «захолустного» сельсовета, напоминающей газетную или обёрточную), а не на типовом бланке.

В 1930-х годах Государственная нотариальная контора города Иваново начала заказывать для своих договоров типовые бланки, выполненные целиком типографским способом, с текстами, выполненными типографским шрифтом. Неизвестно, что повлияло на выбор цвета бумаги для этих бланков, но они серо-синие и этим очень напоминают дореволюционную гербовую бумагу, на которой нотариусы в прежнее время выдавали договаривающимся лицам оригиналы договоров купли-продажи имущества.

Тарифы, взимаемые за услуги государственных нотариусов «родной советской властью», и здесь оказались не в пример выше тех, что просили за свои услуги царские частные нотариусы. Так, если те за составление акта просили три рубля – в РСФСР «составление проекта договора» стали оценивать в 10 рублей⁵³; копия договора стала стоить 8 рублей.⁵⁴ «Нотариальный сбор» (аналогичный дореволюционной «плате нотариусу»), который в

царской России не превышал ½ % от суммы акта, теперь стал в разных видах договоров составлять от 2 до 2,5%.⁵⁵ Услуги государственных нотариусов имели тенденцию к удорожанию: та же копия договора, за которую на рубеже 1930-1940-х годов брали 8 рублей, в 1926 году стоила 6 рублей.⁵⁶

Интересно посмотреть и на статистику, весьма чётко прослеживающуюся по документам. Она многое говорит о том, как поменялось за первые 20 лет советской власти предназначение нотариуса.

Например, один из последних «договоров на отчуждение права застройки», совершенных в Государственной нотариальной конторе города Иваново в 1941 году датируется 27 декабря и по общему реестру имеет 27.838.⁵⁷ То есть, в целом за год нотариальная контора совершила почти 28.000 нотариальных действий; средним числом более 2300 нотариальных действий ежемесячно. Однако много ли среди них крупных действий, типа оформления того же договора отчуждения права застройки или договора дарения? В деле «Договоры [на отчуждение] права застройки. 1 ноября – 31 декабря 1941 года» содержатся 13 таких актов, в том числе и подшитый туда по ошибке договор от 28 августа 1941 года.⁵⁸ В реестре (списке содержащихся бумаг) дела Ивановской государственной нотариальной конторы «Договоры отчуждения за февраль месяц 1941 года» значится 49 различных договоров, заключённых ивановцами между собой или с муниципальными органами власти в том месяце.⁵⁹

То есть, подавляющее большинство действий нотариусов сводилось к мелким операциям типа выдачи копий с различных бумаг.

В частной коллекции автора данной книги имеются несколько подобных документов.

Копии тогдашним жителям РСФСР требовались самые разные. Вот одна из самых «экзотических» в современном представлении, но вполне типичных для 1920-1930-х гг.:

«КОПИЯ.

15 апреля 1935 года.

Управление муниципальным фондом Шуйского горкомхоза – гражданке Романовой, проживающей по 2-й Васильевской ул., дом № 25.

Для занятия взамен комнаты в верхнем этаже, используемой Горкомхозом в счёт 10-процентной [платы] взимаемой с Вашей жилплощади, предлагаемая Вами кухня может быть занята вместо указанной комнаты только при условии, если будет произведен в этой кухне следующий ремонт:

1. От смежной задней кухни сделать новую, в два тёса, оштукатуренную перегородку.
2. Исправить русскую печь и сделать в ней подтопок.
3. Исправить подоконники, рамы и двери.
4. Старые обои снять и произвести оклейку вновь или произвести побелку по оклейке стен и потолка простой бумагой.

Срок выполнения указанных ремонтов не позднее 1 мая с.г. В противном случае будет занята верхняя комната, ранее занимаемая в счёт 10-процентной нормы.

Управляющий Мунфондом /Сурков/».

...Чем-то напоминает знаменитые сцены из «Собачьего сердца» М.А. Булгакова (с неудачной попыткой «группы товарищей» во главе со Швондером вселиться в квартиру профессора Преображенского и с более удачной попыткой «уплотнения» его соседа сверху «буржуя Саблина», который «за ширмами поехали и за кирпичом – перегородки будут ставить») – не правда ли?

Копию с письма шуйских «швондеров» заверил нотариус Шуйской государственной нотариальной конторы Иван Иванович Щербаков. Снять копию стоило 1 рубль.

Ещё одна особенность нотариального произ-

сов засвидетельствовал с этого документа 17 июня 1927 года «две копии, по реестру №№ 4927, 4928».

Ещё больше отметок – на документах семейства Грузевых, датируемых 1926-1927 годами. «Свидетельство о браке № 68», выданное Костромским городским отделом ЗАГС 3 августа 1926 года, удостоверяет, что в тот день Грузев Иван Николаевич сочетался браком с Иудиной Александрой Васильевной с присвоением супругам фамилии «Грузевы». На обороте свидетельства отметка: «С настоящего документа в Костромской госнотоконторе засвидетельствована копия 4.6.30 г. № 4598». Такая же запись, но с указанием номера по реестру «4599» стоит на обороте «свидетельства о рождении № 509», выданном тем же отделом ЗАГС в том, что 28 апреля 1927 года у супругов Грузевых родилась дочь Грузева Галина Ивановна. Вторая пометка на том же документе, рядом с отметкой нотариуса – штамп адресного стола: о том, что свидетельство о рождении в указанном столе «явлено» и новорожденная прописана в Коротком переулке.

Советская власть очень стремилась контролировать каждый шаг жителей «первого в мире социалистического государства»....

А жили они в 20-30-е годы чрезвычайно скучно. Это отражалось и на нотариате, чьи действия стали, ближе к концу 1930-х годов, сворачивать во многом именно потому, что к нотариусу ходили в основном за копиями с документов. Поводыходить за чем-то более существенным у «победившего пролетариата» появлялись редко.

Говоря о стремительном промышленном развитии СССР в годы первых пятилеток, следует помнить – это развитие происходило, прежде всего, за счёт « рядовых » граждан страны. В.Т. Шаламов в «Колымских рассказах» описывает такой эпизод: в конце 1930-х писатель сидел в Бутырской тюрьме и однажды заключённые вслух стали вспоминать

самое яркое событие своей жизни. «Механик Волоколамской фабрики, в ответ на просьбу вспомнить самое яркое событие жизни, самое хорошее, что в жизни случилось, сообщил, весь сияя от переживаемого воспоминания, что по карточкам в 1933 году получил двадцать банок овощных консервов, и, когда вскрыл дома – все банки оказались мясными консервами. Каждую банку механик рубил топором пополам, запершись на ключ от соседей – все банки были с мясом, ни одна не оказалась овощной».⁶⁰

В Ивановской области в 1932 году произошло «пожалуй, самое мощное выступление рабочих за всю историю советского государства». В январе 1932 года «правительством были повышенены цены на продовольственные и промышленные товары, а с апреля резко снижены нормы снабжения продуктами более чем половине рабочих, занятых на производствах Ивановской промышленной области. Одновременно были резко усилены и без того жёсткие требования по взысканию текущих и просроченных налоговых платежей, выполнению государственных займов и других добровольно-принудительных сборов. Всё это послужило причиной резкого накаления обстановки на территории области, а также возникновения рабочих волнений в ряде районных центров: Вичуге, Тейкове, Пучеже, Лежневе; рабочих посёлках Новые Горки, Нерль. В общей сложности с 5 по 15 апреля в области бастовало свыше 17 тысяч рабочих, которые среди прочих выдвинули политические лозунги “Долой советскую власть!”, “Долой коммунистов!”».⁶¹

Один из тогдашних руководителей края, заместитель заведующего облфинотделом Ивановской промышленной области Н.М. Сиганов вспоминал, что в сельской местности региона ещё на рубеже 1920-1930-х годов чрезвычайно остро происходила «классовая борьба» за колLECTIVизацию: «Только с октября 1930 года по июнь 1931-го в деревнях на-

шей области было отмечено 187 поджогов, более 300 нападений на колхозных и деревенских активистов». «Ещё до моего назначения в Кинешму, в мае 1930 года, выстрелом через окно был убит в Батмановском сельсовете налоговый инспектор Кинешемского райфо. В этот день он провёл изъятие имущества у двух раскулаченных, а вечером с керосиновой лампой сидел за столом у окна в сельсовете и неизвестный выстрелом из обреза через стёкла окна убил его наповал». «Кроме прямых актов классовой борьбы (поджоги, нападения на активистов и др.) в деревне проводилась скрытая борьба, причём на стороне кулаков нередко выступали отдельные крестьяне-середняки и даже бедняки».⁶²

Любопытно, что, оставаясь до конца своих дней убежденным коммунистом, Н.М. Сиганов видел причины такого обострения антисоветской активности в сельской глубинке прежде всего в том, что имели место «грубые перегибы при коллективизации сельского хозяйства». Они «были допущены не только в Кинешемском районе или Ивановской области, но почти повсеместно по всей стране, где только проводилась коллективизация».⁶³

Наконец, дабы не слишком углубляться в вопросы социального и имущественного положения «трудящихся» в «стране победившего пролетариата» в годы индустриализации и коллективизации, отметим лишь один, но очень яркий и красноречивый эпизод.

Во время Великой Отечественной войны немецко-фашистские оккупанты распространяли на захваченных советских землях, помимо массы пропагандистской литературы, и небольшую книгу Карла Альбрехта «Преданный социализм». Событие вроде бы банальное для ведомства Гебельса: формально называясь «национал-социалистами», немецкие фашисты уделяли немало сил

попыткам доказать, что в СССР социализм «неправильный», в противовес «правильному» германскому. И можно было бы не обращать внимания на очередное сочинение в том же духе, если бы не особенности биографии его автора. Ибо в то время, пока рейхсминистрство пропаганды тиражировало сочинение К. Альбрехта, он скрывался от нацистов сначала в Швейцарии, а потом перебрался и подальше – в Турцию. Дело в том, что перед этим много лет Карл Альбрехт проработал в СССР, где дослужился до заместителя наркома лесной промышленности; был советским гражданином «Карлом Ивановичем Альбрехтом». Но в ходе «большого террора» был репрессирован, несколько лет провёл в советских тюрьмах, а потом был выдан властям фашистской Германии, где, как убеждённый коммунист, немедленно попал в концлагерь, откуда чудом сумел освободиться и поскорее уехал в Швейцарию. Поэтому имеет смысл повнимательнее прислушаться к его оценкам происходившего в СССР.

«Я был социалистом, и я остаюсь социалистом. Но я был коммунистом и верил в строительство социализма в Советском Союзе. То, что я пережил в Советском Союзе, вынудило меня отказаться от этой веры.

Я знаю, что на бесконечных просторах СССР миллионы людей с фанатической верой выносили сверхчеловеческие трудности, добивались сверхчеловеческих результатов и продолжают добиваться, чтобы воплотить в действительность свои социалистические идеалы. Лучшие из них погибли или загублены. Их усилия и жертвы были напрасны, потому что их мученический путь вёл не в лучший мир, он вёл в хаос, в гибель, в ничто.

Как революция Керенского ушла в песок, так и большевистская революция не только не воплотила надежды народов России, но чудовищно их преда-

ДЛЯ ОТМЕТОК

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Серия КЭ

СССР

Д № 191103

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО
ПО ПОСТАВКЕ ГОСУДАРСТВУ КАРТОФЕЛЯ
УРОЖАЯ 1935 г.
КОЛХОЗНИКАМИ ПО НЕОБЩЕСТВЛЕННЫМ ПОСЕВАМ

Гр. Иванов Илья
Колхознику колхоза 1-й сад
Села Прогонихи
Сельсовета Красногорский
Района Служебский
Обл., края, республ. И. Н. О.

Справочник. Статформ. 203x144 ГОЗНАК 1928

«Обязательство по поставке государству картофеля», наложенное на одного из крестьян Ивановской области. 1935 г.

ла. За несвободой царизма следовало абсолютное рабство большевизма. За убогими условиями существования широких народных слоёв до 1917 года следовал перманентный голод после переворота. За эксплуатацией рабочих и крестьян со стороны царизма следовала невиданная в истории человечества безжалостная эксплуатация всех со стороны жестокой деспотии. Недостойные методы охранки при царизме сменились попирающими любое человеческое достоинство методами ЧК и ГПУ. Большевизм не принёс спасения, он не принёс социализм – он низверг народ в глубочайшую нищету.

Я должен рассказать, что практика марксистского коммунизма ужаснее всего того, с чем мы боремся и что отвергаем в капитализме.

Я знаю, что лишения и нужду времён создания нового мира следует пережить. Поэтому добровольно переносимая суровость советской жизни и

нищета советского народа, которую я честно с ним делил, не пошатнули моей веры в спасительность большевизма. Что уничтожило во мне эту веру, так это ясное, неопровергимое понимание того, что произошедшее за двадцать один год большевистского владычества (свою книгу К. Альбрехт написал в 1938 году. – А.К.) означало не родовые схватки лучшей эпохи, а смертельную борьбу за существование нежизнеспособной, бесплодной системы. Никакие изменения тактики, никакие изменения методов, никакая смена персон, никакой поворот Сталина со своего предшествующего пути, никакие жертвы идеалистов не превратят несчастье большевизма в счастье человечества».⁶⁴

§ 4. «Сороковые роковые»

Перед тем, как начать рассказ об истории нотариата Ивановского края в годы Великой Отечественной войны, уточним некоторые детали.

Нотариат всегда был тесно связан в первую очередь с экономикой: чем лучше она была организована, тем лучше жили люди, тем богаче они становились, а значит, возрастала и потребность в грамотном юридическом оформлении наследственных, имущественных и других прав. «По мере роста благосостояния населения возрастала необходимость в специалистах, грамотно составляющих бумаги, в нотариусах».⁶⁵ В этом смысле у нас есть все возможности дополнить материалы по истории нотариата Ивановской области периода Великой Отечественной войны некоторыми фактами из истории нотариата соседнего с ней Ярославского региона.

В период 1929-1936 гг. эти регионы (а также некоторые районы Костромской и Владимирской областей) были территориально объединены в Ивановскую промышленную область (ИПО), посколь-

ку представляли собой «район с особой производственной специализацией и особым комплексом реконструктивных задач... мощный индустриальный район, сформировавшийся на основе развитой промышленности».⁶⁶ В 1957-1965 гг. вновь имело место объединение областей по экономическому принципу – в Верхневолжский совнархоз; его центром вновь стал город Иваново. «К 1957 году число промышленных предприятий превысило 200 тысяч. Руководство из центра таким числом предприятий усложнялось. Кроме того, в работе министерств имелись серьёзные недостатки; ведомственные барьеры мешали специализации и кооперированию предприятий, не позволяли в должной мере использовать местную инициативу. В поисках путей совершенствования системы управления промышленностью Февральский пленум ЦК КПСС (1957) принял постановление о переходе к территориальному принципу управления по экономическим административным районам и об образовании совнархозов. Структура СНХ определялась спецификой экономического района».⁶⁷

Как показывают документы военных лет, близость ситуации в Ярославской и Ивановской областях наблюдалась не только в промышленности и экономике, но и в их «вечном спутнике» нотариате.

Правовой основой для работы нотариусов военной поры служило «Положение о государственном нотариате РСФСР», введённое в действие Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 года.⁶⁸ Постановление существенно упорядочило принципы функционирования нотариальных органов, ликвидировало 14 различных частных постановлений, порядком запутавших прежнее «Положение о государственном нотариате РСФСР», действовавшее с октября 1926 года.

Согласно «Положению...» 1930 года, нотариусы могли выполнять 20 различных видов нотари-

альных действий, в целом сводившихся к следующим главным направлениям деятельности:

1. Удостоверение сделок, доверенностей, подлинности подписей на документах;
2. Свидетельствование и выдача копий с документов;
3. Принятие мер по охране наследства и выдача свидетельств на право наследования;
4. Приём на ответственное хранение документов и материальных ценностей;
5. Передача заявлений в различные ведомства и выдача свидетельств о передаче этих заявлений.

Чем накануне Великой Отечественной войны занимались нотариусы Ивановской области, мы уже говорили: подавляющее большинство нотариальных действий составляли свидетельствование и выдача копий документов; гораздо реже доводилось оформлять «договоры на отчуждение права застройки», дарственные и завещания, вводить в права наследства.

Не станем повторяться относительно малого количества оформляемых договоров и завещаний и технической стороны их регистрации. Есть гораздо более интересный момент: начавшаяся Великая Отечественная война, если судить по сохранившимся нотариальным актам, не стала неожиданностью для ивановцев. Уточним: имеется в виду то, что людей как будто бы не очень страшили предстоящие материальные трудности и лишения; горожане привыкли к ним за нищие и голодные годы первых пятилеток. В этом смысле начавшаяся война воспринималась как событие из рода «нищему пожар не страшен».

Так, в государственной нотариальной конторе города Иванова в последний мирный день, 21 июня 1941 года, было совершено всего два крупных нотариальных действия: были оформлены договоры на отчуждение в первом случае 1/2, во втором – 1/6 части

Облигация «Государственного займа укрепления обороны СССР» в 50 рублей. 1937 г.

жилого дома. Двадцать четвёртого июня – в первый рабочий для нотариальной конторы военный день – ивановцы зарегистрировали у нотариуса 2 договора на отчуждение части владения, 1 на отчуждение права застройки и 1 договор дарения.⁶⁹ То есть, нотариальная контора продолжала совершать те же 2-3 крупных нотариальных действия за рабочий день, как это было и до начала войны.

Подобная тенденция сохранилась и в следующие военные месяцы – самые опасные для страны осенние месяцы 1941 года. В наиболее критическом для страны ноябре 1941-го желающие заключить с советской властью договор на строительство жилья ходили к нотариусу в среднем каждый второй рабочий день.⁷⁰ Архивы сохранили договоры от 3, 9, 13, 14, 19 ноября. В каждом случае гражданин брал на себя обязательство возвести 3-5 построек: кроме дома планировалась постройка сарая и т.п. объек-

тов. Договоры заключались на срок 30-50 лет, т.е. подписывавшие их люди были уверены – советская власть выстоит в борьбе с фашизмом.

Так нотариусы зафиксировали для истории нашего Отечества ещё и моральный подвиг «маленьких людей»: натерпевшись от советской власти, они остались патриотами «Страны Советов».

Обратим внимание на даты договоров, которые говорят о многом. Так, один из жителей Иванова заключил договор на застройку участка в 600 кв. метров 27 октября 1941 года. За неделю до этого, 19 октября, было введено осадное положение в Москве, а в Иванове прошли крупные выступления рабочих под лозунгами типа «Пойдём защищать советскую землю, но не тех, кто сидит в Кремле!». «Беспорядки имели место на Меланжевом комбинате, на фабриках им. Дзержинского, им. Балашова и в известной мере на фабрике “Красная Талка”. В происшедших беспорядках имеется много общего. В качестве повода для провоцирования их всюду было использовано одно и то же мероприятие – демонтаж оборудования».⁷¹ Эти события прогремели не только на весь город Иваново, но и отзвались в близлежащих городах и райцентрах – тем не менее, один из горожан областного центра захотел начать строить большой бревенчатый дом с сенями и сарай на участке, выделенном ему местными органами советской власти в аренду на 50 лет – до 29 октября 1991 года.⁷² Видимо, он имел полную уверенность в том, что советская власть продержится в Иванове ещё минимум полвека.

Ещё несколько аналогичных договоров были заключены в государственной нотариальной конторе г. Иванова в течение первых дней декабря 1941 года – в самый тяжёлый период Великой Отечественной войны, когда на отдельных направлениях враг подошёл к Москве на 25-40 километров. Все эти документы предусматривали аренду земли

на 30-50 лет вперёд – т.е. те, кто их подписывал, были абсолютно уверены в том, что СССР отбьёт нападение фашистов и в конечном итоге разгромит гитлеровский рейх.

Не менее патриотично были настроены и работники нотариата, даже в самые тяжёлые годы Великой Отечественной войны постоянно повышавшие свой профессиональный уровень, учившиеся работать с «трудными» клиентами – инвалидами войны.

Фактически структура нотариальных органов РСФСР оформилась ещё в конце 1920-х гг.: нотариальные конторы располагались в городах – по одной на каждый город, а в губернских центрах работали т.н. главные нотариальные конторы. В главной конторе обычно трудились старший нотариус и его помощник (скажем так, «просто» нотариус); в конторах городов, являвшихся районными центрами – нотариусы. Так, в Ярославской области ещё в 1929 году было проведено «районирование» – как сообщалось в отчёте о работе Ярославского окружного суда за 1929 год, «после районирования в Ярославском округе осталось 5 нотариальных контор: Ярославская – окружная, Ростовская, Даниловская, Гаврилов-Ямская и Тутаевская районные. Остальные три конторы: Рыбинская, Пошехоньно-Володарская (ныне город носит своё исконное название «Пошехонье» - А.К.) и Угличская отошли в Рыбинский округ». В них трудились 9 нотариусов: по одному в райцентрах и 2 (нотариус и старший нотариус) – в Ярославской окружной нотконторе.⁷³ Аналогичной была ситуация в Ивановской области: здесь накануне войны в областном центре трудились старший нотариус и его помощник (соответственно – А.Я. Михеева и А.И. Волкова)⁷⁴, а в городах – районных центрах работало по одной городской нотконторе с одним нотариусом. Например, в г. Шуе в октябре 1941 года трудился нотариус

руб.

4. Отчуждаемое право застройки никому не заложено, в споре и под запрещением не состоит.

5. Расходы по заключению настоящего договора несет Чурков
Константин Иванович

Данный договор составлен в двух экз. из которых один остается в делах Нотаральной конторы, второй с предложением к нему подлинного чуркова права застройки выдан покупщику, который на основании ст. 185 Г. К. надлежит зарегистрировать в Шуйском отделе Коммунального хозяйства.

Подпись сторон: К. Чурков Беднова
1943 г. апрель м-ца 2 дн.

Настоящий договор нотариально удостоверен мной Зайцев
Зосин Горбов Государственным нотариусом

Шуйской Нотаральной конторы от
имени гр-п Чуркова Константина Ивановича г. Бедново
декабрь 1943 г.

Договор подписан сторонами в моем, нотарисе, присутствии собственноручно.

Самоличность, правоспособность сторон, а также и принадлежность гр. Чуркова Константина Ивановича отчуждаемого права застройки проверены.

Взыскано 1525 руб. единой госпошлины под квитанцию от
за № 25

руб. за составление проекта договора и 1500 руб.
за его удостоверение, по реестру 1860.

Договор должен быть под страхом недействительности представлен для регистрации
в Коммунальный Отдел.

М. П. НОТАРИУС:

В Городской земельной управе
212-432 Зайцев

Договор продажи права застройки земельного участка, оформленный у нотариуса. Г. Шуя Ивановской области, 1943 г.

И.Н. Смирнов⁷⁵, а по состоянию на апрель 1943 года его сменил В.П. Зайцев⁷⁶.

«Положение о государственном нотариате...» 1930 года предусматривало, что нотариальные действия «выполняются нотариальными конторами, а в населённых пунктах, где не имеется нотариаль-

ных контор – районными или соответствующими им исполкомами, а также горсоветами городов и посёлков, не являющихся районными центрами». Ограниченный перечень нотариальных действий разрешалось выполнять «сельским и соответствующим им советам поселений, в которых нет ни нотариальной конторы, ни районного исполкома». Однако этот, весьма чёткий, порядок был существенно запутан Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1936 года «О реорганизации нотариальных органов»⁷⁷, согласно которому с 1 января 1937 г. по всей республике открывались «нотариальные столы при народных судах». Им передавались права на совершение нотариальных действий, изъятые у сельских и городских советов и исполкомов. Чётким и безуказанным порядком оформления документов оставался только в сохранившихся городских нотариальных конторах. По всем же вопросам разграничения нотариальных полномочий между сельсоветами и вновь создаваемыми нотариальными столами постановление предписывало обращаться в городские нотконторы за инструкциями, «а в тех местностях, где нотариальных контор не имеется» – к народным судьям, причём те должны были давать окончательный ответ «под общим руководством краевых и областных судов».

Это приводило к тому, что «на местах» нотариальная работа велась во многом «в ручном режиме». К примеру, в Ярославской области, ставшей в годы Великой Отечественной войны одним из центров эвакуации сирот (в регион были перемещены свыше 90 тысяч воспитанников детдомов блокадного Ленинграда, порядка 20 тысяч сирот из оккупированной фашистами Смоленской области и т.д.) в результате обильной и долговременной переписки местных органов Наркомпроса с другими ведомствами был выработан специфический порядок приёма сирот на патронатное воспитание. Не входя

в отношения ни с судами, ни с местными властями, местные руководящие работники Наркомпроса напрямую подписывали с ярославцами, желающими взять сироту под опеку, типовой договор. Были даже напечатаны стандартные бланки, куда надлежало только вписать от руки данные сироты и данные опекуна⁷⁸, всего из нескольких строчек: «Гр. (вписываются данные опекуна – А.К.) обязуется воспитывать его (патронируемого сироту – А.К.) в коммунистическом духе и создать нормальные условия для жизни, а районо будет выплачивать денежное пособие в сумме 50 рублей в месяц».

У нотариуса такой договор не регистрировался и не заверялся, что зачастую приводило к нарушениям прав и детей, и их опекунов: стремясь выполнить план по устройству сирот, органы наркомпроса через местные органы власти давили на население, заставляя подписывать договоры об опеке угрозами. Вот, например, фрагмент заявления в Ярославскую областную прокуратуру жительницы села Ченцово Некоузского района Ярославской области П.И. Шиловой, поданного 15 марта 1943 года: «Имею трёх малолетних детей, и, кроме своих, живут два сироты. Сирот хлопочу я в детдом и не могу добиться. Не принимают, дали мне насилино на детей патронат и обещали мне оказывать содействие в питании, а также в обуви, но Некоузский РОНО даже не позаботился за весь зимний сезон снабдить детей валенной обувью, а относительно питания и говорить не приходится: дети с 1 января по 9 марта хлеб получали только по 300 граммов и больше ничего».⁷⁹

Не в лучшей ситуации оказывались и дети, которым расплывчатая формулировка «нормальные условия для жизни» по сути ничего не гарантировала.

А вот в предвоенные годы, когда все вопросы, касающиеся имущественных и иных прав детей, обязательно проходили через нотариальное оформление – права несовершеннолетних чётко и полно фиксиро-

вались в документах. Так, в феврале 1941 года в Ивановской государственной нотариальной конторе было оформлено около 10 договоров на отчуждение права застройки и т.п. актов граждан-опекунов, имеющих на попечении несовершеннолетних сирот. В отношении каждого ребёнка проводилось по запросу нотариуса особое заседание районного отдела народного образования, по итогам которого издавалось его постановление – в этом документе чётко фиксировались все права несовершеннолетнего: на постоянную жилплощадь, на долю от денег, вырученных за продажу недвижимости и т.п.⁸⁰

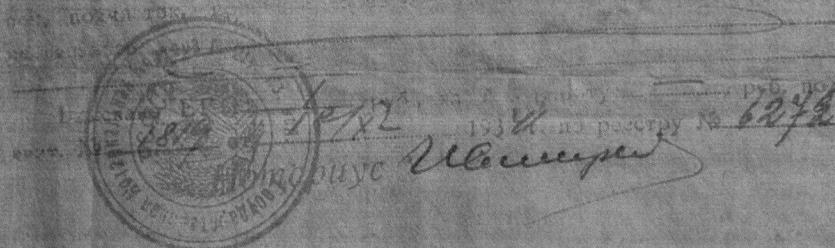
К сожалению, нотариат бывшей «Ивановской промышленной области» встретил Великую Отечественную войну далеко не в лучшем состоянии: как в плане материального обеспечения (от оплаты труда до состояния материально-технической базы нотариальных контор), так и в плане профессиональной подготовки нотариусов и лиц, заменяющих их в сельской местности. Формальный приказ Наркомата юстиции Советского союза от 5 февраля 1941 года требовал от подчинённого ему наркомата юстиции РСФСР «обеспечить нотариальные конторы нужным количеством бумаги, денежными книгами, реестрами и необходимым инвентарём и принять меры к обеспечению нотариальных контор самостоятельными помещениями»⁸¹, но, как показала практика, он остался исключительно на бумаге.

Особенно тяжёлым было положение органов нотариата именно «в глубинке». Так, например, в ноябре 1943 года была проведена ревизия работы народного суда 1-го участка Антроповского района Ярославской области – типичного сельского суда, исполнявшего, в том числе, и нотариальные функции. Суд располагался в посёлке Антропово и помещался в маленькой двухэтажной деревянной избе (всего на 2 этажа в ней находилось 3 комнаты), тре-

Социалистическое Пролетарское
Управление.
Моск. обл. Чел. К-рн
Сот. РВиК Д.

Зак. Григор. Моск. Обл. Адм. Упр.
Дептамина
Зав. сплошной пропаганды-Измаиль

1941 г. Елисейск м.ч. 18го дня Я. Государственный
Государственной Нотариальной
Смирнов Иван Николаевич
Свидетельство подано в представителем
Государственной Нотариальной
Смирнов Иван Николаевич
г. Шуя в Коломенском г. 45

Изготовленная и заверенная нотариусом г. Шуи
И.Н. Смирновым копия свидетельства об образовании. 1941 г.

бовавшей капитального ремонта.⁸² Работа в суде велась очень напряжённо – одних только гражданских дел (в эту категорию входили и нотариальные действия – например, оформление прав застройки на небольшие строения и строения под снос) с января по ноябрь 1943 года было рассмотрено 252; суд обслуживал «19 сельсоветов, 59 колхозов, 5 лесопунктов, железнодорожное депо, 1 промкомбинат».⁸³

Немногим лучше была ситуация с расходными материалами – причём не только в сельских судах, являвшихся, так сказать, квазинотариальными органами, но и в государственных нотариальных конторах, располагавшихся в городах. Так, например, в нотариальной конторе г. Шуи Ивановской области очень аккуратно, на типовых бланках, оформлялись договоры на отчуждение права застройки и т.п. действия – благодаря тому, что в конторе сохранился запас таких бланков, отпечатанных в 1930-е годы. Все же прочие документы шуйский нотариус в те времена писал от руки на разлинованных листках, судя по их формату, вырезанных из амбарной книги или чего-то подобного.

Ещё хуже обстояло дело в сельсоветах, за которыми сохранилась часть нотариальных функций – например, засвидетельствование подлинности подписей на документах. Без подобной процедуры не обходилась подача ни одного заявления, жалобы и т.п. прошения сельского жителя в вышестоящие городские и областные инстанции. Архивы сохранили для нас множество таких заявлений, оформленных в сельсоветах – написанных на чистых оборотных сторонах кусков обоев, на вырезках из школьных географических карт и плакатов, даже на оборотных сторонах бланков почётных грамот.⁸⁴

Такое положение сохранялось все военные и первый послевоенный год, хотя формально ещё 18 декабря 1944 года было принято Постановление Коллегии Народного комиссариата юстиции

СССР «О работе Отдела нотариата НКЮ СССР», потребовавшее улучшить ситуацию с организацией труда нотариусов. Фактически оно осталось на бумаге – неслучайно 22 мая 1946 года уже Коллегия Министерства юстиции СССР в категорической форме потребовала «принять решительные меры к созданию нормальных условий работы нотконтор, расположенных в областных, краевых и республиканских центрах (3-4 комнаты с площадью 60-80 кв. м.) и снабжению их соответствующей мебелью, пишущими машинками и сейфами».⁸⁵

Отдельного рассмотрения требует вопрос об образовательном и профессиональном уровне нотариальных работников и об оплате их труда в годы Великой Отечественной войны.

Только 7 июня 1941 года появился приказ Наркомата юстиции СССР, вводивший для нотариусов образовательный ценз: «Принимать на должности нотариусов лиц, имеющих высшее юридическое образование, окончивших юридическую школу или имеющих двухлетний стаж работы в качестве судей, прокуроров, следователей, юрисконсультов или двухлетний стаж нотариальной работы».⁸⁶ Хотя на практике это ненамного улучшило ситуацию, особенно в сельской местности. Так, при реформации одного из районных судов Ярославской области (1942 год), было установлено, что большинство ошибок судья совершила именно при рассмотрении «жилищных дел», наиболее тесно связанных с нотариальной стороной деятельности суда. «Закона о жилищных делах судья не знала, совершенно не была знакома с Постановлением Пленума Верховного суда от 12 декабря 1940 года и жилищные дела решала на основании Гражданского кодекса, тогда как нужно было руководствоваться Жилищным законом от 17 октября 1937 года, Постановлением Пленума Верховного суда от 12 декабря 1940 года

и рядом других жилищных законов». В делах о разделе имущества «судья руководствовалась при вынесении решения Гражданским кодексом, тогда как нужно было Земельным кодексом».⁸⁷

Двадцать третьего июня 1942 года было опубликовано директивное письмо Народного комиссариата юстиции СССР «Об усилении руководства нотариальными конторами», потребовавшее, в числе прочего, и «обязать всех нотариусов, не имеющих юридического образования, включиться в систему заочного обучения. Наркоматам юстиции союзных, автономных республик и начальникам областных и краевых управлений НКЮ организовать контроль за их учёбой и принять решительные меры (вплоть до снятия с работы) в отношении работников, не желающих повышать свой теоретический уровень».⁸⁸

«На местах» подобные меры начали приниматься ещё раньше. К примеру, Ярославское управление наркомата юстиции ещё 25 марта 1942 года разослало во все инстанции вплоть до сельских народных судов области директивное письмо: «Настоящим доводится до сведения работников народных судов, прокуратуры, адвокатов, нотариусов и судебно-прокурорского актива, что с 5 февраля 1942 года в Москве возобновил свою работу Московский филиал Всесоюзного юридического заочного обучения. Ввиду этого народным судьям надлежит широко оповестить всех вышеупомянутых работников и судебный актив. Заочное юридическое обучение даёт возможность получить высшее юридическое образование и повысить свою квалификацию без отрыва от практической работы. О принятых мерах к исполнению донесите письменно отделу кадров Управления НКЮ в 5-дневный срок со дня получения настоящего письма».⁸⁹

Четвёртого апреля 1944 года «в целях повышения юридической подготовки и деловой квалификации нотариусов» Наркомюст СССР распорядил-

Государственная Нотариальная Конторы
гор. Шуи, Ивановской области.

Квитанция № 116

Получено от

За

Единой Государственной

349

Рублей

(сумма прописью)

193 г. Нотариус

Квитанция государственной нотариальной конторы г. Шуи о получении
1 рубля за нотариальные услуги. 13 сентября 1941 г.

ся «организовать прохождение производственной практики вновь назначенными, а также работающими, но не имеющими достаточной квалификации нотариусами», причём «вновь выдвинутые на должность нотариуса лица, не прошедшие производственной практики, к работе нотариусом не допускаются». Практика должна была проводиться в каждой области в «нотариальных конторах, расположенных в краевых и областных центрах, под руководством старшего нотариуса».⁹⁰

Учитывая огромные материально-бытовые трудности нотариальных учреждений и их работников, практика повышения образовательного уровня нередко отставала от приказов и постановлений, особенно в сельской местности. Так, при ревизии Антроповского районного суда было установлено, что народная судья А.А. Иванова имеет неполное сред-

нее образование в виде «краткосрочных 6-месячных юридических курсов», оконченных в 1939 году, а секретарь суда А.Н. Ионова имеет «образование 7 классов».⁹¹ Ревизоры, впрочем, тоже на многое смотрели «сквозь пальцы»: пожалуй, единственный документально зафиксированный случай небрежности в судебной работе, произошедший из-за недостаточной квалифицированности исполнителя, был зафиксирован в Ярославском областном суде уже после войны, в октябре 1946 года. Резонанс произошёл от того, что дело явно пахло «антисоветчиной»: «Машинистка Смирнова допустила безобразное отношение к работе. В одном из определений, сданных ей на отпечатку, она напечатала вместо “колхоз Рабочее знамя” – “колхоз Собачье знамя”... характер опечатки в определении можно назвать контрреволюционным».⁹²

Значительно лучшей была ситуация в нотариальных конторах, где трудились нотариусы-профессионалы, а не их «заменители» в лице судей и т.п. работников. Материалы Ивановской областной нотариальной палаты показывают нам, что все договоры, поступавшие в производство к городским нотариусам города Иванова оформлялись с высокой тщательностью и в полном соответствии с нормами тогдашнего законодательства. Так, отчуждение права застройки никогда не обходилось без сбора необходимых документов. К делу приобщались справки об отсутствии у продавца задолженностей по земельному налогу, подписки каждого из проживающих в отчуждаемом владении, что они не против такой операции и т.д. – вплоть до того, что при пребывании одного из таких проживающих в другом городе, нотариус входил с ним в переписку, требуя прислать все необходимые документы почтой.⁹³

Несмотря ни на что, работало и заочное юридическое обучение, на которое работники правоохранительной системы охотно шли. Так, в Ярославле за все военные годы произошёл единственный

инцидент, связанный с невозможностью судейского работника закончить начатое образование: член Ярославского областного суда А.А. Копылова не смогла продолжать обучение из-за материальных трудностей – за учёбу надо было платить 75 рублей за семестр.⁹⁴ Материальные послабления «учащимся заочных высших и средних юридических учебных заведений» стали возможны только в декабре 1945 года, уже по окончании Великой Отечественной войны: 1 декабря 1945 года последовал приказ Наркомата юстиции СССР о предоставлении им льгот – в период экзаменационных сессий юристы-заочники должны были получать заработную плату в полном объёме, а также учреждение, где они работали, было обязано оплатить им проезд до места сдачи экзаменов и обратно.⁹⁵

Здесь уместно обсудить вопрос об уровне материальной обеспеченности работников нотариата в военные годы.

В официальном постановлении «О заработной плате нотариальных работников» от 4 июня 1943 года – пожалуй, единственном документе военной поры, регулировавшем уровень оплаты труда работников нотариата – говорится кратко: «Установить с 1 июня 1943 года ставки заработной платы:

- Для старших нотариусов республиканских, краевых и областных нотариальных контор – на уровне ставок заработной платы членов верховых, краевых и областных судов, а для заместителей старших нотариусов – на 10% ниже ставок старших нотариусов;

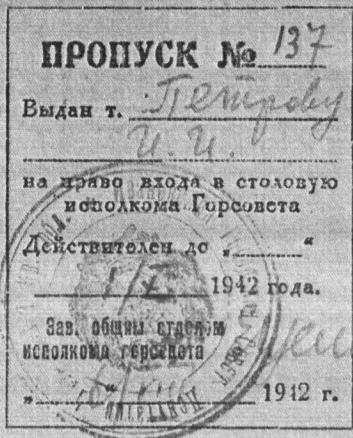
- Для нотариусов районных контор – на 15% ниже ставок заработной платы народного судьи района».⁹⁶

Установить точные цифры заработной платы нотариусов военной поры представляется затруднительным по ряду причин. Во-первых, различным был уровень ставок судей, на зарплату

которых влияло множество факторов: уровень образования, территориальные надбавки и т.д. и т.п. Во-вторых, характерная особенность тогдашней отчётности: подробная ведомость с точными цифрами как правило навсегда оставалась во внутреннем архиве ведомства, а вовне (например, в виде отчёта в вышестоящие инстанции) шла краткая сводка, где отражались номинальное и фактически занятое количество ставок (которых могло быть несколько на одного работника, или наоборот – половина или четверть ставки) и, соответственно ему, запланированный и фактический расход фонда зарплаты за год – опять же одной общей цифрой.⁹⁷ Именно этот краткий документ и попадал в региональные государственные архивы чаще всего.

Тем не менее, мы можем оценить общий порядок цифр заработной платы работников правоохранительной системы. Скорее в виде исключения в фондах Государственного архива Ярославской области оказались подробные ведомости на зарплату сотрудников областной прокуратуры за 1936-1941 гг.⁹⁸ Из них следует, что накануне войны областной прокурор зарабатывал 750-800 руб. в месяц, его заместитель – 650-700 руб., большинство сотрудников прокуратуры получали зарплату в диапазоне 400-600 рублей в месяц. В декабре 1940 года произошло увеличение ставок: областной прокурор стал получать ежемесячно 1.400 рублей, его заместитель – 1.200, большинство сотрудников – зарплату в диапазоне 900-1.100 рублей ежемесячно. При этом надо отметить, что зарплата технических служащих – машинисток, копиистов, секретарей и т.п. – продолжала оставаться низкой – в диапазоне 200-300 рублей в месяц.

Здесь уместно вспомнить характеристику, данную советским нотариальным работникам уже в годы «гласности», когда о недостатках советской

ЗАЛ № 1

с „ ” часов

1703

Пропуск в спецстоловую исполнкома горсовета г. Иваново. 1942 г.

системы стало можно говорить открыто: «Нотариус – древняя профессия, престижная за рубежом и до крайности униженная у нас, хотя носит гордое название “государственный”...».⁹⁹ Унижение выражалось, прежде всего, в оплате труда: государственные нотариусы по уровню зарплаты оказались в самом низу иерархии работников советской юстиции. Поэтому мы не ошибёмся, если будем судить об уровне доходов и уровне жизни нотариусов военной поры, ориентируясь в первую очередь на уровень жизни низовых судебских служащих.

Тем более, что именно из них чаще всего «выходили» нотариусы. Так, ветеран Ивановского нотариата, бывший старший помощник нотариуса 1-й государственной нотконторы города Иванова М.С. Пашутина вспоминает, что свою трудовую деятельность начала 7 апреля 1942 года секретарём народного суда 1-го участка в том же городе.

Вот выдержки из заявлений об увольнении, подававшихся на имя председателя Ярославского об-

ластного суда в начале 1944 года. Машинистка Т. Кормишина писала 29 января 1944 года: «Прошу Вас разобрать моё заявление и уволить меня с занимаемой мною должности, так как Вам уже небезызвестно о моём плохом материальном положении. И вообще при таких условиях работу продолжать никак невозможно».¹⁰⁰

Машинистке Кормишиной вторила инспектор по специальным делам (это уже работник среднего звена) А.И. Кулакова: «Прошу Вас освободить меня от занимаемой должности ввиду тяжёлых материальных условий, а также тяжёлой моей болезни бронхиальной астмы и дистрофии, которые продолжают прогрессировать, а поддержки впереди никакой не предвидится. Бюллетеню уже скоро два месяца и не успеваешь придти домой из больницы, как снова ложишься в больницу, вещей для продажи у меня не имеется, а потому трудоспособность моя утрачена и работать я не в состоянии».¹⁰¹

Наконец, одно из наиболее показательных заявлений – просьба об увольнении секретаря суда Соколовой: «Прошу меня уволить ввиду того, что есть мне нечего, сижу голодная – или поставить меня экспедитором или курьером, а можете уволить совсем, я пойду работать на другое производство, где есть помочь рабочим, а сейчас я не могу работать [в связи с] голодом и холодом».¹⁰²

Замечание об утерянных карточках очень важно: дело в том, что главным стимулом к труду в годы войны была не зарплата, а полагавшийся к ней продуктовый паёк. Единственным местом, где можно было достать продукты, помимо госраспределителей, где их отпускали по карточкам, были колхозные рынки. Там можно было купить практически всё, но цены были запредельными по сравнению с т.н. государственными ценами на продукты. По госцене нигде и ничего достать было нельзя: сохранилось, например, очень показательное про-

шение инвалида Великой Отечественной войны П.А. Сумеркина, направленное им 14 мая 1943 года прямо по адресу «Москва, Кремль, И.В. Сталину». Отчаявшись найти правду на местном уровне, инвалид жаловался прямо «отцу народов»: его сестра работает на железной дороге (стратегическом военном объекте в те годы), её муж погиб на фронте, поэтому двоих малолетних детей, племянников Сумеркина, воспитывает 73-летняя бабушка, жительница деревни Федяково Мышкинского района Ярославской области. Дети от государства имеют «паёк 400 гр. хлеба и помощь 100 рублей в месяц, а пуд ржи стоит 2000 рублей». Просьба к «вождю» о помощи была сформулирована очень своеобразно: «Помочь хотя бы тем, чтобы дети кроме куска хлеба получали другие продукты, или имели возможность купить их в колхозе по государственной цене».¹⁰³

Чтобы нормально прокормиться, дополняя скучный паёк продуктами с колхозного рынка, едва ли могло хватить даже зарплаты областного прокурора в 1400 рублей. Вот некоторые цены ярославских рынков в 1943 году: молоко – 35-50 рублей за литр, говядина – 150-180 рублей за килограмм, свинина – 200-220 рублей, сливочное масло – 500-600 рублей за килограмм, бутылка водки 0,5 л. – 800-1000 рублей, банка консервов – 100-150 рублей.¹⁰⁴ В крупнейшем центре производства тканей городе Иваново даже по госцене погонный метр шерстяной ткани на тёплую одежду стоил 269 рублей.¹⁰⁵

Однако, несмотря на все трудности, работники нотариата ни на день не прекращали своей работы. Позже о них скажут с благодарностью: «А ведь нотариусами работают квалифицированные юристы из чистой любви к своему делу».¹⁰⁶

Отдельной страницей истории нотариата эпохи Великой Отечественной войны стал моральный подвиг тогдашних нотариусов.

Уже к началу 1942 года резко изменился состав

клиентов нотариальных контор. «По мнению очевидцев того времени, большинство обращавшихся были инвалидами войны или являлись членами семей фронтовиков. Естественно, что при работе с такими посетителями требовалась особая забота и внимание к ним».¹⁰⁷

Рассекреченные в наши дни материалы дают нам повод сказать: эти люди были не только удручены военной обстановкой, но и в известной мере агрессивно настроены по отношению к советской власти. Многие возвращались с фронта в родные края, став инвалидами войны. На их счёт в ГАЯО сохранились очень любопытные документы. Заведующий Ярославским областным отделом социального обеспечения писал 23 мая 1942 года в Государственную штатную комиссию при Совнаркоме СССР о необходимости пересмотреть и расширить штаты домов инвалидов труда, переквалифицированных в дома инвалидов войны: «Ставки культработников увеличены. Ранее эту должность занимал кто-нибудь из работников дома по совместительству, теперь же необходимо ввести самостоятельную единицу с тем, чтобы культработник был одновременно и политруком». Письмо с аналогичным текстом спустя несколько дней отправил непосредственно в союзный Совнарком председатель исполкома Ярославского областного совета.¹⁰⁸ Зачем в домах инвалидов войны понадобились политруки – догадаться несложно: там жили люди, видевшие реальную обстановку на фронте, а не официальные сводки Совинформбюро.

Отметим и некоторые нововведения, внесённые войной в работу нотариусов.

Пятнадцатого сентября 1942 года постановлением Совнаркома СССР было определено, что в военное время «всякого рода доверенности, а также завещания лиц, состоящих в рядах Красной армии и Военно-морском флоте, могут быть удостовере-

ны, помимо нотариальных органов, командованием отдельных воинских частей, а доверенности и завещания военнослужащих, находящихся на излечении в госпиталях, начальниками госпиталей».¹⁰⁹ Этим постановлением власть действительно облегчила жизнь бойцам Советской армии. Но имеются, к сожалению, и примеры обратного.

Двадцать восьмого августа 1943 года Наркомост выпустил ещё одно директивное письмо – в нём говорилось, что «с документов, касающихся служебного положения военнослужащих, удостоверений личности, командировочных удостоверений, удостоверений о нахождении в отпуске, справок о выполнении поручений военного командования и т.д. – нотариальные конторы свидетельствовать копии не должны. Также не свидетельствуются копии со справок, выдаваемых командованием военных частей о награждении орденами и медалями Союза ССР лиц, находящихся на фронтах Отечественной войны, и справок о нахождении лиц в партизанских отрядах».¹¹⁰ Этот документ «аукался» ветеранам и инвалидам Великой Отечественной войны ещё многие десятилетия: невозможно подсчитать, сколько бывших солдат лишилось положенных по закону льгот и социальных выплат на основании того, что в архивах Минобороны не сохранилось того или иного наградного списка и т.п. акта. А копии на руках у бывшего бойца не оказалось – в своё время отказал в её выдаче «бюрократ» из нотариальной конторы....

С другой стороны, именно сохранившиеся до наших дней нотариальные копии официальных бумаг демонстрируют потомкам и воинские, и трудовые, и моральные подвиги их прадедов и прабабушек, которым довелось жить и работать в годы Великой Отечественной войны. Вот только один пример: возврат учителей на работу в профессию в военные годы.

2. Иваново

Дунайская ул. 25/11

Кутикова

Александра Вильхорович

998 Полевая почта

запись о. 23

Кутиков А. Г.

Письмо с фронта в Иваново. Октябрь 1942 г.

В личной коллекции автора данной работы хранится несколько документов, когда-то оформленных в государственной нотариальной конторе города Шуи Ивановской области бывшим учителям. До войны нередкими были уходы преподавателей из профессии в более высокооплачиваемые отрасли. С началом же боевых действий обычными стали обратные примеры. Так, 18 октября 1941 года к государственному нотариусу города Шуи И.Н. Смирнову пришла заверять копию со свидетельства об окончании «Шуйской имени императора Александра Второго женской гимназии» и архивную справку об обучении на «высших женских юридических и историко-филологических курсах» О.И. Бычкова. Она, судя по содержанию этих документов, решила вернуться в школу для преподавания русского языка. Произошло это задолго до того, как в 1943 году Наркомпрос РСФСР начал приказами и директивами выискивать обладателей педагогического обра-

зования и требовать от своих местных органов заставить их вернуться работать в школу.

§ 5. Нотариат при «развитом социализме»

31 декабря 1947 года Совет министров РСФСР своим Постановлением № 980 ввёл в действие новое «Положение о государственном нотариате РСФСР».

Новый документ несколько возвысил статус нотариуса: напр., сельские и иные местные Советы, согласно ему, могли регистрировать договоры с ценой акта не свыше 500 руб. и «договоры купли-продажи строений на снос» на сумму не свыше 600 руб., а более дорогие сделки подлежали регистрации только в нотариальной конторе.

Эти и иные ограничения на деятельность местных Советов (в целом перечень нотариальных действий, которые могли совершать эти органы, составлял в новом положении 8 пунктов, тогда как перечень действий нотариуса – 19 позиций) и привели к тому, что интерес населения к деятельности нотариусов начал понемногу увеличиваться. «Нагрузка (на нотариусов – А.К.), особенно в послевоенное время, возрастила. Обычным явлением стали многочисленные очереди в нотариальные конторы». Однако при этом в нотариальных конторах проходили «постоянные сокращения штатов, которые проводились, прежде всего, потому, что нотариат не приносил прибыль государству».¹¹¹ Примечательно, что изданный в 1952 году «Краткий словарь иностранных слов» не содержал слова «нотариат» – при том, что на его страницах нашлось место для столь узкоспециальных терминов, как «кантосиан» (красящее вещество), «гипнология» (наука о разведении лошадей) или «рабатка» (длинная узкая грядка для высадки декоративных растений).¹¹²

После смерти Сталина в СССР прошла первая дискуссия юристов по вопросам организации нотариального дела. В 1954 году заместитель министра юстиции СССР Д.С. Карев в ряде работ конкретизировал понятие «судебное управление», при этом «нотариат был механически отнесён к органам, “содействующим суду”, а управление им – к судебному управлению».¹¹³ «На органы судебного управления в ряде случаев возлагается выполнение и других обязанностей, непосредственно вытекающих из функций организации и контроля за деятельностью судов, а именно – надзор и руководство нотариальной деятельностью», – писал Д.С. Карев.¹¹⁴

Ему возражал другой заместитель министра юстиции, И.Д. Перлов, по мнению которого «нотариат не может быть отнесён к органам, содействующим суду в осуществлении правосудия. Связь между судами и нотариальными органами исчерпывается лишь возможностью обжалования некоторых нотариальных действий судам в установленном законом порядке».¹¹⁵

Указ от 4 августа 1956 года возложил на краевые и областные суды организацию и руководство нотариальными конторами – но при этом нотариат не входил в судебную систему, «нотариусы осуществляют самостоятельную задачу в органах юстиции».¹¹⁶

С конца 1950-х, а особенно – с середины 1960-х гг., когда советская власть, вынужденная отказаться от массового террора как метода управления страной, перешла к политике повышения благосостояния граждан (авторитетный современный исследователь А.В. Шубин назвал эту эпоху «золотой осенью» социализма¹¹⁷) – нагрузка нотариусов стала возрастать быстрыми темпами. «После 1953 года формально “соалистическая” и “общенародная” страна поворачивается с более-менее реальной заботой к своему народу и становится в современном

понимании государством социальным. Вместо сталинской политики шока и трепета, кнута и пряника, утверждаются стандарты политики, которую, скорее, можно назвать “пряник и трепет”. Капиталовложения в социальную сферу к 1980 году выросли в пять раз, что позволило значительно повысить уровень жизни советских людей».¹¹⁸

Не стал исключением и город Иваново. Даже самые краткие, энциклопедические его описания наглядно свидетельствуют, как происходила смена вектора внутренней политики в СССР в сторону увеличения заботы о «нуждах трудящихся». Вот статья о городе из третьего издания «Большой советской энциклопедии».

Говоря о довоенном периоде советской истории города, издание фиксирует лишь то, что «в годы довоенного социалистического строительства в городе были построены фабрики: прядильные – им. Ф.Э. Дзержинского (1927) и “Красная Талка” (1929); оттельно-красильная (1928); меланжевый комбинат (1929)». К 1960-м же годам, по словам БСЭ, в городе действовали уже не только введённые в строй «крупные заводы текстильного и торфяного машиностроения, автокранов, расточных станков, испытательных приборов, комбинат искусственной подошвы», но и была создана очень неплохая местная «пищевая промышленность: мясокомбинат, маргариновый, молочный, рыбоперерабатывающий заводы, кондитерская фабрика». Отдельно сообщалось, что «город застраивается по единому генеральному плану (развивается в южном и юго-восточном направлениях от центра). На окраинах выстроены благоустроенные рабочие посёлки с многоэтажными жилыми домами».¹¹⁹

В целом можно сказать, что люди стали жить лучше, у них появились недвижимость и ценное имущество – а соответственно, и необходимость документально фиксировать свои права собственности, оставлять завещательные распоряжения на

Новостройки-«хрущёвки». 1950-е гг. Сюда переезжали из коммуналок и бараков

случай смерти и совершать прочие нотариальные действия.

Однако новое «Положение о государственном нотариате РСФСР» от 30 сентября 1965 года¹²⁰ было, по сравнению с аналогичным актом 31 декабря 1947 года, значительно менее конкретным. Так, если «Положение» 1947 года прямо указывало, что «сеть государственных нотариальных контор в краях, областях и городах республиканского подчинения утверждается Советом министров РСФСР по представлению Министра юстиции РСФСР», то новый документ просто указывал, что «для совершения нотариальных действий организуются государственные нотариальные конторы». Расширились и нотариальные права местных Советов: были сняты ограничения на суммы сделок, которые они могли регистрировать; в 4-й ст. «Положения» 1965 года говорилось просто: «Исполнительные коми-

теты районных, городских, поселковых и сельских Советов удостоверяют сделки, кроме доверенностей на совершение действий за границей».

Подобное отношение к нотариату объяснялось отчасти и той социальной структурой, которая сложилась в СССР в годы «застоя»: собственности, нажитой абсолютно законным путём, было немного, вовсю работала т.н. «теневая экономика». «Ещё в начале 1960-х гг. по стране прокатилась волна крупных судебных процессов над “цеховиками”, но теневая экономика оказалась живучей и смогла приспособиться к новым условиям». Уже к концу 1960-х годов «теневая экономика была своеобразной формой не только экономического, но и социально-политического консенсуса между руководством и населением страны. В рамках теневой экономики действовал негласный императив: “Раз государство мне недоплачивает, я возьму с него натурой”. Теневая экономика была тем клапаном, через который выпускались излишки массового недовольства трудящихся всей страны».¹²¹

Положение нотариата – правового института, регулировавшего именно вопросы законного владения собственностью – становилось в таких условиях незавидным. Тем более, что доходы от деятельности нотариальных контор были минимальными. В период «застоя» во многих нотариальных конторах нотариусы не только готовили проекты документов и совершали нотариальные действия, но и сами выполняли всю техническую работу: печатали подготовленные документы на машинке или писали их от руки, регистрировали нотариальные действия в реестре. Многочисленные очереди в нотариальные конторы были обыденным явлением. Собственно нотариус был «малооплачиваемым государственным служащим, находившимся на самом низу бюрократической лестницы».¹²²

Уровень оплаты труда работников нотариаль-

ных контор зависел от многих факторов, но всегда был невысок. В т.н. «первой государственной нотариальной конторе» (образно говоря, «самой главной» нотконторе области, края или автономной республики, находившейся в городе – центре региона) старший нотариус мог заработать от 150 до 180 руб. в месяц; его заместитель – от 110 до 145 руб.; нотариус – от 105 до 130 руб. ежемесячно; консультант – от 90 до 115 рублей. Если нотконтора значилась в числе находящихся «в городах и районах», то зарплата её работников сокращалась ещё больше: старший нотариус мог рассчитывать на 110-145 рублей ежемесячно (в зависимости от района страны, где находился город), нотариус – на 100-130 рублей; консультант – на 80-90 рублей ежемесячной зарплаты.¹²³

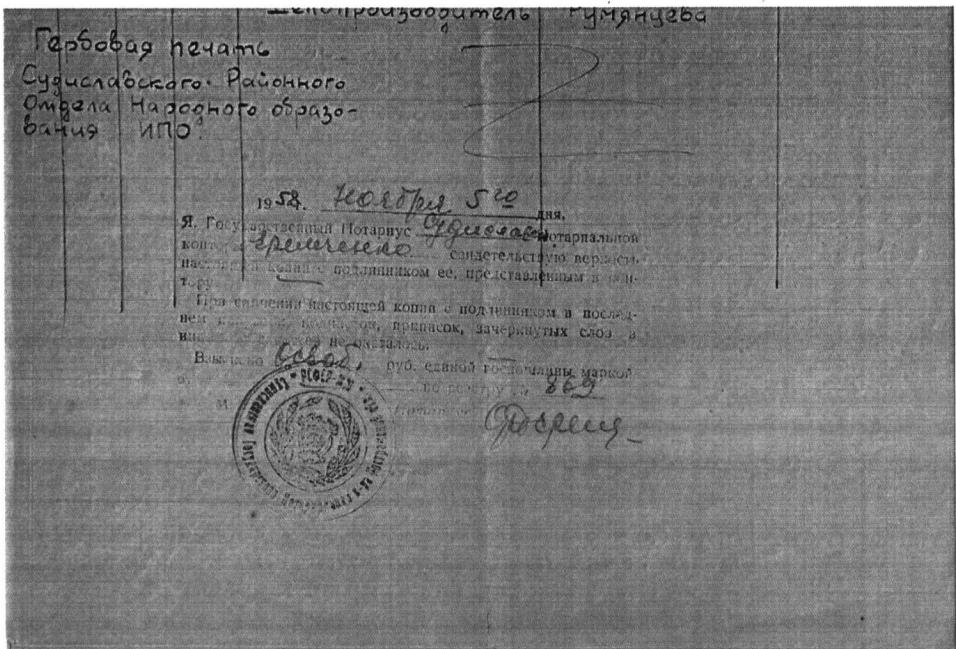
В целом это примерно соответствовало зарплате рабочего не слишком высокой квалификации или начинающего научного или инженерно-технического работника. В городе Иванове в период 1972-1983 гг. столяр 5 разряда (не высшего – наивысшим был 6-й разряд) зарабатывал 250 рублей ежемесячно. 140 рублей в месяц составляли оклад мастера участка (им мог быть рабочий без высшего технического образования).¹²⁴ По сравнению с заработками «простых работяг» «на северах» даже самый высокий оклад старшего нотариуса «первой государственной нотариальной конторы» был меньше в несколько раз.

Ветеран ярославского нотариата В.Ф. Ладанова на вопрос о том, были ли у нотариусов в 1960-1980-е годы какие-то дополнительные выплаты кроме заработной платы, ответила: «В качестве поощрения нотариусам объявляли благодарность. Это бывало редко и в основном к празднику 7 Ноября. Очень редко [выплачивались] премии, в основном 10 рублей». Ветеран ивановского нотариата М.С. Пашутина вспоминает, что у нотариуса государственной

нотариальной конторы в Родниках (Ивановская область) М.М. Новиковой из поощрений по службе (которой та отдала более четверти века) имелись «грамота Президиума Ивановского обкома профсоюза работников госучреждений, почётная грамота по итогам соцсоревнования нотариальных контор за 1987 год, 11 благодарностей (как отдельно, так и в сочетании с денежными премиями и ценностями подарками), 9 денежных премий и 6 ценных подарков».

Попробуем оценить, что такое премия в 10 рублей в СССР в годы «застоя». Первое, что традиционно приходит в голову и что сохранилось в «народной памяти» о тех годах – это бутылка водки за «3-62» или за «4-12» и колбаса по «2-20» за килограмм, но это не наш случай. На что могла потратить 10 рублей культурная, образованная женщина? Премию можно было традиционно «обмыть», но в нашем случае – скорее всего, шампанским. Его бутылка стоила тогда 3 руб. 87 коп. Можно было «порадовать себя» плиткой шоколада: её цена колебалась, в зависимости от сорта шоколада, от 80 коп. до 1 руб. 30 коп. Двадцать копеек стоил школьный завтрак – десятирублёвой премии было достаточно, чтобы обеспечить школьным питанием на два месяца одного ребёнка или на месяц – двух детей. Для покупки импортных туфель, ценой 25-30 руб. за пару, необходимо было получить три премии нотариуса. А на двухкомнатную кооперативную квартиру в городе Иванове (в 1974 году та стоила 4300 рублей) пришлось бы копить, если откладывать по половине зарплаты нотариуса, шесть лет.¹²⁵

При этом нотариусу часто приходилось быть не только умелым юристом, но и психологом. Напр., один из ветеранов нотариальной службы вспоминал, как однажды пришлось давать консультацию сотруднику МВД, пришедшему узнать о порядке оформления наследства: «Вы же юрист, можете разобраться

Копия «трудового списка» 1930-х гг., изготовленная и удостоверенная нотариусом государственной нотариальной конторы г. Судиславля. 1958 г.

сами. А он отвечает: “Да, но родителей не каждый день хоронишь”¹²⁶. Ветеран ивановского нотариата М.С. Пашутина вспоминает, что основными требованиями, предъявлявшимися к работнику государственной нотариальной конторы, были «вежливость и оказание грамотной юридической помощи».

И, тем не менее, несмотря на все трудности и сложность работы нотариусов, развитие нотариата остановить было уже нельзя. 19 июля 1973 года был принят уже не республиканский (уровня РСФСР), а всесоюзный закон «О государственном нотариате»¹²⁷, по которому был расширен перечень нотариальных действий, детальнее регулировался порядок их совершения; был повышен профессионально-образовательный ценз – нотариусом мог стать только обладатель высшего юридического образования, либо, в исключительных случаях, лицо без такого образования, но имеющее стаж работы по юридической специальности не менее 3 лет. В этой свя-

зи в РСФСР был принят республиканский закон «О государственном нотариате» от 2 августа 1974 года¹²⁸, заменивший собой «Положение» 1965 года.

Новый акт был значительно более чётким, чем предшествующий – и в этом смысле отчасти повторял «Положение» 1947 года. Напр., вновь был детально прописан порядок организации нотариальных контор: «В столице РСФСР городе Москве, городе Ленинграде, в столице автономной республики, краевом, областном центре одна из государственных нотариальных контор утверждается в качестве Первой государственной нотариальной конторы для совершения наиболее сложных нотариальных действий»; руководители таких контор – старшие нотариусы – назначались на должность и снимались с неё только лично Министром юстиции РСФСР.

«В связи с развитием внутреннего гражданского оборота и внешних экономических связей, неуклонным подъёмом материального и культурного уровня жизни советского народа», отчего «постоянно растёт количество договоров, завещаний, доверенностей и других сделок, оформляемых в государственных нотариальных конторах», Министерство юстиции СССР издало 19 октября 1976 г. приказ «О дальнейшем совершенствовании работы государственного нотариата»¹²⁹ – пожалуй, первый за все годы советской власти документ, прямо поднявший проблему качества условий работы нотариусов.

В приказе отмечались отсутствие во многих нотариальных конторах множительной техники и даже пишущих машинок, несвоевременное обеспечение нотариусов «законодательными материалами и другими необходимыми документами, а также реестровыми книгами, бланками нотариальных свидетельств, образцами удостоверительных надписей».

Предписывалось «установить удобный для населения распорядок работы государственных нотариальных контор и обеспечить строгое его соблюдение», а также «принять меры к оборудованию помещений, предназначенных для приёма посетителей, витринами или стендами с образцами нотариально оформляемых документов, обеспечить нотариальные конторы памятками для граждан с перечислением документов, необходимых для совершения нотариальных действий». Проблемы нотариата были столь значительны, что приказ предписал даже улучшать внешний вид документов, выходящих из-под пера нотариусов.

Между тем, занимая одно из последних мест по объёмам финансирования, нотариат в РСФСР выполнял одну из важнейших правовых задач: благодаря деятельности нотариусов в сфере гражданского права «чётко определяются содержание правоотношения, права и обязанности его участников, предупреждаются необоснованные споры и притя-

Один из символов краха СССР. Печать «В обмене отказано» на дензнаке в 50 рублей образца 1961 г. Май 1992 г.

зания, облегчается осуществление прав, пресекается их нарушение». ¹³⁰

Нотариат был востребован: по словам М.С. Пашутиной, в Ивановской области даже в районной

нотариальной конторе в Родниках ежегодно совершалось от 2500 до 3000 нотариальных действий. Чтобы удовлетворить спрос на нотариальные услуги со стороны жителей областного центра, в Иванове работали к 1980-м годам 4 нотариальные конторы.

К концу 1980-х годов рабочей нормой для нотариальной конторы, расположенной в областном или краевом центре, стали 100 обращений граждан в день. Дело было в том, что в стране явно обозначился отказ от коммунистического эксперимента. 26 мая 1987 года был принят закон о кооперативах, который фактически разрешил вести в СССР предпринимательскую деятельность.¹³¹ Спустя 4 с небольшим года, в сентябре 1991-го, Президент СССР М.С. Горбачёв совершил небольшой, но очень символичный акт – приказал заменить портрет В.И. Ленина, висевший в его кабинете, «нейтральным полотном», а за год до этого ту же операцию проделал бывший главный идеолог КПСС А.Н. Яковлев.¹³²

В декабре 1991 года СССР прекратил своё существование, а вместе с тем фактически закончились и эксперименты над российским нотариатом, начатые в 1917 году. Началась выработка нового законодательства о нотариате – теперь уже нотариате Российской Федерации.

Примечания

¹ ГАИО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

² ГАИО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 9 – 9-об.

³ История СССР. Эпоха социализма / Ред. колл.: М.П. Ким, Л.С. Гапоненко и др. М., 1957. С. 40, 17.

⁴ ГАИО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ ГАИО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, 112.

⁸ Ивановская область. По «Золотому кольцу России» / Ред. колл. В.А. Ефимов и др. Иваново, 2007.

С. 45.

⁹ ГАИО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1. Л. 116, 119 – 119-об.

¹⁰ Там же. Л. 133 – 133-об.

¹¹ Там же. Л. 133-об.

¹² Буровский А.М. Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории. Книга II. М., Красноярск, 2004. С. 194.

¹³ Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М., 2007. С. 34.

¹⁴ Ответ Председателя Совета народных комиссаров. 5 ноября 1917 года // Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 46-47.

¹⁵ Веллер М., Буровский А. Указ. соч. С. 202-203.

¹⁶ Щапов Г.Н., Самсонов В. Щаповы: из крестьян в текстильные фабриканты....

¹⁷ Декрет о суде // Известия ВЦИК. 1917. № 17. 24 ноября.

¹⁸ Декрет о направлении неоконченных дел упразднённых судебных установлений, принятый в заседании Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 29 декабря 1917 года // Известия ВЦИК. 1918. № 6. 12 января.

¹⁹ О суде (Декрет № 2) // Известия ВЦИК. 1918. № 29. 21 февраля.

²⁰ ГАИО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.

²¹ Там же. Л. 21.

²² Там же. Л. 24.

²³ Буровский А.М. Указ. соч. Книга II. С. 194.

²⁴ См.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 142-148.

²⁵ Декрет ВЦИК об отмене права наследования // Известия. 1918. 1 мая.

²⁶ Календарь памятных дат города Иваново на май [2008 года]. http://www.ivgoradm.ru/calendar/pamdata/2008/data_pam5.htm

²⁷ См.: Коняев А.Е. Нотариус или священник? Переадача текущего демографического учёта из рук РПЦ

советскому нотариату в 1917-1919 гг.: по материалам Ярославской губернии // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы X международной научной конференции. Иваново, 16-17 февраля 2011 г. Часть 2. Иваново, 2011. С. 390-396.

²⁸ Балдин К.[Е.] Юность губернии. 90 лет назад на карте России возник новый регион – Ивановская область // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. Ивановский областной ежемесячный исторический журнал. Специальный выпуск «Иваново-Вознесенской губернии 90 лет». С. 2.

²⁹ Там же. С. 4, 5, 6.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ Ивановская область. По «Золотому кольцу России»....С. 45.

³² Там же.

³³ Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России. М., 2007. С. 27.

³⁴ См.: Семёнова Т. Два гиганта. Михаил Фрунзе и Дмитрий Бурылин // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. Ивановский областной ежемесячный исторический журнал. Специальный выпуск «Иваново-Вознесенской губернии 90 лет». С. 16-24.

³⁵ В захолустье // Известия ВЦИК. 1922. 19 апреля.

³⁶ Булгаков М.А. Похождения Чичикова: повести, рассказы, фельетоны, очерки 1919-1924 гг. М., 1990. С. 70-71.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ Там же. С. 73, 74.

³⁹ Кодинцев А.Я. История и природа советского нотариата в трудах советских и российских учёных // Нотариальный вестник. 2008. № 2. С. 58-59.

⁴⁰ Зацепина С.А. Очерк истории советского нотариата <http://mirnot.narod.ru/sovetsk-och.html>

⁴¹ Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому от 22 февраля 1922 года / Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 33. М., 1978. С. 177; Его же. Речь на 4-й сессии ВЦИК

IX созыва 31 октября 1922 года / Там же. С. 356.

⁴² Зацепина С.А. Указ. соч.

⁴³ Теребов В.Н. Вексельная и актовая бумага РСФСР и СССР (1922-1930). Саранск, 2009. С. 5.

⁴⁴ Вексель <http://www.rusconsult.ru/glossary/?word=%C2%E5%EA%F1%E5%EB%FC>

⁴⁵ Анисимов С.В. Цена рубля. Иваново, 2011. С. 74-77.

⁴⁶ Сидоренко Д.В. Эволюция нотариального акта в России. <http://mirnot.narod.ru/istnotactrus.html>

⁴⁷ См.: Положение о государственном нотариате издания 1923 года // Собрание узаконений РСФСР 1923 года. № 75. Ст. 726.

⁴⁸ См.: Положение о государственном нотариате РСФСР // Собрание узаконений РСФСР 1926 года. № 74. Ст. 576.

⁴⁹ Сидоренко Д.В. Указ. соч.

⁵⁰ См.: Положение о государственном нотариате РСФСР, утверждённое 20 июля 1930 года // Собрание узаконений РСФСР 1930 г. № 38. Ст. 476.

⁵¹ Сидоренко Д.В. Указ. соч.

⁵² Архив Ивановской областной нотариальной палаты (ИОНП). Дело «Договоры отчуждения домовладения. 2 июня 1941 г. – 28 июня 1941 г.». Л. 22.

⁵³ См., напр.: там же. Л. 95-об.

⁵⁴ См., напр.: там же. Л. 86-об.

⁵⁵ См., напр.: там же. Л. 450. За регистрацию договора продажи 4/8 домовладения, оцененных в 17.000 рублей – взята пошлина 425 руб., т.е. 2,5%. Л. 95. За продажу права застройки, оцененного в 10.000 рублей – взята пошлина 200 руб., т.е. 2% от суммы акта.

⁵⁶ См., напр.: там же. Л. 425.

⁵⁷ Архив ИОНП. Дело «Договоры [на отчуждение] права застройки. 1 ноября 1941 г. – 31 декабря 1941 г.». Л. 1-об.

⁵⁹ Архив ИОНП. Дело «Договоры отчуждения за февраль месяц 1941 года». Л. 1-3.

- ⁶⁰ Шаламов В.Т. Колымские рассказы. М., 2007. С. 230.
- ⁶¹ Подробнее см.: Окологин В.С. Власть и налоги. Иваново, 2002. С. 67-82.
- ⁶² Сиганов Н.М. Записки и воспоминания о нашей родословной, отдельных фактах жизни и пережитом. Иваново, 2003. С. 59-61.
- ⁶³ Там же. С. 62.
- ⁶⁴ Цит. по: Хмельницкий Д.С. Нацистская пропаганда против СССР. 1939-1945. Материалы и комментарии. М., 2010. С. 22-24.
- ⁶⁵ Иванов Ю.А. История становления и развития нотариата Царицына – Стalingрада – Волгограда. <http://www.volgogradnotary.ru/publ/7-1-0-21>
- ⁶⁶ Ивановская промышленная область // Большая советская энциклопедия. Изд. 1-е. Т. 27. М., 1933. Стлб. 357.
- ⁶⁷ Советы народного хозяйства // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 24. Кн. 1. М., 1976. С. 50.
- ⁶⁸ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 20 июля 1930 года «О введении в действие Положения о Государственном нотариате РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. № 38. 22.09.1930. Ст. 476.
- ⁶⁹ Архив ИОНП. Дело «Договоры отчуждения домовладения. 2 июня 1941 г. – 28 июня 1941 г.». Л. 415, 420, 426, 431, 433, 439.
- ⁷⁰ Архив ИОНП. Дело «Договоры [на отчуждение] права застройки. 1 ноября 1941 г. – 30 декабря 1941 г.». Л. 14, 18, 20, 22, 24.
- ⁷¹ Докладная записка Ивановского обкома ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву «Об антисоветских выступлениях рабочих текстильных предприятий г. Иванова и области 19-20 октября 1941 года». Цит. по: Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях / Под ред. В.П. Столбова. Иваново, 2011. С. 70.

⁷² Архив ИОНП. Дело «Договоры [на отчуждение] права застройки. 1 ноября 1941 г. – 30 декабря 1941 г.». Л. 26.

⁷³ Государственный архив Ярославской области

⁷⁴ См., напр.: Архив ИОНП. Дело «Договоры [на отчуждение] права застройки. 1 ноября 1941 г. – 30 декабря 1941 г.».

⁷⁵ В коллекции документов автора данной книги имеется, например, заверенная И.Н. Смирновым 18 октября 1941 года копия «Архивной справки гр. Шупшиной-Бычковой».

⁷⁶ В коллекции документов автора данной книги имеется, например, удостоверенный В.П. Зайцевым «Договор отчуждения права застройки» от 2 апреля 1943 года. Опубликован: Коняев А.[Е.] Воздавая должное Правде. Ярославский нотариат в годы Великой Отечественной войны // 4 года из 1000. Ярославцы в Великой Отечественной войне. Вып. 2. Ярославль, Рыбинск, 2011. С. 126-127.

⁷⁷ Подробнее см.: Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 10 июня 1936 года «О реорганизации нотариальных органов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. 1936. № 15. Ст. 100.

⁷⁸ См., напр., бланк такого договора «между Даниловским отделом народного образования и гражданином»: ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 214. Л. 36.

⁸⁰ Архив ИОНП. Дело «Договоры отчуждения за февраль месяц 1941 года». Л. 19, 20, 24-24-об., 25-25-об.

⁸¹ Приказ Народного комиссариата юстиции СССР от 5 февраля 1941 года № 27 «О работе нотариальных контор РСФСР и руководстве ими». Цит. по: Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем. Изд. 3-е. М., 1947. С. 6.

⁸² ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

⁸³ Там же. Л. 1, 7.

⁸⁴ См., напр., одно из ходатайств, написанных на обороте куска географической карты (заявление от 21 января 1943 года жительницы дер. Потиравлово Большесельского района Ярославской области в Ярославский отдел народного образования об улучшении снабжения находящихся у неё на воспитании сирот): ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 205. Л. 3.

⁸⁵ Постановление Коллегии Министерства юстиции Союза ССР от 22 мая 1946 года «О выполнении постановления Коллегии НКЮ СССР от 18 декабря 1944 года “О работе Отдела нотариата НКЮ СССР”». Цит. по: Нотариат. Сборник официальных материалов / Сост. Н.С. Буднев. М., 1950. С. 46.

⁸⁶ Приказ Народного комиссариата юстиции СССР от 7 июня 1941 года № 87 «Об итогах всесоюзного совещания работников нотариата». Цит. по: Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем.... С. 6.

⁸⁷ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁸⁸ Директивное письмо Народного комиссариата юстиции СССР от 23 июня 1942 года № АД-11 «Об усилении руководства нотариальными конторами». Цит. по: Нотариат. Сборник постановлений.... С. 7.

⁸⁹ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 46. Л. 13.

⁹⁰ Приказ Народного комиссариата юстиции СССР от 4 апреля 1944 года № 9 «О порядке прохождения нотариусами производственной практики при нотариальных конторах». Цит. по: Нотариат. Сборник официальных материалов.... С. 14-15.

⁹¹ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 93. Л. 1-об.

⁹² ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

⁹³ См., напр., переписку старшего нотариуса Ивановской государственной нотариальной конторы с военнослужащим, находившимся в 1941 году в воинской части в Тбилиси в то время, как его родственники продавали часть дома, находившегося в

совместном владении: Архив ИОНП. Дело «Договоры отчуждения за февраль месяц 1941 года». Л. 338-345.

⁹⁴ Коняев А.[Е.] Правила выживания. У ярославского нотариата богатый опыт работы в экстремальных условиях // Ярославский регион. 2011. 9 февраля. № 5 (069).

⁹⁵ Приказ народного комиссариата юстиции СССР от 1 декабря 1945 года № 43 «О предоставлении льгот учащимся заочных высших и средних юридических учебных заведений». Цит. по: Нотариат. Сборник официальных материалов.... С. 16.

⁹⁶ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 4 июня 1943 года № 639 «О заработной плате нотариальных работников». Цит. по: Нотариат. Сборник постановлений.... С. 85.

⁹⁷ Для примера см., напр., «Отчёт об исполнении сметы по расходам местного бюджета детского дома им. Октябрьской революции» Большесельского района Ярославской области за 1941 год: в документе указано, что по штатному расписанию в детдоме предусмотрено 26 ставок работников, фактически укомплектовано 24. В связи с этим плановые расходы на зарплату в 1941 году были определены в 45.000 рублей, расходы по статье «начисления на зарплату» - в 3.600 рублей; фактически же расходы составили, соответственно, 42.920 и 3.428 рублей. Данных о штате детского дома и должностях сотрудников в отчёте не приводится. См.: ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 100. Л. 1, 1-об.

⁹⁸ Подробнее см.: ГАЯО. Ф. Р-2176. Оп. 4. Д. 1 (за 1936 год), 2 (за 1937 год), 3 (за 1938 год), 4 (за 1939 год), 5 (за 1940 год), 6 (за 1941 год).

⁹⁹ Лукашевич Р. Падчерица юстиции // Советская юстиция. 1989. № 19. С. 23.

¹⁰⁰ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 83. Л. 10.

¹⁰¹ Там же. Л. 11

¹⁰³ ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 215. Л. 31-31А.

- ¹⁰⁴ Власов А.Е. Ярославская милиция в годы войны // 4 года из 1000. Ярославцы в Великой Отечественной войне. Вып. 1. Ярославль, Рыбинск, 2010. С. 216, 218.
- ¹⁰⁵ Анисимов С.В. Указ соч. С. 84.
- ¹⁰⁶ Лукашевич Р. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁰⁷ Смыкалин А.С. Нотариат СССР в годы Великой Отечественной войны. http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2759_23.aspx
- ¹⁰⁸ ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 85. Л. 34, 48.
- ¹⁰⁹ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 15 сентября 1942 года № 1536 «О порядке удостоверения доверенностей и завещаний военнослужащих в военное время». Цит. по: Нотариат. Сборник постановлений.... С. 47.
- ¹¹⁰ Директивное письмо Народного комиссариата юстиции СССР от 28 августа 1943 года № Д-42 «О порядке засвидетельствования нотариальными конторами копий с документов, представляемых военнослужащими или касающихся семей военнослужащих». Цит. по: Нотариат. Сборник постановлений.... С. 75.
- ¹¹¹ Смыкалин А.С. Нотариат Челябинской области. XVIII-XXI века. М., 2007. С. 68.
- ¹¹² Краткий словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. Изд. 7-е. М., 1952. С. 36, 96, 272, 325.
- ¹¹³ Кодинцев А.Я. Указ. соч.
- ¹¹⁴ Карев Д.С. Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1954. С. 182.
- ¹¹⁵ Перлов И.Д. До конца завершить реформу судебного управления в СССР // СГИП. 1957. № 1. С. 24.
- ¹¹⁶ Кодинцев А.Я. Указ. соч.
- ¹¹⁷ Подробнее см.: Шубин А.В. Золотая осень или период застоя. М., 2008.
- ¹¹⁸ Ванюков Д.А. Эпоха застоя. М., 2008. С. 69.
- ¹¹⁹ См.: Положение о государственном нотариате РСФСР. 30 сентября 1965 года // Ведомости Вер-

ховного Совета РСФСР. 1965. № 40. Ст. 991.

¹²⁰ Ванюков Д.А. Эпоха застоя.... С. 39, 40-41.

¹²¹ Лукашевич Р. Указ. соч. С. 23.

¹²² Приложение № 6 к Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 года № 634 «Должностные оклады работников государственных нотариальных контор» // Собрание действующего законодательства СССР. Раздел III. Законодательство о труде, социальном страховании и социальном обеспечении. Кн. 4. Ч. 2. М., 1976. С. 284.

¹²³ Анисимов С.В. Указ. соч. С. 95.

¹²⁴ Там же. С. 96-98.

¹²⁵ Нотариат Удмуртии: Прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2004. С. 71.

¹²⁶ См.: Закон СССР «О государственном нотариате». 19 июля 1973 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30. Ст. 393.

¹²⁷ См.: Закон РСФСР «О государственном нотариате». 2 августа 1974 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1974. № 32. Ст. 852.

¹²⁸ Приказ МЮ СССР от 19 октября 1976 года № 22 «О дальнейшем совершенствовании работы государственного нотариата». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16138>

¹²⁹ Советский закон и гражданин. Юридический справочник / Под ред. Б.М. Бабия, Н.И. Козюбры. В 2 ч. Ч. 1. Киев, 1987. С. 134.

¹³⁰ Аннотация к Указу Президента РФ от 18 октября 2007 г. № 1381 «О Дне российского предпринимательства» <http://base.garant.ru/6381522/>

¹³¹ Зенькович Н.А. Новости из Кремля. Смоленск, 1999. С. 15.

ГЛАВА VI. БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ (1991-2012)

§ 1. Между прошлым и будущим

В 2013 году возрождённому российскому небюджетному нотариату исполняется 20 лет: 11 февраля 1993 года были приняты «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». Двадцать лет – срок достаточный, чтобы сформировалось поколение юристов, работавших только по этим «Основам». Но можем ли мы говорить об истории российского нотариата 1993-2012 годов? Вопрос спорный и открытый. С нашей точки зрения, пока ещё можно что-то говорить только о предыстории российского небюджетного нотариата. И вот почему.

На рубеже 1980-1990-х годов в жизнь россиян стремительно входили, а вернее сказать, возвращались капиталистические отношения, право частной собственности на землю, недвижимость, средства производства. Неподготовленность людей к таким переменам при этом умножалась на стремительность и внезапность этих перемен. В результате зачастую принимались скоропалительные и половинчатые решения.

Убеждённый коммунист Н.А. Зенькович, который в 1990-1993 гг. вёл что-то вроде дневника, куда записывал все негативные события, происходившие в Москве, не преминул довольно язвительно отозваться, например, о знаменитом указе Б.Н. Ельцина «О свободе торговли». «Ни один президентский указ не выполняется в Москве с таким рвением, как указ о свободе торговли. На каждом шагу торгуют буквально всем: одеждой и обувью, горя-

чительными и прохладительными напитками, продуктами питания и сигаретами. В подземном переходе, ведущем от станции метро “Охотный ряд” к Красной площади, обосновались продавцы государственных наград СССР». Или: «Известный указ президента Ельцина о свободе торговли превратил Москву в сплошной блошиный рынок. У входа в метро, на улицах, всюду продаются скоропортящиеся продукты. Щекастые, со здоровым румянцем, добрые молодцы суетливо предлагают мясо, которое при проверке оказывается не свининой и не говядиной. Голь на выдумки хитра – доверчивым покупателям подсовывают фарш из собак и кошек». И при этом: «Апрель (1992 года – А.К.). До сих пор не сформирован бюджет Российской столицы на текущий год. Причина одна – финансовое банкротство города. ...Зарабатывать сама Москва так и не научилась. Просить никогда не умела. Остаётся одно – требовать. Так нищий, рассерженный невниманием прохожих, сердито кричит им вдогонку: “Дайте же что-нибудь, чёрт вас возьми!”».¹

В подобной обстановке и создавались «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». И просто удивительно, что в ситуации всеобщей неразберихи был выработан и введён в действие, в общем и целом чёткий и ясный – как минимум, для своего времени – закон о нотариате.

Не претендуя на глубокий юридический анализ «Основ...», отметим те их моменты, которые кажутся нам наиболее важными, а также то, что в 1993 году могло считаться наиболее оптимальными решениями.

Нотариат в Российской Федерации, согласно ст. 1 «Основ законодательства...», был призван «обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путём совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Россий-

ской Федерации». Совершать нотариальные действия получали право «нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе или занимающиеся частной практикой», причём частнопрактикующий нотариус непременно «должен быть членом Нотариальной палаты». При невозможности содержать в том или ином населённом пункте (например, сильно удалённом от коммуникаций и малонаселённом поселении где-нибудь в северных районах страны) ни государственную, ни частную нотариальную контору, допускалось, что «совершать нотариальные действия имеют право глава местной администрации поселения и специально уполномоченное должностное лицо местного самоуправления поселения». Таким образом, новый закон о нотариате вполне удачно «вписался» и в политические, и в экономические коллизии начала 1990-х годов: сохранялись и нормы советского закона (государственный нотариат), и нововведения (а точнее сказать, частичный возврат к практике негосударственного нотариата России 1866-1917 гг.) реформаторов-капиталистов. На случай нерентабельности и того, и другого нотариата в условиях экономического коллапса всегда имелись органы местного самоуправления, где можно было точно так же удостоверить все нужные акты.

Закон предъявлял к нотариусам высокие образовательные и моральные требования. Начать нотариальную практику, согласно ст. 2 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» могло только лицо, обладающее высшим юридическим образованием, прошедшее стажировку не менее 1 года в государственной или частной нотариальной конторе. Согласно ст. 19-й «Основ...», даже помощник нотариуса был обязан иметь особую лицензию на право осуществления нотариальной деятельности, выдаваемую по итогам сдачи квалификационного экзамена.

Основы законодательства
Российской Федерации

о нотариате

2011

ЧИТАЙ!

«Основы законодательства РФ о нотариате».

Издание 2011 г.

неоднократное совершение дисциплинарных пропступков» нотариус мог быть отстранён от работы.²

Закон учитывал и ошибки «Положения о нотариальной части» 1866 года. Скажем, если по «Положению...» лицо, желающее работать нотариусом, было обязано внести огромный денежный залог непосредственно, т.е. собственными наличными деньгами, то «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» 1993 года установили для частного нотариуса лишь обязан-

Даже частный нотариус обязывался прежде всего служить закону, а не извлекать из своей деятельности доход: «Нотариальная деятельность не является предпринимательством и не преследует цели извлечения прибыли». «Нотариус не вправе заниматься самостоятельной предпринимательской и никакой иной деятельностью, кроме нотариальной, научной и преподавательской», а также «оказывать посреднические услуги при заключении договоров». «По ходатайству Нотариальной палаты за

ность «заключить договор страхования своей деятельности»; «страховая сумма не может быть менее 100-кратного установленного законом размера минимальной месячной оплаты труда».³ То есть, непосредственно с нотариуса взималась лишь плата за заключение договора страхования.

Наконец, отметим статью 22.1, введённую в «Основы законодательства...» федеральным законом № 127-ФЗ от 2 ноября 2004 года, установившую фиксированные «размеры нотариального тарифа». Центральная власть тем самым подчёркивала, что «лихие 90-е» с их гиперинфляцией закончились, а законодательство о нотариате, принятое в то время, в общем и целом достаточно грамотное и продуманное и нуждается лишь в небольших корректировках.

Реальность, однако, опровергла подобные настроения.

Девятого сентября 2010 года была опубликована достаточно объёмная, но очень важная не только для нотариусов, но и для российских юристов вообще, новость. Приведём её целиком.

«По новому закону о нотариате лишатся работы последние 40 госнотариусов.

Федеральная нотариальная палата закончила сбор замечаний к сенсационному проекту закона о нотариате. Среди революционных новаций – связать нотариусов в единые электронные сети с регистрационными органами, налоговой инспекцией, миграционной службой и прочими ведомствами.

А в целом полномочия нотариусов планируется значительно расширить. По проекту, они смогут удостоверять мировые соглашения, а также оформлять документы на квартиру и прочую недвижимость в режиме “одного окна”. И многое другое. Не будет преувеличением сказать, что обсуждаемый закон касается всех и каждого. Всё равно кому-то из нас завтра придется оформлять доверенность, покупать квартиру или заключать с кем-то сделку. Поэтому важно, что

Заседание правления Ивановской областной нотариальной палаты. 2011 г.

подобные инициативы обсуждаются гласно, и если кого-то что-то пугает, еще не поздно поправить.

- Мы специально разместили законопроект на сайте и рассылали по регионам для обсуждения, и теперь формируем так называемую таблицу замечаний и предложений, – сообщили в Федеральной нотариальной палате. – Конечно, если сегодня-завтра поступят ещё какие-то письма, мы их учтём, однако по большому счёту подведение итогов уже началось. А в конце сентября предлагаемые поправки поступят на рассмотрение рабочей группы.

В самой Нотариальной палате уверяют, что проект нового закона ставит целью создать максимальные удобства для граждан. Например, сбором информации, необходимой для оформления юридических прав, согласно документу займётся сам нотариус. Для этого он будет использовать современные средства связи: планируется создать си-

стему информационного обмена с федеральными службами – держателями официальных реестров и электронных баз данных.

– Смысл очевиден и понятен – оперативный обмен официальной информацией, содержащейся в базах данных федеральных служб и соответствующих нотариальных палат, – сказал член правления Федеральной нотариальной палаты, государственный советник юстиции II класса Станислав Смирнов. – Для этого и необходимо законодательное закрепление в нотариальной практике процедуры взаимодействия нотариусов с федеральными службами посредством отправки и получения электронных писем с использованием средств Интернета, использования электронно-цифровой подписи.

Уже сегодня в 12 регионах страны в порядке эксперимента проводится работа по обмену информацией между нотариусами и государственными регистраторами о зарегистрированных в Едином государственном реестре правах на недвижимое имущество. Соответствующее соглашение было заключено Нотариальной палатой с Росреестром. Готовятся аналогичные договоры с налоговой и миграционной службами. Как считают сами нотариусы, они как минимум должны быть включены в программу предоставления государственных услуг в электронном виде. При этом создается необычный для нашей страны прецедент: к государственным базам данных фактически подключается неказённая структура.

По проекту, государственных нотариусов не останется вовсе, хотя их, скажем прямо, и сегодня немного.

Сейчас во всех государственных нотариальных конторах работает менее 40 нотариусов. Проблема в том, что, как рассказывают специалисты, госнотариусы не решают самой важной задачи: обеспечения качественными юридическими услугами жителей

отдалённых и неразвитых районов. В итоге, как не раз заявляло руководство Минюста, было принято решение отказаться от государственного нотариата. Останутся только небюджетные “слуги народа” (в нотариальном смысле). Однако и отдалённые районы пострадать не должны. Понятно, что самостоятельно нотариальная контора в тех местах просто не выживет. Так что коллегам придётся протянуть ей руку помощи. Проект закона предлагает ввести специальные дотации нотариусам отдалённых регионов за счёт специальных фондов нотариального сообщества. Существенная оговорка – привлекать бюджетные источники для этого не потребуется.

- Наряду с внедрением в практику новых современных технологий сбора информации об объектах права проект закона предлагает и процедуру подачи нотариусом удостоверенных документов для проведения государственной регистрации прав и выдачу документов о зарегистрированных правах заявителям, – рассказывает Станислав Смирнов. – Спешу успокоить риелторов: закон о нотариате не может установить обязательную нотариальную форму сделок с недвижимостью, это предмет Гражданского кодекса РФ.

Проект предлагает гражданам право выбора: либо обращение к посредникам, как это сегодня практикуется, либо к нотариусу, который сможет выполнить весь комплекс действий от заключения договора до вручения новому собственнику жилья комплекта оформленных документов. Получится оформление квартиры в одном окне. Очереди в БТИ, в регистрационных палатах и прочих чиновничьих службах могут остаться лишь страшным сном. Более того, проект предлагает новеллу – использование депозитного счета нотариуса для расчетов по заключённой сделке. Час расплаты – самый опасный момент при покупке-продаже квартиры и любой дорогой вещи с рук – станет лёгким и, возможно, даже при-

ятным. Никто никого не ограбит и не обманет, гаран-
тией тому станет нотариус.

При этом и риелторы в любом случае без рабо-
ты не останутся. Свести между собой покупателя
и продавца – тоже нелёгкий труд. Кто покупал, тот
знает, как трудно найти подходящую квартиру. Нота-
риусы этим точно не будут заниматься.

Отдельный вопрос – тарифы. Они должны совме-
стить две вещи, казалось бы, несовместные: оставаться
доступными даже для малоимущих и в то же время
обеспечивать самофинансирование нотариальных
контор. Ведь помещения, свет, новейшие технологии,
даже простая бумага – всё стоит денег. Как полагает
Станислав Смирнов, размер нотариального тарифа
должен иметь чёткое экономическое обоснование,
быть увязан с уровнем платёжеспособности населения
в конкретном регионе России, а также быть дифферен-
цирован в зависимости от категории плательщика.

Документ предлагает и дополнительные, более
жёсткие требования к людям, претендующим на
должность нотариуса, в том числе возрастные ограни-
чения. Усиливается и роль Минюста в контроле за нота-
риатом. В ближайшее время Федеральная нотариальная
палата намерена обсудить законопроект и с европейски-
ми коллегами: в Париже пройдет большой сбор высокоп-
оставленных юристов России и Франции, на котором
обсудят, в том числе, инициативы по модернизации на-
шего нотариата. А сам законопроект планируется вне-
сти в Госдуму в период осенней сессии.

Что нового в законопроекте:

- 1) Оформлять документы и регистрировать право на недвижимость по принципу “одного окна”.
- 2) Установить электронные каналы с ведом-
ствами, ведущими официальные реестры и базы данных. Ликвидировать государственные нотариальные конторы.
- 3) Ввести гибкие нотариальные тарифы, до-

ступные для малоимущих, более дорогие для юридических лиц.

Недавно свыше 130 представителей 40 нотариальных палат приняли участие в семинаре на тему: “Профессиональные и этические стандарты деятельности нотариусов”. Вопрос имиджа современного российского нотариата стал действительно актуальным в связи с намечающимся принятием нового закона, в котором нотариусам предлагается осуществлять ряд новых для них функций. Но совершенно ясно – если позитивный образ нотариата не будет сформирован к тому времени, когда закон вступит в силу, нотариусы просто не смогут рассчитывать на доверие граждан, без которого полноценная работа невозможна. Открыла программу перво-

Коллектив ИОНП на отдыхе.

го дня семинара Президент ФНП Мария Сазонова. В своём выступлении Президент ФНП отметила, что нотариусам придется не только работать по-новому, но и решительно искоренять свои недостатки. Особенно жёстко Мария Сазонова предлагает бороться с нарушениями закона, вызывающими справедливые жалобы наших граждан, и “избавляться от отморозков”, порочащих нотариальное сообщество.

Впрочем, новый федеральный закон о нотариате не обязательно будет принят в следующем году. Скорее всего, вначале придётся доработать новый текст Гражданского кодекса РФ, а это довольно длительный труд. Так что какое-то время для самосовершенствования у нотариата ещё есть, но откладывать в долгий ящик эту работу недопустимо, считает Мария Сазонова».⁴

Из текста информационного сообщения достаточно хорошо видно: российский нотариат, да и не только его, а и гражданское право России в целом, ждут серьёзные изменения. История возрождения в России латинского нотариата ещё далеко не дописана. Поэтому делать какие-то выводы и подводить какие-то итоги «исторического развития» российского нотариата хоть в целом по стране, хоть в каком-то отдельном регионе России, на наш взгляд, ещё рано и опрометчиво.

Поэтому, говоря об ивановском нотариате периода 1991/1993-2012 годов, мы ограничимся неким подобием хронологической таблицы – изложим основные факты, воздерживаясь пока от их оценки.

§ 2. Летопись ивановского нотариата 1993-2012 гг.

Если практическая реализация «Положения о нотариальной части 14 апреля 1866 года» началась в Ивановском крае с опозданием более чем на 10 лет по его опубликовании, то история возрождённого латинского нотариата началась тут даже раньше, чем в целом по стране.

Глядя на «Устав Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации», в первых его строках мы читаем: «Утверждён на учредительной конференции представителей региональных нотариальных палат в городе Москве 22 сентября 1993 года».⁵ История же небюджетного нотариата Ива-

новской области началась за день до этого, 21 сентября 1993 года.

Именно этим днём датируется «Протокол № 2 совместного собрания администрации Управления юстиции и нотариусов, занимающихся частной практикой» города Иванова.⁶ Двадцать пять из 32 частных нотариусов Ивановской области, в присутствии представителя администрации Управления юстиции Е.С. Гаврилова и государственного нотариуса Ивановской городской нотариальной конторы К.В. Желтовой, собрались, чтобы принять и утвердить Устав Ивановской областной нотариальной палаты и принести присягу.

По ходу заседания пришлось решать многие дополнительные вопросы. Так, например, сразу после утверждения повестки дня было заслушано сообщение о том, что «многие нотариусы, занимающиеся частной практикой и присутствующие на собрании, ещё не являются членами Нотариальной палаты». Тотчас же этот вопрос был решён: последние 13 нотариусов Ивановской области, ранее не состоявших в ИОНП, были туда приняты.

Затем состоялось голосование по проекту Устава ИОНП, который был единогласно поддержан. Сразу после этого была принесена присяга: присутствовавшие на собрании расписались под её текстом. Отныне они брали на себя обязательство жить и работать по принципу: «Торжественно присягаю, что обязанности нотариуса буду выполнять в соответствии с законом и совестью, хранить профессиональную тайну, в своём поведении руководствоватьсяся принципами гуманности и уважения к человеку».⁷

Первым Президентом Ивановской областной нотариальной палаты стала Нателла Сергеевна Захарова.

К моменту создания ИОНП она уже имела достаточный практический опыт – на юридической работе Н.С. Захарова находилась с августа 1982

года, в советские годы работала нотариусом государственной нотариальной конторы. Коллеги так характеризуют Нателлу Сергеевну: «На протяжении многих лет принимает активное участие в деятельности нотариального сообщества. В 1993 году избрана первым Президентом Ивановской областной нотариальной палаты. На данном посту находилась до мая 1998 года. В течение пяти лет с честью и огромной самоотдачей исполняла свой долг по становлению частного нотариата в Ивановской области. За время работы зарекомендовала себя не только как высокопрофессиональный нотариус, но и как активный пропагандист правовых знаний. Всей своей деятельностью способствует развитию системы нотариальной защиты прав граждан и юридических лиц. Н.С. Захарова – принципиальный человек, юрист с активной жизненной позицией, профессионал высшего уровня». Помимо множества почётных грамот и благодарностей официальных лиц (губернатора Ивановской области и др.), Нателла Сергеевна Захарова удостоена медалей Федеральной нотариальной палаты России «За добросовестный труд в нотариате» и Министерства юстиции «В память 200-летия Минюста России».

Продолжила дело, начатое Н.С. Захаровой, второй Президент ИОНП, Нина Владимировна Балуева, руководившая Нотариальной палатой с 1998 по 2003 годы.

Под её руководством в Ивановской области произошёл окончательный переход от государственного нотариата к небюджетному. Ветеран ивановского нотариата М.С. Пашутина вспоминает, что последняя государственная нотариальная контора была закрыта в Ивановской области в 1999 году; «до 1 января 1999 года единственным госнотариусом оставалась Осинкина Н.С.».

С 2000 года Н.В. Балуева совмещала работу в Ивановской области и в Москве: она стала членом

Представители ИОНП на курсах повышения квалификации в Москве. 2012 г.

комиссии ФНП по законодательной и методической работе. В 2003 году «Общим собранием нотариусов Ивановской области была избрана членом Правления ИОНП, где проявляет себя как высокопрофессиональный специалист».

По отзывам коллег, Нина Владимировна Балуева «принимает активное участие в деятельности нотариального сообщества. Как профессионал высокого уровня, в 2003 году была избрана членом Научно-методической комиссии Ивановской областной нотариальной палаты. Всей своей деятельностью она способствует развитию системы нотариальной защиты прав граждан и юридических лиц. Являясь членом Ивановского отделения Союза юристов, постоянно выступает перед студентами и членами Союза юристов с целью ознакомления их с нотариальной деятельностью. Нина Владимировна за время работы зарекомендовала себя как отзыв-

чивый человек, к которому всегда можно прийти за помощью и советом. Она пользуется уважением у своих коллег и у многочисленных благодарных клиентов».

Научно-методической комиссией ИОНП, куда входит Н.В. Балуева, к 2006 году было «проведено 16 заседаний. Разработаны методические рекомендации по некоторым вопросам оформления документов с земельными участками, памятка по работе с завещательными распоряжениями на денежные средства, хранящиеся на вкладах в Сберегательном банке и т.д.».⁸

Как и Н.С. Захарова, Н.В. Балуева удостоена медали ФНП «За добросовестный труд в нотариате».

18 апреля 2003 года на должность Президента ИОНП была избрана Елена Станиславовна Полётова, занимающая этот пост и поныне.⁹ По истечении первого срока полномочий она была переизбрана на второй «практически единогласно».¹⁰

Под руководством Е.С. Полётовой 10 октября 2003 года прошло собрание-семинар частнопрактикующих нотариусов Ивановской области, на котором было принято решение о создании профильных комиссий и рабочих групп ИОНП. Были утверждены:

- Комиссия по контролю за исполнением нотариусами Ивановской области профессиональных обязанностей;
- Комиссия по повышению квалификации нотариусов Ивановской области;
- Научно-методическая комиссия;
- Комиссия по этике и рассмотрению жалоб граждан на действия нотариусов Ивановской области, нарушающих нормы, установленные профессиональным кодексом нотариусов Российской Федерации;
- Рабочая группа по связям с общественностью и средствами массовой информации;
- Рабочая группа по проведению культурно-массовых мероприятий.¹¹

В целом можно сказать – были созданы все усло-

вия для постоянного повышения качества нотариальной работы в Ивановской области.

Е.С. Полётова личным примером демонстрирует стремление к повышению этого качества. Не считая участия в различных КМС и т.п. плановых мероприятиях ФНП, в августе 2007 года она приняла участие в Первом всероссийском семинаре по повышению квалификации нотариусов в Иркутске.¹²

Несмотря на короткий по историческим меркам период деятельности Ивановской областной нотариальной палаты, у неё уже появились и свои ветераны.

С 30 по 31 мая 2008 года в Санкт-Петербурге проходил Третий конгресс нотариусов России «Российское государство, общество, нотариат». На этом представительном мероприятии (гостями стали заместитель Председателя Государственной Думы РФ Л.К. Слиска, заместитель Министра юстиции РФ А.Д. Алханов и др.) нотариусы ИОНП Антонина Степановна Кудрявцева и Надежда Михайловна Кузьмина были награждены «за самоотверженный труд и преданность нотариату», как проработавшие в нотариате 30 и более лет.¹³

Ивановская областная нотариальная палата достаточно широко известна за пределами Ивановской области. 17 марта 2006 года на отчётно-выборное собрание нотариусов, занимающихся частной практикой в Ивановской области, прибыл тогдашний Президент Федеральной нотариальной палаты РФ Е.Н. Клячин. Важным событием в жизни Ивановской области стал переезд ИОНП в её нынешний офис на ул. Куконковых, 152: в открытии офиса принимали участие заместитель Губернатора Ивановской области, заместитель Председателя Ивановского областного суда, председатель Ивановской адвокатской палаты и другие официальные лица региона. Руководство ИОНП, в свою очередь, было приглашено на празднование 90-летия Ивановского областного суда, проходившее 11 сентября 2008

года. Президент ИОНП Е.С. Полётова была членом Общественной палаты Ивановской области.

Представители ИОНП приглашаются на крупные общероссийские и международные мероприятия. Так, 6-7 июня 2005 года делегация ИОНП принимала участие во Втором российско-французском семинаре «Нотариат как институт превентивного правосудия», а Президент ИОНП Е.С. Полётова 12 декабря 2008 года была приглашена на научную конференцию «15 лет Конституции Российской Федерации», проходившую в Москве с участием высшего руководства страны (открывал конференцию тогдашний Президент РФ Д.А. Медведев).¹⁴

Не чужда ивановским нотариусам и благотворительность. «В 2005 году Правлением Ивановской областной нотариальной палаты было принято решение о взятии шефства над Юрьевецкой муниципальной специальной (коррекционной) общеобразовательной школой-интернатом. Был взят самый бедный, самый отдалённый от областного центра детский дом. В интернате проживают 114 детей, из них 40 – сироты, остальные – дети из неблагополучных семей. Для них была выделена материальная помощь. На эти деньги в учебные классы для девочек приобретены новые швейные машины, для мальчиков – современное оборудование для столярных работ, принтер, телевизор, спортивный инвентарь, коньки, игрушки, канцтовары. Активное участие в благотворительной акции приняли нотариусы, было собрано большое количество одежды, игрушек, книг. На деньги, собранные нотариусами, приобретены новогодние подарки для детей».¹⁵

Таков предварительный и краткий перечень фактов об Ивановской областной нотариальной палате за первые 20 лет её существования. Их историческая оценка ещё впереди: возрождение латинского нотариата, как в России в целом, так и в Ивановской области в частности – это то «боль-

*Делегация ИОНП на Третьем конгрессе нотариусов России.
Санкт-Петербург, 2008 г.*

шое», что видится только на очень хорошем расстоянии.

Примечания

¹Зенькович Н.А. Указ. соч. С. 183, 184, 187-189.

²Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Ст. 1 п. 6, ст. 6, ст. 12 п. 3.

³Там же. Ст. 18.

⁴По новому закону о нотариате лишатся работы последние 40 госнотариусов. <http://www.dist-cons.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=43183>

⁵Устав Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации. http://old.notariat.ru/press_3842_23.aspx.htm

⁶Архив ИОНП. «Протокол № 2 совместного собрания администрации Управления юстиции и нотариусов, занимающихся частной практикой. Город Иваново. 21.09.1993».

⁷Основы законодательства Российской Федерации

о нотариате. Ст. 14.

⁸Ивановская областная нотариальная палата. 18 апреля 2003 – 17 марта 2006. Б.м., 2006. С. 7.

⁹Там же. С. 3.

¹⁰Ивановская областная нотариальная палата. 2006-2008 гг. Б.м., 2008. С. 8.

¹¹Ивановская областная нотариальная палата. 18 апреля 2003.... С. 5.

¹²Ивановская областная нотариальная палата. 2006-2008 гг..... С. 35.

¹³Там же. С. 43-46.

¹⁴Ивановская областная нотариальная палата. 18 апреля 2003 – 17 марта 2006.... С. 11; Ивановская областная нотариальная палата. 2006-2008 гг..... С. 53. Выступление [Президента России] на научно-практической конференции, посвящённой 15-летию принятия Конституции Российской Федерации. <http://президент.рф/%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BF%D1%8F/2445>

¹⁵Ивановская областная нотариальная палата. 18 апреля 2003 – 17 марта 2006.... С. 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НОТАРИАТ КАК МЕРИЛО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Современному состоянию города Иванова даётся следующая характеристика:

«Текстильное и швейное производство по-прежнему занимает заметное место в городской экономике Иванова. Ведущие предприятия текстильной отрасли: Ивановский меланжевый комбинат, Прядильная фабрика-автомат им. Балашова, Большая ивановская мануфактура, Новая ивановская мануфактура, Комбинат им. Самойлова, Ивановский парашютный завод “Полёт”, ОАО “Красная Талка”.

К наиболее развитым отраслям промышленности также относятся машиностроение, пищевая промышленность, включая производство напитков, производство неметаллических минеральных продуктов, выпуск транспортных средств и оборудования, химическая промышленность, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, металлургия и выпуск готовых металлоизделий, целлюлозно-бумажная и полиграфическая промышленность. В число крупнейших предприятий Иваново также входят Ивановская пивоваренная компания, Ивановская домостроительная компания, “Ивановоискож” (производство искусственных кож, линолеума), “Нейрософт” (медицинское диагностическое оборудование), “Текстиль-Профи Иваново”. Развита сфера розничной торговли. В Иваново представлен ряд региональных и общенациональных розничных сетей».¹

Если говорить кратко – в Иванове (как, впрочем, и в целом по стране) стали уделять гораздо больше внимания сфере личного потребления граждан.

Это немедленно сказалось и на состоянии здешнего нотариата. Если на момент создания Ивановской областной нотариальной палаты в области

работало 26 нотариальных контор, то на начало 2012 года их насчитывалось уже 57. Автор гимна ИОНП Ю.В. Кузьмин включил в него такой куплет:

«Поскольку рынок набирает оборот,
Он без нотариата не пробудет.
Уверенно мы скажем наперёд:
Нотариат наш был, он есть и будет!»²

В том же гимне можно найти и строки, посвящённые прошлому нотариата Ивановского края:

«Ивановский родной нотариат
Традициями славными богат,
И их хранит уверенно и свято...».

Задумаемся – чем же именно богат ивановский нотариат?

Тем, что даже в условиях политических пертурбаций – будь то 1917 год или «лихие 90-е» – умел защищать одновременно и закон, и интересы посетителей нотариальных контор? Это не какая-то особая ивановская нотариальная традиция, это профессиональное умение всех нотариусов России.

А что же в истории и традициях ивановского нотариата всё-таки особенное, выделяющее его на общероссийском фоне? На наш взгляд – то, что именно ивановский нотариат нагляднее всего демонстрирует, для чего вообще был создан этот правоохранительный институт.

Нотариат, несмотря на его кажущийся «бюрократизм», в реальности является самым близким каждому гражданину правоохранительным институтом, поскольку он защищает те права, с реализацией которых люди сталкиваются ежедневно. У всех есть какая-то собственность. Все обладают каким-либо социальным статусом. Хоть раз в жизни все совершают крупные финансовые операции, приобретают недвижимость и ценное имущество. Для окончательной легитимации собственности, социального статуса, а равно и той воли, которая

Молодое поколение ивановских нотариусов: после вручения лицензий.

будет реализована уже после смерти – распоряжения о своём имуществе, выраженного в завещании – и существует нотариат.

Что представляет собой, если говорить в общем, история Ивановского края? Это история людей, которые «сделали себя сами». Крепостных, ставших миллионерами. «Маленьких людей», в 1945-м выигравших великую войну. Тружеников «скромного» текстильного производства, выпускавших продукцию, в повседневной жизни гораздо более нужную, чем продукция приоритетного при советской власти ВПК. Эти люди, как умели, реализовывали сами и помогали реализовать другим одно из основополагающих прав всех людей – право на стремление к счастью. А показателем того, насколько удавалось реализовать это право – и был нотариат.

Периоды расцвета ивановского нотариата со-

впадают с периодами роста благополучия жителей Ивановского края. В условиях крепостного права, когда помещик мог отнять у «холопа» любое наложенное им имущество – нотариат продолжал жить и развиваться, но крайне медленно. Когда Александр Освободитель дал бывшим крепостным свободу – нотариат начал развиваться в Ивановском крае быстро и стремительно. Когда советская власть трубила об успехах «социалистического строительства», умалчивая о том, что все эти успехи достигаются за счёт нищеты граждан СССР – об этом ясно и недвусмысленно говорил резкий упадок нотариата. А стоило советской власти в брежневские годы наконец-то начать на практике проявлять «заботу о нуждах трудящихся» – в городе Иванове сразу же перестало хватать одной нотариальной конторы и потребовалось четыре.

В этом, как нам кажется, и состоит главный смысл истории ивановского нотариата. Знать и изучать её необходимо не только для того, чтобы воздать должное нотариусам прошлого – людям, которые не только исполняли свой формальный долг, выполняя предписания законодательства о нотариате, но и меняли сознание людей, превращая бывших крепостных в граждан. Помимо прочего, нотариусы фиксировали и подлинную историю региона – ведь им приходилось создавать уникальные документы, целиком и полностью не подходящие ни под одну классификацию исторических источников. С одной стороны – это были акты официальные, с другой – всегда очень личные, создававшиеся «маленькими» людьми под свои нужды. Акты, в которых находится то, чего никогда не найдёшь в «официальной» истории края.

Примечания

- ¹ Иваново [http://federacia.ru/encyclopaedia/city/
ivanovo/](http://federacia.ru/encyclopaedia/city/ivanovo/)
- ² Ивановская областная нотариальная палата.
2006-2008 гг.... С. 2.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

I. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Ивановской области

1. Ф. 83. Оп. 2. Д. 5.
2. Ф. 83. Оп. 2. Д. 6.
3. Ф. 83. Оп. 2. Д. 8.
4. Ф. 83. Оп. 2. Д. 329.
5. Ф. 83. Оп. 2. Д. 331.
6. Ф. 83. Оп. 2. Д. 332.
7. Ф. 83. Оп. 2. Д. 344.
8. Ф. 83. Оп. 4. Д. 174.
9. Ф. 83. Оп. 4. Д. 179.
10. Ф. 83. Оп. 4. Д. 180.
11. Ф. 83. Оп. 4. Д. 196.
12. Ф. 83. Оп. 4. Д. 197.
13. Ф. 83. Оп. 4. Д. 207.
14. Ф. 105. Оп. 1. Д. 453.
15. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1.
16. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21.
17. Ф. 328. Оп. 1. Д. 9.
18. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1.
19. Ф. 328. Оп. 2. Д. 2.
20. Ф. 328. Оп. 2. Д. 3.
21. Ф. 328. Оп. 2. Д. 5.
22. Ф. 328. Оп. 2. Д. 12.
23. Ф. 329. Оп. 1. Д. 1.
24. Ф. 329. Оп. 1. Д. 2.
25. Ф. 329. Оп. 1. Д. 3.
26. Ф. 329. Оп. 1. Д. 4.
27. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1А.
28. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2А.
29. Ф. 330. Оп. 1. Д. 12.
30. Ф. 331. Оп. 1. Д. 1А.
31. Ф. 334. Оп. 1. Д. 3А.
32. Ф. 938. Оп. 1. Д. 1.

33. Ф. 938. Оп. 1. Д. 3.
34. Ф. 938. Оп. 1. Д. 7.
35. Ф. 938. Оп. 1. Д. 12.
36. Ф. 938. Оп. 1. Д. 14.
37. Ф. 938. Оп. 1. Д. 15.
38. Ф. 938. Оп. 1. Д. 18.
39. Ф. 938. Оп. 1. Д. 22.
40. Ф. 938. Оп. 1. Д. 26.
41. Ф. 938. Оп. 1. Д. 28.
42. Ф. 938. Оп. 1. Д. 35.
43. Ф. 938. Оп. 1. Д. 61.
44. Ф. 938. Оп. 4. Д. 15.
45. Ф. 938. Оп. 4. Д. 20.
46. Ф. 938. Оп. 4. Д. 97.
47. Ф. 938. Оп. 6. Д. 5.
48. Ф. 938. Оп. 6. Д. 30.
49. Ф. 948. Оп. 1. Д. 1.
50. Ф. 948. Оп. 1. Д. 2.
51. Ф. 948. Оп. 1. Д. 17.
52. Ф. 948. Оп. 1. Д. 30.
53. Ф. 948. Оп. 4. Д. 9.
54. Ф. 948. Оп. 4. Д. 28.
55. Ф. 948. Оп. 4. Д. 48.

Государственный архив Ярославской области

1. Ф. 501. Оп. 1. Д. 344.
2. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 1925.
3. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143.
4. Ф. Р-2176. Оп. 4. Д. 1.
5. Ф. Р-2176. Оп. 4. Д. 2.
6. Ф. Р-2176. Оп. 4. Д. 3.
7. Ф. Р-2176. Оп. 4. Д. 4.
8. Ф. Р-2176. Оп. 4. Д. 5.
9. Ф. Р-2176. Оп. 4. Д. 6.
10. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 100.
11. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 205.
12. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 214.

13. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 215.
14. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 85.
15. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 14.
16. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 46.
17. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 83.
18. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 93.
19. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 130.

Ведомственный архив Ивановской областной нотариальной палаты

1. Дело «Договоры [на отчуждение] права застройки. 1 ноября 1941 г. – 31 декабря 1941 г.».
2. Дело «Договоры отчуждения домовладения. 2 июня 1941 г. – 28 июня 1941 г.».
3. Дело «Договоры отчуждения за февраль месяц 1941 года».
4. Протокол № 2 совместного собрания администрации Управления юстиции и нотариусов, занимающихся частной практикой. Город Иваново. 21.09.[19]93 г.

Материалы частных коллекций документов

1. Архивная справка Областного архивного управления г. Москвы, 10 июля 1936 г., акт № Б-105. Копия 1941 года октября 18-го дня Государственного нотариуса Шуйской государственной нотариальной конторы И.Н. Смирнова, по реестру № 6272. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
2. Вводный лист во владение землёй, 1878 года декабря 12-го дня Мирового судьи 2-го участка Меленковского округа Владимирской губернии Г.А. Антоньева. Копия. Печать Владимирского нотариального архива, удостоверительная надпись и.д. Старшего нотариуса Владимирского нотариального архива от 2 марта 1879 года. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).

3. Вексель на 60 рублей золотом. Г. Кострома, 1 марта 1926 года. 1926 года апреля 5-го дня в Костромской государственной нотариальной конторе протестован в неплатеже. По реестру № 173. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
4. Вексель на 500 рублей серебром. Г. Каменец-Подольск, 1873 года февраля 28-го дня. У маклерских дел явлен и в книгу под № 443 записан. Маклера и нотариуса Одольского печать. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
5. Вексель на 500 рублей. Г. Проскуров, 1884 года октября 10-го дня. Подпись под векселем удостоверена Проскуровским нотариусом К.И. Колоколовым 1892 года июня 25-го дня, по реестру № 1484. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
6. Вексель на 500 рублей. Г. Каменец-Подольск, 1918 года февраля 20-го дня. Протестован Каменец-Подольским нотариусом Павловским в неплатеже 28мая/10 июня 1918 года, по реестру за № 1552, а по актовой книге за № 12. Коллекция О.И. Пугачёва (г. Москва, Россия)
7. Вексель на 500 рублей. Г. Каменец-Подольск, 1918 года февраля 20-го дня. Протестован Каменец-Подольским нотариусом Павловским в неплатеже 28мая/10 июня 1918 года, по реестру за № 1558, а по актовой книге за № 18. Коллекция О.И. Пугачёва (г. Москва, Россия)
8. Вексель на 500 рублей. Г. Каменец-Подольск, 1918 года февраля 20-го дня. Протестован Каменец-Подольским нотариусом Павловским в неплатеже 28мая/10 июня 1918 года, по реестру за № 1559, а по актовой книге за № 19. Коллекция О.И. Пугачёва (г. Москва, Россия).
9. Вексель на 500 рублей. Г. Каменец-Подольск, 1918 года февраля 20-го дня. Протестован Каменец-Подольским нотариусом Павловским в неплатеже 10 июня 1918 года, по реестру за № 1560, а по актовой книге за № 20. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).

10. Вексель на 1000 рублей. Г. Каменец-Подольск, 1907 года октября 31-го дня. Протестован в конторе Каменец-Подольского нотариуса Мандельштама против векселедателя в неплатеже по векселю 1908 года мая 1-го дня. По реестру № 2010. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
11. Выписка из метрик прихода Костромской епархии Нерехтского уезда Успенской церкви села Сотниц. 1909 года апреля 29-го дня, № 29. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
12. Выпись из крепостной Владимирского нотариального архива книги по городу Шуе за 1915 год. Лист 63-64, номер тридцать второй. Копия. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
13. Выпись из крепостной Владимирского нотариального архива книги по Меленковскому уезду за 1894 год. Стр. 1-2, № первый. Удостоверительная надпись и.д. Старшего нотариуса Владимирского нотариального архива от 12 января 1894 года, печать Владимирского нотариального архива. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
14. Договор аренды между крестьянином Шуйского уезда Я.А. Кабашовым и шуйским мещанином А.Г. Зачёсовым, 1914 года марта 17-го дня. Выпись Шуйского нотариуса А.С. Усова, по реестру № 678. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
15. Договор аренды между священником Николаевской села Мельничного Шуйского уезда церкви Н.А. Введенским и крестьянином деревни Себерны Шуйского уезда М.И. Судновым, 1910 года февраля 5-го дня. Выпись Шуйского нотариуса А.С. Усова, по реестру № 190. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
16. Договор отчуждения права застройки. Г. Шуя Ивановской области. 1943 года апреля 2-го дня. Экземпляр второй. Удостоверен Государственным нотариусом Зайцевым В.П., по реестру № 1860. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).

17. «Домашнее» духовное завещание города Буя мещанина В.Д. Москвина, 1871 года июля 11-го дня. Утверждено к исполнению в публичном судебном заседании Костромского окружного суда по гражданскому отделению 1890 года октября 30-го дня. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
18. Извещение Военного комисариата Смольнинского района г. Ленинграда, отделение БП, от 4 июля 1951 года № 4/119. Копия 1951 года июля 25-го дня Государственного нотариуса 3-й государственной нотариальной конторы г. Ленинграда М.З. Алексеевой, по реестру № 23065. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
19. Квитанция Государственной нотариальной конторы г. Шуи Ивановской области № 1161 от 13.IX.1938 года на 1 рубль единой госпошлины. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
20. Письмо Управления мунфондом Шуйского горкомхоза № Д-17 от 15 апреля 1935 года гражданке Романовой. Копия 1938 года сентября 13 дня Государственного нотариуса Шуйской государственной нотариальной конторы И.И. Щербакова, по реестру № 2207. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
21. Реестр, от каких мест и в чём состоят требования. Из Московского в Лифляндское губернское правление. № 34166. Июля 13 дня 1803 года. Коллекция И.Р. Кирпикова (г. Глазов, Россия).
22. Свидетельство о браке № 68. Костромской горзагс. 3 августа 1926 года. В Костромской госнотконторе засвидетельствована копия 4.6.[19]30 г. № 4598. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).
23. Свидетельство о рождении № 509. Костромской городской 2-й районный ЗАГС. 28 апреля 1927 года. В Костромской госнотконторе засвидетельствована копия 4.6.[19]30 г. № 4599. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).

24. Трудовой список Любимовой А.П., составленный Судиславским районо, № 57. Копия 1958 года ноября 5 дня Государственного нотариуса Судиславской нотариальной конторы Ерёменко, по реестру № 869. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).

25. Удостоверение Иваново-Вознесенской 2-й советской трудовой школы о проработке А.Н. Глинковым курса учебных предметов. 14 июня 1926 года. С документа засвидетельствованы Иваново-Вознесенскою государственною нотариальною конторою 2 копии 1927 года июня 7-го, по реестру №№ 4927, 4928. Коллекция А.Е. Коняева (г. Ярославль, Россия).

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Благословенная грамота от 1645 года преосвященного Варлаама, митрополита Ярославского и Ростовского, на разборку в ярославском Димитриевом приходе старой деревянной церкви в честь похвалы Пресвятая Богородицы и великомученика Георгия и на постройку а то же наименование новой // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 26 апреля. № 17.
  2. Вкладная запись от 1693 года в ярославскую Дмитриево-Солунскую церковь купца Козьмы Гурьева на лавку в Суровском ряду // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 24 мая. № 21.
  3. Выступление [Президента Российской Федерации] на научно-практической конференции, посвящённой 15-летию принятия Конституции Российской Федерации. <http://президент.рф/%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%B8%D0%B0%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D1%8F/2445>
  4. Декрет о направлении неоконченных дел упразднённых судебных установлений, принятый в за-

седании Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 29 декабря 1917 года // Известия ВЦИК. 1918. 12 января.

5. Декрет о суде // Известия ВЦИК. 1917. 24 ноября.

6. Декрет об отмене права наследования // Известия ВЦИК. 1918. 1 мая.

7. Директивное письмо Народного комиссариата юстиции СССР от 23 июня 1942 года № АД-11 «Об усилении руководства нотариальными конторами» // Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем. Изд. 3-е. М., 1947.

8. Директивное письмо Народного комиссариата юстиции СССР от 28 августа 1943 года № Д-42 «О порядке засвидетельствования нотариальными конторами копий с документов, представляемых военнослужащими или касающихся семей военнослужащих» // Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем. Изд. 3-е. М., 1947.

9. Докладная записка Ивановского обкома ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву «Об антисоветских выступлениях рабочих текстильных предприятий г. Иванова и области 19-20 октября 1941 года» // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях / Под ред. В.П. Столбова. Иваново, 2011.

10. Должностные оклады работников государственных нотариальных контор. Приложение № 6 к Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 года № 634 // Собрание действующего законодательства СССР. Раздел III. Законодательство о труде, социальном страховании и социальном обеспечении. Кн. 4. Ч. 2. М., 1976.

11. Духовное завещание Афанасия, епископа Ростовского и Ярославского, от 1783 года // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 12 июля. № 28.

12. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738-1795. В 4 тт. СПб., 1873.
13. Заёмная запись от 1659 года ярославского сапожника Фомы Степанова вдове Анне Селивёрстовой на дом его и двор // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 17 мая. № 20.
14. Закон РСФСР «О государственном нотариате». 2 августа 1974 года // Ведомости ВС РСФСР. 1974. № 32. Ст. 852.
15. Закон СССР «О государственном нотариате». 19 июля 1973 года // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 393.
16. Законы гражданские и межевые // Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Издание 1842 года. СПб., 1842.
17. Именной, данный Сенату, [манифест] «О гербовом и крепостном сборах». Ноября 24 дня [1821 года]. № 28.814 // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том XXVII. 1820-1821. СПб., 1830.
18. Купчая запись от 1653 года, данная безместным ярославским священником Иваном Давыдовым сапожнику Фоме Степанову на принадлежавшие ему, Ивану, дом и двор // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 10 мая. № 19.
19. Ленин В.И. Письмо Д.И. курскому от 22 февраля 1922 года // ПСС. Изд. 5-е. Т. 33. М., 1978.
20. Ленин В.И. Речь на 4-й сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 года // ПСС. Изд. 5-е. Т. 33. М., 1978.
21. О суде (Декрет № 2) // Известия ВЦИК. 1918. 21 февраля.
22. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=131961>
23. Ответ Председателя Совета народных комисса-

- ров. 5 ноября 1917 года // Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.
24. Отказная отпись от 1690 года Марфы Парфеньевой в Дмитриево-Солунскую церковь на образ Воскресения Христова // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 24 мая. № 21.
25. Письмо Льва Плещеева гетману Сапеге о высылке пана Шумницкого из пожалованной ему Са-мозванцем отчины в Сузdalском уезде // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
26. Положение о государственном нотариате издания 1923 года // СУ РСФСР. 1923. № 75. Ст. 726.
27. Положение о государственном нотариате РСФСР // СУ РСФСР. 1926. № 74. Ст. 576.
28. Положение о государственном нотариате РСФСР, утверждённое 20 июля 1930 года // СУ РСФСР. 1930. № 38. Ст. 476.
29. Положение о государственном нотариате РСФСР 30 сентября 1965 года // Ведомости ВС РСФСР. 1965. № 40. Ст. 991.
30. Положение о нотариальной части. 14 апреля 1866 года // Судебные уставы императора Александра Второго, изданные по повелению императора Александра Александровича. СПб., 1883.
31. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1936 года «О реорганизации нотариальных органов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. 1936. № 15. Ст. 100.
32. Постановление Коллегии Министерства юстиции Союза ССР от 22 мая 1946 года «О выполнении постановления Коллегии НКЮ СССР от 18 декабря 1944 года “О работе Отдела нотариата НКЮ СССР”» // Нотариат. Сборник официальных материалов / Сост. Н.С. Буднев. М., 1950.
33. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 15 сентября 1942 года № 1536 «О порядке удостоверения доверенностей и завещаний воен-

- нослужащих в военное время» // Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем. Изд. 3-е. М., 1947.
34. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 4 июня 1943 года № 639 «О заработной плате нотариальных работников» // Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем. Изд. 3-е. М., 1947.
35. Поступная запись от 1691 года вдовы Екатерины Федотовой на дом её на земле ярославской Дмитриево-Солунской церкви // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 17 мая. № 20.
36. Почерневная память от 1672 года, выданная уполномоченным Ростовского митрополита иеромонахом священнику ярославской Дмитриево-Солунской церкви Иоанникою на молитвование и крещение подкинутого младенца // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 21 июня. № 25.
37. Приказ Министерства юстиции СССР от 19 октября 1976 года № 22 «О дальнейшем совершенствовании работы государственного нотариата» <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16138>
38. Приказ Народного комисариата юстиции СССР от 5 февраля 1941 года № 27 «О работе нотариальных контор РСФСР и руководстве ими» // Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем. Изд. 3-е. М., 1947.
39. Приказ Народного комисариата юстиции СССР от 7 июня 1941 года № 27 «Об итогах всесоюзного совещания работников нотариата» // Нотариат. Сборник постановлений, приказов, инструкций и директивных писем. Изд. 3-е. М., 1947.
40. Приказ Народного комисариата юстиции СССР от 4 апреля 1944 года № 9 «О порядке прохождения нотариусами производственной практики при нотариальных конторах» // Нотариат. Сборник офи-

- циальных материалов / Сост. Н.С. Буднев. М., 1950.
41. Приказ Народного комиссариата юстиции СССР от 1 декабря 1945 года № 43 «О предоставлении льгот учащимся заочных высших и средних юридических учебных заведений» // Нотариат. Сборник официальных материалов / Сост. Н.С. Буднев. М., 1950.
42. Приложение № 6 к Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 года № 634 «Должностные оклады работников государственных нотариальных контор»
43. Променная от 1580 года на деревню Гремячее запись княгини Ульяны Алабышевой // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 10 мая. № 19.
44. Раздельная запись от 1700 года Малмефы Титовой со своим пасынком Фёдором Вахрамеевым // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 7 июня. № 23.
45. Рядная запись от 1643 года на написание в ярославской Димитриево-Солунской церкви иконы Спасителя и иконостаса // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1894. 3 мая. № 18.
46. Сиганов Н.М. Записки и воспоминания о нашей родословной, отдельных фактах жизни и пережитом. Иваново, 2003.
47. Сузdalского воеводы Фёдора Плещеева о поражении воров, приходивших под Сузdalь, о взятии города Плёса на Волге и что опасно оставить Сузdalь и идти в Кострому, 1609 года февраля 17-го // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
48. Указ [Императора Александра II] Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 года // Судебные уставы императора Александра Второго, изданные по повелению императора Александра Александровича. СПб., 1883.
49. Устав вексельный от 16 мая 1729 года // Российское законодательство X-XX вв. В 9 тт. Т. 5. Зако-

нодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. проф. Е.И. Индова. М., 1987.

50. Устав о пошлинах // Свод уставов казённого управления. Часть I. Уставы о податях, пошлинах, сборе и акцизе питьевом и акцизе с табаку. СПб., 1842.

51. Устав о службе по выборам // Свод учреждений государственных и губернских. Часть III. Уставы о службе гражданской // Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1842.

52. Устав Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации http://old.notariat.ru/press_3842_23.aspx.htm

III. СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Биржа // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 6. СПб., 1891.
2. Благочиние // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 7. СПб., 1891.
3. Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862.
4. Буй // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 8. СПб., 1891.
5. Вексель <http://www.rusconsult.ru/glossary/?word=%C2%E5%EA%F1%E5%EB%FC>
6. Винокурение // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 11. СПб., 1892.
7. Владимир-на-Клязьме // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 12. СПб., 1892.
8. Владимирская губерния // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 12. СПб., 1892.
9. Владимирский календарь и памятная книжка на 1903 год. М., б.г.

10. Владимирский календарь и памятная книжка на 1904 год. Владимир, 1903.
11. Владимирский календарь и памятная книжка на 1905 год. Владимир, 1904.
12. Владимирский календарь и справочная книжка на 1902 год. Б.м., б.г.
13. Воевода // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 12. СПб., 1892.
14. Генеральный регламент // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 15. СПб., 1892.
15. Гербовый сбор // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 15. СПб., 1892.
16. Городовые магистраты // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 17. СПб., 1893.
17. Иваново // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 10. М., 1972.
18. Иваново-Вознесенск // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 24. СПб., 1894.
19. Ивановская область // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 10. М., 1972.
20. Ивановская область. Административно-территориальное деление. Иваново, 1982.
21. Ивановская промышленная область // Большая советская энциклопедия. Изд. 1-е. Т. 27. М., 1933.
22. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год. Владимир, 1912.
23. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1914 год. Владимир, 1913.
24. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1916 год. Владимир, 1916.
25. Каменец-Подольск // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 27. СПб., 1895.
26. Кинешма // Энциклопедический словарь / Изд.

- Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 29. СПб., 1895.
27. Коллегии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 30. СПб., 1895.
28. Лух // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 35. СПб., 1896.
29. Меленки // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 37. СПб., 1896.
30. Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 41. СПб., 1897.
31. Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 год. Владимир, 1895.
32. Памятная книжка Владимирской губернии на 1900 год. Владимир, 1900.
33. Подъячие площадные // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 47. СПб., 1898.
34. Протонотариат // <http://vslovare.ru/slovo/protonotariat>
35. Пучеж // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 50. СПб., 1898.
36. Россия. II. Население. Статистика населения // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 54. СПб., 1899.
37. Свод законов // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 57. СПб., 1900.
38. Советский закон и гражданин. Юридический справочник / Под ред. Б.М. Бабия и Н.И. Козюбры. В 2 ч. Киев, 1987.
39. Советы народного хозяйства // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 24. Кн. 1. М., 1976.
40. Спиртометрия // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 61. СПб., 1900.
41. Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год. Б.м., б.г.
42. Статистико-экономическое описание Российской Империи. Установления местного управле-

- ния. Б.м., 1901.
43. Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 62. СПб., 1901.
44. Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и Верхнему Поволжью. Ярославль, 1912.
45. Уложение Соборное царя Алексея Михайловича, 1649 года // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 68. СПб., 1902.
46. Уния // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 68. СПб., 1902.
47. Флорентийская уния // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 71. СПб., 1902.
48. Шуйско-Ивановский фабричный район // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 79. СПб., 1904.
49. Шуя // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 79. СПб., 1904.
50. Юрьевец // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 81. СПб., 1904.
51. Юстиц-коллегия // http://mirslovarei.com/content_yur/JUSTIC-KOLLEGIJA-6738.html.
52. Ярославль // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. П/том 82. СПб., 1904.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимов С.В. Цена рубля. Иваново, 2011.
2. Аннотация к Указу Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 года № 1381 «О дне российского предпринимательства» <http://base.garant.ru/6381522/>
3. Антонов И. На земле Ивановской. Прошлое и настоящее Ивановской области. Иваново, 2005.
4. Ахрамеева О.В., Звонок С.О. Гражданко-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права. http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2214_23.aspx
5. Балдин К.[Е.] Юность губернии. 90 лет назад на карте России возник новый регион – Ивановская область // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. Специальный выпуск «Иваново-Вознесенской губернии – 90 лет».
6. Балдин К.Е. Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. М., 1993.
7. Балдин К.Е., Кохова Л.А. От кустарного села к индустриальному «мегаполису». Иваново, 2004.
8. Белкин Р. Приметы почерка // Родина. 1998. № 9.
9. Богомолов Н. Из села Иванова // День. 1865. № 19.
10. Бочка Данайд // Родина. 1994. № 3-4.
11. Булгаков М.А. Похождения Чичикова: повести, рассказы, фельетоны, очерки 1919-1924 гг. М., 1990.
12. Буровский А.М. Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории. В 2 книгах. М., Красноярск, 2004.
13. В захолустье // Известия ВЦИК. 1922. 19 апреля.
14. Ванюков Д.А. Век трёх императоров. М., 2008.
15. Ванюков Д.А. Эпоха застоя. М., 2008.
16. Веллер М., Буровский А. Гражданская история

- безумной войны. М., 2007.
17. Власов А.Е. Ярославская милиция в годы войны // 4 года из 1000. Ярославцы в Великой Отечественной войне. Вып. 1. Ярославль, Рыбинск, 2010.
18. Возникновение и история нотариата <http://www.moslaws.ru/articles/detail/26/>
19. Выскочеков Л.В. Николай Первый. М., 2003.
20. Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или Бывшие село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губернии. Часть I. С XVII столетия до 19 февраля 1861 года. Шуя, 1884.
21. Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или Бывшие село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губернии. Часть II. С 19 февраля 1861 года по 1 января 1884 года. Шуя, 1885.
22. Глазунов С.Р. Роль фабричной инспекции в разрешении острых социально-трудовых конфликтов в России в конце XIX – начале XX в. // Рабочие, предприниматели, власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V международной научной конференции. В 2 ч. Кострома, 2010.
23. Горский А. «Здесь конец нашему рабству». Когда Москва освободилась от власти Орды? // Родина. 2003. № 12.
24. «Дабы доходы в целости сохранены были...». 225 лет финансовым органам Ярославской области (1777-2002) / Авт.-сост. Г.С. Румянцева и др. Ярославль, 2002.
25. Документооборот в прошлом. Делопроизводство при Петре I <http://www.government.nnov.ru/?id=33689>
26. Егоров А. «Пусть едет ко Пскову, мы ему суд дадим». Средневековая юстиция и иностранцы на Северо-западе Руси // Родина. 2003. № 12.
27. Зацепина С.А. Очерк истории советского нотариата. <http://mirnot.narod.ru/sovetsk-och.html>
28. Зенькович Н.А. Новости из Кремля. Смоленск,

- 1999.
29. Злотников М. Подъячие Ивановской площади // Нотариальный вестник. 1998. № 1.
  30. Иванов Ю.А. История становления и развития нотариата Царицына – Стalingрада – Волгограда. <http://www.volgogradnotary.ru/publ/7-1-0-21>
  31. Ивановская областная нотариальная палата. 18 апреля 2003 – 17 марта 2006. Б.м., 2006.
  32. Ивановская областная нотариальная палата. 2006-2008 гг. Б.м., 2008.
  33. Ивановская область. По «Золотому кольцу России» / Редкол.: Т.В. Ефимова и др., рецензент К.Е. Балдин. Иваново, 2007.
  34. Исторические хроники российского нотариата / Авт.-сост. Б.И. Лившиц, Н.И. Кашурин, Б.Н. Ковалёв, М.И. Сазонова, А.И. Тихенко. М., 2003.
  35. История нотариата <http://www.notariat.ru/section28834>
  36. История СССР. Эпоха социализма / Редкол. М.П. Ким, Л.С. Гапоненко и др. М., 1957.
  37. История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века / Отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль, 2000.
  38. Кабанов А.Ю. События 1608-1609 гг. на территории современной Ивановской области и их место в истории Смуты // Смутное время начала XVII в. Сборник материалов межрегиональной общественно-научной конференции (Ярославль, 27-28 мая 2009 года). Ярославль, 2009.
  39. Календарь памятных дат города Иваново на май [2008 года]. http://www.ivgoradm.ru/calendar/pamdata/2008/data_pam5.htm
  40. Карев Д.С. Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1954.
  41. Кириллин В. Латинский искусств. Западный мир в восприятии участника Ферраро-Флорентийского собора // Родина. 2003. № 12.
  42. Ключевский В.О. Курс лекций по русской исто-

- рии // Сочинения в 9 томах. ТТ. 1-5. М., 1987-1989.
43. Кодинцев А.Я. История и природа советского нотариата в трудах советских и российских учёных // Нотариальный вестник. 2008. № 2.
44. Комаров Н.И. Нотариат в Российской Федерации. М., 2005.
45. Коняев А.[Е.] Воздавая должное Правде. Ярославский нотариат в годы Великой Отечественной войны // 4 года из 1000. Ярославцы в Великой Отечественной войне. Вып. 2. Ярославль, Рыбинск, 2011.
46. Коняев А.[Е.] Не вырубишь топором. Нотариальные конторы в Ярославле не пострадали даже во время революции 1917 года – столь высок был авторитет письменного договора // Ярославский регион. 2010. 17 ноября. № 45.
47. Коняев А.Е. Нотариус или священник? Передача текущего демографического учёта из рук РПЦ советскому нотариату в 1917-1919 гг.: по материалам Ярославской губернии // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы X международной научной конференции. Иваново, 16-17 февраля 2011 года. Иваново, 2011.
48. Коняев А.[Е.] Правила выживания. У ярославского нотариата богатый опыт работы в экстремальных условиях // Ярославский регион. 2011. 9 февраля. № 5 (069).
49. Коняев А.[Е.] Примите мои заверения. Морально устойчив, на госслужбе не состоит, деньги имеет – при выполнении этих условий любой житель Ярославской губернии мог занять почётную должность нотариуса // Ярославский регион. 2011. 20 апреля. № 15.
50. Коняев А.Е. Тюремные учреждения Российской Федерации в 1879-1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности. По материалам Ярославской и Владимирской губерний. Ярославль, 2011.

51. Кочнев М.Х. Миткалёвая метель. Сказы. Ярославль, 1985.
52. Краткий словарь иностранных слов/Под ред. И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. Изд. 7-е. М., 1952.
53. Кузьмин М. Щедрый подарок. Мы – потомки новгородцев? // Рабочий край (Иваново). http://www.rk37.ru/index.php?go=one_news&id=2892
54. Лекции по русскому уголовному праву, читанные профессором Н.С. Таганцевым. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887.
55. Лендер Н. Волга. Очерки и картины. СПб., 1889.
56. Лукашевич Р. Падчерица юстиции // Советская юстиция. 1989. № 19.
57. Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. В 2 тт. Л., 1952.
58. Медведев М.Ю., Назаров Д.В. История русской бухгалтерии. М., 2007.
59. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во 2-й половине XVIII – 1-й половине XIX в. Л., 1981.
60. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 тт. СПб., 1999.
61. Москва, 8 мая // День. 1865. № 19.
62. Нотариат Удмуртии: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2004.
63. Околотин В.С. Власть и налоги. Иваново, 2002.
64. Осторожно, история! <http://www.echo.msk.ru/programs/att-history/693922-echo/>
65. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906.
66. Панкратова О.Б. «Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо бы народу жилось!» // Рабочие, предприниматели, власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V международной научной конференции. В 2 ч. Кострома, 2010.

67. Перлов И.Д. До конца завершить реформу судебного управления в СССР // СГИП. 1957. № 1.
68. Пикуль В.С. Тайный советник. Исторические миниатюры. М., 2009.
69. По новому закону о нотариате лишатся работы последние 40 госнотариусов <http://www.dist-cons.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=43183>
70. Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты. http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/istoriya-petra/petr_32.htm.
71. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1986.
72. Романов С.А. Готовьте Ваши денежки. Взяточничество в России. М., 2002.
73. Семёнова Т. Два гиганта. Михаил Фрунзе и Дмитрий Бурылин // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. Специальный выпуск «Иваново-Вознесенской губернии – 90 лет».
74. Сидоренко Д.В. Эволюция нотариального акта в России. <http://mirnot.narod.ru/istnotactrus.html>
75. Скрипилев Е.А. История российского нотариата // Вестник нотариальной палаты Ставропольского края. 1998. № 4.
76. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. «Смута». М., 1988.
77. Смыкалин А.С. Нотариат СССР в годы Великой Отечественной войны. http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2759_23.aspx
78. Смыкалин А.С. Нотариат Челябинской области. XVIII-XXI века. М., 2007.
79. Соловьёв В.Л., Болдырева Н.Д. Ивановские ситцы. М., 1987.
80. Темницкий А.Л. Социокультурные проявления и прорывы традиции патернализма в трудовой среде рабочих России // Рабочие, предприниматели, власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V международной научной конференции. В 2 ч. Кострома, 2010.

81. Теребов В.Н. Вексельная и актовая бумага РСФСР и СССР (1922-1930). Саранск, 2009.
82. Тимофеев А.Г. История Санкт-Петербургской биржи. СПб., 1903.
83. Трофимова И.А. Нотариат в Российской Федерации http://www.e-college.ru/xbooks/xbook129/book/index/index.html?go=part-003*page.htm
84. Хмельницкий Д.С. Нацистская пропаганда против СССР. 1939-1945. Материалы и комментарии. М., 2010.
85. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998.
86. Чернуха В.Г. Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX вв.) / Редкол. Н.Е. Носов и др. Л., 1967.
87. Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России. М., 2007.
88. Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. М., 2003.
89. Шаламов В.Т. Колымские рассказы. М., 2007.
90. Шубин А.В. Золотая осень или период застоя. М., 2008.
91. Щапов Г.Н., Самсонов В. Щаповы: из крестьян в текстильные фабриканты. <http://baza.vgd.ru/11/64206/?pg=all>
92. Экземплярский П.М. История города Иванова. В 2 ч. Иваново, 1958.
93. Экономцев Иоанн, игумен. Православие. Византия. Россия. Сборник статей. М., 1992.
94. Янин В.[Л.] Расцвет и падение Русской Венеции. Великий Новгород в XIII-XV веках // Родина. 2003. № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Примечания.....	8

Глава I. В ВИЗАНТИЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ (1328 - 1689)

§ 1. «Преданья старины глубокой».....	9
§ 2. Под «рукой Москвы».....	12
§ 3. Ивановский край: история в нотариальных актах.....	18
§ 4. Смутное время: положительные моменты.....	23
§ 5. Ивановский край: в начале промышленного роста.....	30
Примечания.....	32

Глава II. НАКАНУНЕ РАСЦВЕТА (1689-1812)

§ 1. В преддверии великих преобразований.....	36
§ 2. Протонотариальные реформы XVIII века.....	42
§ 3. Вопреки тенденциям.....	58
§ 4. В начале большого пути.....	65
Примечания.....	86

Глава III. НА ПУТИ К «РУССКОМУ МАНЧЕСТЕРУ» (1812-1866)

§ 1. «Золотое десятилетие»: нотариальные особенности.....	93
§ 2. «Точность – вежливость королей».....	104
§ 3. «Меньше да лучше».....	140
Примечания.....	147

Глава IV. «ВРЕМЯ САМОГО ЦВЕТУЩЕГО СОСТОЯНИЯ» (1866-1917)

§ 1. Вопреки бюрократии и нищете.....	151
§ 2. По единому кодексу.....	158
§ 3. Под знаком pragmatизма.....	184

§ 4. «Золотое двадцатилетие» ивановского нотариата.....	204
§ 5. Имена.....	211
§ 6. Количество и качество.....	222
Примечания.....	242

Глава V.

СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НАД НОТАРИАТОМ (1917-1991)

§ 1. По старинке.....	249
§ 2. Нотариальная революция начинается.....	255
§ 3. В голодные годы.....	285
§ 4. «Сороковые роковые».....	302
§ 5. Нотариат при «развитом социализме».....	326
Примечания.....	337

Глава VI. БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ (1991-2012)

§ 1. Между прошлым и будущим.....	347
§ 2. Летопись ивановского нотариата 1993-2012 гг.....	357
Примечания.....	365

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

НОТАРИАТ КАК МЕРИЛО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	366
Примечания.....	370

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

ИССЛЕДОВАНИЯ.....	371

БИБЛИОГРАФИЯ.....

386

Золотые страницы российского нотариата

А.Е. Коняев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ НОТАРИАТА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Руководитель редакционно-издательского центра К.А. Катанян

Редактор Н.А. Леднева

Литературный редактор Л.В. Ревенко

Корректор Л.А. Лебедева

Компьютерная верстка Д.А. Зотов

Подписано в печать 17.10.2013 г. Формат 70x100/16

Гарнитура Times. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 13,5 Тираж 200.

Заказ № 011113

Фонд развития правовой культуры

101000г. Москва, Бобров переулок, д. 6, стр. 3;

тел./факс: (495) 623-62-81, 621-40-90;

электронная почта: notarius79@bk.ru

Отпечатано в ООО ГК «Бизнес-Групп»

603157, Россия, г. Нижний Новгород,

ул. Березовская д.101

Тел./факс: 8(831)4299-04-54

e-mail: kommerc@inbox.ru

www.business-group52.ru